PG 3330
.F9 D6

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

Furman, Petr Romanovich

ДОБРО И ЗЛО.

Романъ П. Фурманна.

Части I, II и III.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи К. Жернакова.
1849.

PG 3330
.F9D6

Печатать позволяется:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 1 декабря 1848 года.

Цензоры: *А. Фрейгангъ.*
И. Срезневскій.
А. Мехелинъ.
Н. Елагинъ.
В. Лангеръ.

23 уч. 53 ст

ДОБРО И ЗЛО.

Романъ Н. Фурманна.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

...Пишите романы всякіе—историческіе, сатирическіе, нравоописательные, а главное, разумѣется, хорошіе. Бросьте свои *личные*, *задушевные* порывы къ высокому, муки, восторги, *свои* поэтическія утопіи и философскія грезы обезконечно-великихъ и безконечно-отдаленныхъ предметахъ; изучайте жизнь, изучайте вещи въ ихъ естественномъ, свѣтломъ и мутномъ теченіи, наблюдайте извилистые пути страстей, располагающихъ событіями, олицетворяйте все это въ образахъ простыхъ и непреувеличенныхъ, въ которыхъ бы можно было, какъ въ зеркалѣ, видѣть и обнять сердцемъ существенные вопросы человѣческаго быта и назначенія, — однимъ словомъ, повторяемъ, пишите романы.

А. Никитенко.

(Библ. для Чтенія, іюнь—1846).

ГЛАВА I.

Двѣ маски.

Петербургъ встрѣчалъ Новый-годъ.

На дворѣ была страшная мятелица. Крупныя хлопья снѣгу косвенно и съ быстротою стрѣлы пересѣкали воздухъ, гонимыя ровнымъ, постояннымъ вѣтромъ. Снѣгъ лѣпился къ стѣнамъ, окнамъ, вывѣскамъ, забивался въ щели, и покрывалъ густымъ, бѣлымъ слоемъ мостовыя и трот-

туары, какъ бы подготовляя путь для саней, которыя на слѣдующій день должны были бороздить мостовую, развозя визитныя карточки, которыя въ отношеніи къ взаимному расположенію между людьми то же, что̀ ассигнаціи въ отношеніи къ звонкой монетѣ.

Это то же, да не то.

Тускло пробивался свѣтъ сквозь стекла фонарей, залѣпленныя снѣгомъ; на перекресткахъ, встрѣчавшіяся струи вѣтра крутили въ воздухѣ бѣлую пыль, и отталкивая ее съ равною силою, образовывали на точкѣ встрѣчи ихъ гладкія, остроконечныя кучи. Темныя полосы, обозначенныя ѣздой, изчезли подъ ровной, волнистой пеленой, и если по ней изрѣдка и проѣзжали сани, то вѣтеръ немедленно заметалъ и сглаживалъ слѣдъ ихъ.

Казалось, Петербургъ перемѣнялъ одежду къ Новому-году.

Улицы были пусты. Жизнь столицы сосредоточилась въ домахъ, внутренность которыхъ была болѣе или менѣе ярко освѣщена. По цвѣту сквозившихъ занавѣсовъ, по разноцвѣтному отраженію ярко освѣщенныхъ обой на опущенныя шторы, легко можно было угадать расположеніе покоевъ, и природа, въ отвращеніе послѣдствій, могущихъ произойдти отъ неосторожности веселившихся хозяевъ, наслала такую погоду, которая отбивала не только у любопытныхъ, но и у влюбленныхъ, охоту изучать это расположеніе покоевъ.

Впрочемъ, такъ какъ Петербургъ не слишкомъ изобилуетъ несчастными любовниками, то влюбленные были почти всѣ при своихъ *предметахъ*.

Кое-гдѣ у воротъ и подъѣздовъ стояли *семейные* возки и *холостыя* сани. Кучера спали, забившись въ кареты или подъ полости. Лошади, по временамъ, вздрагивали, стряхая снѣгъ, таявшій на нихъ.

Извозчиковъ, разумѣется, не было. Они разбрелись кто-куда, желая, вѣроятно, мстить пѣшеходамъ за то, что послѣдніе пренебрегали ими въ хорошую погоду. Только изрѣдка, болѣе человѣколюбивый *ванько* плелся по пустынымъ улицамъ, давъ волю клячѣ, которая, то заворачивала на тротуаръ, то останавливалась, уткнувъ морду въ запертыя ворота.

Одинъ изъ такихъ филантроповъ плелся по Гороховой, опустивъ возжи, скорчившись на ко̀злахъ, и спрятавъ носъ, замораживаемый регулярно каждую зиму, за поднятый

воротникъ, и отогрѣвая его собственнымъ дыханіемъ, которое, не достигая однакожъ своей цѣли, образовывало только на бородѣ ледяныя сосульки.

— Извозчикъ! крикнулъ кто-то съ праваго троттуара.

Извозчикъ вздрогнулъ; лошадь навострила уши, и зная свое дѣло, остановилась.

— Извозчикъ! раздалось, секунду спустя, съ лѣвой стороны.

Ванько вынырнулъ изъ поднятаго воротника, выпрямился и осмотрѣлся,

По правой сторонѣ шелъ, сгорбившись, мужчина высокаго роста, въ шубѣ безъ воротника и въ бобровой фуражкѣ.

По лѣвой сторонѣ бѣжалъ мужчина средняго роста, въ бархатной шапкѣ съ мѣховымъ околышемъ. Вѣтеръ хлесталъ длиннымъ воротникомъ шубы его, точно сорвавшимся парусомъ.

— Извозчикъ!

— Извозчикъ!

Крикнули еще разъ пѣшеходы, остановившись на троттуарѣ, каждый со своей стороны.

— Куда прикажите? спросилъ ванько, не зная еще къ которой сторонѣ подъѣхать.

— Къ Симеону! раздалось съ правой стороны.

— На Литейную съ лѣвой.

— Два двугривенныхъ! отвѣчалъ ванько.

— Четвертакъ! возразилъ пѣшеходъ съ праваго троттуара.

— Подавай! крикнулъ другой.

Извозчикъ подобралъ возжи, застучалъ кнутомъ о передокъ, и сталъ воротить къ лѣвой сторонѣ.

Это обстоятельство огорчило пѣшехода въ бобровой фуражкѣ. Онъ осмотрѣлся съ отчаяніемъ... Ни одного возницы! Только колоды, засыпанныя снѣгомъ, напоминали о томъ, что тутъ *могли быть* извозчики. Теперь только пѣшеходъ въ бобровой фуражкѣ понялъ, что сдѣлалъ глупость торгуясь, потому-что дурная погода какъ бы создана для извозчиковъ, и они вполнѣ пользуются ею.

— Два двугривенныхъ съ пятачкомъ! крикнулъ онъ, и не обращая вниманія на глубокій снѣгъ, побѣжалъ къ санямъ.

Замѣтивъ это, другой пѣшеходъ тоже сошелъ съ трот-

туара, и не желая уступить своему противнику, крикнулъ колебавшемуся извозчику:

— Полтинникъ! и откинувъ волочившійся конецъ истертой полости, вскочилъ въ сани.

— Животное! проворчалъ сквозь зубы пѣшеходъ въ бобровой фуражкѣ, остановившись посреди улицы, въ глубокомъ снѣгу.

Понуканье извозчика и постукиванье тронувшихся саней заглушили рѣзкое выраженіе.

Пѣшеходъ, оставшійся *онымъ*, еще разъ осмотрѣлся, вздохнулъ изъ глубины души, вернулся на троттуаръ, и сгорбившись, какъ бы таща за собою салазки, головою пошелъ противъ вѣтра.

Тамъ, гдѣ Садовая пересѣкаетъ Гороховую, сильный порывъ чуть не сбилъ съ ногъ пѣшехода, который долженъ былъ обернуться спиною къ вѣтру и такимъ образомъ продолжать путь. Едва прошелъ онъ нѣсколько шаговъ, какъ услышалъ за собою:

— Баринъ, баринъ!

При тускломъ свѣтѣ фонаря пѣшеходъ увидѣлъ сани, остановившіяся возлѣ самаго троттуара; въ саняхъ сидѣлъ человѣкъ, съ аукціона нанявшій извозчика.

— Послушайте сказалъ этотъ человѣкъ, раздвинувъ нѣсколько поднятый мѣховой воротникъ: садитесь со мною, я довезу васъ до Симеона.

Это неожиданное предложеніе поразило пѣшехода.

— Торопитесь! продолжалъ сидѣвшій въ саняхъ: я долго ждать не намѣренъ; а вы до самаго Невскаго не найдете теперь извозчика.

Послѣднія слова расшевелили пѣшехода. Однимъ скачкомъ очутился онъ возлѣ саней.

— Чувствительно благодаренъ, ворчалъ онъ голосомъ, заглушаемымъ воротникомъ: чувствительно благодаренъ за услугу...

— Это не услуга, возразилъ такимъ же глухимъ голосомъ мужчина въ бархатной шапкѣ: вы заплатите половину, и дѣло съ концомъ!

Въ-слѣдствіе этого распоряженія человѣкъ въ бобровой фуражкѣ пересталъ благодарить, и не будучи доволенъ узкимъ мѣстомъ, оставленнымъ ему, старался сдвинуть товарища, но порядочный толчокъ послѣдняго заставилъ его во-первыхъ крякнуть, а во-вторыхъ отказаться отъ расширенія своего сѣдалища.

Всѣ были довольны новымъ распоряженіемъ, всѣ—исключая бѣдной клячи. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ тяжести участились и удары, которыми хозяинъ старался придать ей бодрости. И бѣдная кляча неслась ровной рысью, между тѣмъ какъ хозяинъ ея, пользуясь прямой дорогой, дремалъ на козлахъ.

Переѣзжая черезъ Невскій, онъ чуть не подвернулся подъ лошадей, мчавшихъ красивый возокъ; кучеръ мимоѣздомъ хлеснулъ дремавшаго кнутомъ; обиженный ванько встрепенулся, проворчалъ что̀-то сквозь зубы, раза два стегнулъ свою клячу, мысленно назначая эти удары дерзкому кучеру, и опять задремалъ.

Сѣдоки хранили глубокое молчаніе. Первый мысленно слѣдилъ за мѣстами, мимо которыхъ проѣзжалъ, и по временамъ выглядывалъ изъ-за воротника, чтобы удостовѣриться, вѣрны ли соображенія его. Второй разсуждалъ о томъ, что если бъ они сошлись съ перваго разу, то имъ пришлось бы заплатить извозчику по двугривенному, а не по четвертаку.

— Баринъ, сказалъ извозчикъ, мы у Симеона; гдѣ прикажете ссадить васъ?

— Поѣзжай дальше, я скажу, гдѣ остановиться.

Ванько договорилъ мысль свою на спинѣ клячи.

Не доѣзжая одной улицы, нѣсколько возковъ и саней стояли у подъѣзда большаго дома, половина третьяго этажа котораго была освѣщена. Свѣтъ отъ двухъ фонарей; прикрѣпленныхъ подъ навѣсомъ подъѣзда, ложился черезъ всю улицу и падалъ на нижній этажъ противуположнаго дома.

— Направо, къ подъѣзду! крикнулъ мужчина въ бобровой фуражкѣ.

Другой сдѣлалъ невольное движеніе, какъ бы желая увидѣть лицо своего товариша, но тотчасъ же попятился назадъ, плотнѣе закутался въ шубу, и когда сани остановились у подъѣзда поспѣшно выскочилъ.

— Вотъ тебѣ три гривенника! проговорилъ онъ, сунулъ извозчику деньги въ руку, и скрылся въ длинномъ корридорѣ, въ концѣ котораго была лѣстница.

— Вотъ-те разъ! проговорилъ мужчина въ бобровой шапкѣ, вылѣзая изъ саней. Никакъ мы оба къ Ѳедору Ивановичу...

И отдавъ деньги извозчику, онъ тоже пошелъ къ корридору.

Захлопнувъ за собою стеклянныя двери подъѣзда, онъ остановился, досталъ изъ-подъ шубы маску, посмотрѣлъ не измялась ли она, и опустивъ воротникъ, надѣлъ ее.

Потомъ, любопытствуя узнать, кто былъ товарищъ его, не рискуя самъ быть узнаннымъ, онъ скорыми шагами побѣжалъ за нимъ. На площадкѣ втораго этажа онъ догналъ его, и, пользуясь свѣтомъ фонаря, привѣшеннаго къ стѣнѣ, заглянулъ въ лицо человѣку въ бархатной шапкѣ.

Послѣдній съ нѐменьшимъ любопытствомъ посмотрѣлъ на отставшаго, и—оба внезапно остановились.

Оба были въ маскахъ.

— Вы къ Ѳедору Иванычу? спросилъ первый.

— Да-съ... а вы? возразилъ второй нискливымъ голосомъ.

Эта предосторожность напомнила первому, что и ему не худо бы перемѣнить голосъ.

— Я тоже, хотѣлъ онъ пропищать; но голосъ не повиновался ему, а потому, прокашлявшись, онъ отвѣчалъ хриплымъ натянутымъ басомъ: Я тоже...

И не говоря болѣе ни слова, оба дошли до третьяго этажа и позвонили у двери.

Старый слуга отворилъ дверь, и посторонившись, впустилъ гостей.

Мужчина въ бархатной шапкѣ небрежно бросилъ шубу и шапку на столъ, и, откинувъ назадъ длинные бѣлокурые волосы, надѣлъ на голову шерстяной, остроконечный колпакъ.

Товарищъ его поставилъ на полъ картонку, передалъ сторожу шубу, самъ показалъ, гдѣ повѣсить ее; потомъ вернулся къ картонкѣ, осторожно вынулъ изъ нея шляпу со строусовымъ перомъ, и положивъ на мѣсто ея свою бобровую фуражку, прикрылъ свои рыжеватые, коротко подстриженные волосы шляпой.

Потомъ оба вошли въ сосѣднюю комнату; первый робко, нерѣшительно; второй гордо, смѣло.

ГЛАВА II.

Гишпанецъ и Полишинель.

Ѳедоръ Ивановичъ былъ честный человѣкъ, докторъ медицины, жилъ для пользы страждущаго человѣчества;

званіе медика доставляло ему средство снискивать себѣ пропитаніе.

Ѳедоръ Ивановичъ, сынъ пастора одной изъ церквей, разбросанныхъ по Лифляндіи и къ которымъ въ воскресные и праздничные дни стекаются мирные богомольцы слушать простую, но часто убѣдительную проповѣдь,—Ѳедоръ Ивановичъ, говорю, воспитывался въ рижкой гимназіи, кончилъ курсъ наукъ въ Дерптѣ, потомъ слушалъ лекціи въ кёнигсберскомъ и берлинскомъ университетахъ, Снабженный лестными дипломами, онъ вернулся въ отечество, практиковалъ нѣсколько времени въ Ригѣ, и послѣ смерти отца женился на дочери раззорившагося курляндскаго дворянина.

Жена Ѳедора Ивановича была женщина честолюбивая, наслѣдовавшая холодную спѣсь своихъ предковъ участвовавшихъ въ Крестовыхъ походахъ. Скромный кругъ дѣйствій мужа былъ ей тѣсенъ, и послѣ долгихъ разсужденій, оканчивавшихся иногда ссорой, иногда слезами, она убѣдила Ѳедора Ивановича переселиться въ Петербургъ, обѣщая ему покровительство нѣкоторыхъ дальнихъ родственниковъ, занимавшихъ въ столицѣ почетныя мѣста.

Но родственники эти были уже снабжены домашними докторами. Надобно было интриговать, кланяться; надобно было либо пустить пыль въ глаза, либо хорошенько надоѣсть родственникамъ, чтобы добиться вольнаго или невольнаго покровительства. Кроткій и прямодушный Ѳедоръ Ивановичъ не былъ способенъ ни на то, ни на другое.

Юрія Карловна, жена его, взялась-было ходатайствовать за мужа, но родственники приняли ее не какъ родную, а какъ просительницу, и гордая дворянка перестала ѣздить къ нимъ.

Семейство Ѳедора Ивановича умножилось дочерью, а Петербургъ продолжалъ поглощать финансовыя средства его: расходы были велики—доходы ничтожны. Наконецъ Ѳедоръ Ивановичъ нашелся вынужденнымъ продать небольшое имѣніе, оставленное ему отцемъ.

Крайности соприкасаются. Недостатокъ занятій и сердце внушили Ѳедору Ивановичу мысль, которою нѣкоторые врачи пользовались и пользуются вездѣ для достиженія своихъ видовъ. Онъ сдѣлался докторомъ бѣдняковъ, но безкорыстно, добросовѣстно, облегченіе бѣдныхъ было для него цѣлію, а не средствомъ. Онъ не публиковалъ о себѣ въ газетахъ, не напрашивался, чтобы ему указывали жалкія

убѣщища страждущаго человѣчества, короче, не прибѣгалъ ни къ одному изъ средствъ, въ сущности благодѣтельныхъ, но превращающихся иногда въ простыя уловки.

Пылкіе порывы угасли въ сердцѣ Ѳедора Ивановича съ тѣхъ поръ, какъ изъ существа мечтательнаго онъ сдѣлался человѣкомъ положительнымъ. За пламенными порывами человѣка неопытнаго, послѣдовало кроткое снисхожденіе человѣка, испытавшаго жизнь, точно такъ, какъ у другихъ они превращаются въ холодный эгоизмъ. Ѳедоръ Ивановичъ не гонялся за случаями оказывать добро, но никогда не отказывался отъ нихъ, когда они представлялись.

— Мы квиты, говорилъ онъ съ простодушнымъ убѣжденіемъ, когда знакомые превозносили его: я не беру съ бѣдняковъ денегъ — это правда; но благодаря имъ, я не сижу сложа руки, и имѣю средства изучать на практикѣ науку, которой я посвятилъ себя.

Кругъ дѣйствій Ѳедора Ивановича расширялся чрезвычайно медленно; благосостояніе его упрочилось только восемнадцать лѣтъ спустя по пріѣздѣ его въ столицу; но въ то же время упрочилась и довѣренность къ нему. Плоды постоянныхъ и добросовѣстныхъ трудовъ онъ простодушно называлъ *счастіемъ*, забывая, какою цѣною онъ купилъ это счастіе.

Не даромъ досталось Ѳедору Ивановичу и семейное счастіе: онъ подчинялся властолюбивой и гордой женщинѣ, которую судьба дала ему въ подруги. Впрочемъ, онъ подчинился добровольно, безъ борьбы, и тѣмъ охотнѣе, что Юлія Карловна, какъ Нѣмка, была отличная хозяйка, и много способствовала благосостоянію, которымъ онъ наслаждался. У Ѳедора Ивановича былъ рѣдкій недостатокъ: онъ не питалъ никакого уваженія къ деньгамъ. Часто, прописавъ дорогое лекарство, онъ получалъ въ отвѣтъ отъ своихъ больныхъ, что они не имѣютъ средствъ купить его лекарство. Ѳедоръ Ивановичъ не даромъ говорилъ, что изучалъ надъ бѣдняками свою науку; слѣдовательно писалъ рецепты не на обумъ, а съ полнымъ убѣжденіемъ въ дѣйствительности предписываемаго имъ средства. Онъ былъ врагъ суррогатовъ, и въ паціентѣ видѣлъ не бѣдняка, не богача, а прежде всего — человѣка. Очень натурально, что при такихъ понятіяхъ, Ѳедоръ Ивановичъ часто раскрывалъ собственный бумажникъ и платилъ за лекарство. Жена открыла эти продѣлки.

— Довольно того, сказала она, послѣ довольно продол-

жительнаго и рѣзкаго выговора: довольно того, что ты лечишь ихъ даромъ! Очень хорошо быть благодѣтельнымъ, но надобно знать мѣру.... Подъ благодѣяніемъ не по силамъ скрывается либо тщеславіе, либо безразсудная расточительность.

— Другъ мой, это не благодѣяніе, простодушно возразилъ Ѳедоръ Ивановичъ: я дѣйствую въ пользу науки!

Чтобы эта наука не сдѣлалась слишкомъ опасною соперницею хозяйства, Юлія Карловна настоятельно потребовала отъ мужа, чтобы онъ отдавалъ ей отчетъ въ приходѣ и расходѣ; для бо̀льшей аккуратности, внучка рыцарей, участвовавшихъ въ Крестовыхъ походахъ, завела шнуровую книгу, въ которую записывала всѣ визиты мужа. Тутъ, съ нѣмецкою, въ полномъ смыслѣ, аккуратностью, были отмѣчены каждая піявка, каждая шпанская муха, приставленныя Ѳедоромъ Ивановичемъ. Сумма однажды установленной платы должна была равняться съ суммой домашнихъ расходовъ. Излишекъ же, происходившій отъ особеннаго изъявленія благодарности людей достаточныхъ, Юлія Карловна заботливо откладывала въ сторону—на приданое единственной дочери.

Аннѣ Ѳедоровнѣ минуло семнадцать лѣтъ. Она была мила и весела, какъ семнадцатилѣтняя дѣвушка; избалована, какъ единственная дочь; невинна и добра, какъ дитя, выросшее подъ заботливымъ взоромъ матери и воспитанное одною любовію.

Юлія Карловна была женщина умная, а потому не слѣдовала примѣру тѣхъ матерей, которыя, желая предотвратить бѣду, сами вызываютъ ее, предостерегая дочерей отъ опасностей, о которыхъ онѣ не имѣютъ еще ни малѣйшаго понятія. Юлія Карловна была добрая супруга—въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ; но она была прекрасная мать въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова. Безъ сожалѣнія уступила она дочери свое мѣсто въ обществѣ, и не смотря на то, что ей было сорокъ два года, не смотря на то, что она сохранила стройный станъ, Юлія Карловна добровольно присоединилась къ маменькамъ-старушкамъ. Это было въ обществѣ; дома же, напротивъ, она какъ бы возвращалась къ лѣтамъ юности, она припоминала свою дѣвическую безпечность, припоминала идеи, слова, которыя могли быть понятны молодой дѣвушкѣ; она, такъ сказать, кокетничала съ дочерью, чтобы пріобрѣсть довѣренность ея, сблизиться съ нею, — и Аннета всею душою привязалась къ матери; она видѣла въ

ней не сухую, холодную наставницу, не строгаго судью, но нѣжную подругу, съ благоразумною снисходительностію удовлетворявшую прихоти ея.

Такимъ образомъ Юлія Карловна умѣла скрыть ту невольную недовѣрчивость, которая всегда составляетъ причину и основаніе постояннаго, неусыпнаго надзора. Присутствіе матери не только не было въ тягость молодой дѣвушкѣ, но, напротивъ, это присутствіе сдѣлалось ей необходимымъ, какъ общество подруги, съ которою она могла говорить откровенно обо всемъ, что̀ приходило ей на умъ.

Нѣжная и попечительная материнская любовь нисколько не мѣшала Юліи Карловнѣ обходиться съ мужемъ довольно жестко, съ знакомыми гордо, со слугами сухо и строго; одни боялись, другіе не любили ее, одинъ Ѳедоръ Ивановичъ угадалъ возвышенную сторону характера своей жены, и потому, со свойственнымъ ему самоотверженіемъ, покорялся ей безпрекословно, исполнялъ волю ея, которой Юлія Карловна придавала иногда видъ прихоти, не желая дѣлать мужа повѣреннымъ своихъ намѣреній, либо испытывая свою надъ нимъ власть.

Кругъ знакомства ихъ былъ не обширенъ. Сначала онъ состоялъ изъ людей пожилыхъ, составлявшихъ партію Ѳедора Ивановича; но Анпета подросла, — надобно было дать другой характеръ, другую физіономію собраніямъ. У Анпеты были подруги, у подругъ были братья, родные и двоюродные, у братьевъ пріятели,—общество молодыхъ людей составилось само собою, и вскорѣ семейство Ѳедора Ивановича прослыло однимъ изъ тѣхъ, въ которыхъ бываетъ очень весело, гдѣ можно потанцовать и гдѣ бываютъ *хорошенькія*.

Наканунѣ новаго, 18.. года, у Ѳедора Ивановича была вечеринка. Гостямъ предоставлено было являться въ маскарадныхъ костюмахъ или, просто, безъ мазокъ.

Въ залѣ танцовали, смѣялись, рѣзвились; въ гостиной пожилыя дамы со сверкающими глазами и разгорѣвшимися отъ внутренняго волненія щеками, играли въ преферансъ; въ кабинетѣ мужчины, болѣе или менѣе важные, ставили и списывали ремизы; въ столовой, гдѣ было посвѣжѣе, прохаживались подъ-ручку молодыя дѣвицы; въ буфетной готовили чай, пуншь, лимонадъ, питія и яства.

Въ началѣ десятаго часа, во время одного изъ промежутковъ между двумя кадрилями, раздался звонокъ. Гости присмотрѣлись уже къ прибывшимъ до девяти часовъ маскамъ;

бо́льшая часть изъ нихъ была узнана, а потому звуки колокольчика возбудили общее любопытство.

—Маски, маски! разнеслось по группамъ, когда звонившіе были впущены, и всѣ взоры обратились къ полурастворенной двери въ небольшую комнату, пріемную доктора, слѣдовавшую за прихожей.

Ѳедоръ Ивановичъ, разсматривавшій въ это время игру одной изъ дамъ, желавшей убѣдиться, можно ли ей играть семь, отвѣчалъ утвердительно, и поспѣшно направилъ шаги въ пріемную.

Тамъ онъ встрѣтилъ двухъ замаскированныхъ мужчинъ, съ которыми читатель уже нѣсколько познакомился.

На первомъ, высокомъ, былъ странный костюмъ, который могъ бы показаться весьма забавнымъ, если бъ въ походкѣ и во всѣхъ движеніяхъ того, на комъ былъ этотъ костюмъ, не проявлялось притязаніе на щегольство и національность; короче, это былъ костюмъ, съ незапамятныхъ временъ извѣстный въ табачныхъ лавочкахъ подъ названіемъ *гишпанскаго*. Онъ состоялъ изъ малиновой, плисовой, нѣсколько истертой эпанчи, обшитой галуномъ и осыпанной блестками; изъ свѣтло-зеленаго, полинялаго, шелковаго полукафтанья; панталоны въ натяжку обрисовывали тощія, нѣсколько кривыя ноги, и входили въ желтые сапоги съ отворотами и шпорами; чувство самосохраненія заставило *Гишпанца* защитить шею тугимъ галстухомъ, пряжка котораго, оставаясь незакрытою на затылкѣ, составляла довольно странный контрастъ съ прочими частями костюма. Наконецъ, маска была приторна до пошлости. Бѣлизна, румянецъ, неподвижная улыбка, чорные усики, загнутыя вверхъ крючками, придавали маскѣ выраженіе, возбуждавшее досаду.

На другомъ былъ костюмъ полишинеля. Горбъ сзади, горбъ спереди; одна половина синяя, другая желтая; красные сапоги; маска съ длиннымъ, горбатымъ носомъ, упиравшимся въ загнутый вверхъ острый подбородокъ; саркастическая улыбка.

И въ этомъ костюмѣ не было ничего замысловатаго; но, по-крайней-мѣрѣ, въ немъ не было пошлыхъ притязаній цирюльной вывѣски. Кромѣ того онъ обнаруживалъ нѣкоторымъ образомъ желаніе сохранить какъ можно долѣе свое маскарадное инкогнито.

Хозяинъ встрѣтилъ гостей съ ласковою улыбкой, и пожимая имъ руки, осматривалъ ихъ съ ногъ до головы. При

взлядѣ на Гишпанца, онъ громко засмѣялся, и поднявшись на цыпочки, шепнулъ ему что̀-то на ухо.

— Стъ! произнесъ Гишпанецъ, и взявъ хозяина за руку, отвелъ его нѣсколько въ сторону: Почему вы меня узнали?

— Потому, что вы сами измѣнили себѣ, отвѣчалъ Ѳедоръ Ивановичъ.

— Чѣмъ? спросилъ Гишпанецъ, осматриваясь съ ногъ до головы.

— Тѣмъ, что вы тотчасъ отвѣчали на ваше имя.

— Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ?... Смотрите же, Ѳедоръ Ивановичъ, не говорите никому....

— Нѣтъ, нѣтъ, не скажу, отвѣчалъ улыбаясь хозяинъ, потомъ, искоса посмотрѣвъ на полишинеля, поправлявшагося передъ зеркаломъ, прибавилъ шопотомъ: А кто это съ вами?

— Не знаю.

— Развѣ вы не вмѣстѣ пришли?

— Не только пришли, но даже вмѣстѣ пріѣхали.

— И вы не знаете?

— Не знаю.

— Гм! произнесъ осторожный Нѣмецъ, и подошелъ къ полишинелю.

Послѣдній прыгнулъ передъ хозяиномъ и запищалъ, но прыжокъ его былъ натянутъ, голосъ дрожалъ.

— Съ кѣмъ я имѣю честь говорить? спросилъ Ѳедоръ Ивановичъ вѣжливо, но не фамильярно.

Гишпанецъ подошелъ къ зеркалу, желая, вѣроятно, подслушать отвѣтъ своего незнакомаго спутника; но полишинель угадалъ намѣреніе его, и отведя хозяина въ сторону, пропищалъ ему что̀-то на-ухо.

— Какъ, какъ? сказалъ Ѳедоръ Ивановичъ, не разслышавъ и подставляя ухо.

— Ненашевъ, отвѣчалъ нетвердымъ голосомъ полишинель.

— Павелъ Сергѣевичъ? съ изумленіемъ спросилъ хозяинъ.

Полишинель утвердительно кивнулъ головою.

— Ну, васъ никакъ нельзя узнать! сказалъ Ѳедоръ Ивановичъ, дружески пожавъ руку молодому человѣку.

Послѣдній засмѣялся пискливымъ, рѣзкимъ смѣхомъ полишинеля.

Милости просимъ, господа, милости просимъ! сказалъ хозяинъ, приглашая гостей въ залу.

Приглашеніе это внезапно разогнало робость и смущеніе полишинеля. Желая явиться въ залу соотвѣтственно своему

костюму, онъ двумя прыжками очутился у двери; но съ третьимъ прыжкомъ наткнулся на Гишпанца, съ гордою важностью шествовавшаго въ залу.

Толчокъ полишинеля былъ такъ силенъ, что Гишпанецъ не устоялъ на своихъ тощихъ ногахъ; онъ споткнулся о порогъ, запутался въ шпорахъ, и со всего размаху очутился въ залѣ—въ горизонтальномъ положеніи.

Маска, съ оборвавшимся тесемками, предшествовала ему.

Полишинель, рисковавшій подвергнуться той же участи, поспѣшно перескочилъ черезъ Гишпанца, и растопыривъ руки и ноги, остановился посреди залы.

Шумъ паденія и общій крикъ испуга заставили даже карточныхъ игроковъ вскочить со своихъ мѣстъ.

Гишпанецъ поднялъ голову посреди общаго молчанія.

— Захаръ Иванычъ! произнесъ кто-то, и сначала дѣвицы, а за ними и всѣ присутствовавшіе разразились громкимъ смѣхомъ.

Гишпанецъ Захаръ Иванычъ сталъ подниматься, сконфуженный и раздосадованный.

— Какъ это глупо, сказалъ онъ, потирая колѣно и угрюмо посмотрѣвъ на полишинеля.

Послѣдній молчалъ. Быть-можетъ, непріятное столкновеніе смутило его самого не менѣе Захара Иваныча; но смущеніе его скрывалось подъ маской; сохранявшей свою неизмѣнную, саркастическую улыбку.

Ѳедоръ Ивановичъ подошелъ между тѣмъ къ размаскированному Гишпанцу, и заботливо освѣдомился, не ушибся ли онъ.

— Ничего, ничего, отвѣчалъ Захаръ Ивановичъ, принужденно улыбаясь и прихрамывая. Только совѣтую вамъ, мусьё полишинель, быть впередъ половчѣе, прибавилъ онъ, обращаясь къ своему незнакомому спутнику,—а не то дамы побоятся танцовать съ вами.

— Pardon, mille pardons, сказалъ полишинель, оправившись отъ своего смущенія и слегка поклонившись Захару Иванычу; онъ не думалъ шутить въ это время, но костюмъ и маска придавали всѣмъ движеніямъ его такой комизмъ, что гости опять засмѣялись.

Гишпанецъ поднялъ маску, и сердито отвернувшись, пошелъ представляться хозяйкѣ.

Нѣсколько минутъ спустя, все опять пришло въ порядокъ.

Раздался аккордъ на фортепіано; молодежъ засуетилась, пары становились по мѣстамъ....

ГЛАВА III.

Незваный гость.

Освободившись отъ любопытныхъ, окружившихъ его, полишинель осмотрѣлся. Глаза его остановились на группѣ, стоявшей близь двери въ гостиную. Группу эту составляли Аннета, двѣ дѣвицы и молодой человѣкъ въ костюмѣ матроса, но безъ маски. Одна изъ дѣвицъ, подруга Аннеты, была хорошенькая блондинка; другая была тоже дѣвица, но очень не хорошенькая, лѣтъ уже за-сорокъ.

По высокому росту и чертамъ лица можно было съ перваго взгляда замѣтить родство между старой дѣвой и Гишпанцемъ Захаромъ Иванычемъ; и точно, это была родная сестра его, Татьяна Ивановна.

Не-смотря на то, что Татьяна Ивановна была шестью годами старѣе брата, которому минуло тридцать пять лѣтъ, она продолжала играть роль молодой дѣвушки; танцовала до упаду, рѣзвилась какъ дикая, проголодавшаяся козочька, кокетничала, носила платья, открытыя сверху до-нельзя, осторожно прикрывая, однакожъ, костлявую грудь и плечи прозрачнымъ флеромъ. Но ни бѣлое платье, ни голубая лента, съ длинными концами, обвивавшая талію, ни цвѣты, приколотые къ рѣдкимъ волосамъ, ни разныя выпуклости и пышности не скрывали устрашительной худобы Татьяны Ивановны; не нужно было большихъ познаній въ анатоміи, чтобы замѣтить, что обороты выпуклостей, при каждомъ движеніи хозяйки ихъ, были неестественны, и что она дѣлилась физически на внутреннюю и внѣшнюю; внѣшняя Татьяна Ивановна походила на куклу, къ которой нечаянно приставили чужую голову; внутренняя походила на цвѣтокъ, найденный между двумя листками старой книги, купленной по случаю. Быть-можетъ, для прежняго владѣтеля книги этотъ цвѣтокъ былъ драгоцѣненъ, по воспоминаніямъ, связаннымъ съ нимъ; быть-можетъ еще, что онъ случайно, прихотливо былъ брошенъ въ книгу... Но во всякомъ случаѣ, въ рукахъ настоящаго владѣтеля онъ былъ не что иное, какъ изсохшій, сплюснутый, безцвѣтный, безароматный цвѣтокъ.

Полишинель подошелъ къ группѣ, и поклонившись Аннетѣ, проговорилъ невнятно нѣсколько словъ.

— Я ангажирована, отвѣчала Аннета, невольно засмѣявшись, при взглядѣ на забавную маску.

Полишинель обратился къ блондинкѣ и получилъ тотъ же отвѣтъ.

Нѣсколько смутившись, онъ обратился къ старой дѣвѣ; она нѣжно улыбнулась и слегка наклонила голову, намѣреваясь, вѣроятно, утвердительно отвѣчать молодому человѣку, но послѣдній невольно отодвинулся назадъ и промолчалъ.

Въ эту минуту саркастическая улыбка маски его была въ самомъ дѣлѣ оскорбительна.

Татьяна Ивановна покраснѣла, и глаза ея сверкнули точно у кошки, намѣревающейся цапнуть.

— На слѣдующій! сказалъ полишинель, обратившись опять къ Аннетѣ.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчала она. Татьяна Ивановна, развѣ вы не будете танцовать?

Вопросъ этотъ былъ сдѣланъ безъ малѣйшаго дурнаго намѣренія; но старая дѣва приняла его за насмѣшку, тѣмъ болѣе, что блондинка не могла удержаться отъ лукавой улыбки.

— Нѣтъ, я не ангажирована, отвѣчала Татьяна Ивановна, подчинивъ досаду самолюбію, и сохранивъ еще надежду, что послѣ этихъ словъ полишинель пригласитъ ее.

Но онъ не трогался съ мѣста.

— Впрочемъ, продолжала она презрительно,—теперь опасно танцовать... какъ разъ съ ногъ собьютъ.

— Вамъ, сударыня, опасаться нечего, возразилъ полишинель: никто не осмѣлится забыть должнаго къ вамъ уваженія.

— Разумѣется, отвѣчала Татьяна Ивановна злобно: если бы теперь не были святки; но маски позволяютъ себѣ нѣкоторыя вольности... подъ маской иногда человѣкъ самый почтительный становится дерзкимъ, глупецъ—остроумнымъ, трусъ—храбрецомъ.

— Тощій—дороднымъ, прибавилъ полишинель.

Татьяна Ивановна такъ крѣпко стиснула губы, что ихъ вовсе не стало видно.

Кавалеръ, ангажировавшій Аннету, пришелъ за нею, молодой человѣкъ въ матросской курткѣ увелъ блондинку; Татьяна Ивановна презрительно отвернулась отъ полишинеля и вошла въ гостиную. Тамъ Захаръ Ивановичъ

стоялъ за стуломъ одной изъ дамъ, игравшихъ въ преферансъ.

Татьяна Ивановна слегка коснулась плеча брата, и пошла въ столовую.

— Вы не танцуете, сестрица? спросилъ Захаръ Ивановичъ, догнавъ ее.

— Не танцую и не буду танцовать, сухо отвѣчала сестрица.

— Отчего?

— Оттого, что я хочу ѣхать домой.

— Нѐчто вамъ опять дурно?

Захаръ Ивановичъ сказалъ *опять*, потому-что сестрицѣ часто дѣлалось дурно въ гостяхъ. Татьяна Ивановна не пренебрегала никакими средствами, чтобы сдѣлаться интересною.

— Нѣтъ; но мнѣ *опять* стыдно.

Татьяна Ивановна была настоящая кошка; кто̀ бы ни погладилъ ее противъ шерсти, другъ или недругъ, съ намѣреніемъ или нечаянно, она немедленно выпускала когти. Не смотря на то, что братъ не зналъ тайны ея обмороковъ, она не могла не царапнуть его, намекнувъ объ его неловкости и частыхъ промахахъ, которыми Захаръ Ивановичъ приводилъ ее въ краску.

— Стыдно? повторилъ онъ: Нѐчто съ вами случилось что̀-нибудь.... непріятное?

— Не со мною, а съ вами, братецъ!

— Что я растянулся-то?

— Ахъ, Боже мой! Вы, братецъ, выражаетесь такъ, какъ будто бы цѣлую жизнь водились съ извозчиками!

— Вы не сердитесь за то, сестрица, что я растян... свалился: я не виноватъ—этотъ анафема *паярецъ*...

— Да не кричите! вскричала Татьяна Ивановна, оглянувшись съ безпокойствомъ.

— Этотъ паярецъ...

— Полишинель, братецъ.

— Все равно: онъ пихнулъ меня такъ, что никакой возможности не было удержаться на ногахъ.

— Это еще не бѣда, что вы упали, но надобно было поправиться, надобно было обратить насмѣшки на него, надобно было отвѣчать...

— Да я и не промолчалъ. Онъ дурака съѣлъ.

— Татьяна Ивановна презрительно пожала плечами.

— Вы не знаете, кто этотъ полишинель? спросила она.

— Кто его знаетъ! Онъ такъ нарядился, что его никто не узнаетъ. Охота человѣку уродовать себя!

— Узнайте непремѣнно.

— Вотъ ужо онъ маску сниметъ, такъ и узнаемъ.

— Узнайте теперь.

— Какъ теперь....

— Ахъ, какіе вы вялые, братецъ! Вѣдь онъ сказалъ свою фамилію Ѳедору Ивановичу?

— Сказалъ.

— Ну, такъ спросите его.

— Да! скажетъ онъ!

— Заставьте его проговориться.

— Въ самомъ дѣлѣ! сказалъ Захаръ Ивановичъ, засмѣявшись. Это будетъ славная штука.

Захаръ Ивановичъ хотѣлъ уже итти въ кабинетъ, но вдругъ остановился.

— Тутъ надобно поступить тонко, сказалъ онъ, почесывая лобъ: надобно ухитриться...

— Ступайте, только къ Ѳедору Ивановичу, сядьте возлѣ него, посмотрите на игру его...

— Ну-съ?

— Потомъ, какъ бы случайно вспомнивъ, скажите, что полишинель снялъ маску. Посмѣйтесь о вашей встрѣчѣ, хвалите костюмъ полишинеля...

— Есть что хвалить! возразилъ Захаръ Ивановичъ, бросивъ самодовольный взглядъ на свою плисовую эпанчу, въ складкахъ которой безпрестанно путались руки его.

— Не хотите хвалить, такъ хулите.

— Вотъ это лучше.

— Но не переставайте говорить о немъ, пока Ѳедоръ Ивановичъ не назоветъ его по имени.

— А какъ не назоветъ?

— Тогда мы выдумаемъ что-нибудь другое.

Захаръ Ивановичъ отправился, а Татьяна Ивановна вернулась въ залу, и сѣла возлѣ Аннеты. Полишинель стоялъ на противуположномъ концѣ залы, и старой дѣвѣ показалось, что онъ не спускалъ съ нея глазъ.

Захаръ Ивановичъ вернулся въ залу только тогда, когда кадриль оканчивался.

Не отдавая еще сестрицѣ отчета въ возложенномъ на него дипломатическомъ порученіи, онъ поспѣшно подошелъ къ Аннетѣ.

— Анна Ѳедоровна, сказалъ онъ съ неловкою любезностью: буду ли я имѣть счастіе...

— Я ангажирована, отвѣчала Аннета улыбаясь.

— Душевно сожалѣю, произнесъ Захаръ Ивановичъ, поднявъ плечи, наклонивъ голову и сложивъ руки на груди. Захаръ Ивановичъ видѣлъ, что такимъ образомъ кланяются гишпанскіе наперсники на Александринской сценѣ. Повторивъ еще разъ это движеніе, онъ хотѣлъ уже отступить шагъ назадъ, но кто-то схватилъ его за руку.

Захаръ Ивановичъ гордо поднялъ голову, и увидѣлъ передъ собою полишинеля.

— Берегитесь? прошепталъ послѣдній, и наклонившись, отцѣпилъ отъ шпоры Захара Ивановича платье дѣвицы, стоявшей за нимъ и не подозрѣвавшей бѣды, угрожавшей ея кисейнымъ фалбаламъ.

Гишпанецъ небрежно кивнулъ головою полишинелю, и подошелъ къ сестрѣ.

— Узнали? спросила она.

— Узналъ.

— А!

— Ненашевъ, шепнулъ Захаръ Ивановичъ на ухо сестрѣ.

Изумленіе выразилось на лицѣ послѣдней; она хотѣла что-то сказать, но промолчала и устремила пристальный взглядъ на полишинеля.

Захаръ Ивановичъ ангажировалъ другую дѣвицу, и вскорѣ опять составился кадриль.

Рука полишинеля дрожала, когда коснулась руки Аннеты. По окончаніи первой фигуры, онъ отвелъ молодую дѣвушку на мѣсто, и сталъ возлѣ ея стула.

—Какой вы странный выбрали костюмъ, сказала Аннета, видя, что кавалеръ ея не начиналъ разговора.

— Ему я обязанъ тѣмъ, что никто не узнаетъ меня, отвѣчалъ онъ своимъ голосомъ.

— Еще бы!возразила Аннета, засмѣявшись: эти уродливые горбы скрадываютъ талью....

— Стало быть, вамъ мой костюмъ не нравится?

— Нѣтъ, откровенно отвѣчала молодая дѣвушка: но все-таки онъ лучше испанскаго костюма нашего визави.

— Захаръ Ивановичъ сердится на меня.

— За что?

— За то, что, по моей неосторожности, онъ... снялъ маску при самомъ входѣ.

— Большая важность! возразила Аннета, пожавъ плечами: я бы узнала его съ перваго взгляду. Однако это странно, прибавила она, окинувъ всѣхъ присутствующихъ быстрымъ взоромъ: я всѣхъ узнала, всѣхъ—кромѣ васъ.

— Вамъ начинать, сказалъ полишинель, подавая руку молодой дѣвушкѣ.

Во все продолженіе второй фигуры Аннета слѣдила за движеніями своего кавалера.

— Скажите мнѣ, спросила она, воротившись на свое мѣсто: вы всегда такъ танцуете?

— Какъ?

— Какъ теперь.

— Всегда.

— Неправда, вы нарочно перемѣняете вашу манеру, чтобы васъ было труднѣе узнать.

— Можетъ-быть.

— Вы подстрекнули мое любопытство. Скажите мнѣ, какъ васъ зовутъ?

— Угадайте.

— Нѣтъ, скажите, пожалуйста.... Скажите только первую букву вашего имени.

— *Н*, отвѣчалъ полишинель.

— Николай?... Да? Ну, теперь скажите первую букву фамиліи....

Громкое хлопанье въ ладоши прервало слова молодой дѣвушки. Это Захаръ Ивановичь подавалъ *сигналъ* начатію третьей фигуры. Онъ только что расхлопался, какъ вдругъ встрѣтилъ гнѣвный взоръ сестрицы, которая нѣсколько разъ уже твердила ему, что это хлопанье чрезвычайно неприлично, особенно когда играетъ дѣвица.

— Скажите же мнѣ первую букву вашей фамиліи! сказала Аннета, протанцовавъ третью фигуру.

— *Т*, отвѣчалъ полишинель.

— *Т?*.... Нѣтъ, неправда возразила молодая дѣвушка подумавъ: я не знаю фамиліи, которая бы начиналась съ этой буквы.

—Павелъ Сергѣевичъ, произнесъ кто-то сзади тихимъ голосомъ, походившимъ на шипѣніе змѣи.

— Вы не вѣрите? отвѣчалъ кавалеръ Аннеты, не обращая вниманія на произнесенное за нимъ имя. Я могу вамъ доказать справедливость моихъ словъ.

— Докажите.

*

Полишинель снялъ перчатку и показалъ молодой дѣвушкѣ кольцо съ печатью, на который были выгравированы буквы *П* и *Т*.

— Вѣрите ли теперь? спросилъ полишинель, пока Аннета разсматривала кольцо.

— Павелъ Сергѣевичъ! произнесла Татьяна Ивановна громкимъ голосомъ,

Полишинель вздрогнулъ и невольно оглянулся.

Аннета и близъ-стоявшіе засмѣялись.

— Павелъ Сергѣевичъ, начинайте четвертую фигуру' сказалъ одинъ изъ молодыхъ людей.

— Павелъ Сергѣевичъ, снимайте маску!

— Нечего болѣе скрываться!

— Васъ узнали!

Полишинель старался скрыть свое смущеніе прыжками, и протанцовалъ четвертую фигуру каррикатурнымъ образомъ.

— Это не онъ, проворчала Татьяна Ивановна, и ушла въ гостиную.

Четвертая фигура кончилась.

Павелъ Сергѣевичъ, сказала Аннета: снимите маску, вамъ должно быть очень душно....

— Анна Ѳедоровна, вы ошибаетесь, отвѣчалъ полишинель взволнованнымъ гогосомъ: меня не узнали и не узнаютъ, потому-что я вошелъ сюда подъ чужимъ именемъ....

Молодая дѣвушка невольно отодвинулась отъ своего кавалера.

— Я зналъ, чему подвергался, рѣшаясь на такой смѣлый поступокъ, но надѣялся на покровительство единственнаго человѣка въ вашемъ обществѣ, который знаетъ меня.... Теперь я не смѣю даже прибѣгнуть къ этому человѣку, въ слѣдствіе неумышленной, нечаянной непріятности, которую я ему нанесъ.... Простите мнѣ мою дерзость, но я не могъ отказаться отъ представившагося....

— А почему вы узнали, что у насъ бьетъ такъ весело? наивно спросила Аннета.

— Не одно удовольствіе влекло меня къ вамъ, отвѣчалъ полишинель: я несчастливъ я страдаю....

Молодая дѣвушка съ участіемъ посмотрѣла на своего кавалера; она хотѣла спросить о причинѣ его страданій, но вдругъ громко засмѣялась.

Маска полишинеля составляла такой комическій контрастъ

съ словами и выраженіемъ голоса его, что Аннета не могла воздержаться отъ смѣха.

Пятая фигура прервала разговоръ. Полишинель танцовалъ разсѣянно, сбивался, путался. Поспѣшно и съ видимымъ нетерпѣніемъ вернулся онъ на мѣсто по окончаніи фигуры.

Въ то же время у двери гостиной появились Татьяна Ивановна и хозяйка, Юлія Карловна.

— Анна Ѳедоровна, сказалъ полишинель тихимъ, дрожащимъ голосомъ: я прошу умоляю васъ объ одномъ....выслушайте меня базъ гнѣва безъ негодованія.... я давно страдаю....

Да закройте хоть вашу маску, если не хотите снять ее! сказала Аннета, снова засмѣявшись.

Она была очаровательна въ эту минуту. Щеки ея разгорѣлись отъ жара, глаза радостно блестѣли, веселый безпечный смѣхъ открылъ рядъ бѣлыхъ, какъ слоновая кость, зубовъ.

— Я давно страдаю, продолжалъ кавалеръ ея страстнымъ голосомъ: но за эти немногія минуты, проведенныя близъ васъ съ вами, я готовъ прострадать еще цѣлую жизнь....

Аннета вдругъ перестала смѣяться.

— Скажите мнѣ одно слово, продолжалъ полишинель: скажите мнѣ, что сердце ваше свободно, скажите мнѣ, что вы никому не отдадите руки вашей, и черезъ два года, черезъ годъ, я сдѣлаюсь достойнымъ васъ....

Аннета скоро встала.

— Вы хотите, чтобы меня выгнали отсюда? произнесъ тихимъ, но твердымъ голосомъ кавалеръ ея.

Молодая дѣвушка пристально взглянула на него. Маска уже не возбуждала смѣха ея... Глаза, сверкавшіе въ вырѣзкахъ маски, звуки фортепіано, шарканье танцующихъ, говоръ гостей, произвели на нее странное впечатлѣніе.... Голова ея закружилась, и она опять опустилась на стулъ.

— Я готовъ отдать за васъ жизнь свою, продолжалъ полишинель, ободренный и осчастливленный поступкомъ Аннеты: я люблю васъ....

— Гранъ-ронъ! гранъ-ронъ! закричалъ Захаръ Ивановичъ.

— Позвольте мнѣ удалиться, произнесла Аннета дрожащимъ голосомъ: у меня голова кружится....

— Останьтесь, ради Бога, останьтесь! поспѣшно возразилъ полишинель, встрѣтивъ въ эту минуту взоры Юліи Карлов-

ны и Татьяны Ивановны, внимательно слѣдившихъ за нимъ: мнѣ, а не вамъ слѣдуетъ удалиться....

— Да.... уйдите, уйдите.... пожалуйста....

Молодая дѣвушка произнесла эти слова голосомъ, исполненнымъ мольбы и боязни; потомъ поспѣшно удалилась.

— Гранъ-ронъ, гранъ-ронъ! продолжалъ кричать расходившійся Захаръ Ивановичъ.

— Что́ съ тобою, Аннета? заботливо спросила мать, схвативъ руку молодой дѣвушки.

— Ничего, maman, ничего, отвѣчала она, принужденно улыбаясь: здѣсь такъ жарко....

Юлія Карловна пристально посмотрѣла на дочь.

— Ступай, другъ мой, сказала она, ступай: я сейчасъ приду къ тебѣ.

Танцующіе не замѣтили отсутствія Аннеты; они продолжали шаркать, но когда дошло до grande chaîne, то всѣ сбились, перепутались, и разошлись смѣясь. Пока кавалеры раскланивались, полишинель сталъ пробираться къ двери, чтобы ускользнуть непримѣтнымъ образомъ; но осмотрѣвшись, онъ встрѣтилъ холодный, строгій взглядъ Юліи Карловны и злорадостную усмѣшку Татьяны Ивановны.

Смущеніе полишинеля возрастало, но уйдти въ эту минуту не было возможности. Замѣтивъ его намѣреніе, хозяйка могла остановить его, а потому онъ рѣшился обождать, чтобы она удалилась къ дочери.

Полишинель оглянулся еще разъ, и увидѣлъ, что хозяйка шла къ нему.... Онъ далъ ей приблизиться, потомъ ловко прыгнулъ въ сторону.

— Полно вамъ дурачиться, Павелъ Сергѣевичъ, угрюмо произнесъ Захаръ Ивановичъ, съ которымъ полишинелю было суждено безпрестанно встрѣчаться въ этотъ вечеръ.

Татьяна Ивановна повела Юлію Карловну въ эту сторону. Полишинель, точно заяцъ, преслѣдуемый охотниками, отскочилъ въ другую сторону.... Маска промокла насквозь отъ горячаго пота, струившагося по лицу бѣдняка; на щекахъ маски образовались впадины....

Съ послѣднимъ прыжкомъ онъ очутился возлѣ фортепіано.... Радостно воспользовался онъ представившимся средствомъ, чтобы избѣгнуть объясненія съ хозяйкой.

Поспѣшно сѣлъ онъ на круглый табуретъ, быстро пробѣжалъ пальцами по клавишамъ, и безсознательно заигралъ адскую мелодію изъ Роберта. Въ замѣшательствѣ онъ на-

ступилъ на педаль, и громко, дико, устрашительно разнеслись адскіе звуки по комнатамъ....

Полишинель не оглядывался, не поднималъ головы, но съ одной стороны концы голубаго пояса Татьяны Ивановны, а съ другой край двуличневаго, шолковаго платья Юліи Карловны, заставляли его неутомимо и усердно барабанить по клавишамъ.

Эта странная музыка возбудила общее вниманіе. Наступило глубокое молчаніе, прерываемое только звуками фортепіано, которымъ вторило щелканье фишекъ, отсчитываемыхъ въ сосѣдней комнатѣ, да фальшивый напѣвъ Захара Ивановича, освѣжившагося стаканомъ пунша.

— Павелъ Сергѣевичъ, произнесла рѣзкимъ голосомъ Татьяна Ивановна: давно ли вы научились играть на фортепіано?

Пальцы полишинеля внезапно окамѣнели и, точно когти, неподвижно остановились на клавишахъ....

Спасенія не было; рѣшительная минута настала....

— Ахъ, и въ-самомъ-дѣлѣ, повторилъ Захаръ Ивановичъ: давно ли вы, Павелъ Сергѣевичъ, выучились играть на *фортупьянахъ*?

Полишинель всталъ. Онъ встрѣтилъ холодный, гордый, строгій взглядъ Юліи Карловны, и сердце его замерло. Вздохнувъ изъ глубины души, онъ поднесъ руку къ маскѣ....

Въ эту самую минуту вошла горничная.

— Сударыня, сказала она хозяйкѣ: Аннѣ Ѳедоровнѣ очень дурно.

— Ахъ, Боже мой, вскричала Юлія Карловна, и скоро пошла за горничной. Почти всѣ присутствовавшіе при этой сценѣ послѣдовали за нею.

Полишинель вздохнулъ свободнѣе. Не теряя времени, онъ однимъ скачкомъ очутился у той самой двери, въ которую горизонтально вошелъ Захаръ Ивановичъ.

— Не пускайте его, братецъ! вскричала Татьяна Ивановна. Это, можетъ быть, воръ.

Гишпанецъ догналъ полишинеля въ пріемной, и обѣими руками вцѣпился въ горбъ его.

— Ни съ мѣста! вскричалъ онъ: или я прикажу сторожу связать тебя! Что̀ ты за человѣкъ, говори.

— Пустите меня, произнесъ полишинель глухимъ голосомъ.

— Какъ бы не такъ! Ты, можетъ-быть, воръ!

Полишинель быстро обратился къ Захару Ивановичу, и

такъ близко подошелъ къ нему, что ткнулъ ему носомъ въ подбородокъ.

— Не я воръ, произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ: а тотъ, кто не далѣе какъ на прошлой недѣлѣ, за двѣсти рублей взялъ заемное письмо въ четыреста, и вещей подъ залогъ на пятьсотъ рублей!... Ростовщики подлежатъ суду!...

У Гишпанца опустились руки и подкосились ноги.

Полишинель исчезъ.

— Держите его! произнесла Татьяна Ивановна, просунувъ голову въ полурастворенную дверь.

Захаръ Ивановичъ молча погрозилъ кулакомъ въ переднюю.

— Что̀ тутъ за суматоха? спросилъ Ѳедоръ Ивановичъ, выходя изъ кабинета.

Захаръ Ивановичъ очнулся.

— Гдѣ онъ! вскричалъ: онъ съ нимъ надобно раздѣлаться за насильственное вторженіе въ чужой домъ! за нанесеніе толчка, съ ниспроверженіемъ! за оскорбленіе личности! за клевету!... Гдѣ онъ!

— Кого изволите спрашивать-съ? спросилъ старый слуга.

— Того.... который.... да ну! вотъ сейчасъ.... говорилъ задыхаясь Захаръ Ивановичъ.

— Что̀ съ горбами-съ?

— Да, да!

— Они ушли-съ.

— Держи его! догони! свяжи!

— Ради Бога, что̀ съ вами. Захаръ Ивановичъ! съ безпокойствомъ спросилъ хозяинъ: вы *выглядите* точно у васъ бѣлая горячка.... Успокойтесь....

— Надобно задержать его!

Старики оставили карты и вышли въ пріемную, не понимая причины бѣшенства Гишпанца, у котораго на губахъ выступила пѣна.

Вдругъ задребезжалъ колокольчикъ.

Слуга поспѣшно отворилъ дверь, и въ прихожую вошелъ молодой человѣкъ въ шубѣ и окутанный шарфомъ.

— Павелъ Сергѣевичъ! съ удивленіемъ вскричалъ Ѳедоръ Ивановичъ, когда вошедшій снялъ шубу.

ГЛАВА IV.

Старый домъ.

Въ одной изъ отдаленныхъ городскихъ улицъ, между двумя новыми каменными домами, тянулся заборъ, выкрашенный побурѣвшею отъ времени охрою. Ворота въ этомъ заборѣ были постоянно заперты, и со стороны двора приперты доскою, одинъ конецъ которой упирался въ ворота, а другой вь землю.

Саженяхъ въ десяти отъ забора стоялъ старый, двухъ-этажный, деревянный домъ; не-смотря на то, что онъ былъ подновленъ и за-ново выкрашенъ, ветхость его проявлялась въ покривившихся линіяхъ карнизовъ и оконныхъ наличниковъ. Въ верхнемъ этажѣ было семь оконъ; въ нижнемъ, по серединѣ ворота, съ правой стороны три окна, а съ лѣвой два и крыльцо, придѣланное, какъ казалось, гораздо позже постройки дома.

Пространство отъ забора до дома было завалено дровами; только въ серединѣ былъ оставленъ проходъ, да съ правой стороны находилось отгороженное мѣсто, усаженное тощими, не высокими кустами, между которыми высилось одно только дерево, съ обрубленнымъ верхомъ. Жильцы деревяннаго дома называли это мѣсто *садомъ*.

Ворота и корридоръ крыльца прорѣзывали домъ во всю ширину его, и вели на другой дворъ, на которомъ высился огромный, четырехъ-этажный домъ, принадлежавшій хозяину же деревяннаго дома и выходившій на сосѣднюю улицу. Судя по небѣлёнымъ и какъ бы недодѣланнымъ оконечностямъ боковыхъ флигелей, можно было заключить, что деревянный домъ былъ обязанъ своимъ долгимъ существованіемъ только финансовымъ обстоятельствамъ домохозяина, заставившимъ его отложить до поры, до времени окончаніе четыреугольника, составляющаго типъ петербургскихъ домовъ. Со двора не видно было деревяннаго дома, закрытаго длиннымъ сараемъ, въ которомъ находилась мастерская каретника.

Каретникъ же нанималъ подворотню деревяннаго дома,

на-глухо заколоченную со стороны дровянаго двора. Тамъ хранились кузова старыхъ экипажей, брички, колеса, негодныя рессоры и тому подобный хламъ. Изъ-подъ воротъ былъ прежде единственный ходъ въ квартиру съ правой стороны нижняго этажа; но теперь ходъ этотъ былъ заколоченъ досками, такъ что въ эту квартиру вовсе не было хода снаружи.

Сплошная перегородка съ дверью, запиравшеюся на ключъ, раздѣляла проходной корридоръ на двѣ половины. Съ одной стороны былъ ходъ въ маленькую квартиру нижняго этажа; съ другой находилась лѣстница во второй этажъ.

Половина нижняго этажа, состоявшая изъ кухни и двухъ комнатъ, двѣ трети года оставалась необитаемою. По временамъ появлялась въ ней старуха на два, на три дня, и потомъ опять исчезала на недѣлю и болѣе. Служанки у нея не было. Дворникъ называлъ эту жилицу Агафьей Степановной, а мастеровые каретника — салопницей.

Маленькая квартира отдавалась въ наемъ не отъ хозяина, а отъ жильца верхняго этажа, нанимавшаго весь домъ; въ теченіе сорока лѣтъ, домъ перемѣнилъ трехъ хозяевъ, а жилецъ оставался одинъ и тотъ же: фактъ, довольно замѣчательный и рѣдкій въ Петербургѣ. Въ 1802 или 1803 году квартиру эту нанялъ отставной экономъ какого-то заведенія, Прохоръ Ивановичъ Опухтинъ; въ 1825 году она поступила во владѣніе Ивана Прохоровича Опухтина; а въ 1840 году, на возобновленномъ контрактѣ подписался Захаръ Ивановъ сынъ Опухтинъ.

Верхній этажъ состоялъ изъ прихожей, кухни, столовой, гостиной, спальни и комнатки, заставленной большими шкафами, скрывавшими узенькую, деревянную лѣстницу, ведшую въ ту половину нижняго этажа, въ которую снаружи не было хода. Комнаты верхняго этажа были оклеены дешовыми обоями; полъ выкрашенъ подъ паркетъ; мебель въ хорошемъ состояніи, но старомодная, неуклюжая, крытая въ гостиной волосяной матеріей, а въ спальнѣ ситцемъ. Ни открыванье форточекъ, ни топленье не могли истребить душнаго, затхлаго воздуха, начала котораго какъ бы заключались въ самыхъ предметахъ, наполнявшихъ комнаты. Воздухъ этотъ становился невыносимымъ, когда къ нему примѣшивались кухонныя испаренія, что̀ случалось аккуратно каждый день, отъ полудня до четырехъ часовъ. Впрочемъ жильцы не жаловались на этотъ воздухъ; они называ-

ли его своимъ, роднымъ запахомъ; они родились, выросли въ немъ.

Захаръ Ивановичъ, съ которымъ читатели уже нѣсколько познакомились, говорилъ, что онъ *ни за какіе милліоны* не промѣняетъ этой скромной квартиры на великолѣпнѣйшія, барскія палаты. Онъ и сестра его родились въ угловой комнаткѣ, оклеенной рыженькими обоями; они оба родились тутъ, съ тою только разницею, что Захаръ Ивановичъ узрѣлъ впервые свѣтъ по сю, а Татьяна Ивановна по ту сторону лежанки. Другое, столько же, если не болѣе, драгоцѣнное воспоминаніе заключалось въ столовой, выкрашенной въ старое время зеленой краской, а теперь оклеенной полосатыми обоями. Здѣсь Захаръ Ивановичъ впервые узрѣлъ серебряную монету, четвертакъ, подаренный ему покойною матерью въ день его ангела.

— Тогда четвертакъ ходилъ въ рубль ассигнаціями! прибавлялъ Захаръ Ивановичъ со вздохомъ, вспоминая объ этомъ радостномъ событіи.

Кромѣ того Захаръ Иванычъ помнилъ еще мѣсто, гдѣ онъ пряталъ бабки отъ строгаго отца, запрещавшаго ему знаться съ мальчишками; помнилъ стулъ, на которомъ онъ сидѣлъ, когда его укусила Татьяна Ивановна, за то, что мать, заготовляя на зиму шенкованную капусту, дала Захарушкѣ кочерыжку, а Таньку прогнала изъ кухни.

Было еще много другихъ воспоминаній, но Захаръ Ивановичъ, можетъ-быть, пожертвовалъ бы ими, если бы не существовала другая, болѣе важная причина, заставлявшая его дорожить этой квартирой. Причина эта обнаружится сама-собою, когда читатель короче познакомится съ Захаромъ Ивановичемъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ вечеринки у доктора, часу въ третьемъ пополудни, старуха, въ чорномъ, шолковомъ салопѣ и чорномъ же капорѣ, вошла въ ворота каменнаго дома.

Дворникъ, разбивавшій на дворѣ ледъ, приподнялъ старую, измятую шляпу, подаренную ему однимъ изъ жильцовъ.

— Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ, Агафья Степановна, сказалъ онъ, когда старуха проходила мимо него.

— Спасибо, Тарасъ, спасибо, отвѣчала старуха. Зайди ко мнѣ ужо̀, подъ-вечеръ.

Агафья Степановна прошла наискось черезъ дворъ, къ узкому, грязному проходу, оставленному между сараемъ и высокою, небѣлёною стѣною сосѣдняго дома.

— Салопница! закричалъ протяжно и въ носъ грязный мальчишка, запачканный сажей и выходившій изъ сарая.

Дворникъ погрозилъ ему кулакомъ, а Агафья Степановна, не обращая вниманія на это привѣтствіе, прошла прямо къ крылечку; не входя въ свою квартиру, она отворила дверь въ перегородкѣ, раздѣлявшей корридоръ пополамъ, и поднялась во второй этажъ.

На верхней площадкѣ, откуда лѣстница, съузившись, шла на чердакъ, были двѣ двери: одна обитая черной клеенкой и со звонкомъ, другая довольно грязная и обледенѣлая.

Агафья Степановна отворила послѣднюю, и очутилась въ кухнѣ.

— Здравствуйте, Матренушка, сказала она: дома барышня?

— Здравствуйте, матушка Агафья Степановна, отвѣчала кухарка: съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ.

— И тебя также, Матренушка.... Я тебѣ гостинецъ принесла; косыночку шелковую... возьми, мать моя....

Старуха вручила кухаркѣ косынку, и вмѣстѣ съ нею всунула ей полтинникъ. Обрадованная Матрена поцѣловала руку Агафьѣ Степановнѣ, и разсыпалась въ благодареніяхъ, развернувъ косынку и держа ее на свѣтъ, какъ бы для того, чтобы узнать, плотна ли ткань ея, вопреки пословицѣ, что даровому коню въ зубы не смотрятъ.

— Дома барышня? спросила Агафья Степановна.

— Дома, дома, матушка; постойте, я сниму съ васъ салопъ, отвѣчала кухарка, отирая жирныя руки о передникъ.

— Гдѣ она, вверху или внизу?

— Внизу, сударыня; она вѣдь тамъ съ утра до ночи сидитъ.

— А что̀ старикъ?

— Что̀ ему дѣлается! Ѣстъ, пьетъ, спитъ, да въ шашки играетъ. Пора бы ему и честь знать! съ неудовольствіемъ отвѣчала Матрена.

— Полно грѣшить, Матренушка! съ упрекомъ возразила Агафья Степановна. Кто знаетъ, можетъ-быть, и мы съ тобою такія же будемъ....

— Не приведи Господи! сказала кухарка перекрестясь. Пожалуйте, Агафья Степановна, пожалуйте въ гостиную; я кликну барышню.

Съ этими словами Матрена прошла черезъ столовую, вошла въ спальну Татьяны Ивановны, а оттуда въ каморку, заставленную шкафами.

— Барышня! крикнула она, остановившись у лѣстницы. Въ то же время внизу послышались тихіе шаги.

— Что̀ тебѣ? спросила снизу Татьяна Ивановна.

— Пожалуйте на верхъ....

— Стъ, тише! онъ спитъ. Зачѣмъ на верхъ?

— Агафья Степановна пришла, отвѣчала кухарка шопотомъ.

— Ладно, сейчасъ буду.

Минуту спустя, Татьяна Ивановна взошла на верхъ.

Это уже не была та Татьяна Ивановна, которую мы видили на вечеринкѣ у доктора. Дома, у себя, старая дѣва была естественнѣе. На ней было простое, полинялое, ситцевое платье, висѣвшее внизъ отъ тальи прямыми скадками, многочисленность которыхъ свидѣтельствовала однакожъ о томъ, что и это платье было нѣкогда доступно расширенію, для умѣщенія пышностей. Шерстяной платокъ закрывалъ шею и грудь, и висѣлъ на спинѣ острыми концами. Волосы Татьяны Ивановны были нѣсколько растрепаны; цвѣтъ лица сѣровато-желтый, глаза утомлены, заспаны — точно, будто бы Татьяна Ивановна не мылась въ этотъ день, что̀, впрочемъ, было весьма вѣроятно, судя по рукамъ ея.

— Ахъ, Агафья Степановна, вскричала Татьяна Ивановна, войдя въ гостиную: гдѣ это вы пропадали? Здравствуйте, миленьная, здравствуйте! И съ этими словами она стала цѣловать старуху.

— Поздравляю васъ съ новымъ годомъ, Татьяна Ивановна; дай Богъ вамъ здравія и всякаго благополучія; желаю вамъ все то, что̀ вы сами себѣ желаете....

— Вамъ также, Агафья Степановна, вамъ также; садитесь, душечка.... на диванъ, Агафья Степановна; вы знаете, что вамъ принадлежитъ почетное мѣсто.... Извините, я не одѣта и немножко растрепана; но мнѣ сегодня нездоровится....

Обыкновенная отговорка неряхъ.

— Э, голубушка! возразила старуха: неужто вы начнете церемониться со мною?.... Ну что̀, матинька, какъ у васъ въ домѣ?

— Слава Богу, Агафья Степановна; тятинькѣ нездоровилось, да теперь прошло.

— А вы какъ? Да что̀, нечего и спрашивать! Вы словно маковъ цвѣтъ!

Давно Татьяна Ивановна не была такъ дурна, какъ въ этотъ день; не смотря на то, она отвѣчала пріятною улыбкой на комплиментъ старухи.

— Но скажите, Агафья Степановна, гдѣ это вы пропадали?.... Вы никакъ ушли еще передъ Рождествомъ, и съ тѣхъ поръ не бывали у насъ.... Разлюбили вы насъ совсѣмъ, душечка Агафья Степановна!

— Ахъ, не говорите, Татьяна Ивановна! Я зашла провѣдать о здоровьи къ Натальѣ Петровнѣ Прилугиной; думала пробыть у нея денекъ, много два — куды, родимая! И салопишко запрятали; не пускаютъ, да и только! Только на пятый день кое-какъ выпросилась. Думала итти прямо къ вамъ, но откуда ни возьмись, подвернулся Спиридонъ Никифорычъ Лукошкинъ.—Агафья Степановна! говоритъ, я не отпущу васъ; жена прихворнула и соскучилась безъ васъ; мы, говоритъ, раза три посылали къ вамъ; все дома нѣтъ, да дома нѣтъ... благо теперь я поймалъ васъ, и ужъ ни за какія деньги не отпущу!—Что̀ ты будешь дѣлать, голубушка! Я пошла съ нимъ, да послѣ и сама не рада была..... Ахъ, Татьяна Ивановна, если бъ ты знала, что̀ тамъ за дѣла дѣлаются! Богъ съ ними, я не сплетница какая..... Коли и случится лишнее слово вымолвить, такъ и то только съ человѣкомъ надежнымъ, не переметчикомъ.... Вы вѣдь знаете Авдотью Григорьевну?....

— Знаю, отвѣчала старая дѣва, сжавъ губы съ двусмысленной улыбкой. Не́что у нихъ въ домѣ опять что̀-нибудь новое случилось?

Старая вдова понюхала табаку, махнула рукой, и отвѣчала:

— Да что̀! Стыдно, право, и разсказывать-то!

И послѣ этого введенія, она пустилась въ одну изъ тѣхъ сплетенъ, которыя часто раскрываютъ самыя сокровенныя, семейныя тайны. Ни одинъ романъ Поль-де-Кока не возбуждалъ такого участія въ парижской гризеткѣ, съ какимъ старая дѣва слушала разсказы Агафьи Степановны. Послѣдняя не умолкала; одно обстоятельство цѣплялось за другое; она то поднимала руки къ потолку, то пожимала плечами.... Не смотря на то, что кромѣ ея и Татьяны Ивановны никого не было въ гостиной, вдова, какъ бы не смѣя произнести вслухъ нѣкоторыхъ словъ, по временамъ наклонялась къ самому уху своей слушательницы; и тогда глаза послѣдней разгорались, и на щекахъ ея выступала легкая краска; но не стыдливость вызывала этотъ румянецъ....

Наконецъ вдова замолчала и перевела духъ. Татьяна Ивановна тоже молчала, какъ бы припоминая и затверживая все разсказанное ей старою сплетницей.

— Спокойно ли вы провели время? спросила Агафья Степановна послѣ краткаго молчанія.

— Довольно спокойно; на праздникахъ мы обѣдали у экзекуторши, а наканунѣ Новаго-года были *на балу* у доктора.

— У Ѳедора Ивановича?

— Да.

— Ну что̀, какъ у него?

— Ничего; все по старому.

— Славная дѣвочка Анпушка.

— Глупа.

— Правда ваша; есть, есть маленько. Но—глупость не порокъ, Татьяна Ивановна; были бы денежки.

— У нея и того не будетъ.

— Не говорите, голубушка; умри теперь старики ея, такъ у нея будетъ восемдесятъ тысячъ чистаго капиталу, не считая другаго добра.

— Неужели это правда? Я сама слышала объ этомъ, да мнѣ не вѣрилось.

— Вѣрь, Татьяна Ивановна; я знаю заподлинно.... А что̀, прибавила вдова, искоса поглядывая на дѣву, — пора бы намъ женить Захара Ивановича.....

Татьяна Ивановна улыбнулась.

— Я сама думаю о томъ... Впрочемъ мы потолкуемъ объ этомъ дѣлѣ пообстоятельнѣе... Вѣдь вы останетесь теперь дома на нѣсколько дней?

— Останусь, миленькая; хочется отдохнуть...

— Обѣдайте сегодня съ нами.

— Изволь, голубушка; я останусь тѣмъ охотнѣе, что по запаху слышу, что у васъ сегодня щи... а я ихъ смерть какъ люблю! Кромѣ того у меня есть дѣльцо до Захара Ивановича... Не знаешь, Татьяна Ивановна, при деньгахъ ли онъ теперь?

— Кажется, что нѣтъ.

— Жаль, дѣльцо-то хорошее, съ большою прибылью; впрочемъ Захаръ Ивановичъ достанетъ....

Въ это самое время внизу послышался глухой, продолжительный кашель.

Татьяна Ивановна поспѣшно встала.

— Посидите, Агафья Степановна, сказала она: я только схожу, посмотрю, не нужно ли чего тятинькѣ... Онъ что-то сталъ кашлять чаще обыкновеннаго... Я сейчасъ вернусь.

— А я воспользуюсь этимъ временемъ, и схожу къ себѣ

внизъ на минуточку... Ключъ у васъ? спросила вдова тихимъ голосомъ.

— Нѣтъ, отвѣчала Татьяна Ивановна, невольно опустивъ глаза: онъ внизу... за клеёнкой....

Агафья Сепановна съ удивленіемъ посмотрѣла на старую дѣву, и спросила:

— Нѐчто?....

Татьяна Ивановна насупила брови, губы ея слегка задрожали, и она утвердительно кивнула головою.

Старуха вздохнула, покачала головою.

— Когда? спросила она опять.

— Сегодня, часу въ девятомъ, отвѣчала старая дѣва, едва слышнымъ голосомъ.

— Вы получили письмо?

— Получила.

— Ахъ, Татьяна Ивановна, Татьяна Ивановна! жаль мнѣ васъ... Надобно кончить это дѣло....

— О! съ жаромъ произнесла старая дѣва, я вѣчно буду признательна тому, кто поможетъ мнѣ!

— Посмотримъ, подумаемъ... Идите, Татьяна Ивановна, старикъ опять закашлялся; я вернусь черезъ полчаса.

На лѣстницѣ старуха встрѣтила Захара Ивановича, возвращавшагося домой.

— Ба, ба, ба! закричалъ онъ, грубо захохотавъ: какими судьбами!... Куда же вы? Зачѣмъ бѣжите отъ нашего хлѣба-соли?

— Я только на минуту зайду къ себѣ, и сейчасъ вернусь....

— Вотъ это другое дѣло! возразилъ Захаръ Ивановичъ, все еще преграждая путь старухѣ. Да что это вы, въ-самомъ-дѣлѣ, заспесивились? И съ праздникомъ поздравить не хотите! Видно богаты стали?... Одолжите же мнѣ милліонъ семьдесятъ пять копеекъ!

И весьма довольный своимъ остроуміемъ, Захаръ Ивановичъ захохоталъ пуще прежняго.

— Гдѣ намъ, Захаръ Ивановичъ! отвѣчала старуха, вторя смѣху шутника: я сама хотѣла просить у васъ въ долгъ....

— Коли вы просите въ долгъ, такъ будетъ толкъ! Ха, ха, ха!... Ладно, ладно, потолкуемъ послѣ обѣда; на тощій желудокъ какъ разъ обсчитаешься... Приходите же скорѣе.

Захаръ Ивановичъ пропустилъ старуху, пріятельски кив-

нувъ ей головою, но не доходя до втораго этажа, остановился, и поспѣшно кликнулъ:

— Агафья Степановна, Агафья Степановна!

— Что̀, батюшка? спросила старая вдова, остановившись на послѣдней ступени.

— Знаете новость?

— Какую? спросила вдова, навостривъ уши.

— Неужто не знаете?

— Не знаю, батюшка; что̀ такое?

— Нынче годъ високосный, отвѣчалъ Захаръ Ивановичъ, снова разразившись громкимъ смѣхомъ.

Захаръ Ивановичъ былъ въ самомъ миломъ, шутливомъ расположеніи духа.

ГЛАВА V.

Занятія Захара Ивановича.

Часть нижняго этажа, составлявшая панданъ квартиры Агафьи Степановны, состояла изъ темнаго корридора и четырехъ комнатъ. Ходъ на верхъ былъ изъ корридора.

Одну комнату занималъ дряхлый, впавшій въ ребячество, семидесяти-шести-лѣтній старикъ; въ другой былъ кабинетъ, въ третьей спальня Захара Ивановича. Оставалась еще четвертая, узенькая комната, въ одно окно, выходившее къ сараю каретника: эта комната была постоянно заперта, и ключъ отъ нея хранился у Захара Ивановича.

Кабинетъ былъ убранъ очень просто. Темная, грязно-зеленая краска, которою были выкрашены стѣны его, придавала ему мрачный видъ. Два стола, одинъ ломберный, раскрытый, другой простой, сосновый, замѣняли письменный столъ; на послѣднемъ лежали въ порядкѣ кипы бумагъ и нѣсколько книгъ, разставленныхъ рядышкомъ, корешками вверхъ; на первомъ лежало нѣсколько дестей чистой писчей бумаги, разныхъ форматовъ и добротъ; оловянная, забрызганная чернильница, буковая, точеная песочница, мраморный прессапье въ видѣ яблока, санда-

ракъ въ коробочкѣ съ аптекарской этикеткой и, по серединѣ, разграфленная подкладная бумага.

Передъ ломбернымъ столомъ стояло вольтеровское кресло, крытое зеленымъ сафьяномъ, побурѣвшимъ отъ долговременнаго употребленія.

Старинное, горбатое бюро на точёныхъ ножкахъ, шкафъ, выкрашенный подъ красное дерево и служившій хранилищемъ немноготомной библіотеки, турецкій диванъ, крытый ситцомъ коричневаго цвѣта съ голубыми и желтыми узорами, нѣсколько стульевъ, да два горшка цвѣтовъ вялой ерани дополняли убранство кабинета. Во всемъ проявлялась благоразумная неприхотливость труженика, лишеніями и бережливостью достигнувшаго скромнаго благосостоянія. Захару Ивановичу стоило только показать свой кабинетъ, чтобы опровергнуть обвиненія въ какихъ-либо противузаконныхъ дѣйствіяхъ или неправильномъ стяжаніи земныхъ благъ.

Впрочемъ Захаръ Ивановичъ былъ совершенно спокоенъ на этотъ счетъ. Онъ составилъ себѣ репутацію искуснаго, усерднаго дѣльца, и—легче было бы сдвинуть съ мѣста огромный камень, нежели поколебать эту репутацію.

Какъ человѣкъ и семьянинъ, онъ жилъ скромно, содержалъ престарѣлаго отца и сестру; долговъ не имѣлъ; въ карты игралъ для препровожденія времени и по маленькой; имѣлъ знакомство не большое, но избранное.

На другой день послѣ разсказаннаго въ предшествовавшей главѣ, въ восьмомъ часу утра, Захаръ Ивановичъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ.

Это былъ уже не тотъ Захаръ Ивановичъ, съ которымъ вы, читатель, познакомились на вечерѣ у доктора. Справедливость заставила меня сказать, что гишпанскій костюмъ былъ не къ лицу Опухтину, но та же справедливость заставляетъ меня теперь объявить, что фракъ сидѣлъ на немъ такъ, что, право, невольно раждался въ умѣ вопросъ: онъ ли былъ созданъ для фрака, или фракъ для него?

Платье сидѣло на Захарѣ Ивановичѣ плавно, спокойно; отъ спины къ фалдамъ не было рѣзкаго перехода, заимствованнаго мужчинами у дамъ; рукава были волнисты, и не придавали рукамъ вида гладко-обструганныхъ или точёныхъ балясъ; фалды шли съуживаясь въ такой пропорціи, что если бы ихъ довести до пятокъ, то онѣ образовали бы острые концы; пуговицы сходились съ петлями безъ всякой натяжки, и застегнувшись, Захаръ Ивановичъ

могъ бы очень легко просунуть между жилетомъ и фракомъ двадцати-копеечный ситникъ. Опухтинъ выбранилъ однажды своего портнаго *Вольтеромъ* за то, что тотъ сшилъ ему панталоны со штрипками. Сапоги онъ носилъ плоскодонные, безъ высокихъ каблуковъ.

Что̀ касается до физіономіи Захара Ивановича, то она походила на паспортныя примѣты; все въ ней было *обыкновенно*, цвѣтъ глазъ неопредѣленный, волоса коротко обстрижены, подбородокъ гладко выбритъ. Не считая бакенбарды непристойными для человѣка дѣловаго, Захаръ Ивановичъ предоставилъ имъ полную волю прозябать на щекахъ его; но онѣ пустили десятокъ длинныхъ желтоватыхъ волосъ, и ограничились этимъ.

По правую сторону Захара Ивановича сидѣлъ на стулѣ человѣкъ съ рыжей бородкой, въ изношенномъ кафтанѣ, усѣянномъ пухомъ и опоясанномъ грязнымъ кушакомъ, свернувшимся въ канатъ. Возлѣ него на полу лежалъ мѣшокъ, изъ котораго торчали книги.

Казалось, Захаръ Ивановичъ только что пожурилъ этого человѣка, потому-что онъ, опустивъ глаза, перебиралъ въ рукахъ шапку съ суконнымъ, до половины оборваннымъ козырькомъ.

— Ей-ей говорилъ онъ, я не могу знать-съ...

— И я, братецъ, не могу знать! возразилъ Захаръ Ивановичъ, смотрясь въ круглое зеркальцо, и потирая пальцемъ мѣсто на подбородкѣ, порѣзанное бритвой.

— Это совершенно такъ-съ, но...

— Да полно отпираться? Ужъ проболтался, такъ лучше повинись.

— Сквозь землю провалиться, не говорилъ никому... Я божиться напрасно не стану.

— Такъ кто же, братецъ, сказалъ?... Вотъ такъ онъ мнѣ и брякнулъ: «Далъ двѣсти, взялъ заемное въ четыреста, да залогу въ пятьсотъ!...» А гдѣ они пятьсотъ-то? Хламъ, рухлядь! Поди тамъ послѣ, сбывай какъ знаешь!... А что̀ заемное-то въ четыреста? Богъ съ нимъ и совсѣмъ! Подай только мои денежки, а тамъ ступай себѣ! Ты же выпросилъ у меня; пропадетъ, говоришь, человѣкъ; выручите, говоришь.... Такъ или не такъ?

— Безъ всякаго сумлѣнія...

— То-то, безъ всякаго сумлѣнія! За свою же за доброту я терплю!

*

— Да позвольте узнать, Захаръ Ивановичъ, кто осмѣлился...

— А поди-вотъ, спроси! Ворвался человѣчекъ въ домъ подъ чужимъ именемъ, да и наговорилъ мнѣ непріятностей.

— Слова нѣтъ, Захаръ Ивановичъ.

— А все по твоей милости! Закаялся-жъ я теперь... никому ни гроша, хоть съ голоду умирай! Своя репутація дороже. Слышь. Кнутовъ, впередъ, братъ, ко мнѣ съ такими штуками не подъѣзжай!

— Воля ваша, отвѣчалъ Кнутовъ, вставая и отряхая мѣшокъ.

— Да посуди самъ, братецъ, продолжалъ Опухтинъ, какъ бы спохватившись и смягчивъ голосъ: кому пріятно, если какой-нибудь фанфаронъ станетъ марать честь? Я, братецъ, дѣлецъ извѣстный, человѣкъ чистый, не то, чтобы что-нибудь этакое...

— Правда ваша. равнодушно отвѣчалъ Кнутовъ: за тѣмъ прощайте...

— Нѣтъ, постой; поставь себя на мое мѣсто, продолжалъ Захаръ Ивановичъ, стараясь, по-видимому, удержать Кнутова.

— Счастливо оставаться...

— Куда же ты торопишься? вскричалъ Захаръ Ивановичъ, вставая: выпей хоть чайку стаканъ.

— Некогда, Захаръ Ивановичъ; я было пришелъ къ вамъ за дѣломъ, да коли вамъ неугодно...

— За какимъ дѣломъ?

— Такъ-съ, аферишка маленькая... отвѣчалъ Кнутовъ, смотря въ сторону и почесываясь.

— Ахъ ты разбойникъ! возразилъ Захаръ Ивановичъ, засмѣявшись: вѣчно у тебя затѣи... Ну, постой; свали-ка мѣшокъ, да садись.... Я скажу, чтобы намъ принесли чаю.

— Благодаримъ покорно-съ.

— Да ну! садись, говорятъ; ахъ ты рыжая борода! сказалъ Захаръ Ивановичъ, слегка потрепавъ Кнутова за бороду.

Нѣсколько минутъ спустя, и Опухтинъ и букинистъ сидѣли опять на прежнихъ мѣстахъ. Передъ первымъ стояла большая, такъ называемая аппетитная чашка, а передъ послѣднимъ стаканъ.

— Сливокъ хочешь? спросилъ Захаръ Ивановичъ. Ну, разсказывай; какое тамъ у тебя дѣло!

— Вѣстимо денежное, Захаръ Ивановичъ.

— Денежныя разныя бываютъ дѣла.

— Нужно-съ двѣсти рублёвъ.

— Опять двѣсти!.. Это кое-какъ собрать можно.

— Двѣсти серебряныхъ.

— Экъ ты хватилъ! Шутка, семьсотъ рублей!

— Человѣкъ-то хорошій, я съ нимъ съ Петрова-дня знакомъ; онъ у меня книги беретъ, да не на промѣнъ, а все на наличныя; и книги-то все *ученыя*.

— Сочинитель какой-нибудь!

— Сохрани Господи! Нѣтъ-съ, почище всякаго сочинителя будетъ.

— То-то же!

— Да вы и тятиньку ихъ знаете.

— Какъ зовутъ?

— Тучиновымъ.

Захаръ Ивановичъ припрыгнулъ на стулѣ.

— Александръ Матвѣичъ? спросилъ онъ.

— Сынъ ихній-съ Николай Александрычъ.

Опухтинъ протяжно свистнулъ и почесалъ лобъ.

— Сынокъ-то, видно, въ отца пошелъ... погуливаетъ? сказалъ онъ, послѣ краткаго молчанія.

— Есть маленько.

— Гм!... Трудная, братъ, задача.

— Нечто вы не при деньгахъ, Захаръ Ивановичъ?

— Что̀ деньги! Деньги достать не штука... тутъ другая запятая... Александръ Матвѣичъ мнѣ очень нужный человѣкъ...

— Что̀ за важность! Вы въ сторонѣ.

— Онъ такъ-то такъ... Знаешь что̀?

— Ну-съ?

— Вотъ мы какъ сдѣлаемся. Скажи Николаю Александровичу, что у тебя денегъ нѣтъ. Слышишь?

— Слышу-съ.

— Но дескать, ты знаешь благодѣтеля, который не откажется помочь тебѣ. Сколько, бишь, ему нужно!

— Двѣсти серебромъ-съ.

Ну такъ ты напиши заемное въ...

— Поменьше, батюшка! человѣкъ надежный; впередъ пригодится.

— Ладно, пиши въ триста; такъ и быть! Не хочу притѣснять. Вели маклеру написать, что я, дескать, нижепод-

писавшійся, Николай Александровъ сынъ Тучиновъ занялъ у Захара Иванова сына...

— На ваше имя? съ изумленіемъ спросилъ букинистъ.

— Слушай только. Занялъ, дескать, столько-то, кои деньги и обязуюсь выплатить черезъ?....

— Два мѣсяца!

— Ладно. Заставь его подписать это заемное; да, смотри, говори, что ты отъ меня всѣ триста сполна получилъ.

— Знаемъ, знаемъ-съ.

— У меня есть свои причины.... Авось со-временемъ пригодится. Смотри же, исполни все такъ, какъ я приказываю.

— Слушаю, Захаръ Ивановичъ. А когда прикажите *зайтить?*

— Недѣли черезъ полторы...

— Долгонько.

— Надо подумать, сообразить... Ухъ, какъ я съ тобой заболтался! Пора идти по дѣламъ, вскричалъ Опухтинъ, посмотрѣвъ на серебряные, карманные часы. Залогъ, разумѣется, есть? прибавилъ онъ небрежно.

— Знатный...

— Хорошо, хорошо, это ужъ мы между собой устроимъ... Приготовь заемное, да зайди въ началѣ будущей недѣли.

— Нельзя ли на этой, Захаръ Ивановичъ?

Опухтинъ всталъ и, какъ бы подумавъ отвѣчалъ:

— Зайди въ субботу; можетъ-быть, я къ тому времени достану... Ахъ кстати, какъ ты съ фортупьянщикомъ раздѣлался?

— Чево, отвѣчалъ Кнутовъ, махнувъ рукой: вертопрахъ нашъ, сударь, въ-самомъ-дѣлѣ, только на прокатъ взялъ, да и заложилъ. Я къ нему, а онъ и усомъ не ведетъ! Нѣту, говоритъ, денегъ, да и только.

— Какъ же ты кончилъ?

— Какъ тутъ кончить! Вѣстимо, свои заплатилъ, угрюмо отвѣчалъ букинистъ.

— А протестовалъ?

— Какъ же-съ. Придется упрятать его въ тюрьму.

— Повремени еще маленько. А Сидоровъ?

— Обѣщался завтра разсчитаться.

— А съ купчихой, что хотѣла купить лисій салопъ, ты не сдѣлался?

— Нѣтъ еще; торгуется больно; да придется спустить, а

не то залежится опять. Къ купчихѣ подъѣхалъ мѣховщикъ съ Толкучаго...

— Гм!.. Поторгуйся еще маленько, авось прибавитъ. А нѣтъ, такъ отдавай! Убытка не будетъ.

— Слушаю.

Ну, съ Богомъ; мнѣ пора идти.

Кнутовъ взвалилъ опять мѣшокъ на спину, и поклонившись, хотѣлъ итти.

— Эхъ, забылъ совсѣмъ! сказалъ онъ, спохватившись: нѣтъ ли у васъ, Захаръ Ивановичъ, лампы?

— Какой?

— Столовой; вотъ что съ колпакомъ.

— Есть, отличная. Совсѣмъ новая.

— А какъ цѣна-съ?

— А вотъ зайдешь, такъ потолкуемъ; теперь мнѣ некогда.... А лампа богатая! Самъ увидишь. Прощай, Кнутовъ, прощай.

Букинистъ ушелъ.

Захаръ Ивановичъ пригладилъ передъ зеркальцомъ волосы, поправилъ галстухъ, провелъ руками по обоимъ рукавамъ, и поспѣшно вышелъ въ сосѣднюю комнату.

ГЛАВА VI.

Отецъ, сынъ и дочь.

Въ сосѣдней комнатѣ, въ вольтеровскомъ креслѣ, совершенно подобномъ тому, которое стояло въ кабинетѣ Захара Ивановича, сидѣлъ старикъ въ ветхомъ, замасленномъ халатѣ на ватѣ и въ голубой, вязанной шапкѣ съ серебряною кисточкою. Неподвижность всего тѣла, голова, свѣсившаяся на грудь, отвислыя щеки, тусклые, безжизненные глаза съ пожелтѣвшими бѣлками, множество горизонтальныхъ морщинъ вокругъ губъ, придавали старику безсмысленный видъ. По временамъ продолжительный, мокротный кашель потрясалъ все тѣло отжившаго старика, и дрожащею, морщинистою рукою утиралъ онъ слюну съ губъ.

Старикъ сидѣлъ возлѣ топившейся печи, положивъ ноги, обутыя въ туфли на волчьемъ мѣху, на скамеечку; у окна сидѣла Татьяна Ивановна съ рукодѣльемъ.

Захаръ Ивановичъ подошелъ къ старику, и наклонившись къ нему, спросилъ:

— Что̀, тятенька, каково вамъ?

Старикъ медленно поднялъ тяжелыя вѣки, посмотрѣлъ на сына, и спросилъ глухимъ, дребезжащимъ, прерывающимся голосомъ:

— Сколь... сколько градусовъ мо...мо...морозу?

— Десять, отвѣчалъ Захаръ Ивановичъ на удачу.

— Сколь... сколько?

— Десять, повторилъ Захаръ Ивановичъ громче.

— Все.... дес... десять, возразилъ старикъ сердито, отъ чего лицо его сморщилось болѣе обыкновеннаго, и голова затряслась.

— Ничего, ничего, тятенька, скоро меньше будетъ, сказалъ Захаръ Ивановичъ снисходительно.

Старикъ опустилъ глаза, и не отвѣчалъ.

Захаръ Ивановичъ почтительно поцѣловалъ руку отца, и кивнувъ головою сестрѣ, ушелъ на цыпочкахъ.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

Татьяна Ивановна была погружена въ размышленія; продолжая прилежно перешивать старое, перекрашенное платье, она то вздыхала, то насмѣшливо, то пріятно улыбалась. Это было отраженіе мыслей ея. По временамъ,—вѣроятно, въ минуты перехода отъ одной мысли къ другой,—Татьяна Ивановна обращала глаза на старика съ заботливостью, мало согласовавшеюся съ жесткимъ, злобнымъ выраженіемъ ея лица.

— Захарушка! произнесъ, наконецъ, старикъ.

— Онъ ушелъ, тятенька, сказала Татьяна Ивановна.

— За тобой, Захарушка, два гривенника, продолжалъ старикъ.

— Его нѣтъ, тятенька, онъ ушелъ, повторила Татьяна Ивановна болѣе громкимъ голосомъ и наклонившись нѣсколько къ старику

— Куда ушелъ?

— По своимъ дѣламъ.

— Въ школу?

— По дѣламъ.

— А зачѣмъ онъ ушелъ безъ спросу?...

— Онъ спрашивался у васъ.

— Опасно... подъ лошадей подвернется, продолжалъ старикъ ворчливо. Посмотри, Таня, не играетъ ли онъ въ бабки на задворкѣ?

— Нѣтъ, тятенька, на задворкѣ никого нѣтъ, отвѣчала Татьяна Ивановна, выглянувъ въ окно.

— Схо... схо... сходи, посмотри! сердито вскричалъ старикъ.

Татьяна Ивановна встала, не выказывая ни малѣйшаго неудовольствія, вышла въ коридоръ, пробыла тамъ около минуты, и вернулась.

— Его нѣтъ тамъ, тятенька, сказала она.

Но старикъ, по-видимому, забылъ уже зачѣмъ высылалъ дочь. Безсмысленно посмотрѣлъ онъ на нее; нѣчто похожее на улыбку стянуло губы его, и поднявъ дрожащую руку, онъ произнесъ:

— Таничка!

Дочь взяла руку его, наклонилась къ нему и поправила шерстяную шапку, сдвинувшуюся на сѣдыя брови старика.

— Холодно вамъ? спросила она.

— Нѣтъ.... нѣтъ; только ноги забнутъ.

Татьяна Ивановна достала старый коврикъ, и закрыла имъ ноги отца.

— Хорошо такъ?

Старикъ погладилъ рукою волосы дочери, ставшей на колѣни, чтобы окутать ноги отца.

— Не хотите ли въ шашки поиграть, тятенька? спросила Татьяна Ивановна.

— Не хочу.... не хочу.... мнѣ надоѣло сидѣть.... хочется погулять....

Татьяна Ивановна помогла старику встать; взяла его подъ одну руку, а въ другую дала ему трость, и стала водить его по комнатѣ.

Не дойдя втораго разу отъ окна до двери кабинета, старикъ закашлялся такъ, что ноги его подкосились, и дочь должна была подхватить его подъ обѣ руки, чтобы онъ не упалъ.

— Ухъ!... усталъ, сказалъ онъ, задыхаясь:—вижу....вижу.... старость одолѣваетъ.... Сѣсть хочу....

Татьяна Ивановна посадила его въ кресло, прикрыла опять ноги ковромъ, и видя, что старикъ закрылъ глаза, вернулась къ своему рукодѣлью.

— А что же ты въ шашки-то хотѣла играть? сказалъ

старикъ въ то самое время, когда дочь его только-что принялась за работу.

Она опять встала, придвинула столикъ съ шашечной доской, и сѣвъ противъ отца, стала разстанавливать шашки.

— Я самъ.... я самъ! вскричалъ старикъ съ раздражительностію ребенка, сбивъ съ мѣста шашки, разставленныя дочерью для него. Потомъ онъ самъ сталъ приводить шашки въ порядокъ, ставя ихъ на удачу, куда ни попало.

Татьяна Ивановна терпѣливо слѣдила за медленными движеніями отца.

— Вотъ такъ, сказалъ онъ: кому ходить?

— Вамъ тятенька.

— Не торопись.... надо подумать.... первый ходъ самый важный....

Долго думалъ старикъ, передвигая то одну, то другую шашку, и наконецъ рѣшился сходить.

Нѣсколько минутъ продолжалась странная игра, въ которой старикъ обдумывалъ каждый ходъ, и не-смотря на то, безпрестанно сбивался, и потомъ раскаявался, что сходилъ такъ, а не иначе. Едва ли игроку нужно столько умѣнья, чтобы выиграть, сколько хитрости и уловокъ нужно было Татьянѣ Ивановнѣ, чтобы проиграть. Наконецъ ей удалось пропустить отца *въ дамки*; ему оставалось только двинуть шашку въ послѣдній рядъ, но онъ задумался такъ, какъ будто бы дѣло шло о труднѣйшей задачѣ. Чтобы внѣшніе предметы не развлекали его, старикъ закрылъ глаза, приложивъ палецъ къ носу.

Минуту спустя, рука его тяжело опустилась на колѣни... Онъ заснулъ.

Татьяна Ивановна осторожно отставила столъ, посмотрѣла еще нѣсколько секундъ на отца, потомъ принялась опять за свою работу.

Такова была домашняя жизнь старой дѣвы. Съ рѣдкимъ, замѣчательнымъ самоотверженіемъ подчинилась Татьяна Ивановна прихотямъ и странностямъ дряхлаго старика, отца ея.

Иванъ Прохоровичъ вступилъ въ службу въ послѣдніе годы царствованія Императрицы Екатерины II. Въ горестную, холерную годину, въ 1831 году, Иванъ Прохоровичъ лишился жены. Это обстоятельство и свирѣпство язвы, уносившей жертву за жертвой, произвели такое глубокое впечатлѣніе на Опухтина, что онъ впалъ въ бѣлую горячку въ то самое время, когда холера, собравъ свою

дань съ Петербурга, обратила въ другую сторону свое зараженное дыханіе.

Ивану Прохоровичу было въ то время шестьдесятъ три года; не-смотря на то, крѣпкая натура его, не поколебленная излишними усиліями ума, одолѣла болѣзнь, которая кинулась на слабѣйшую часть его, а именно на умственныя способности: онѣ не разстроились совершенно, но впали въ отупѣніе. Прошедшее почти совершенно изгладилось изъ памяти Ивана Прохоровича, а всѣ дѣйствія настоящей жизни сдѣлались для него рядомъ трудныхъ задачъ, рѣшеніе которыхъ требовало необыкновеннаго напряженія ума. При отставкѣ Иванъ Прохоровичъ получилъ пожизненную пенсію. Иванъ Прохоровичъ питалъ — страсть къ деньгамъ. Не заманчивыя, обольстительныя идеи богатства были источникомъ этой страсти, но чувство болѣе исключительное, болѣе сжатое и мелочное: старикъ Опухтинъ любилъ деньги не за всемогущую силу, а скорѣе за красоту ихъ. Онъ предпочиталъ серебро, и преимущественно мелкое: цѣлковый самъ по себѣ представлялъ для него единицу, между тѣмъ какъ, будучи размѣненъ на пятачки, онъ представлялъ двадцать единицъ, и старикъ обходился ласково со своимъ сыномъ только тогда, когда послѣдній приносилъ ему пенсію самой мелкой монетой.

Тотчасъ по отставкѣ отъ службы, Иванъ Прохоровичъ объявилъ сыну, что онъ ему не дастъ ни копейки изъ своей пенсіи. Захаръ Ивановичъ не прекословилъ, ибо зналъ, что рано ли, поздно ли деньги эти достанутся ему же; конечно, жаль было, что онѣ представляли мертвый капиталъ, между тѣмъ какъ ихъ можно было пустить въ оборотъ, но— надобно же было *потѣшить* старика. Захаръ Ивановичъ наслѣдовалъ отъ отца страсть къ деньгамъ, но въ немъ эта страсть подчинилась вліянію вѣка.... для него деньги были живые дѣятели, которые, по мнѣнію Захара Ивановича, должны были плодитися и множитися....

Иванъ Прохоровичъ копилъ; но ни сынъ, ни даже дочь его не знали, куда онъ пряталъ свое сокровище. Онъ даже не любилъ, чтобы ему говорили объ его деньгахъ, и только, по временамъ, оставаясь на единѣ съ Татьяной Ивановной, твердилъ ей:

— Все тебѣ достанется..... *ему* ничего!

Привязанность его къ дочери усилилась съ тѣхъ поръ, какъ непріязнь къ сыну обнаружилась. Впрочемъ Татьяна Ивановна вполнѣ заслуживала эту привязанность.

Старая дѣва, въ домашнемъ быту являла идеалъ дочерней привязанности. Вспыльчивая отъ природы, она была съ отцомъ кротка и терпѣлива, какъ ягненокъ; передъ прихотями старика, умножавшимися съ лѣтами, исчезала собственная воля Татьяны Ивановны. Мать, жертвуя собою для дитяти, находитъ отраду и утѣшеніе въ развитіи ребенка,—будущее сулитъ ей еще высшую награду; самопожертвованіе Татьяны Ивановны было неограниченнѣе, совершеннѣе: наслѣдство, обѣщаемое старикомъ, не прельщало ее; попеченія о дряхломъ старикѣ не были вознаграждаемы; въ нравственномъ отношеніи онъ каждый день становился тупѣе, раздражительнѣе, требовательнѣе; въ физическомъ—разрушеніе жизненныхъ силъ становилось явственнѣе.....

Уединеніе, отчужденіе отъ свѣта Ивана Прохоровича были, можетъ-быть, главной причиною того, что Татьяна Ивановна не встрѣтила своего суженаго, и сдѣлалась старой дѣвой, существомъ независимымъ, исключительнымъ, которое хладнокровнѣе анализируетъ недостатки общества, точно такъ, какъ человѣкъ, стоящій внѣ толпы, удобнѣе обозрѣваетъ ее.

Изъ трехъ высокихъ, святыхъ назначеній женщины—назначеній дочери, супруги и матери—на долю Татьяны Ивановны досталось только первое.... и, со старикомъ, Иваномъ Прохоровичемъ, она была *дочь*, въ самомъ высокомъ значеніи этого слова; въ обществѣ она была существо злобное, исключительное,—а всякая исключительность сильно развиваетъ въ человѣкѣ одно изъ духовныхъ началъ его: *добро* или *зло*.

Такимъ же образомъ двоилась и жизнь Захара Ивановича. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что *ссужая* ближнихъ въ критическія минуты, онъ дѣлалъ добро; зло могло заключаться только въ томъ, что, одолжая единицу, онъ требовалъ обратно двѣ и болѣе, смотря по обстоятельствамъ;—но Захаръ Ивановичъ называлъ это *обезпеченіемъ*, въ слѣдствіе котораго имущій, то есть честный плательщикъ покрывалъ убытокъ, наносимый неимущимъ. Для совершеннаго успокоенія своей совѣсти, Опухтинъ не признавалъ нравственнаго различія между своими должниками.

Если бъ у Захара Ивановича была хоть половина того ума, которымъ природа надѣлила сестру его, то съ такими оригинальными понятіями онъ пошелъ бы далеко; но по счастію для него и для общества, природа, ограничивъ умъ, ограничила и кругъ дѣятельности его.

Человѣкъ составленъ изъ контрастовъ. Добро мѣшается въ немъ со зломъ, и первое, то беретъ верхъ надъ вторымъ, то подчиняется ему. Подробности и виды постоянной борьбы между степенями добра и зла составляютъ великую, неразгаданную *науку жизни*. Ученость не подвела еще этой науки подъ извѣстныя формулы, потому-что объемъ ея обширенъ и раздробленіе безконечно. Исторія есть только выводъ, а философія анализъ ея; но философія въ отношеніи къ наукѣ жизни то же, что геометрія въ отношеніи къ калейдоскопу.

Два элемента, два начала этой науки—*добро* и *зло;* но виды ихъ такъ разнообразны, степени ихъ такъ многочисленны, что часто одно доброе качество сглаживаетъ множество злыхъ, и—наоборотъ.

Это несовершенство представляетъ человѣку мыслящему обширное поле наблюденій, результаты которыхъ, будучи изложены въ яркихъ и вѣрныхъ краскахъ, составляютъ драгоцѣнные матеріалы для великой науки жизни, одно внимательное изученіе которой можетъ уничтожить пагубный перевѣсъ зла надъ добромъ....

ГЛАВА VII.

Капризная женщина.

Въ домѣ Ѳедора Ивановича все шло прежнимъ порядкомъ.

Странное приключеніе на вечеринкѣ, наканунѣ Новаго-года, не имѣло важныхъ, по-крайней-мѣрѣ, видимыхъ послѣдствій. Аннета разсказала матери весь разговоръ свой съ полишинелемъ. Юлія Карловна, опасаясь, чтобы это происшествіе не произвело слишкомъ глубокаго впечатлѣнія на молодую дѣвушку, обратила все дѣло въ шутку, и смѣясь, пожурила дочь за излишнюю чувствительность.

Но Аннета инстинктивно угадала, что смѣхъ матери ея не искрененъ; ей даже было немножко досадно, что Юлія Карловна обращала въ шутку происшествіе, которое ей ка-

залось чрезвычайно важнымъ, и въ первый разъ въ жизнь свою, молодая дѣвушка въ собственномъ умѣ и не прибѣгая къ матери, стала искать рѣшенія этой задачи, бросившей первую тѣнь въ существованіе, дотолѣ свѣтлое, ясное.

Весь гнѣвъ Юліи Карловны готовъ былъ обрушиться на Ѳедора Ивановича, но онъ отклонилъ бѣду, взявъ всю вину на себя и давъ слово, что впередъ, либо совсѣмъ не будетъ давать маскарадовъ, либо будетъ заставлять гостей снимать маски въ прихожей.

Такимъ образомъ миръ и тишина опять наступили въ домѣ доктора.

Двѣ недѣли спустя послѣ Новаго-года, Ѳедоръ Ивановичъ обѣдалъ съ женою и дочерю, когда слуга доложилъ ему, что его немедленно просятъ къ Александру Матвѣевичу Тучинову.

Ѳедоръ Ивановичъ, порядочный лакомка, слегка насупилъ брови, потому-что жена только что подала ему грудинку и поджаренное крылышко жирной, сочной пулярдки. Минутная нерѣшимость, слѣдствіе борьбы долга съ голодомъ, выразилась на лицѣ его; потомъ, не отвѣчая ни слова слугѣ и не трогаясь съ мѣста, онъ принялся уплетать грудинку.

— Вы забыли вишни, папа, сказала Аннета, подавая отцу салатникъ съ вишнями въ уксусѣ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, съ неудовольствіемъ возразилъ Ѳедоръ Ивановичъ: — покоя не даютъ....

— Кто боленъ у Тучиновыхъ? спросила Юлія Карловна.

— Никто не боленъ! отвѣчалъ докторъ: опять какой-нибудь новый капризъ....

— Такъ тебѣ не зачѣмъ торопиться....

— Разумѣется! и не буду торопиться, отвѣчалъ Ѳедоръ Ивановичъ, уплетая крылышко съ поспѣшностью, противорѣчившею словамъ его.

Не теряя болѣе словъ, Ѳедоръ Ивановичъ сложилъ косточки на край тарелки, обмакнулъ мякишъ хлѣба въ оставшійся на тарелкѣ соусъ, потомъ налилъ себѣ лафита, опорожнилъ рюмку, полоща ротъ каждымъ глоткомъ и пощелкивая языкомъ, и всталъ, утираясь салфеткой.

— Какое пирожное? спросилъ онъ, бросивъ печальный взглядъ на жаркое, съ которымъ неохотно разставался.

— Слоёные пирожки съ вареньемъ, отвѣчала хозяйка.

— Оставь мнѣ два или три пирожка; я съѣмъ ихъ съ ко-

фе, сказалъ Ѳедоръ Ивановичъ; да чтобъ кофе не простылъ, я сейчасъ вернусь....

И выпивъ еще рюмку вина, докторъ поспѣшно удалился.

Перейдя черезъ улицу, онъ поднялся до втораго этажа противоположнаго дома, и позвонилъ.

— Кто боленъ? спросилъ онъ слугу, отворившаго дверь.

— Барыня; пожалуйте, я доложу.

Лакей повелъ Ѳедора Ивановича по корридору, отворилъ въ концѣ его дверь въ дѣвичью, и велѣлъ одной изъ служанокъ доложить барынѣ, что пришелъ-молъ дохтуръ.

Минуту спустя Ѳедоръ Ивановичъ вошелъ въ спальню Катерины Васильевны Тучиновой.

Не-смотря на множество драгоцѣнныхъ бездѣлушекъ, комната эта имѣла мрачный видъ. По странной прихоти хозяйки, обои, занавѣсы, бархатныя подушки мебели и даже коверъ были фіолетоваго цвѣта, различные оттѣнки котораго, смотря по матеріи, разрушали однообразіе и безвкусіе, въ которомъ съ перваго взгляда можно бы обвинить хозяйку. Фарфоровыя вазы, хрусталь, изящныя статуэтки прекрасно отдѣлялись отъ темныхъ обой съ нѣжными, серебристыми украшеніями. Въ глубинѣ комнаты находился альковъ; опущенные между двумя полированными колоннами занавѣсы скрывали кровать.

Занавѣсы оконъ были также опущены; на красивой лампѣ былъ, кромѣ стекляннаго шара, опущенъ колпакъ, и фіолетовая тѣнь, подобно южнымъ сумеркамъ, покрывала всѣ предметы, что́ придавало комнатѣ еще болѣе грустный, унылый видъ.

На диванѣ лежала женщина въ бѣломъ пеньуарѣ, связанномъ около шеи чорной, шолковой ленточкой; на головѣ у нея былъ утренній батистовый чепчикъ, обшитый кружевами.

Ей казалось не болѣе тридцати двухъ лѣтъ; блѣдныя щеки ея были впалы; чорные глаза горѣли лихорадочнымъ огнемъ посреди коричнево-синеватыхъ ободовъ, углублявшихъ ихъ; руки ея были бѣлы, аристократически нѣжны; но по временамъ, при малѣйшемъ волненіи, синеватыя жилы, пересѣкавшія ихъ, надувались; пальцы были такъ худощавы, что въ очеркахъ ихъ явственно обрисовывались кости составовъ.

Предъ диваномъ стоялъ столикъ; на немъ, на серебряномъ подносѣ, графинъ, стаканъ, хрустальная сахарница и колокольчикъ.

Ѳедодъ Ивановичъ вошелъ на цыпочкахъ, поставилъ шляпу на стулъ, и подошелъ къ дивану.

— Стулъ, сказала больная служанкѣ.

Послѣдняя исполняла приказаніе госпожи.

— Ступай, сказала больная.

Горничная ушла, а докторъ сѣлъ возлѣ дивана.

— Что̀ съ вами? спросилъ Ѳедоръ Ивановичъ

— Мнѣ очень дурно.

Докторъ подулъ въ руки, потеръ ихъ, чтобы согрѣть, и сталъ щупать пульсъ больной, опустивъ глаза и потирая подбородокъ.

— Гм! произнесъ онъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія.

— Сердце мое бьется такъ сильно, что я слышу каждый ударъ....

— Гм! гм! повторилъ докторъ.

— Малѣйшій шумъ заставляетъ меня вздрагивать....

— Нервы раздражены.

— По временамъ не выразимая боязнь овладѣваетъ мною; мнѣ становится страшно.... я боюсь пошевельнуться.... не смѣю даже позвать горничную....

— Такъ, такъ!

— Мнѣ скучно... мнѣ грустно!... произнесла больная, зарыдавъ и закрывъ лицо обѣими руками.

Докторъ посмотрѣлъ на нее съ состраданіемъ, и нѣсколько наклонившись къ ней, сказалъ:

— Простите мнѣ нескромный вопросъ.... Но чтобы съ пользой лечить нѣкоторыя болѣзни, признаки которыхъ болѣе проявляются въ моральномъ, нежели въ физическомъ разстройствѣ, врачъ долженъ употреблять все свое стараніе, чтобы дойдти до настоящихъ источниковъ этого разстройства....

— А если, не-смотря на всѣ свои усилія, онъ не откроетъ ихъ? спросила больная, глаза которой сверкнули.

— Это можетъ произойти только отъ упорства больнаго; въ такомъ случаѣ честный, добросовѣстный врачъ долженъ объявить ему прямо, что отказывается лечить его.

Катерина Васильевна помолчала минуту, потомъ спросила небрежно:

— О чемъ же вы хотѣли спросить меня?

— Горесть, печаль, тоска и другія тягостныя ощущенія души, сосредоточивая, такъ сказать, силы периферіи въ центръ, порождаютъ опасныя болѣзни, лучшимъ средствомъ

противу которыхъ можетъ быть только устраненіе причинъ тягостнаго, душевнаго ощущенія....

— Стало быть, вы думаете, что у меня есть тайное горе? спросила больная, странно улыбнувшись.

— Не думаю, а спрашиваю, отвѣчалъ докторъ, пожавъ плечами.

Катерина Васильевна промолчала нѣсколько секундъ, пожала плечами, и улыбнувшись, сказала:

— Какъ вы странны, Ѳедоръ Ивановичъ....

Докторъ слегка насупилъ брови. Если она меня позвала только для того, чтобы сказать, что я страненъ, такъ лучше бы оставила меня спокойно докончить пулярдку.

— Какъ вы странны, повторила больная, неподвижно устремивъ глаза впередъ: — о чемъ мнѣ грустить? Посудите сами.

— Конечно, но....

— Я богата; мужъ не отказываетъ мнѣ даже въ прихотяхъ....

— Да, да!

— Я молода, слѣдовательно, свѣтскія удовольствія имѣютъ еще для меня цѣну.

— Справедливо, но, сколько мнѣ извѣстно, вы отказываетесь отъ этихъ удовольствій; вы вѣчно однѣ, рѣдко выѣзжаете, не имѣете развлеченій, и—простите мнѣ, — но вотъ, можетъ-быть, причина тоски, которую я, по неволѣ, долженъ назвать неосновательною.

— А почему не хотите вы допустить, что тоска, которую *вы* называете неосновательной, заставляетъ меня отказываться отъ развлеченій?

— Объясните мнѣ причину этой тоски, и я, можетъ-быть, соглашусь съ вами.

— Помогите мнѣ найдти эту причину.

— Извольте: не огорчаютъ ли васъ дѣти?...

— О нѣтъ, нѣтъ! съ судорожнымъ движеніемъ вскричала больная. Я совершенно счастлива въ своемъ семействѣ!... Дѣти мои здоровы, кротки.... Мужъ мой.... благородный человѣкъ.... я счастлива съ нимъ, я предана ему всею душою, продолжала Катерина Васильевна съ лихорадочнымъ жаромъ: я готова отдать за него жизнь свою!...

— Прекрасно, съ чувствомъ возразилъ докторъ: супругъ вашъ заслуживаетъ эту любовь, потому-что и онъ живетъ только для васъ и для своихъ дѣтей!...

Улыбка, исполненная неизъяснимой, неуловимой грусти, выступила на страдальческомъ лицѣ больной.

— Впрочемъ, вы знаете это лучше меня, добродушно прибавилъ Ѳедоръ Ивановичъ.

— Да, да, отвѣчала Катерина Васильевна задумчиво: вы не видались съ моимъ мужемъ сегодня?

— Нѣтъ.

— Не встрѣтили его, когда шли сюда?

— Нѣтъ; Александръ Матвѣевичъ, вѣроятно, обѣдаетъ.... а какъ вашъ аппетитъ?

— Да, да, онъ обѣдаетъ, сказала больная съ волненіемъ: онъ обѣдаетъ! повторила она дрожащимъ голосомъ. Докторъ, помогите мнѣ встать.... я пойду къ столу.... у меня пробудился аппетитъ.... я голодна....

— Экая капризная! подумалъ Ѳедоръ Ивановичъ.

Катерина Васильевна судорожно позвонила.

— Гдѣ Александръ Матвѣевичъ? спросила она вошедшую горничную.

— Кушаютъ-съ.

Больная скоро поднялась.

— Дѣти съ нимъ? спросила она.

— Съ нимъ-съ.

— А.... а.... больше никого нѣтъ? спросила Катерина Васильевна едва слышнымъ голосомъ.

— Два гостя обѣдаютъ-съ.

— А! произнесла больная, какъ будто бы великая тяжесть спала съ груди ея. Хорошо, сказала она, ласково кивнувъ головою горничной.

— Намѣреніе ваше итти въ столовую, сказалъ докторъ, было неблагоразумно....

— Вы видите, я остаюсь.

— Это очень хорошо, но я бы посовѣтовалъ вамъ скушать тарелку бульона....

Катерина Васильевна отрицательно покачала головой.

— У меня нѣтъ аппетита, отвѣчала она.

— Женщины, женщины! подумалъ Ѳедоръ Ивановичъ.

— Докторъ, продолжала молодая женщина, я думаю, что болѣзнь моя происходитъ отъ излишней раздражительности нервовъ, и что не болѣзнь слѣдствіе грусти, а скорѣе послѣдняя проистекаетъ изъ физическаго разслабленія.... Пропишите мнѣ что-нибудь подкрѣпляющее....

— Вы, разсуждаете точно ясновидящая, отвѣчалъ док-

торъ, улыбаясь: именно, вамъ нужно что-нибудь тоническое.... и вмѣстѣ съ тѣмъ моціонъ, моціонъ и моціонъ! Ржавчина садится въ организмъ, остающійся въ бездѣйствіи.... Моціонъ и развлеченіе, ваше превосходительство!

Съ этими словами, Ѳедоръ Ивановичъ сѣлъ къ красивому, письменному столу чорнаго дерева съ перламутровыми, вставными украшеніями; отрѣзалъ ножницами узкую полосу бумаги, уровнялъ ее, поднялъ колпакъ лампы, потомъ обмакнулъ перо въ чернила, подумалъ нѣсколько секундъ, и сталъ писать.

— Докторъ, спросила Катерина Васильевна: совѣтуете ли вы мнѣ ѣхать сегодня въ театръ?

— О судьба! подумалъ докторъ: благодарю тебя, что ты даровала мнѣ Юлію Карловну!..—Можно, прибавилъ онъ вслухъ и продолжая писать: только надо знать, что̀ сегодня даютъ; если водевили, такъ поѣзжайте съ Богомъ, но ни въ оперу, ни на трагедію или драму не совѣтую вамъ ѣхать.... Вообще избѣгайте сильныхъ ощущеній.... По столовой ложкѣ черезъ два часа, сказалъ онъ, посыпая рецептъ пескомъ.

— Потрудитесь опустить колпакъ на лампѣ, сказала Катерина Васильевна.

Докторъ исполнилъ желаніе ея.

— Благодарю, сказала она: стало быть, вы убѣждены докторъ, что моя болѣзнь не опасна.

— Нимало; слѣдуйте моимъ наставленіямъ, и вы совершенно поправитесь....

—Докторъ, сказала Катерина Васильевна, стыдливо опустивъ глаза: неужели медицина не придумала средства....

Она замолчала.

— Кофе мой простынетъ! подумалъ Федоръ Ивановичъ. Какого средства? спросилъ онъ вслухъ.

— Посмотрите, какъ я худощава, отвѣчала Катерина Васильевна тихимъ голосомъ и обнаживъ до локтя бѣлую, нѣжную, но чрезвычайно худощавую руку.

— Ага, понимаю! сказалъ докторъ, улыбаясь: прямаго средства нѣтъ; тѣмъ болѣе, ваше превосходительство, что нѣкоторые индивидуумы вовсе не расположены къ корпуленціи....

— Моя была полна, а теперь... остались однѣ кости, возразила Катерина Васильевна съ неизъяснимою грустью.

— Моціонъ и развлеченіе! отвѣчалъ докторъ, пожавъ плечами.

*

— Въ мои лѣта грустно.... начала говорить Катерина Васильевна, но вдругъ замолчала.

Въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги.

— Не предавайтесь печальнымъ размышленіямъ; бѣгите уединенія, какъ только замѣтите, что вами начинаетъ овладѣвать необъяснимая тоска, отвѣчалъ докторъ, посмотрѣвъ на часы и вставая: и будьте увѣрены, что вы опять разцвѣтете, пополнѣете....

Шаги приближались. Больная прислушивалась къ нимъ. и лицо ея прояснилось....

— Одѣньтесь, ваше превосходительство, и поѣзжайте въ театръ; посмѣйтесь хорошенько, и—не забудьте принимать прописанное лекарство по столовой ложкѣ, черезъ два часа....

— Непремѣнно, непремѣнно, отвѣчала больная, съ живостію схвативъ со стола какую-то книгу и спрятавъ ее подъ подушку.

— Прощайте, ваше превосходительство.

— Прощайте, отвѣчала Катерина Васильевна едва слышнымъ голосомъ, потому-что шумъ шаговъ прекратился....

Въ сосѣдней комнатѣ Ѳедоръ Ивановичь встрѣтилъ мужчину высокаго роста, лѣтъ сорока-восьми, стройнаго, полнаго; черты прекраснаго лица его былъ благородны, почти величественны, но въ эту минуту выраженіе ихъ было печально.

Онъ, по видимому, остановился въ нерѣшимости въ нѣсколькихъ шагахъ отъ двери въ спальню, закинувъ руки на спину, подъ полы сюртука.

Появленіе Ѳедора Ивановича заставило его скоро поднять голову.

— А, Ѳедоръ Ивановичъ! сказалъ онъ тихимъ, пріятнымъ голосомъ: что́ жена?

— Ничего, отвѣчалъ докторъ, улыбаясь: маленькая индиспозиція, раздраженіе нервовъ....

Александръ Матвѣевичъ покачалъ головою.

— Бѣдная Катерина Васильевна, сказалъ онъ: я бы отдалъ нѣсколько лѣтъ своей жизни, чтобы возвратить ей здоровье.... Тяжко, Ѳедоръ Ивановичъ, тяжко! прибавилъ Александръ Матвѣевичъ, приложивъ руку ко лбу.

— Нужно больше развлеченія.

— Да я ей это безпрестано твержу.... я даю ей полную

свободу выѣзжать, выходить, когда и куда ей хочется.... А она ни на шагъ изъ дому!

— Я надѣюсь, что это перемѣнится, отвѣчалъ докторъ съ добродушно-лукавою улыблой: я такъ пожурилъ Катерину Васильевну, что она сегодня же хочетъ ѣхать въ театръ....

— Сегодня? въ театръ? потворилъ Александръ Матвѣевичъ съ едва замѣтной, горькой усмѣшкой.

— Да, да, сегодня! съ торжествующимъ видомъ подтвердилъ докторъ.

— Гм!.... благодарю, докторъ; прощайте, сказалъ Александръ Матвѣевичъ отрывисто.

— Прощайте.... не обращайте вниманія на маленькіе капризы.... нервы раздражены.... будьте снисходительны....

— Капризы не безпокоятъ меня, Федоръ Ивановичъ; они, напротивъ, служатъ мнѣ средствомъ доказывать Катеринѣ Васильевнѣ мою привязанность.... но я страшусь апатіи, въ которую она иногда впадаетъ, и противъ которой безсильны увѣщанія, ласки....

— Пройдетъ, пройдетъ! отвѣчалъ докторъ, покачавъ головой.

— Отъ души желаю, не столько для себя, сколько для нея, сказалъ Александръ Матвѣевичъ со вздохомъ, и кивнувъ головою доктору, пошелъ въ спальню.

— Благороднѣйшій человѣкъ! произнесъ про себя Ѳедоръ Ивановичъ, и ускоривъ шаги, прибавилъ: Надѣюсь, что Юлія Карловна не напилась безъ меня кофе....

Въ залѣ рѣзвились дѣти: двѣ миленькія дѣвочки, двѣнадцати и десяти лѣтъ и шестилѣтній мальчикъ. Гувернантка, Француженка, роскошная двадцати-четырехлѣтняя красавица, прохаживалась взадъ и впередъ по залѣ, читая какой-то новый французскій романъ.

Рѣзвившійся мальчикъ чутъ не сбилъ съ ногъ Ѳедора Ивановича, дѣвочки присѣли, а гувернантка кивнула головою съ гордостью, которая въ ея званіи равнялась дерзости.

Четверть часа спустя, Ѳедоръ Ивановичъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, въ мягкомъ креслѣ на рессорахъ, и сложивъ руки на колѣняхъ, полузакрывъ глаза, медленно и съ наслажденіемъ знатока курилъ настоящую гаванскую сигару.

ГЛАВА VIII.

Припадокъ ревности.

Сильно забилось сердце Катерины Васильевны, когда драпировка у двери распахнулась, и въ спальню вошелъ мужъ ея.... Она чуть не вскрикнула отъ радости, но удержалась, и закрывъ глаза, не приподняла даже головы съ подушки.

Алексадръ Матвѣевичъ тихо подошелъ къ дивану, сѣлъ на стулъ, оставленный докторомъ, и взялъ руку жены.

— А, это вы, Алексадръ Матвѣевичъ, сказала она, полураскрывъ глаза: я думала, что не увижу васъ сегодня....

— Катенька, другъ мой, ты несправедлива, съ кротостію возразилъ мужъ: я освѣдомлялся сегодня утромъ о твоемъ здоровьѣ, передъ отъѣздомъ, потомъ....

— Алексадръ Матвѣевичъ, я никогда не требовала отъ васъ отчета въ вашихъ поступкахъ.

Наступило минутное молчаніе.

— Тебѣ сегодня хуже, другъ мой? спросилъ Александръ Матвѣевичъ.

— Почему вы это думаете?

— Ты посылала за докторомъ.

— Мнѣ было дурно; но теперь легче.... теперь я совсѣмъ здорова....

— Рука твоя горитъ, Катенька....

Катерина Васильевна насмѣшливо посмотрѣла на мужа.

— Я больна, не правда ли?.., Я при смерти?...

— Ты нездорова, другъ мой.

— Конечно, конечно! взволнованнымъ голосомъ и присѣвъ на диванѣ, вскричала Катерина Васильевна: я нездорова, я должна сидѣть дома.... Докторъ, вѣроятно, сказалъ вамъ, что я намѣрена ѣхать сегодня въ театръ?

— Сказалъ, спокойно отвѣчалъ мужъ.

— А вы, какъ заботливый, попечительный мужъ, находите, что мнѣ нельзя выѣзжать....

— Напротивъ; поѣзжай.

— Поѣзжай? Развѣ вы раздумали сами ѣхать?

— А кто тебѣ сказалъ, что я хотѣлъ ѣхать? спросилъ мужъ, слегка насупивъ брови.

Катерина Васильевна опустила глаза.

— Надинька, отвѣчала она послѣ краткаго молчанія

— Катерина Васильевна, сказалъ мужъ строгимъ голосомъ: Надинькѣ двѣнадцать лѣтъ.

— Такъ что же?

— Въ дѣвочкахъ рано развивается смѣтливость.

— Я васъ не понимаю, возразила Катерина Васильевна, не смотря на мужа.

— Я просилъ васъ и опять прошу не допрашивать дѣтей....

— Развѣ я допрашивала? тихимъ голосомъ сказала молодая женщина: вы обрадовали дѣтей, обѣщавъ имъ свезти ихъ сегодня на балетъ, въ которомъ играютъ воспитанники театральной школы....

— Вы знаете всѣ подробности, съ горечью произнесъ мужъ.

— Дѣти болтливы.

— Особенно, когда ихъ допрашиваютъ.

— Повторяю вамъ, что я ихъ не допрашивала! съ досадой вскричала Катерина Васильевна: кому дѣтямъ сообщать свои радости, какъ не матери?... А я мать, Александръ Матвѣевичъ! Я никому не уступлю обязанностей и преимуществъ этого священнаго званія....

— Вы, кажется, съ утра не видали дѣтей... иронически сказалъ мужъ.

— Нѣтъ, не видала, отвѣчала жена сухо, отрывисто.

Опять наступило молчаніе.

— Изъ залы до спальни доходили отрывистые звуки рояля.

— Вы поѣдете въ театръ? спросила Катерина Васильевна.

— Нѣтъ.

— Отчего?

— Въ каретѣ мѣста не будетъ.

— Вы, я, да дѣти.

— А мадмоазель Фаваржѐ?

— Она можетъ остаться дома.

— Это невѣжливо, другъ мой.

— Какія церемоніи съ дочерью разорившагося лавочника! презрительно возразила Катерина Васильевна.

— Мадмоазель Фаваржѐ у насъ въ домѣ не дочь раззорившагося лавочника, какъ вы говорите, а воспитательница нашихъ дѣтей.

— Къ сожалѣнію!....

Александръ Матвѣевичъ всталъ.

— О, останься, Александръ, останься! вскричала Катерина Васильевна умоляющимъ голосомъ и схвативъ руку мужа. Прости мнѣ... я сама не знаю, что̀ говорю... я больна, я страдаю, я несчастна!...

Послѣднія слова подобно воплю отчаянія вырвались изъ груди молодой женщины, и она зарыдала.

— Другъ мой, ты забываешь....сказалъ Александръ Матвѣевичъ тихимъ голосомъ и указавъ рукою на дверь въ дѣвичью.

— Ничего, ничего... возразила Катерина Васильевна, заглушая платкомъ рыданія: я не буду... не буду плакать... я спокойна... Прости мнѣ, Александръ; дай мнѣ руку... Ты не сердишься... не правда ли, ты не сердишься на меня? сказала она, лаская костлявою рукою свѣжую, полную щеку мужа.

Александръ Матвѣевичъ поцѣловалъ руку жены.

— Прости мнѣ, Александръ, продолжала она: но я страдаю, невыразимо страдаю... Не говори, не прерывай меня, прибавила она, поспѣшно зажавъ мужу ротъ рукою: я напередъ знаю, что ты отвѣтишь мнѣ, и боюсь, чтобы слова твои не разсѣяли счастія, которое я теперь ощущаю!.... Ты добръ, Александръ, ты благороденъ, выслушай же меня.... позволь душѣ моей выплакаться передъ тобою, и ты, можетъ-быть, сжалишься надо мной!....

— Успокойся, другъ мой; малѣйшее волненіе можетъ повредить тебѣ.... Изволь Катенька, я поѣду съ тобою въ театръ; я велю заложить сани....

— Я не могу ѣхать въ театръ; я больна! отвѣчала Катерина Васильевна.

Мужъ пожалъ плечами, вздохнувъ изъ глубины души.

— Я больна, Александръ, я умираю съ горя!... О, повѣрь мнѣ, это не пустая фраза: я умираю съ горя, потому-что однѣ нравственныя страданія разстроили мое здоровье. Слова доктора убѣдили меня въ томъ. Болѣе года я провожу ночи безъ сна, въ слезахъ, въ отчаяніи... Сколько разъ прижимала я подушку ко рту, чтобы заглушить рыданія!... Эти безсонныя ночи раздражили мои нервы, произвели воспаленіе въ груди... Никакія физическія попече-

нія и средства не остановятъ дѣйствія болѣзни... она сведетъ меня въ гробъ, если нравственныя причины ея не будутъ уничтожены....

— Упорство, безразсудство, раздражительность... вотъ причины зла! сказалъ Александръ Матвѣевичъ.

— Да, да, печально возразила молодая женщина: я знаю, что я одна виновата... Но скажи, Александръ, что̀ мнѣ дѣлать?....

— Будь весела, довѣрчива....

— Весела? О, Александръ, ты имѣлъ бы полное право презирать меня, если бъ съ такими невыносимыми страданіями, я могла притворяться веселою, любезною... За спокойствіе, которое я иногда показываю передъ свѣтомъ, я дорого расплачиваюсь въ уединеніи, потому-что это спокойствіе сто̀итъ мнѣ неимовѣрныхъ усилій... Сколько разъ покидала я общество, внезапно, неожиданно, потому только, что не могла долѣе удерживать рыданій, раздиравшихъ грудь мою!... Довѣрчива?... Другъ мой, не болѣе полугода тому, я думала, что ты любишь меня и что холодность твоя ко мнѣ была вынуждена моею вспыльчивостью, моими подозрѣніями; я думала, что ты самъ страдалъ, наказывая меня... О, какъ эта мысль была успокоительна!....

— Зачѣмъ же ты не сохранила этой мысли? Зачѣмъ не послѣдовала совѣту, который она, вѣроятно, внушила твоему сердцу?....

— Зачѣмъ? повторила Катерина Васильевна дрожащимъ голосомъ: Александръ, въ теченіе полугода я постепенно разочаровалась; я поняла, что тотъ не любитъ, кто съ такимъ упорствомъ противится мольбамъ жены, съ такою жестокостью пренебрегаетъ страданіями ея... я поняла, что тотъ не любитъ, кто удаляется отъ своей жены....

— Не ты ли сама, другъ мой, отталкивала меня отъ себя своею... мнительностію, своими безразсудными обвиненіями?

— Я и не виню тебя, Александръ; ты часто повторялъ мнѣ, что у меня дурной, заносчивый характеръ; теперь я и сама убѣдилась въ томъ... Притомъ же, я вижу, что теряю всѣ качества, которыя ты нѣкогда любилъ во мнѣ... Силы мои слабѣютъ, характеръ мой становится невыносимымъ, умъ тупѣетъ, энергія исчезаетъ... Скоро и слѣдовъ не останется того, что̀ ты нѣкогда называлъ моею красотою... Щеки мои поблѣднѣли, впали... Я не смѣю болѣе открывать шеи, — и съ этими словами Катерина Васильевна съ грустнымъ кокетствомъ опустила пеньуаръ съ плечъ,

бѣлизна и нѣжныя, хотя и не полныя формы которыхъ противурѣчили словамъ ея.

Мгновеніе крѣпилась бѣдная женщина... потомъ болѣзненно, судорожно зарыдала.

Александръ Матвѣевичъ всталъ и грозно указалъ на дверь въ дѣвичью.

Катерина Васильевна задрожала, съ умоляющимъ видомъ протянула руки къ мужу, и такъ крѣпко стиснула зубами нижнюю губу, что на ней выступила капля крови.

Явственно долетали въ спальню звуки рояля.

— Прикажите *ей* перестать! произнесла Катерина Васильевна рѣзкимъ голосомъ и зажавъ уши руками.

Александръ Матвѣевичъ всталъ и отворилъ дверь въ дѣвичью.

— Скажи дѣтямъ, чтобы они пошли одѣваться, сказалъ онъ горничной.

Катерина Васильевна скоро встала, и хотѣла схватить колокольчикъ, но рука ея такъ дрожала, что она долго не могла схватить его.

Замѣтивъ сверкающій взглядъ молодой женщины, мужъ остановилъ руку ея.

— Что̀ вы хотите дѣлать? спросилъ онъ.

— Я хочу приказать *ей*, ей самой, чтобы она перестала играть! вскричала Катерина Васильевна дрожащимъ голосомъ.

— Это не нужно... слышите? она перестала.

— А я хочу... я хочу, говорила Катерина Васильевна, стараясь высвободить свою руку.

— Катенька, съ той минуты, когда адская, нестерпимая жизнь, которую мы ведемъ, перестанетъ быть тайной, съ той минуты мы разлучимся навсегда....

Молодая женщина опустила руки, и дико, безсмысленно взглянула на мужа.

— А! произнесла она голосомъ, выражавшимъ сильную, внутреннюю борьбу: этими словами ты нанесъ мнѣ послѣдній, рѣшительный ударъ!...

Александръ Матвѣевичъ поклонился женѣ, и молча пошелъ къ двери.

— Останьтесь, Александръ Матвѣевичъ! повелительно вскричала молодая женщина, быстро вставъ и гордо откинувъ назадъ голову.

Мужъ ея, не отвѣчая, откинулъ уже одну половину драпировки у двери.

— Останьтесь! повторила громкимъ голосомъ Катерина Васильевна,—или я сама буду требовать разлуки, которою вы грозите мнѣ!

Александръ Матвѣевичъ задрожалъ, судорожно и съ глубокимъ вздохомъ прижалъ руку ко лбу; потомъ вернулся къ женѣ, и скрестивъ руки на груди, остановился передъ нею.

— О, Александръ Матвѣевичъ, вскричала она съ глубокимъ негодованіемъ: вы забываете, что у меня есть сердце... что всѣ святѣйшія ощущенія моего сердца уязвлены, что я страдаю смертельно!....

Катерина Васильевна задыхалась... Прижавъ руку къ груди и съ трудомъ переводя дыханіе, простояла она нѣсколько секундъ неподвижно.

— Что̀ мнѣ въ богатствѣ, въ удовольствіяхъ? продолжала она: мнѣ нужна привязанность, довѣрчивость, мнѣ нужно присутствіе мужа и дѣтей! Въ нихъ сосредоточиваются всѣ ощущенія моего сердца... Я любила наряды, когда выѣзжала съ тобою, Александръ, любила спектакли, когда посѣщала ихъ съ тобою. Я любила роскошь, любила общество, любила жизнь, когда раздѣляла ее съ тобою! Теперь мнѣ все опротивѣло... Я предпочитаю всѣмъ суетнымъ удовольствіямъ уединеніе; но и въ уединеніи безъ тебя и безъ дѣтей я страдаю невыразимо!....

Слезы текли по щекамъ молодой женщины.

Искреннее состраданіе выражалось на лицѣ мужа ея.

— Ты совѣтуешь мнѣ, продолжала Катерина Васильевна: избрать въ обществѣ подругу, сблизиться съ нею, и искать утѣшенія въ дружбѣ... Но имѣю ли я, отверженная мужемъ и дѣтьми, имѣю ли я право искать дружбы женщины, живущей въ кругу законныхъ и естественныхъ обязанностей?... Гордость женщины, не измѣнившей ни разу своему долгу, не позволяетъ мнѣ искать состраданія людей постороннихъ....

Наступило молчаніе.

Александръ Матвѣевичъ не говорилъ ни слова; онъ стоялъ неподвижно, потупивъ взоръ въ полъ.

— Александръ, произнесла жена его болѣе твердымъ го-

лосомъ и отеревъ слезы: я не хочу болѣе страдать—страданія убьютъ меня, а въ мои лѣта умирать не хочется!... Давно желаю я объясниться съ тобою, но ты всячески избѣгаешь случая оставаться со мною наединѣ... Сегодня участь наша должна рѣшиться! Выбирай между мною и *ею*.

— Катинька, возразилъ Александръ Матвѣевичъ глухимъ голосомъ:—я бы не колебался ни минуты, если бы подозрѣнія твои были основательны....

— Онѣ основательны уже потому, что я страдаю.

— Это ничего не доказываетъ; уступить несправедливому требованію ослѣпленной ревности, значитъ сознаться виновнымъ....

— Такъ уступи хоть мольбамъ страдалицы!

— Какъ отецъ, я не смѣю упускать изъ виду блага дѣтей....

— А я, какъ мать, хочу вырвать дѣтей изъ когтей женщины, которую я презираю, ненавижу! вскричала Катерина Васильевна, раздраженная отказомъ мужа: вы отецъ, но я мать, первая покровительница дѣтей послѣ Бога?

— Очего же вы не умѣли снискать привязанности вашихъ дѣтей?

Эти слова были жестоки. Смертная блѣдность покрыла лицо несчастной матери; она вся задрожала...

— Оттого, произнесла она голосомъ, походившимъ на шипѣніе, что вы оторвали отъ меня дѣтей и передали ихъ наемницѣ! Оттого, что эта наемница вкрадывается въ сердца дѣтей!... А вы, Александръ Матвѣевичъ, отчего вы не умѣли снискать привязанности сына, единственнаго сына отъ перваго вашего брака?....

Въ свою очередь Александръ Матвѣевичъ поблѣднѣлъ....

— Катерина Васильевна, сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ: оставимте этотъ тягостный разговоръ.... Мы кончимъ его завтра... завтра вы будете спокойнѣе....

— Нѣтъ! Завтра, либо я, либо она оставитъ этотъ домъ!

Кровь съ силою бросилась въ голову Александра Матвѣевича.

— Катерина Васильевна! сказалъ онъ задыхающимся голосомъ: вы раскаетесь въ вашихъ словахъ!

— Никогда!

— Я заставлю васъ просить прощенія у той, которую вы такъ оскорбляете своими подозрѣніями!

— Прощенія! вскричала молодая женщина въ пароксизмѣ гнѣва: о! я скорѣе раздроблю ее, какъ этотъ стаканъ!

И схвативъ съ подноса стаканъ, она бросила его на полъ.

— А! вскричалъ Александръ Матвѣевичъ съ бѣшенствомъ: вы съ ума сходите!

И онъ бросился къ женѣ, чтобы остановить руку ея, поднявшую графинъ, но не успѣлъ... Графинъ разбился въ дребезги, ударившись о полъ.

Глаза Катерины Василаевны закрылись, и она безъ чувствъ опустилась на диванъ.

Глубокій вздохъ вырвался изъ груди мужа. Онъ позвонилъ.

Вошла горничная.

— Кто поставилъ здѣсь графинъ? спросилъ строгимъ голосомъ Александръ Матвѣевичъ.

— Барыня приказали-съ... робко отвѣчала горничная.

— Барыня не приказала тебѣ ставить его на самый край... я нечаянно задѣлъ за столъ, и графинъ, и стаканъ слетѣли на полъ... Собери скорѣе осколки, глупая, да подай одеколонъ!

И съ нѣжною заботливостью сталъ Александръ Матвѣевичъ приводить жену въ чувство.

Нѣсколько минутъ спустя, она открыла глаза.

— О, простите! произнесла она слабымъ голосомъ, увидѣвъ надъ собою лицо мужа.

Онъ быстро пожалъ ей руку... горничная собирала еще осколки.

— Прости мнѣ, Катенька, что я испугалъ тебя своею неосторожностью... Впередъ смотри, куда ставишь! прибавилъ онъ строго, обратившись къ горничной, какъ бы для того, чтобы дать знать женѣ о присутствіи ея.

— Не брани ее... произнесла слабымъ голосомъ Катерина Васильевна.

Горничная ушла.

Молодая женщина съ жаромъ схватила обѣ руки мужа,

съ любовію прижала ихъ къ своимъ губамъ, и произнесла умоляющимъ голосомъ:

— Прости мнѣ, Александръ, прости!....

. . . . . .

Три часа спустя въ Большомъ-театрѣ, въ ложѣ перваго яруса, сидѣла молодая женщина, ослѣпительная красота которой служила центромъ, въ которомъ сосредоточивались лучи лорнетовъ, биноклей и жюмелей....

Рядомъ съ нею виднѣлись свѣжія, миленькія головки трехъ прелестныхъ дѣтей.

Въ глубинѣ ложи сидѣлъ мужчина въ чорномъ фракѣ. Лицо мужчины располагало въ пользу его; честь и благородство выражались въ зеркалѣ души его...:

Въ то же время въ тишинѣ, въ уединеніи своей спальни, другая молодая женщина, блѣдная, слабая, проливала слезы.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ДОБРО И ЗЛО.

Романъ Н. Фурманна.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

...Пишите романы всякіе—историческіе, сатирическіе, нравоописательные, а главное, разумѣется, хорошіе. Бросьте свои *личные*, *задушевные* порывы къ высокому, мýки, восторги, *свои* поэтическія утопіи и философскія грезы обезконечно-великихъ и безконечно-отдаленныхъ предметахъ; изучайте жизнь, изучайте вещи въ ихъ естественномъ, свѣтломъ и мутномъ теченіи, наблюдайте извилистые пути страстей, располагающихъ событіями, олицетворяйте все это въ образахъ простыхъ и непреувеличенныхъ, въ которыхъ бы можно было, какъ въ зеркалѣ, видѣть и обнять сердцемъ существенные вопросы человѣческаго быта и назначенія, — однимъ словомъ, повторяемъ, пишите романы.

А. Никитенко.

(Библ. для Чтенія, іюнь—1846).

ГЛАВА I.

Клятва мужа.

Въ нижнемъ этажѣ дома, бель-этажъ котораго занималъ Александръ Матвѣевичь Тучиновъ, была небольшая квартира; ходъ въ нее изъ парадныхъ сѣней.

Она состояла изъ трехъ комнатъ. Въ передней были двѣ двери: одна вела въ довольно обширную но нѣсколько темную залу, стѣны которой были совершенно закрыты шкафами, наполненными сверху до низу книгами, что̀ придава-

ло этой комнатѣ еще болѣе мрачный видъ. На шкафахъ стояли глобусы и нѣсколько бюстовъ. Круглый столъ находился посреди этой библіотеки, окна которой выходили на дворъ. Другая дверь изъ передней вела въ красивую, со вкусомъ убранную комнату, которую съ перваго взгляда можно было бы принять за будуаръ, еслибъ въ воздухѣ и во всѣхъ предметахъ, наполнявшихъ ее, не запечатлѣлся тонкій сигарный запахъ. Вдоль стѣнъ оклеенныхъ лоснящимися обоями сѣро-перловаго цвѣта, съ матовыми узорами того же цвѣта, и какъ бы усыпанными мелкими цвѣтками, тянулся турецкій диванъ, на которомъ лежало нѣсколько подушекъ разныхъ формъ. Противъ оконъ, диванъ примыкалъ съ обѣихъ сторонъ къ камину, сквозь прозрачный экранъ котораго просвѣчивался синеватый огонь горѣвшаго каменнаго угля. По сторонамъ камина стояло нѣсколько креселъ, придуманныхъ для всевозможныхъ положеній праздной лѣни. Мраморная доска камина была заставлена изящными бездѣлушками, вазочками, статуэтками, На длинныхъ шелковыхъ шнурахъ, доходившихъ до карниза, висѣли двѣ картины въ золотыхъ рамахъ: *волна* Айвазовскаго и копія съ *поцѣлуя* Моллера. На зеленомъ сукнѣ, покрывавшемъ паркетъ, лежалъ дорогой персидскій коверъ. Второе отъ прихожей окно было отгорожено золоченою рѣшоткой, обвитой густымъ плющемъ; за рѣшоткой стоялъ письменный столъ, тоже уставленный дорогими бездѣлушками; нѣсколько неразрѣзанныхъ французскихъ романовъ и два-три русскихъ журнала лежали на столѣ.

Стало быть, это былъ *кабинетъ* хозяина.

Изъ кабинета былъ ходъ въ спальню, убранную съ прихотливою роскошью, а оттуда, за перегородкой, доходившей до потолка, находилась, какъ бы для контраста, дверь въ темную, мрачную кухню, единственное окно которой выходило на лѣстницу—*черную* для квартиръ *на лицо*; *чистую* для квартиръ *во дворъ*. Впрочемъ для настоящаго жильца кухня была, по-видимому, не нужна; кромѣ нѣсколькихъ подсвѣчниковъ, ваксы, да щетокъ, на полкахъ ея ничего не было; а на сѣромъ, холодномъ очагѣ стоялъ рядъ сапоговъ, да нѣсколько паръ галошъ. Тощая постель, вѣшалка, половыя щетки, да трубка, залѣпленная сургучемъ, вмѣсто мундштука, составляли всю меблировку кухни, превращенной въ лакейскую.

На другой день послѣ тайной семейной ссоры Александръ

Матвѣевича съ женою, въ седьмомъ часу утра, въ кабинетѣ нижняго этажа виднѣлся уже свѣтъ.

Молодой человѣкъ, въ кашмировомъ халатѣ на мягкомъ заячьемъ мѣху, прохаживался взадъ и впередъ по кабинету, бросая безпокойные взгляды на бронзовые часы, стоявшіе на каминѣ.

Растрепанный лакей, съ заспанными глазами, въ поношенной курткѣ и передникѣ, не привыкшій, по-видимому, къ такому раннему вставанью своего господина, сидѣлъ на корточкахъ и угрюмо подбиралъ соръ, подметенный къ двери прихожей.

Молодой человѣкъ подошелъ къ окну, отогнулъ штору и поднялъ глаза къ третьему этажу противуположнаго дома.

Тамъ не видно было ни малѣйшаго свѣта.

Нѣсколько минутъ глядѣлъ молодой человѣкъ на верхъ, потомъ опустилъ глаза, и машинально остановилъ задумчивый взоръ на улицѣ.

Погода была пасмурная, но тихая. Темно-сѣрое небо прояснялось; начинало свѣтать. Магазины были еще закрыты; только въ мелочной лавочкѣ да въ булочной проявлялась утренняя дѣятельность. Тишину прерывали иногда стукъ саней, проѣзжавшихъ по ухабистой дорогѣ, да раздражительный шумъ лопаты дворника, сгребавшаго съ троттуара притоптанный снѣгъ.

Нѣсколько минутъ простоялъ молодой человѣкъ у окна, опустивъ глаза; прекратившаяся внезапно работа дворника и глухо доходившіе до него звуки повелительнаго голоса заставили молодаго человѣка поднять глаза и обратить вниманіе на происходившее на улицѣ.

Подъ самымъ окномъ стоялъ дворникъ, а передъ нимъ городовой. У послѣдняго была въ рукѣ сложенная бумажка, которую онъ отдалъ дворнику, сказавъ ему нѣсколько словъ.

Сердце молодаго человѣка дрогнуло; тягостное чувство сдавило грудь его; нахмуривъ брови, онъ судорожно опустилъ штору и отошелъ отъ окна. Пройдя еще раза два по комнатѣ, онъ небрежно пожалъ плечами; морщинки между бровями его изгладились, лицо прояснилось.

Сѣрый, утренній свѣтъ сталъ сквозить черезъ шторы.

— Свѣтаетъ! нетерпѣливо произнесъ молодой человѣкъ вполголоса. Сказалъ ли ты, чтобы мнѣ принесли кофе? прибавилъ онъ вслухъ, обратившись къ лакею, вернувшемуся въ комнату.

— Не готовъ еще, Николай Александрычъ.

— Ты былъ наверху?

— Сейчасъ оттуда.

— Что́ тамъ?

— Спятъ еще. Александръ Матвѣичъ приказалъ разбудить себя въ восемъ часовъ.

Молодой человѣкъ невольно взглянулъ на часы. Было четверть восьмаго. Судорожно перекидывая изъ руки въ руку кисти шелковаго шнура, опоясывавшаго шлафрокъ, сталъ молодой человѣкъ снова прохаживаться взадъ и впередъ.

Николай Александровичъ,—такъ звали хозяина квартиры,—былъ единственный сынъ Александра Матвѣевича Тучинова, отъ перваго брака.

На десятомъ году своего возраста Николай лишился матери. Эта незамѣнимая потеря имѣла сильное вліяніе на будущность его. До восьми лѣтъ онъ воспитывался дома, то есть былъ совершенно предоставленъ заботливости гувернантки, дочери бѣднаго дворянина, воспитанной въ одномъ изъ казенныхъ заведеній для дѣвицъ. Гувернантка была добрая, кроткая и умная дѣвушка, но не могла замѣнить Николаю матери, тратившей жизнь свою въ свѣтскихъ развлеченіяхъ.

Отецъ Николая былъ обязанъ всѣмъ своимъ состояніемъ женѣ, вышедшей за него *по любви*, если и не противъ воли своихъ родителей, то, по-крайней-мѣрѣ, не по ихъ выбору. Она была наслѣдница огромнаго состоянія, а у Александра Матвѣевича, кромѣ жалованья, ничего не было; но отказавъ ему въ богатствѣ, судьба щедро надѣлила его нѣкоторыми качествами, съ помощію которыхъ легко пріобрѣтается состояніе. Александръ Матвѣевичъ былъ красавецъ, въ полномъ смыслѣ этого слова; природа надѣлила его не тою временною красотою, которую поддерживаетъ только юношеская безпечность и которая исчезаетъ съ лѣтами, уступая заботамъ или внутренней борьбѣ зрѣлыхъ, нравственныхъ качествъ. На двадцатомъ году онъ былъ прелестный юноша, стройный, ловкій, граціозный; на сороковомъ, когда вполнѣ развилось богатство мощныхъ, античныхъ формъ его, грація уступила мѣсто *величественной осанкѣ*....

Кромѣ крѣпкой, сильной организаціи, сохраненію красоты Тучинова содѣйствовалъ драгоцѣнный даръ *не принимать*

ничего близко къ сердцу; онъ обладалъ самымъ *счастливымъ*, какъ говорится, характеромъ: горести и заботы скользили по душѣ его быстро, возмущая только на мгновеніе поверхность ея, но не погружаясь, не западая въ нее. Эта же особенность проявлялась и въ умѣ Александра Матвѣевича, отличительную черту котораго составляла легкость, быстрота соображенія; но это блистательное качество легко превращается въ недостатокъ, не будучи развито, не подчиняясь мышленію.... а глубоко мыслитъ только тотъ, кто глубоко чувствуетъ.

Умъ Тучинова былъ такъ же лѣнивъ, какъ и сердце его. Никакое дѣло не затрудняло его; немедленно за представленіемъ задачи рождалось въ умѣ его рѣшеніе ея; почти непосредственно за вопросомъ слѣдовалъ отвѣтъ, и вмѣсто того, чтобы пользоваться этими первыми впечатлѣніями, какъ средствомъ, Тучиновъ примѣнялъ ихъ прямо къ цѣли. На этой легкости труда, на этой быстротѣ соображенія основалась слава Тучинова, какъ необыкновеннаго дѣловаго человѣка; нѣсколько удачныхъ, счастливыхъ рѣшеній упрочили эту славу. Если иногда опытъ доказывалъ непрочность, недѣйствительность необдуманныхъ рѣшеній, то Александръ Матвѣевичъ бросался изъ одной крайности въ другую, называя поступки свои рѣшительными, энергическими мѣрами. Впрочемъ, въ противоположность высшимъ, болѣе твердымъ умственнымъ организаціямъ, для которыхъ достигнутая цѣль теряетъ свою важность, и которыхъ неудача, напротивъ, раздражаетъ и доводитъ часто до геніальныхъ соображеній, въ противность этимъ организаціямъ Тучиновъ помнилъ только свои удачи; неудачные случаи, подобно заботамъ и непріятностямъ, на короткое время огорчали его, потомъ вовсе выходили изъ памяти; первыя же льстили самолюбію его, и тщеславіе, почти неизбѣжный недостатокъ счастливыхъ характеровъ, бережно собирало эти удачные случаи, и росло съ накопленіемъ ихъ....

Александръ Матвѣевичъ былъ не честолюбивъ, а тщеславенъ; онъ хотѣлъ только *казаться*, а не *быть*; домогался почестей и гражданскаго значенія не для удовлетворенія жажды ума обширнаго, чувствующаго силу и могущество свое и стремящагося къ расширенію круга дѣйствій своихъ; нѣтъ—онъ искалъ въ почестяхъ одну только *пріятную* сторону ихъ; его льстило уваженіе, сопутствующее имъ, ему были дороги преимущества, сопряженныя съ ними. И надобно отдать справедливость Александру Матвѣевичу: онъ

прекрасно умѣлъ *казаться* и поддерживать наружное достоинство почетнаго титула и блестящихъ украшеній.

Другой, важный недостатокъ Тучинова былъ, такъ сказать, недостатокъ физическій, проистекавшій изъ мощнаго тѣлеснаго развитія, которымъ одарила его природа. Умственный трудъ не умѣрялъ, не поглощалъ огромнаго избытка физическихъ силъ, и равновѣсіе въ организмѣ его нарушилось бы, еслибы Тучиновъ не возстановлялъ его, тратя излишекъ силъ въ чувственныхъ наслажденіяхъ. Александръ Матвѣевичъ былъ *чувствененъ*, въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова. Онъ не имѣлъ страстей,—между послѣдними и чувственностью такая же разница, какъ и между честолюбіемъ и тщеславіемъ.—Тучиновъ наслаждался спокойно, разсудительно, такъ сказать, съ жадностію вкушая сладость наслажденій и съ эгоизмомъ отстраняя горечь ихъ; онъ никогда не забывался, не увлекался, не вдавался въ крайности, до которыхъ доводитъ слѣпая страсть; умѣлъ удерживать всѣ свои дѣйствія, скрывать всѣ свои поступки въ границахъ круга, описаннаго *свѣтомъ* вокругъ каждаго человѣка, *принятаго* въ этомъ свѣтѣ. Внутреннее пространство круга называется *семейною*, *частною* жизнію человѣка, и пока дѣйствія его не выходятъ за черту, за которую никто не имѣетъ права или, лучше сказать, возможности вступить, онъ пользуется уваженіемъ свѣта: малѣйшій же шагъ за нее влечетъ за собою позоръ, поношеніе и изгнаніе....

Похвальное качество, съ помощію котораго при самыхъ позорныхъ поступкахъ можно остаться внутри круга, называется—*лицемѣріемъ*.

Постыдный недостатокъ, завлекающій иногда человѣка самаго благоразумнаго за черту, именуется—*искренностью*.

Это не парадоксъ.

Александръ Матвѣевичъ Тучиновъ всегда питалъ глубокое уваженіе къ *законамъ общества*, и признательное общество составило ему самую прекрасную *репутацію*.

На двадцать второмъ году Александръ Матвѣевичъ платилъ дань сердцу.... Онъ любилъ милую, прелестную дѣвушку, умную и образованную, но—бѣдную. Онъ любилъ и былъ любимъ. Родители ея охотно согласились бы на бракъ молодыхъ любовниковъ, но Александръ Матвѣевичъ медлилъ.... даже въ *первой* любви его не было ни страсти, ни увлеченія; онъ любилъ какъ эгоистъ; любилъ потому, что находилъ въ томъ наслажденіе.

Около того же времени онъ былъ введенъ въ одинъ изъ богатыхъ петербургскихъ домовъ. Въ этомъ домѣ была дѣвица-невѣста, и невѣста чрезвычайно богатая. Она была годомъ старѣе Александра Матвѣевича, дурна, избалована, прихотлива.... Не прошло году, и бѣдная дѣвушка была забыта, а богатая невѣста вышла *по любви* за Тучинова.

Оно начиналъ понимать жизнь.

Супруги жили, разумѣется, очень счастливо. Молодая жена пламенно любила своего мужа за его красоту, льстившую ея тщеславію и возбудившую тайную зависть прежнихъ подругъ ея. Молодой мужъ любилъ жену, какъ источникъ наслажденій, доставленныхъ ему ея богатствомъ. Правда, тщеславіе его иногда страдало, когда онъ сравнивалъ свою жену, далеко не красавицу, съ другими миловидными, свѣтскими женщинами.... но блестящій модный экипажъ, великолѣпная квартира, роскошные наряды и свѣтскость жены скоро сглаживали непріятное впечатлѣніе.

Два-три мѣсяца продолжалось счастіе молодой жены; потомъ первое горе омрачило супружескую жизнь ея.... Она сдѣлалась беременною.

Многія читательницы возстанутъ противъ меня за то, что одну изъ счастливѣйшихъ эпохъ въ жизни женщины я назвалъ *горемъ*; а между тѣмъ какъ прикажете назвать болѣзненный періодъ, во время котораго къ физическимъ страданіямъ примѣшивается тайное, непреодолимое опасеніе о результатѣ предстоящаго кризиса? Блаженство, ощущаемое иногда женщиною во время этого тягостнаго періода, чисто духовное, отвлеченное, страданія же—положительныя, и проистекаютъ изъ эгоистическаго чувства самосохраненія.... Слѣдовательно, боязнь и опасенія женщины, готовящейся сдѣлаться матерью, извинительны; потому-что естественны; но совершенно другое дѣло горе женщины свѣтской въ подобныхъ же обстоятельствахъ. Подъ названіемъ *свѣтской*, я понимаю женщину, все существованіе которой раздробляется внѣ домашняго, семейнаго быта, вся жизнь которой ограничивается двумя дѣйствіями: *выѣзжать* и *принимать*....

Такихъ женщинъ немного, скажутъ мнѣ.

Можетъ быть;—но первая жена Тучинова была вполнѣ *свѣтская* женщина, и беременность, удалявшая ее отъ свѣта, крайне огорчала ее и заставляла проливать первыя, быть-можетъ, горькія слезы въ жизни ея.

Время испытанія прошло благополучно. Родился Нико-

лай, и молодая мать съ любовію, съ признательностію поцѣловала ребенка, возвратившаго ей, наконецъ, свободу....

Отказавъ матери новорожденнаго въ красотѣ, природа надѣлила ее, однако жъ, такимъ здоровымъ, крѣпкимъ сложеніемъ, что еслибы она родилась въ бѣдномъ, низкомъ состояніи, то могла бы сдѣлаться прекрасною кормилицею; не смотря на то, она чуть не отказала своему доктору за то, что онъ совѣтовалъ ей, для ея же собственнаго блага, принять на себя тривіальную обязанность кормленія ребенка. Однако жъ, какъ добрая свѣтская мать, она не щадила никакихъ издержекъ для того, чтобы сынъ ея былъ принятъ *приличнымъ* образомъ при вступленіи его въ свѣтъ; ему отвели особую комнату, подальше отъ покоевъ родителей—(чтобы его или чтобы ихъ не безпокоить)—его окутали батистомъ, кружевами, шелкомъ, бархатомъ; ему наняли дюжую, свѣжую, здоровую кормилицу.

Въ-послѣдствіи нянька замѣнила кормилицу, гувернантка замѣнила няньку, и шестилѣтній малютка прогуливался по Лѣтнему-саду или по Невскому, рядомъ съ гувернанткой и въ сопровожденіи ливрейнаго лакея...

Подробности эти могутъ показаться нѣкоторымъ читателямъ мелочными, но онѣ необходимы, ибо въ нихъ заключается разгадка многихъ существованій.... Есть люди, одаренные земными благами, надѣленные всѣми средствами для достиженія нравственнаго первенства, а между тѣмъ жизнь этихъ людей не рѣдко протекаетъ въ безъизвѣстности, не отмѣченная ничѣмъ высокимъ, великимъ... Познанія, для достиженія которыхъ бѣднякъ отдаетъ половину своего насущнаго хлѣба, доступны этимъ людямъ безъ ощутительнаго со стороны ихъ пожертвованія; наука раскрываетъ передъ ними всѣ свои сокровищницы, и нерѣдко пристыженная, прѐзрѣнная, проходитъ мимо...

Въ малѣйшемъ проявленіи воли заключается уже энергія, а совершенное отсутствіе послѣдней есть отличительная черта этихъ людей.

Энергія, слово ввозное, заморское, не имѣющее, однако жъ, у насъ такого сбыта, какъ напримѣръ: устрицы. Причина тому очень простая: понятіе, прикрытое этимъ иностраннымъ словомъ, чисто и преимущественно *русское*.

Жаръ, восторгъ, быстрое увлеченіе, качества южныхъ народовъ, имѣютъ источникомъ пылкое воображеніе или легко вскипающую кровь. Энергія же—достояніе сѣверянъ,

основанное на твердой, желѣзной волѣ, на глубокомъ убѣжденіи.

Откуда же происходитъ отсутствіе энергіи въ тѣхъ сѣверянахъ, о которыхъ я упоминалъ? *Ложное воспитаніе* часто заглушаетъ ее.

Ложность *свѣтскаго* воспитанія легче всего доказать отступленіями отъ него, исключеніями, доставляющими государству имена, окруженныя сіяніемъ славы и вписанныя вѣчными, неизгладимыми литерами въ исторіи его.

Николай Тучиновъ воспитывался страннымъ образомъ. Мелкія подробности семейной жизни, сближающія дѣтей съ родителями, близкія, постоянныя сношенія, скрѣпляющія взаимную привязанность ихъ, для него не существовали. Въ положенные часы являлся онъ къ папенькѣ и маменькѣ, произносилъ затверженное привѣтствіе, отвѣчалъ на нѣкоторые вопросы, выслушивалъ похвалы или выговоры, и снабженный конфектами или игрушками, возвращался къ себѣ, прыгая и рѣзвясь, точно птичка, вырвавшаяся изъ клѣтки.

Любовь—первая потребность сердца дитяти. Сироты, закинутые судьбою въ чужой домъ, гдѣ встрѣчаютъ одну холодность, привязываются всѣмъ сердцемъ къ животнымъ, даже къ неодушевленнымъ предметамъ. Кровная прозорливость сердца составляетъ прекрасный поэтическій вымыселъ, но—увы! не болѣе какъ *вымыселъ*. Какія бы странныя вещи случались, если бъ человѣкъ, съ самаго рожденія отлученный отъ родителей, узнавалъ ихъ при первой встрѣчѣ!... Страшно подумать. Ребенокъ любитъ мать свою эгоистически; онъ любитъ ее за то, что она *его* любитъ, что во взорѣ ея онъ инстиктивно замѣчаетъ выраженіе особенной нѣжности, за то, что въ попеченіяхъ ея о немъ онъ видитъ терпѣливое самоотверженіе, на которое способна только мать. Развитіемъ этой первой, святой любви пренебрегаютъ часто даже самыя добрыя матери.

— Дитя полюбитъ меня, говорятъ онѣ, когда научится отличать мать отъ наемщицы.

Это осужденіе ошибочно, потому-что ощущенія сердца не повторяются; каждое изъ нихъ имѣетъ свой періодъ, свое время; сердце обладаетъ постоянною способностію любить, но виды этой способности измѣняются съ каждымъ возрастомъ, съ каждымъ годомъ. Только одна любовь къ матери не измѣняется; запавъ въ сердце съ самой той минуты, когда оно начало биться, эта любовь съ непоколебимымъ по-

стоянствомъ тянется черезъ всю жизнь человѣка, и по святости, по чистотѣ своей опредѣляетъ качество другихъ, второстепенныхъ привязанностей; подобная любовь, будучи развита въ сердцѣ свѣжемъ, не затронутомъ, служитъ залогомъ добра; мать же, довольствующаяся второю, мыслящею уже, такъ сказать, любовію ребенка, сама безсознательно кладетъ въ характерѣ его первое основаніе *непостоянства*....

Частое перенесеніе привязанности съ одного предмета на другой, отъ одного лица къ другому, ослабляетъ сердце и развиваетъ въ человѣкѣ жалкую, презрѣнную безхарактерность.

Николай Тучиновъ на восьмомъ году перешелъ уже нѣсколько степеней сердечной привязанности. Онъ зналъ наизусть всю коллекцію причинъ, по которымъ *должно* любить папеньку и маменьку болѣе другихъ, но въ то же время сердце его лежало къ гувернанткѣ, доброй и кроткой, какъ я уже сказалъ, дѣвушкѣ. Маленькое сердце его; не облагороженное, не освященное истинною дѣтскою любовію къ родителямъ и уже зараженное тѣмъ свѣтскимъ воздухомъ, въ которомъ онъ жилъ, какъ-то странно лежало къ гувернанткѣ: онъ старался всячески угождать ей; грустилъ и радовался съ нею; краснѣлъ, когда, она тронутая какимъ-либо неожиданнымъ угожденіемъ, цѣловала его....

Замѣчательно, что въ натурахъ избранныхъ, одаренныхъ тонкимъ нравственнымъ, эстетическимъ чувствомъ, рано развиваются нѣкоторыя особенности, называемыя недальновидными, суровыми моралистами *преждевременымъ развратомъ*. Изъ многихъ примѣровъ, опровергающихъ это ошибочное сужденіе, я упомяну только о жизни Жанъ-Жака Руссо....

Николай *любилъ* свою гувернантку; то была наивная любовь ребенка.

Ему минуло восемь лѣтъ, когда въ домѣ Тучинова произошла внезапная перемѣна. Мать Николая стала хворать: *свѣтская* жизнь совершенно разстроила нѣкогда крѣпкое здоровье ея. Балы и пиршества прекратились; тишина и уныніе замѣнили прежній шумъ веселья. Сначала покои больной хозяйки были наполнены посѣтителями, но вскорѣ болѣзнь ея усилилась, сдѣлалась опасною, и—минута горькаго возмездія наступила....

До-сихъ-поръ Тучинова для *свѣта* забывала домъ свой; теперь *свѣтъ* забылъ ее.

Свѣтское тщеславіе заставило ее выйдти за Александра Матвѣевича; и когда сердцу ея, удрученному страданіями, впервые понадобилась истинная любовь, она встрѣтила въ мужѣ самую неукоризненную *свѣтскую* привязанность. Тучиновъ самъ ѣздилъ за докторами, безпрестанно освѣдомлялся о здоровьѣ жены, приказалъ наложить передъ домомъ соломы на поларшина толщины; но тщетно ждала жена одной изъ тѣхъ мелочныхъ услугъ, одного изъ тѣхъ сердечныхъ словъ, которыя такъ невыразимо-благодѣтельно дѣйствуютъ на жесточайшія страданія, которыя душа, готовая отойдти въ вѣчность, собираетъ съ жадностью, съ наслажденіемъ....

Испуганная пустотою, образовавшеюся около нея, Тучинова обратила сердце свое къ единственному сыну, но и въ этомъ случаѣ была наказана тѣмъ, чѣмъ погрѣшила. Почтительно отвѣчалъ Николинька на ласки матери, и на лицѣ его, непріученномъ еще къ притворству, выразилась радость, когда она позволила ему удалиться. Тучинова замѣтила эту радость, и сердце ея болѣзненно сжалось. На другой день она приказала сыну принести съ собою игрушки. Онъ повиновался, но сидя на коврѣ, игралъ разсѣянно, неохотно... Вдругъ, во время одного изъ болѣзненныхъ кризисовъ матери, онъ вскочилъ и зарыдалъ; сердце Тучиновой было такъ бѣдно утѣшительными ощущеніями, что даже эти естественныя слезы произвели на него благодѣтельное впечатлѣніе... Почти съ признательностію протянула она руки къ сыну... но послѣдній задрожалъ, отскочилъ со страхомъ, громко всхлипывая, бросился въ объятія гувернантки, и скрылъ лицо на груди ея...

Только истинная, вкоренившаяся любовь побѣждаетъ въ подобныхъ случаяхъ дѣтскій страхъ. Тучинова поняла это, ощутила въ сердцѣ рѣзкую, острую боль, и безъ чувствъ опустилась на подушки....

Послѣ этого происшествія прошедшее явственно представилось воображенію бѣдной, больной женщины. Теперь только поняла она ничтожество легкихъ *свѣтскихъ* удовольствій, наполнявшихъ доселѣ всю жизнь ея; теперь только поняла она, что есть наслажденія чище и возвышеннѣе, обязанности святѣе свѣтскихъ. Съ горестію упрекала она себя въ томъ, что до-сихъ-поръ не угадала этихъ наслажденій, пренебрегала этими обязанностями.

Тѣлесныя страданія очищаютъ, облагороживаютъ душу; послѣ тяжкой, продолжительной болѣзни человѣкъ возвра-

щается къ жизни съ новыми, свѣтлыми намѣреніями, съ благородными стремленіями.

Изъ зла часто проистекаетъ добро.

Тучинова рѣшилась вознаградить потерянное. Сердцемъ обратилась она къ мужу; въ трогательныхъ словахъ сообщила она ему свои размышленія, свои намѣренія... Мужъ не понялъ ея.

Проясненіе сердца, возвращавшагося къ добру, отдававшаго законамъ природы преимущество передъ законами общества, онъ назвалъ *унынiемъ*, въ которое не совѣтовалъ вдаваться. Онъ даже совѣтовалъ ей лучше помышлять о свѣтскихъ удовольствіяхъ, къ которымъ она вернется съ возстановленіемъ здоровья.

Холодно отпрянуло сердце Тучиновой отъ мужа, и нераздѣльно, со всею полнотою новыхъ ощущеній обратилось къ сыну. Нѣжный голосъ матери всегда найдетъ отголосокъ въ груди дитяти, и нѣсколько дней спустя Николай уже самъ просился въ комнату больной, не пугался страданій ея, но даже смягчалъ ихъ нѣжными, дѣтскими ласками привязанности, скованной доселѣ свѣтскою почтительностію и пробужденной взаимностью...

Но дни Тучиновой были сочтены. Жизненныя силы ея видимо разрушались; выполненіе требованій свѣта ускорило законъ природы.

Въ одно весеннее утро Александръ Матвѣевичъ и Николай стояли возлѣ постели умиравшей. Полуугасшій взоръ ея былъ неподвижно устремленъ на мужа и сына.

Глубокая, мрачная печаль была написана на лицѣ перваго; второй заглушалъ рыданія... почти въ одно время онъ пріобрѣлъ и терялъ мать.

Умирающая пожала руку мужа, съ любовію посмотрѣла на Николая, хотѣла говорить, но языкъ не повиновался ей.... Наконецъ она произнесла слабымъ голосомъ одно слово:

— Мачиха!... и съ умоляющимъ видомъ покачала головой.

— Понимаю,—отвѣчалъ тихимъ, дрожащимъ голосомъ Александръ Матвѣевичъ, и опустившись на колѣни, произнесъ съ чувствомъ и убѣжденіемъ: Клянусь тебѣ, что ни въ моемъ сердцѣ, ни въ сердцѣ Николая никто не займетъ твоего мѣста!...

Небесная радость блеснула на лицѣ умирающей, и нѣ-

сколько секундъ спустя, она унесла съ собою въ другой міръ клятву мужа...

Александръ Матвѣевичъ не произнесъ ни одной жалобы, но грудь его судорожно поднималась отъ заглушаемыхъ рыданій.... Нѣсколько минутъ спустя, онъ всталъ, поцѣловалъ остывшій лобъ покойницы, осѣнилъ ее крестнымъ знаменіемъ, потомъ поднялъ на руки сына и прижалъ его къ груди. Лицо Тучинова было блѣдно, и сквозь вынужденную холодную твердость просвѣчивалась глубокая горесть...

— Молись, Николинька! Теперь насъ только двое!...

Выраженіе голоса и лица Александра Матвѣевича было такъ величественно, что ребенокъ готовъ былъ стать передъ нимъ на колѣни, какъ передъ существомъ высшимъ.

Казалось, судьба хотѣла вознаградить Николая за потерю матери, сблизивъ его съ отцомъ....

. . . . . .

ГЛАВА II.

Сердце дитяти.

Вскорѣ послѣ смерти жены, Тучиновъ выпросилъ себѣ порученія въ нѣсколько отдаленныхъ губерній, и уѣхалъ на время изъ Петербурга.

Николай остался у своего дѣда.

Разнородныя ощущенія, перенесенныя Николаемъ въ послѣднее время, имѣли сильное вліяніе на характеръ его. Онъ пересталъ быть ребенкомъ, и на девятомъ уже году ступилъ первый шагъ въ юношескій возрастъ. Горесть рано развила въ немъ мыслительныя силы, и умъ его требовалъ уже пищи. Въ лѣта Николая наука не удовлетворяетъ этого требованія: умъ не приготовленъ еще къ сухимъ, холоднымъ формамъ ея; ему тоже нужны свои игрушки....

Созданіе этихъ умственныхъ игрушекъ или такъ называемыхъ *дѣтскихъ книжекъ* дѣло чрезвычайно важное.

Для него недостаточно одного ума; нужно имѣть сердце. Дѣйствовать прямо на умъ ребенка значитъ готовить его въ педанты, или, что̀ еще хуже, въ рецензенты; надобно избрать посредникомъ сердце, а чтобы быть понятнымъ послѣднему, должно говорить сердцемъ.

Однажды, въ минуту скуки, неясной, безсознательной тоски, часто овладѣвавшей имъ, Николай нашелъ на столѣ открытую книгу, и машинально заглянулъ въ нее. Это былъ романъ. Прочитавъ нѣсколько строкъ небрежно, Николай задумался; потомъ сталъ читать далѣе; любопытство его возрастало, разсказъ завлекалъ его. Книга, съ которой онъ началъ, была послѣдняя часть, и до конца оставалось нѣсколько страницъ. Съ жадностію дочиталъ Николай до послѣдней страницы; развязка поразила его, и пробудила въ немъ желаніе узнать цѣпь событій, предшествовавшихъ развязкѣ, и въ тотъ же день, скрывшись въ уединенной части сада, онъ сталъ читать первую часть.

Вмѣсто простой, умѣренной пищи, потребной дѣтскому уму и сердцу, Николай прямо напалъ на горячительную пищу, служащую иногда для пробужденія совѣсти, отказывающейся исполнять свой долгъ, но вредную сердцу свѣжему, неопытному, и воображеніе Николая воспламенялось, преждевременныя понятія развивались быстро.

Гувернантка, какъ самая близкая изъ особъ, окружавшихъ Николая, хотѣла запретить ему читать романы, вспомнивъ, съ какою строгостью въ пансіонѣ преслѣдовали ихъ; но бабушка заступилась за своего внучка.

— Пускай читаетъ, говорила она: вѣдь онъ еще *не понимаетъ* того, что̀ тутъ написано.

— Только при огнѣ да на солнцѣ не читай, прибавилъ дѣдушка: а не то какъ-разъ глаза испортишь.

Сложивъ съ себя отвѣтственность, гувернантка не противилась болѣе страсти Николая къ чтенію, и онъ цѣлые дни просиживалъ за книгой.

Экой прилежный говорили слуги: все въ книгу смотритъ. Будетъ ученый!

Часто гувернантка сама читала вслухъ. Николай, сидя у ногъ ея или возлѣ нея, не пропускалъ ни одного слова. На миломъ, нѣсколько блѣдномъ лицѣ его отражались всѣ событія разсказа, производившія впечатлѣніе на его сердце; нерѣдко крупныя слезы выступали на темноголубыхъ, выразительныхъ глазахъ его....

Иногда гувернантка заставляла его читать, и голосъ Ни-

колая понижался, дрожалъ, когда онъ произносилъ слова: любовь, любить, люблю... Невольно поднималъ онъ глаза, но тотчасъ же, какъ бы испугавшись, опять опускалъ ихъ.

Каждый романъ, выходящій изъ разряда посредственности, заключаетъ въ себѣ науку *жизни* и *сердца*. Первая была недоступна понятіямъ Николая, но вторую онъ начиналъ уже понимать въ такой степени, въ какой то было доступно собственнымъ ощущеніямъ его, въ которыхъ онъ уже отдавалъ себѣ отчетъ.

Кто рано началъ жить сердцемъ, тотъ не обвинитъ меня въ преувеличеніи.

Однажды, въ прекрасный лѣтній вечеръ, гувернантка и Николай сидѣли въ бесѣдкѣ. Первая только что закрыла дочитанный романъ, оканчивавшійся всеобщимъ счастіемъ, наказаніемъ зла и вознагражденіемъ добра.

Красноватыя лучи заходящаго солнца, пробиваясь сквозь густую зелень, бросали на песокъ аллеи золотистыя пятна, окаймленныя синеватою тѣнью. Цвѣты распространяли въ воздухѣ упоительныя благоуханія. Вокругъ бесѣдки царствовала глубокая тишина; только за садомъ, въ рощѣ, соловей допѣвалъ вечернюю пѣснь....

Гувернантка задумалась, заслушавшись или засмотрѣвшись; но вдругъ она подняла голову и съ изумленіемъ посмотрѣла на Николая.

Онъ плакалъ.

— Что̀ съ тобою, Николинька? спросила она заботливо.

Онъ не отвѣчалъ; она обвила шею его одною рукою и съ живѣйшимъ участіемъ повторила свой вопросъ.

Николай поднялъ глаза, на которыхъ блестѣли слезы, и, посмотрѣвъ на гувернантку, произнесъ тихимъ, почти умоляющимъ голосомъ:

— Я васъ люблю....

— О чемъ же тутъ плакать? сказала она, засмѣявшись. Я тоже люблю тебя, потому-что ты добрый мальчикъ, умница.

Смѣхъ и послѣднія слова произвели на Николая горестное впечатлѣніе. Ему стало стыдно... Онъ поспѣшно вскочилъ и убѣжалъ.

. . . . . .

Прошло лѣто. Александръ Матвѣевичъ возвратился въ Петербургъ, и Николай переѣхалъ въ городъ, къ отцу.

При первой встрѣчѣ отецъ и сынъ невольно вспомнили горестную потерю. Николай бросился въ объятія отца и

заплакалъ. Александръ Матвѣевичъ молча поцѣловалъ его и прижалъ къ сердцу. Утѣшительное чувство проникло въ душу ребенка, когда онъ замѣтилъ, что и на глазахъ отца его выступили слезы. Онъ предчувствовалъ, что общее горе сблизитъ ихъ.

Предчувствіе не обмануло его. Сознавая, вѣроятно, что на него одного пала теперь обязанность наблюдать за воспитаніемъ сына, Тучиновъ чаще прежняго сталъ заходить въ комнатку Николая, слѣдилъ за его занятіями и разспрашивалъ гувернантку объ его успѣхахъ. Съ каждымъ днемъ онъ открывалъ новыя познанія, новыя качества въ ребенкѣ; каждый день благодарилъ онъ гувернантку, и осыпалъ ее подарками.

Бѣдная дѣвушка робко, почти со страхомъ принимала эти подарки; ей казалось, что вмѣстѣ съ ними она принимала на себя обязанность, которая была уже не по силамъ ея; собственныя познанія ея почти ограничивались тѣмъ, что̀ уже зналъ ея воспитанникъ.

Николаю минуло десять лѣтъ. Родственники покойной матери его совѣтовали Александру Матвѣевичу отдать его въ пансіонъ, но онъ отговаривался тѣмъ, что ему трудно разстаться съ единственнымъ существомъ, привязывавшимъ его еще къ дому; ему совѣтовали нанять хоть гувернера, на томъ основаніи, что десятилѣтнему мальчику неприлично имѣть гувернантку, но Тучиновъ отвѣчалъ, что нѣсколько слабое, нѣжное сложеніе ребенка требуетъ еще женскихъ попеченій.

И двадцатичетырехлѣтняя дѣвушка, добрая и кроткая, но образованія весьма ограниченнаго, продолжала воспитаніе десятилѣтняго мальчика.

Подобные случаи не рѣдки и тѣмъ болѣе предосудительны. Что̀ бы сказали эти самые родители, если бъ имъ кто-нибудь посовѣтовалъ поручить воспитаніе десятилѣтней дочери двадцатичетырехлѣтнему гувернеру?

— Это совсѣмъ другое дѣло! отвѣтятъ они.

Правда, въ частностяхъ это совсѣмъ другое дѣло, но въ сущности то и другое—зло.

Александръ Матвѣевичъ, принимавшій болѣе и болѣе живое участіе въ воспитаніи своего сына и проводившій съ нимъ цѣлые часы, понялъ, вѣроятно, это зло, ибо, *ради приличія*, приказалъ поставить перегородку въ дѣтской спальнѣ; но Николай, воспитанный какъ дѣвочка, былъ и

трусливъ, какъ дѣвочка. Гувернантка утѣшила его только тѣмъ, что позволила оставлять дверь отворенною.

Въ одну темную, зимнюю ночь сильный ударъ вѣтра въ окно разбудилъ Николая.. Онъ открылъ глаза. Глубокій мракъ былъ непроницаемъ; ночникъ, обыкновенно горѣвшій въ спальнѣ, погасъ.

Николаю стало страшно. Дрожащимъ, боязненнымъ голосомъ позвалъ онъ гувернантку.... Отвѣта не было.

Тишина усилила боязнь ребенка. Повторивъ имя гувернантки громче прежняго, онъ скоро соскочилъ съ постели и побѣжалъ за перегородку. Едва ступилъ онъ нѣсколько шаговъ за дверь, какъ ноги его подкосились отъ испуга и онъ лишился чувствъ....

Когда онъ пришелъ, въ себя, возлѣ постели его сидѣлъ Александръ Матвѣевичъ. Зажженная свѣча стояла на полу.

— Легче тебѣ, Коля, тихимъ голосомъ спросилъ Тучиновъ, когда ребенокъ устремилъ на него неподвижный взоръ.

Николай не отвѣчалъ. Онъ припоминалъ случившееся.

— Какъ тебѣ не стыдно! Какой ты трусишка! произнесъ Александръ Матвѣевичъ принужденно улыбаясь. Напейся воды.

Ребенокъ опорожнилъ стаканъ, поднесенный ему отцемъ.

— Не надо быть такимъ пугливымъ, продолжалъ послѣдній. Оправился ли ты теперь?

— Оправился, папенька.

— Ну такъ спи, дружокъ; я засвѣчу ночникъ....

Заботливо закрывъ сына одѣяломъ, Тучиновъ засвѣтилъ ночникъ и на цыпочкахъ удалился.

Николай былъ такъ сильно взволнованъ, что онъ не могъ сомкнуть глазъ. Самыя загадочныя мысли волновали умъ его. Вдругъ странный, тихій звукъ, подобный заглушаемому стону, поразилъ его...

Онъ притаилъ дыханіе, сталъ прислушиваться.

Явственнѣе слышалось за перегородкой заглушаемое рыданіе... Николай убѣдился, что гувернантка плакала, и первымъ движеніемъ его было спросить ее о причинѣ слезъ ея, но онъ промолчалъ, пораженный внезапною мыслію, вполнѣ завладѣвшею всѣми умственными силами его: ему показалось что слезы гувернантки имѣли связь съ происшествіемъ, случившимся съ нимъ самимъ... но какую связь?

Онъ слышалъ, какъ гувернантка приподнялась на постелѣ.

— Николинька произнесла она дрожащимъ голосомъ.

Онъ не отвѣчалъ и не трогался.

Гувернантка тихо спустилась съ кровати и ступила нѣсколько шаговъ. Николаю казалось, что она подошла къ образамъ и опустилась передъ ними на колѣни.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

— Господи, Господи! произнесла наконецъ гувернантка шопотомъ, и послѣдній звукъ слился съ воплемъ, насильно рвавшимся изъ груди....

Бѣдная дѣвушка заглушила громкій вопль; но посреди ночной тишины носился, подобно отдаленному завыванію вѣтра, унылый, жалобный, протяжный отголосокъ душевныхъ страданій....

И внезапно новое понятіе мелькнуло въ умѣ Николая; рѣзкая, нестерпимая боль проникла въ сердце его....

Нѣсколько минутъ крѣпился Николай, но наконецъ не выдержалъ и зарыдалъ.

Гувернантка поспѣшно встала, накинула большой платокъ, и не утеревъ даже слезъ, вошла за перегородку.

Николай закрылъ глаза и стиснулъ зубы.

— Что съ тобой, Николинька? спросила гувернантка.

Нѣсколько разъ повторила она этотъ вопросъ, и не получая отвѣта, взяла руку ребенка. Онъ отдернулъ ее и отвернулся.

— Подите прочь, оставьте меня! произнесъ онъ.

Гувернантка задрожала и невольно ступила шагъ назадъ.

—Маменька, маменька! произнесъ Николай, съ выраженіемъ глубокой горести, и крѣпко схвативъ обѣими руками подушку, скрылъ въ ней свои слезы.

Сердце, внезапно оторвавшееся отъ двухъ существъ, вспомнило о единственной привязанности, которую смерть содѣлала непоколебимою, неизмѣнною....

Послѣднее слово, дважды произнесенное ребенкомъ, поколебало минутную, вынужденную твердость бѣдной дѣвушки. Молча, безъ слезъ, опустилась она на полъ и приложила лицо къ кровати....

. . . . . .

На другой день у Николая открылась опасная горячка. Долго былъ онъ въ совершенномъ безпамятствѣ, и придя въ себя, увидѣлъ возлѣ своей постели дремавшую, незнакомую женщину.

Сначала разсматривалъ онъ окружавшіе его предметы, не припоминая ничего, и только появленіе отца, пришедшаго

освѣдомиться о состояніи его, произвело на него тягостное, непріятное впечатлѣніе. Ему показалось, что нѣжное участіе, оказываемое ему Александромъ Матвѣевичемъ, было неискренно; онъ самъ не смѣлъ поднять глазъ на отца, какъ бы опасаясь, что они измѣнятъ ему и выскажутъ его тайную мысль. Николая удивило, что гувернантка во все время его болѣзни не навѣщала его. Это равнодушіе огорчило выздоравливавшаго; за огорченіемъ послѣдовало сильное желаніе увидѣть гувернантку; неисполненіе этого желанія возбудило безпокойство, тѣмъ болѣе сильное, что никто изъ окружавшихъ его не упоминалъ о бѣдной дѣвицѣ. Наконецъ, желая выйдти изъ тягостной неизвѣстности, онъ рѣшился спросить хожалку.

— Учительница? отвѣчала послѣдняя: она переѣхала къ роднымъ.

— Зачѣмъ?

— А затѣмъ, сердешный, что она васъ не берегла. Вотъ Богъ ее и наказалъ.

— Богъ ее наказалъ? съ безпокойнымъ изумленіемъ спросилъ Николай. Что̀ съ нею сдѣлалось?

— То сдѣлалось, сердешный, что она сама въ постель слегла. Ужъ вѣстимо, коли себя не умѣла сберечь, такъ и васъ не сберегла. Вотъ то-то и есть! продолжала словоохотливая хожалка, понюхавъ табаку:—отдаютъ дѣтей на руки молодёжи, а гдѣ ей знать, что̀ нужно ребенку? И напиться дастъ не во̀-время, и покушать дастъ чего не слѣдуетъ... Ну, вотъ....

— Такъ она все еще больна? прервалъ Николай хожалку.

— Не могу знать; не спрашивала. Впрочемъ по-дѣломъ ей, впередъ будетъ умнѣе; хорошія денежки получаешь, такъ хорошо и служи... Чу! два часа; пора лекарство принять....

Новый урокъ Николаю. Онъ очень хорошо зналъ, что не бѣдная гувернантка была виновницей его болѣзни, а междутѣмъ обвиненіе падало на нее. Какъ бы желая сдѣлать этотъ урокъ болѣе совершеннымъ, хожалка разсыпалась въ похвалахъ родительской заботливости Александра Матвѣевича и великодушію, оказанному имъ недостойной учительницѣ, которую онъ *отослалъ* не со строгимъ, заслуженнымъ выговоромъ, а со знатнымъ подаркомъ.

— Она было не хотѣла брать подарка, прибавила хожалка: да Александръ Матвѣевичъ отправилъ его къ ней на̀домъ.

Самая строгая хула не произвела бы на душу Николая такого тягостнаго, разочаровательнаго впечатлѣнія, какое производили эти похвалы....

Николай выздоровѣлъ. Сношенія его съ отцомъ были холодны, неискренны. Александръ Матвѣевичъ сначала старался разсѣять эту холодность подарками, развлеченіями; онъ забывалъ только единственное средство, которымъ бы могъ еще воротить уваженіе сына,—онъ забывалъ обратиться къ сердцу его. Наконецъ родительская гордость его возмутилась, и не себя, не уважившаго невинность ребенка, обвинялъ онъ, а Николая: онъ удивлялся раннему развитію въ немъ нѣкоторыхъ понятій, удивлялся дерзости, съ которою ничтожный мальчишка судилъ поступокъ отца, и называлъ холодность его упрямствомъ, и даже разсчетомъ!

Строгимъ голосомъ объявилъ Александръ Матвѣевичъ однажды сыну, что отдаетъ его въ пансіонъ.

Николай, которому домашняя жизнь становилась со дня на день тягостнѣе, отнесъ это намѣреніе отца къ числу удовольствій, которыя онъ старался доставлять ему въ послѣднее время. Непритворная радость выразилась на лицѣ его, и онъ кинулся цѣловать руку отца.

— Хорошо, хорошо, проговорилъ болѣе прежняго раздосадованный Тучиновъ.—Не нужно! прибавилъ онъ, съ сердцемъ отдернувъ руку и отвернувшись.

Нѣсколько дней спустя, Николай поступилъ въ одинъ изъ модныхъ французскихъ пансіоновъ.

Почти во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, между учащимися существуютъ три рѣзко отдѣляющіяся, касты.

Къ первой принадлежатъ *долбилы*, то есть прилежные ученики, добросовѣстно исполняющіе свои обязанности; существа средняго разряда, которымъ природа даровала не блистательныя способности, но неутомимое трудолюбіе, стремящееся къ положенной цѣли. Достигнувъ ея, существа эти останавливаются, и пользуются въ обществѣ званіемъ людей *серьозныхъ*, *полезныхъ*.

Вторую касту составляютъ *бойчилы*, шалуны, одаренные, большею частію, высокими способностями; наука дается имъ легко, а потому они пренебрегаютъ ею; дѣятельность ихъ начинается только тогда, когда останавливается дѣятельность долбилъ; не будучи утомлены сухимъ, школьнымъ ученіемъ, способности ихъ сохраняютъ свѣжесть и силу, которыя ведутъ ихъ къ славнымъ, геніальнымъ подвигамъ,

прославляющимъ общество, въ которомъ они живутъ.... Но часто бываетъ и противное. Ко второй же кастѣ присоединяются существа, отличенныя либо грубою энергіею, либо физическою силою. Столкновеніе съ послѣдними часто направляетъ способности первыхъ на стезю, ведущую въ пропасть, называемую развратомъ.

Наконецъ къ третьей кастѣ принадлежатъ существа, обиженныя природой и лишенныя способностей къ наукамъ. Но судьба, вѣчно справедливая, возстановляетъ и въ этомъ случаѣ нарушенное, повидимому, равновѣсіе, ставя этихъ людей подъ покровительство счастія, и—третья каста доставляетъ обществу такъ называемыхъ *добряковъ* и *счастливцевъ*, которымъ все удается.

Между долбилами и бойчилами существуетъ постоянная непримиримая вражда. Въ школѣ сила на сторонѣ послѣднихъ, и они пользуются дурачками, какъ орудіями, для нанесенія оскорбленій послѣднимъ. Въ обществѣ, сила на сторонѣ людей *полезныхъ*, и они, бо̀льшею частію, мстятъ *геніямъ*, отнимая у нихъ средства дѣйствовать, и отдавая преимущество *добрякамъ*, безобиднымъ по своему ничтожеству.

Между этими кастами Николая Тучинова ожидала странная участь. Поступивъ, по наклонности, въ число долбилъ, онъ, однако жъ, вскорѣ перешелъ къ противникамъ ихъ, куда переманилъ его одинъ изъ тѣхъ учениковъ, которые въ школѣ пользуются довольно неблагозвучнымъ названіемъ *маклаковъ* и которымъ общество придумало менѣе жесткое имя *паразитовъ*. Маклакъ предложилъ свою дружбу Николаю, потому-что замѣтилъ, что у него водились и денежки, и лакомства. Новичекъ всѣмъ сердцемъ предался новому чувствованію, пополнившему раннюю душевную пустоту... но новый урокъ, новое разочарованіе ожидали его.

Николай вскорѣ замѣтилъ, что новый другъ былъ съ нимъ чрезвычайно холоденъ, когда у него ничего не было. Николай упрекнулъ его однажды въ этой холодности, маклакъ поколотилъ его, друзья поссорились, и—Николай опять присоединился къ прилежнымъ.

Прошло около года съ тѣхъ поръ, какъ онъ поступилъ въ пансіонъ; вдругъ однажды, въ будни, отецъ пріѣхалъ за нимъ. Александръ Матвѣевичъ былъ необыкновенно ласковъ. Сѣвъ съ сыномъ въ карету, онъ заговорилъ съ нимъ о его сиротствѣ, о счастіи имѣть мать, и наконецъ спросилъ:

— Хочешь имѣть маменьку?

Развѣ можно имѣть другую? возразилъ Николай.

*

Александръ Матвѣевичъ поморщился, помолчалъ нѣсколько секундъ, и какъ бы досадуя на свое вступленіе, объявилъ напрямки, что намѣренъ вторично жениться, и что сегодня же представитъ Николая будущей, второй матери его.

Николай не отвѣчалъ; онъ вспомнилъ клятву, произнесенную отцомъ его у смертнаго одра матери... Слезы выступили на глазахъ его.

Александръ Матвѣевичъ замѣтилъ эти слезы; лицо его приняло грозное выраженіе, но онъ поспѣшно отвернулся. Впечатлѣніе, произведенное на Николая этимъ новымъ поступкомъ отца, было бы менѣе сильно, если бъ послѣдній сохранилъ молчаніе; но со свойственною ему быстротою соображенія, онъ разсудилъ, что гораздо лучше *прямо* объясниться. Онъ самъ напомнилъ Николаю о своей клятвѣ.

— *Обѣщаніе* это было необходимо, сказалъ онъ, потому-что разсудокъ твоей матери былъ уже такъ слабъ, что она не могла вникнуть въ... неосновательность своего требованія; если бы она прожила еще нѣсколько дней, то, вѣроятно, сама отказалась бы отъ этого требованія, и посовѣтовала бы мнѣ избрать тебѣ другую, достойную мать...

Александръ Матвѣевичъ все время говорилъ такъ, какъ будто бы имѣлъ въ виду только пользу и счастіе сына.

— Я долженъ былъ *дать* это обѣщаніе твоей умирающей матери—царствіе ей небесное! продолжалъ Александръ Матвѣевичъ: но я не могу, не долженъ *сдержать* его. Пока она была еще съ нами, отказъ мой могъ огорчить твою мать: я доставилъ ей утѣшеніе. Теперь, душа ея, очищенная отъ мірскихъ страстей, парйтъ надъ нами, какъ обитательница лучшаго міра, и если бъ она могла сообщить намъ свою волю, то, вѣроятно, сама бы благословила намѣреніе, которое не причинитъ ей ни малѣйшаго горя, ни малѣйшаго зла, а намъ... тебѣ принесетъ благо...

Это эгоистическое объясненіе успокоило Николая, непонимавшаго еще нерушимость даннаго слова.

Такъ развивалась нравственная жизнь Николая.

Отецъ его женился на дѣвицѣ съ огромнымъ приданымъ.

Сношенія Николая съ мачихой были холодны; въ минуту супружеской довѣрчивости, она призналась мужу, что холодный, почти строгій взглядъ юноши отталкивалъ ласки ея. Александръ Матвѣевичъ насупилъ брови и отвѣчалъ, что онъ самъ давно уже съ горестію замѣтилъ скрытный и даже злобный характеръ своего сына.

И Николай былъ почти исключенъ изъ семейнаго круга, не смотря на то, что отецъ его вступилъ во вторичный бракъ *только* для него. Нѣсколько лѣтъ пробылъ онъ еще въ пансіонѣ, потомъ поступилъ въ университетъ, и наконецъ на службу...

Читатель увидитъ въ-послѣдствіи, какое мѣсто приготовило Николаю въ обществѣ воспитаніе, образъ и подробности котораго я старался развить...

. . . . . .

ГЛАВА III.

Какъ благодѣяніе находитъ награду въ самомъ-себѣ.

Николай Александровичъ нетерпѣливо прохаживался по комнатѣ, какъ вдругъ задребезжавшій въ прихожей колокольчикъ заставилъ его вздрогнуть.

Лакей вышелъ, отворилъ дверь, потомъ вернулся въ кабинетъ и доложилъ:

— Съ книжками пришелъ.

— Ага! сказалъ Николай Александровичъ съ притворнымъ равнодушіемъ, между-тѣмъ какъ сердце его забилось сильнѣе: впусти его.

— Коверъ запачкаетъ...

— Слышалъ ты, что̀ я тебѣ сказалъ? вспыльчиво вскричалъ молодой человѣкъ.

— Сказалъ... сказалъ... ворчалъ про-себя лакей, удаляясь: а кому же послѣ коверъ вычистить... Ну, борода! продолжалъ онъ вслухъ, выйдя въ переднюю: вытри хорошенько сапоги о щетку, да ступай къ барину.

Минуту спустя, въ кабинетъ вошелъ человѣкъ съ рыжей бородкой, въ изношенномъ кафтанѣ; подъ мышкой у него былъ мѣшокъ съ книгами.

— Здорово, Кнутовъ! ласково сказалъ Николай Александровичъ: что̀ скажешь?

— Пришелъ, какъ извѣстно вашему благородію, по дѣльцу... сказалъ знакомый уже намъ букинистъ, кланяясь.

— Да, да, ты принесъ мнѣ новыя книги, поспѣшно перебилъ слова его Николай Александровичъ, и обратившись къ лакею, продолжавшему стирать пыль, прибавилъ; сходи, посмотри, что-же мнѣ кофе не несутъ?

Лакей изъ-подлобья посмотрѣлъ на букиниста, вышелъ въ прихожую, затворилъ за собою дверь, и преспокойно остановился, чтобы подслушивать.

Лакеи обыкновенно принимаютъ такое живое участіе во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ господъ, какъ будто бы потомство потребуетъ отъ нихъ самой подробной біографіи этихъ господъ. По чутью они узнаютъ, стóитъ ли дѣло вниманія или нѣтъ.

— Какія же у тебя книги? спросилъ Николай Александровичъ, когда лакей удалялся.

— Плохія, ваше благородіе, отвѣчалъ букинистъ, покачавъ головой.

Это слово произвело, по-видимому, тягостное впечатлѣніе на молодаго человѣка. Разсчитавъ, что лакей вышелъ уже изъ прихожей, онъ приблизился къ Кнутову и спросилъ его съ безпокойствомъ:

— Не досталъ?

— Ахъ не говорите, ваше благородіе! отвѣчалъ коварный пройдоха.

Онъ хотѣлъ, какъ говорится, помучить Николая Алесандровича, чтобы тѣмъ увеличить радость его и извлечь изъ послѣдней пользу себѣ.

— Да говори же, досталъ или нѣтъ? повторилъ Тучиновъ нетерпѣливо и съ возраставшимъ безпокойствомъ.

— Достать-то можно, сказалъ Кнутовъ протяжно: да не знаю, согласитесь ли вы?...

— Соглашусь! отвѣчалъ Николай Александровичъ въ первомъ порывѣ радости, но тотчасъ же, одумавшись, прибавилъ: впрочемъ надобно знать на какихъ условіяхъ...

— Я тоже говорилъ, ваше благородіе, что вы не согласитесь...

— Сколько ты досталъ?

— Да что, ваше благородіе, и говорить не стóитъ... Вы, кажись, просили полтораста рублевъ...

— Двѣсти.

— Двѣсти! Помилуй Богъ! Гдѣ ихъ достанешь; теперь

и денегъ-то ни у кого нѣтъ. Плохія времена, ваше благородіе. Сто еще кое-какъ наколотить можно,

— Ста мнѣ мало, возразилъ Николай Александровичъ съ неудовольствіемъ и пожавъ плечами. Похлопочи, постарайся, а я самъ отплачу тебѣ.

— Покорнѣйше благодарю, ваше благородіе; я не сумлѣваюсь, что вы не обидите меня; да я же и стараюсь для васъ такъ, какъ, ей Богу, для себя никогда не старался; уже куды я не бѣгалъ, изъ Коломной на Петербургскую, оттуда на Пески... пару сапоговъ истаскалъ; ей Богу такъ усердствую вамъ, и радъ бы душою помочь... будь у меня свои денежки, такъ я бы и не заикнулся; съ душою бы отдалъ, ваше благородіе, и документа бы не спросилъ, а то съ такими извергами вожусь, ваше благородіе, что не приведи Господи! Жиды крещёные, ваше благородіе, ей Богу!

— Ты хотѣлъ побывать у... Опухтина?

Кнутовъ перекрестился и махнулъ рукой.

— Не даетъ? спросилъ Николай Александровичъ.

— Опухтинъ, ваше благородіе, изъ изверговъ извергъ! Такія условія загнулъ, что волосъ дыбомъ всталъ!

— Да даетъ ли онъ, по-крайней-мѣрѣ, деньги!

— Даетъ, ваше благородіе, сто рублевъ, а беретъ вотъ эвдакую цыдулочку.

И съ этими словами Кнутовъ вынулъ изъ-за пазухи замасленный бумажникъ, туго набитый разными бумагами, и отыскалъ въ немъ заемное письмо, о которомъ онъ уже условился съ Захаромъ Ивановичемъ, и подалъ его молодому человѣку.

— Заемное письмо! вскричалъ послѣдній, почти радостно.

— Фхію! свиснулъ лакей, отойдя отъ двери: птичка! Видно опять профершпилился!...

И узнавъ, что̀ ему нужно было знать, онъ отправился исполнять возложенное на него порученіе

Между-тѣмъ Николай Александровичъ быстро пробѣжалъ глазами заемное письмо.

— Триста за сто! вскричалъ онъ съ негодованіемъ.

— Извергъ, ваше благородіе, хладнокровно произнесъ букинистъ.

— Это подло! продолжалъ Николай Александровичъ, бросивъ заемное письмо на столъ. Такихъ людей надобно предавать въ руки правосудія.

— Въ каторгу, ваше благородіе.

— Это язва, продолжалъ молодой человѣкъ, разгорячаясь: и я считаю долгомъ донести на него.

— Доказательствъ не имѣется, ваше благородіе, произнесъ Кнутовъ со спокойной, коварной улыбкой.

— Ты свидѣтель!

— Нѣтъ, ваше благородіе; я человѣкъ сторонній; я ничего не знаю.

Часы пробили восемь.

Николай Александровичъ, какъ бы вспомнивъ о чемъ-то, судорожно сжалъ обѣими руками голову и произнесъ тихимъ голосомъ:

— Господи, Господи! какъ мнѣ быть!... Кнутовъ, достань мнѣ деньги; какъ хочешь, гдѣ хочешь, а достань!...

— Осмѣлюсь доложить, ваше благородіе, что Опухтинъ залога не беретъ... даетъ чистыя денежки на одно заемное.

— Повторяю тебѣ, что мнѣ ста мало! нетерпѣливо возразилъ молодой человѣкъ, въ волненіи прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ.

Кнутовъ почесалъ бороду, покачавъ головой.

— Крѣпко хочется мнѣ услужить вашему благородію... ей Богу, не знаю... вотъ кабы мѣсяца черезъ два, такъ у меня будутъ свои.... Нельзя ли подождать, ваше благородіе?

Николай Александровичъ пожалъ плечами.

— Ахъ ты бѣда какая! продожалъ Кнутовъ: ужъ коли вамъ такая надобность, ваше благородіе такъ возьмите сотенку у Опухтина, а остальныя...

Николай Александровичъ съ надеждой посмотрѣлъ на букиниста, который, скорчивъ кислую мину, продолжалъ:

— Ей Богу, ваше благородіе, сердце болитъ, глядя на васъ; себя обижу, а васъ не оставлю! Нашъ братъ горемыка, мужикъ, а вы, сударь, благородный!... Душу за васъ отдамъ, Николай Александровичъ; ей Богу, отдамъ!

Слова эти кололи гордость Николая Александровича; но гордость его не смѣла жаловаться, потому-что тщеславіе было удовлетворено надеждой выйдти изъ затруднительнаго положенія. Надежда эта была довольно основательна, потому-что *отдать душу* значило у Кнутова отдать *свои* деньги.

— Извольте видѣть, ваше благородіе, продолжалъ буки-

нистъ: сегодня нужно мнѣ заплатить долгъ, рублевъ въ шестдесятъ серебромъ... Не заплачу̀, бѣда! Съѣстъ! Такой звѣрь... Развѣ только хорошій залогъ принесу, такъ *онъ* умилостивится; а какой у нашего брата залогъ! Конечно книжонки тѣ же деньги, да надобно на охотника напасть а то—маклатура!... Помнится мнѣ, ваше благородіе, что вы изволили говорить, что у васъ найдутся вещицы подъ залогъ....

— Да, да, съ живостію отвѣчалъ молодой человѣкъ: у меня есть нѣкоторыя золотыя вещи...

— Коли вамъ не противно будетъ пожаловать мнѣ ихъ, такъ я снесу ихъ къ... къ *тому*, а денежки отдамъ вамъ...

— Спасибо, Кнутовъ, спасибо!

— Не начемъ ваше благородіе; ей Богу, сердце болитъ, что нельзя обойдти изверга Опухтина...

— Что̀ дѣлать, нужда заставляетъ меня согласиться; я подпишу заемное письмо... и тебѣ отдамъ вещи... давай скорѣе деньги!

— Опухтинскихъ у меня нѣтъ ваше благородіе; вамъ извѣстно, что надобно засвидѣтельствовать у маклера...

— Какая досада!

— Свои же сейчасъ вручу вашему благородію; кажись сотенка наберется у меня... Потрудитесь же, ваше благородіе, написать простую расписочку, такъ-съ, для порядку-съ, что-молъ состою долженъ такому-то, кои и обязуюсь выплатить по востребованію...

Николай Александровичъ скоро пошелъ къ столу и сталъ писать.

Въ это время лакей вошелъ съ подносомъ, поставилъ его на столъ, лукаво мигнулъ букинисту, и вышелъ.

— Сколько спросилъ Николай Александровичъ, не оборачиваясь.

— Сколько угодно будетъ вашей милости, отвѣчалъ Кнутовъ: я съ васъ процентовъ брать не хочу... Это не мое дѣло; я стараюсь служить вашему благородію, по мѣрѣ силъ и возможности...

— Сто пятнадцать довольно?

— Ужъ пишите двадцать, круглымъ счетомъ, ваше благородіе; ей Богу пару сапоговъ истаскалъ....

Николай Александровичъ продолжалъ писать, посыпалъ написанное пескомъ, и вставъ, подалъ росписку букинисту.

Послѣдній сталъ читать по складамъ, произнося каждый слогъ вслухъ.

— Число выставить изволили позабыть, сказалъ онъ съ пріятной улыбкой. Вотъ такъ-съ! продолжалъ онъ, когда Николай Александровичъ прибавилъ годъ и число: теперь позвольте освидѣтельствовать вещицы.

Тучиновъ отомкнулъ шкатулку, стоявшую на письменномъ столѣ, и вынулъ изъ нея золотую цѣпочку и нѣсколько перстней.

Кнутовъ взвѣсилъ ихъ на рукѣ, отыскалъ пробу, потомъ спросилъ:

— Вы, помнится изволили говорить-съ, что есть еще булавочка съ гранатами?...

Плутъ-ростовщикъ, забывшій *сколько* просилъ у него молодой человѣкъ, очень хорошо вспомнилъ о булавкѣ, о которой онъ упомянулъ, исчисляя вещи, которыя могъ отдать подъ залогъ.

Николай Александровичъ прошелъ въ спальню и вернулся оттуда съ булавкой.

— Все ли теперь! спросилъ онъ съ видомъ жертвы.

— Все въ исправности-съ; только потрудитесь еще черкнуть на другой бумажкѣ два словца-съ, что-молъ продалъ такому-то, и упомяните о каждой вещи отдѣльно. Это для порядку-съ, ваше благородіе, а то *онъ* не приметъ у меня вещей и, чего добраго, пожалуй скажетъ еще, что краденныя! Помилуй Господи!...

Николай Александровичъ написалъ и другую записку; Кнутовъ также внимательно прочиталъ ее, какъ и первую; собралъ золотыя вещи и вмѣстѣ съ расписками спряталъ за пазуху, откуда вытащилъ опять свой бумажникъ, вынулъ изъ него пукъ мелкихъ ассигнацій, и послюнивъ пальцы, сталъ класть ихъ, одну за другою, на столъ....

Николай Александровичъ во все это время глядѣлъ на часы.

— Что̀ это!... Никакъ я обсчитался... произнесъ, наконецъ, Кнутовъ и снова сталъ считать ассигнаціи, потирая каждую между большимъ и указательнымъ пальцемъ, какъ бы желая раздвоить ихъ.—Фу, ты пропасть! вскричалъ онъ опять, заглянувъ въ свой бумажникъ; потомъ схватился за голову: ахъ вовсе изъ ума вонъ! Три депозитки пятирублевыя отдалъ за книги, а одной и безъ того не доставало! Эка бѣда-съ! продолжалъ онъ, почесывая затылокъ: тутъ всего восемьдесятъ, ваше благородіе! Нечего дѣлать, извольте получить обратно вещи и расписку-съ....

— Нѣтъ, оставь, оставь! восмидесяти довольно будетъ, если ты сегодня же доставишь остальные сто....

— Безпремѣнно, ваше благородіе! Извольте пожаловать къ маклеру, что̀ за Сѣнной, часу во второмъ....

— Хорошо возразилъ Николай Александровичъ, дрожащими руками схвативъ деньги. Ну, спасибо, спасибо!

— Душевно радъ служить вашему благородію.... А тово-съ, книжечекъ не возьмете сегодня?

— Мнѣ теперь некогда, зайди завтра, послѣ завтра...

— Слушаю, ваше благородіе, и взваливъ мѣшокъ па плечо, букинистъ прибавилъ съ пріятной улыбкой: Холодно, ваше благородіе; напился бъ за ваше здоровье чайку въ харчевнѣ....

И ростовщикъ со вздохами и жалобами *сдѣлавшій дѣльцо* въ сто слишкомъ рублей серебромъ, низко и съ признательностію поклонился Николаю Александровичу, когда тотъ сунулъ ему въ руку четвертакъ....

Судя по вышеописанному, должно бы полагать, что подобные *дѣльцы* скоро наживаютъ огромное состояніе. Конечно, бываютъ случаи, но они довольно рѣдки, потому-что и розы не безъ шиповъ! Жадность къ мелкому выигрышу часто ослѣпляетъ этихъ людей, и они попадаются въ руки пройдохъ, дѣйствующихъ смѣлѣе ихъ, потому-что ничѣмъ, кромѣ тюрьмы, не рискуютъ.... Но и тюрьму иногда провѣтриваютъ, и изъ нея часто выйдти легче, чѣмъ попасть въ нее.

— За тѣмъ, счастливо оставаться, ваше благородіе! сказалъ букинистъ: не извольте упрекать Захара Ивановича.... Конечно, ваше благородіе, онъ извергъ; да что̀ прикажете дѣлать! при случаѣ и извергъ пригодится.

Кнутовъ удалился. Въ прихожей ждалъ его лакей.

— Что̀? поживился? спросилъ послѣдній, преградивъ руками дорогу.

— Было бы чѣмъ! возразилъ букинистъ, съ неудовольствіемъ пожавъ плечами; но замѣтивъ по нахально-насмѣшливому виду лакея, что онъ исполнялъ свой долгъ, то есть, подслушивалъ, Кнутовъ досталъ изъ кармана широкихъ шароваръ кожаный кошелекъ, долго рылся въ немъ, и наконецъ, съ грубою гордостью *дателя*, подалъ лакею мелкую монету....

— Чево? протяжно произнесъ лакей, не принимая подачки: я, братъ, не *кинарейка*.... гривенничковъ не потребляю.

— Экъ расчванился! Я, братъ, самъ съ четвертачкомъ отъѣхалъ.

— А покажъ-ка, что̀ за пазухой?

— Эка чортова кукла! возразилъ Кнутовъ, принужденно засмѣявшись: на, ѣшь!

Лакей удовольствовался полтинникомъ, и взявъ еще въ добавокъ изъ мѣшка книжку почитать, ласково проводилъ букиниста.

ГЛАВА IV.

Мало.... мало.... мало!

Когда букинистъ вышелъ изъ кабинета, Николай Александровичъ выпрямился, поднялъ глаза къ небу и вздохнулъ изъ глубины души.

На дворѣ было уже совсѣмъ свѣтло.

Николай Александровичъ подошелъ къ окну, поднялъ штору, опять посмотрѣлъ на третій этажъ противоположнаго дома, потомъ сѣлъ къ письменному столу, написалъ короткое письмо, вложилъ его въ конвертъ, вмѣстѣ съ ассигнаціями, запечаталъ и позвонилъ.

— Снесешь это письмо по адрессу, сказалъ онъ вошедшему лакею: но сперва дай мнѣ одѣться.

Наскоро напившись кофе, Николай Александровичъ съ особенною заботливостью приступилъ къ своему туалету.

Николаю Александровичу было двадцать четыре года, но казалось едва двадцать. Онъ былъ средняго роста, нѣсколько худощавъ, строенъ и гибокъ; отъ отца перенялъ онъ привычку держаться чрезвычайно прямо и откинувъ нѣсколько голову назадъ. Черты бѣлаго, нѣжнаго, почти женственнаго лица были правильны, но постоянное небрежно-презрительное выраженіе придавало имъ нѣчто непріятное, не располагавшее съ перваго взгляда въ его пользу. Впрочемъ это была одна маска, быть-можетъ, даже невольно заимствован-

ная Тучиновымъ у тѣхъ *свѣтскихъ* молодыхъ людей, въ кругу которыхъ онъ жилъ, и считающихъ привѣтливость первѣйшимъ признакомъ мѣщанскаго происхожденія.

Только по временамъ, въ минуты сильныхъ ощущеній, темно-голубые глаза Николая принимали почти чорный цвѣтъ, и тогда лицо его теряло приторное, отталкивающее выраженіе.

Употребивъ полтора часа времени на туалетъ, Николай Александровичъ вернулся въ кабинетъ въ щегольскомъ сюртучкѣ, въ петличкѣ котораго была небрежно повязана ленточка. Остановившись передъ зеркаломъ, онъ поправилъ еще галстухъ, пригладилъ природныя, густыя, бѣлокурыя кудри, и не переставая смотрѣться въ зеркало, сталъ надѣвать перчатки.

Сильный звонъ колокольчика заставилъ его отвернуться отъ зеркала.

— Кто тамъ? спросилъ онъ вошедшаго лакея.

— Какой-то человѣкъ, небрежно отвѣчалъ послѣдній, подавая барину четырехъугольную бумажку, замѣнявшую, повидимому, визитную карточку.

Николай Александровичъ взглянулъ на имя, написанное на бумажкѣ, невольно вздрогнулъ и произнесъ въ полголоса.

— Лихаревъ!... Проси, прибавилъ онъ вслухъ.

Борисъ Астафьевичъ Лихаревъ вошелъ въ кабинетъ. На немъ была довольно поношенная венгерка. Рыжіе усы подпирали красноватый носъ.

— Бонжуръ, моншеръ! закричалъ онъ, протянувъ обѣ руки впередъ и скоро приближаясь къ Николаю Александровичу.

Послѣдній слегка покраснѣлъ, подалъ руку, и не смотря на то, что Лихаревъ трясъ ее изо всѣхъ силъ, не отвѣчалъ даже пожатіемъ.

— Пардонъ, моншеръ, что я такъ безъ сантиментальностей, зашелъ къ вамъ.... да знаете, ѣду мимо, и вдругъ вспомнилъ: Ахъ ты дьявольщина! Тучиновъ тутъ живетъ.... Надобно сдѣлать реверансъ. Знаете, что̀-то кровное, какая-то симпатія раждается между людьми, которые за зеленымъ столомъ рѣжутся съ благородствомъ....

— Садитесь, пожалуйста, перебилъ его съ судорожною живостію Николай Александровичъ, замѣтивъ насмѣшливую улыбку на лицѣ лакея, принявшагося опять убирать комнату. Гдѣ письмо? спросилъ онъ отрывисто лакея, и когда

послѣдній подалъ ему требуемое, продолжалъ: Ступай, я тебѣ тысячу разъ говорилъ, чтобы ты не пылилъ, когда я дома.

— Экой ты, братецъ! Видно недавно лапти сплялъ! вскричалъ Лихаревъ, безъ церемоніи разваливаясь на диванѣ.

Лакей ушелъ, не удостоивъ его даже взглядомъ.

— Борисъ Астафьичъ, сказалъ Николай Александровичъ, подавая письмо Лихареву: вы видите, что я не забылъ васъ.

— Что̀ это? небрежно спросилъ Лихаревъ.

— Это маленькое извѣстіе о томъ, что я не могу выплатить всего долга ранѣе третьяго часа, но тутъ пока болѣе половины....

— Помилуйте, сосчитаемся! Вы, пожалуй, еще подумаете, что я пришелъ къ вамъ за этимъ долгомъ.... Вы меня обижаете, моншеръ!

— Нѣтъ, серьозно отвѣчалъ Николай Александровичъ: но мнѣ самому крайне стыдно, что я рѣшительно не имѣю возможности заплатить сейчасъ своего долга.... Я знаю, что безчестье падаетъ на того, кто не заплатитъ карточнаго долга въ сутки, но надѣюсь на вашу снисходительность....

Боже мой! какъ легко люди играютъ словами!...

Не заплатить портному, сапожнику, несчастному труженику, въ потѣ лица заработывающему насущный кусокъ хлѣба, не заплатить бѣдняку, у котораго жена и дѣти забнутъ въ холодной квартирѣ, потому-что не на что̀ купить дровъ; который теряетъ выгодную работу, потому-что не на что̀ купить матеріяловъ; котораго хозяинъ гонитъ со двора, потому-что ему нечѣмъ заплатить *впередъ* за квартиру, не заплатить такому человѣку—*не бѣда*. Какое дѣло до того, что довѣрчивый бѣднякъ пострадаетъ? Главное то, чтобы не пострадала *честь* должника.

Но—не заплатить долга карточнаго, не заплатить человѣку вовсе не нуждающемуся въ этихъ деньгахъ или проиграющему ихъ въ тотъ же вечеръ, не заплатить подобнаго долга,—*безчестно!!*

И на какомъ порядкѣ основанъ этотъ грозный *свѣтскій* законъ?

Не заплатить карточнаго проигрыша значитъ обидѣть беззащитнаго, безоружнаго, ибо подобный долгъ не обезпеченъ гражданскими законами; ergo—онъ подлежитъ законамъ чести.

Пышное, но нелѣпое заключеніе.

Природныя, естественныя права каждаго человѣка поль-

зуются защитою и покровительствомъ законовъ,—я говорю собственно о законахъ, а не о частномъ примѣненіи ихъ,— ибо природа есть источникъ законовъ.... Natura est fons juris. Слѣдовательно, только самыя превратныя, скажу болѣе, развращенныя понятія могли подчинить строгому суду чести *неестественное* пріобрѣтеніе и избавить отъ этого суда *трудовое*.

Такъ, къ сожалѣнію, *свѣтъ* исказилъ самыя простыя, самыя первыя понятія о добрѣ и злѣ. . . . . .

. . . . . .

— Помилуйте, возразилъ Лихаревъ на извиненіе Николая Александровича: мы, съ вами, я надѣюсь, сразимся еще на пикахъ, поиграемъ на бубнахъ! Ха, ха, ха!... Да какъ вы важно живете! Будуарная роскошь-съ; настоящій фершампенуазъ!

Николай Александровичъ не зналъ, что̀ отвѣчать непрошенному гостю, и машинально мялъ одну перчатку.

— Вы одни здѣсь живете или въ складчину съ кѣмъ-нибудь? продолжалъ Борисъ Астафьевичъ.

— Одинъ.

— Важно! Это не по нашей препорціи....

Вмѣсто зеркалъ, вазъ прекрасныхъ,
На столѣ стоятъ....

мѣдный шандалъ, да бутылка съ квасомъ. Ха, ха, ха! А позвольте узнать, что̀ это за *физикъ*? продолжалъ Лихаревъ, указавъ на статуэтку, стоявшую на каминѣ.

— Это Вольтѐръ.

— Во̀льтеръ? А-а, важно! Читалъ, читалъ: Ивангоэ, Пертская красавица.... де-Шаплетъ-съ переводилъ.

Николай Александровичъ улыбнулся, но не счелъ за нужное переобразовывать Бориса Астафьевича.

— Это еще что̀ за фантифлюшка? спросилъ опять послѣдній.

— Гдѣ? спросилъ Тучиновъ, которому гость начиналъ порядочно надоѣдать. Это курильница.

— Ага, фиміамъ, ароматъ, бальзамъ, понимаю, Чортъ *ихъ* знаетъ, что̀ выдумаютъ! А все Французы; такіе, право, артисты!... А это....

— Извините, Борисъ Астафьевичъ, но мнѣ необходимо нужно идти со двора....

— Я задерживаю васъ! Что̀ же вы прямо не скажете? Пожалуйста, моншеръ, разъ на-всегда прошу васъ быть со мною безъ церемоній.... Балансъ и симпатія! вотъ мой девизъ. Если хотите, такъ я довезу васъ.... у меня свой экипажъ.

— Благодарю, я хочу пройдтись пѣшкомъ.

— Подъ шляпки заглядывать! Курмахеръ, бонвиванъ! Ха, ха, ха!...

И Лихаревъ безъ церемоніи взялъ Николая Александровича подъ-руку, и громко смѣясь, почти насильно вытащилъ его въ переднюю.

Лакей, не обращая вниманія на гостя, подалъ шубу своему барину, но Борисъ Астафьевичъ преспокойно обождалъ, продолжая говорить, и когда лакей пошелъ отворять дверь, крикнулъ:

— Человѣкъ! Подай же мнѣ *шубу*!

А шуба Бориса Астафьевича была не болѣе, какъ истасканная шинель на ватѣ, съ рыжимъ, истертымъ енотовымъ воротникомъ.

Въ то самое время, какъ Николай Александровичъ и Борисъ Астафьевичъ вышли въ сѣни, съ парадной лѣстницы сходилъ Александръ Матвѣевичъ Тучиновъ.

Неожиданное появленіе его произвело и на сына и на Лихарева странное впечатлѣніе. Николай Александровичъ покраснѣлъ; Лихаревъ насупилъ брови, но тотчасъ же придалъ лицу своему прежнее, безпечное, почти нахальное выраженіе, и смѣло пошелъ впередъ, напѣвая:

Ужъ какъ вѣетъ вѣтерокъ,
Изъ трактира въ....

Николай Александровичъ смутился пуще прежняго, и слыша за собою шаги отца, обратился къ Лихареву, и не подавая ему руки, сказалъ съ вѣжливостью, въ которой замѣтно было болѣе замѣшательства, нежели холодности:

— Прощайте, Борисъ Астафьевичъ.... я долженъ съ вами разстаться.... Мнѣ нужно сказать нѣсколько словъ батюшкѣ....

Лихаревъ поспѣшно обернулся, и какъ бы только теперь увидѣвъ подошедшаго Тучинова, сталъ расшаркиваться, вздергивая плечи и приподнимая измятую шляпу, со слѣпившимся шолковымъ пухомъ, и лоснившуюся такъ, какъ будто бы ее вымазали яичнымъ бѣлкомъ.

— Здравія желаю, ваше превосходительство, сказалъ онъ съ ужимками: честь имѣю рекомендоваться, я не служащій дворянинъ, задушевный пріятель вашего Николая....

Тучиновъ, высившійся надъ безцеремоннымъ дворяниномъ почти цѣлою головою, гордымъ и холоднымъ взглядомъ окинулъ его съ ногъ до головы. Но взглядъ этотъ нимало не смутилъ Лихарева.

— Вѣроятно, продолжалъ онъ съ прежними ужимками: въ утренній променажъ собираетесь. Се тре шарманъ....

— Николай, мнѣ нужно поговорить съ тобою, сказалъ Тучиновъ, отвернувшись отъ Бориса Астафьевича.

— Пардонъ, моншеръ, мнѣ некогда ждать; я отправляюсь, сказалъ Лихаревъ, ударивъ по плечу Николая Александровича.

Онъ, казалось, съ намѣреніемъ поступалъ съ фамильярностію, болѣе и болѣе смущавшею молодаго человѣка въ присутствіи отца.

— Мое почтеніе, ваше превосходительство, продолжалъ Лихаревъ. Адьо, моншеръ, адьо! прибавилъ онъ, сдѣлавъ ручку Николаю Александровичу.

Выйдя на крыльцо, передъ которымъ стоялъ красивый, двумѣстный возокъ Тучинова, Лихаревъ крикнулъ громкимъ, рѣзкимъ голосомъ:

— Эй, подавай!

— Здѣсь, баринъ, здѣсь! отвѣчалъ хриплымъ голосомъ ободранный ванько́, почтительно отъѣхавшій отъ господскаго экипажа.

Лихаревъ еще разъ обернулся къ сѣнямъ, произнесъ съ достоинствомъ:

— Мое почтеніе! и сошелъ съ крыльца.

— Что̀ это за человѣкъ? строгимъ голосомъ и насупивъ брови спросилъ Тучиновъ сына.

— Я его встрѣчалъ раза два въ обществѣ.... съ замѣшательствомъ отвѣчалъ Николай.

— Хорошо должно быть общество! съ ѣдкимъ презрѣніемъ произнесъ Тучиновъ: ты компрометируешь себя съ *этими людьми*! Твой знакомецъ очень похожъ на шулера....

Яркая краска бросилась на лицо Николая.

— Ты вчера опять не былъ въ должности? продолжалъ отецъ, перемѣнивъ презрительный тонъ на строгій.

— Я былъ на утреннемъ концертѣ....

— Прекрасно! однако жъ надобно же хоть показываться въ должность! Ты думаешь, пріятно мнѣ слышать: Николай Александровичъ не былъ, ждемъ Николая Александровича, Николай Александровичъ не подписалъ! *Мелкія твари* очень рады, что ты своимъ поведеніемъ подаешь орудіе ихъ зависти.... Прошу покорно впередъ быть поаккуратнѣе!

И съ этими словами Александръ Матвѣевичъ величественно пошелъ къ крыльцу.

Кучеръ натянулъ уже возжи, лошади зашевелились, лакей отворилъ дверцы кареты, когда Тучиновъ еще разъ обратился къ сыну:

— Куда ты теперь?

— Въ должность.

— Я бы взялъ тебя съ собою, но не хочу, чтобы сказали, что я насильно привезъ тебя.... Въ департаментъ! прибавилъ онъ почти вполголоса лакею, захлопывавшему подножку.

— Въ департаментъ! громогласно крикнулъ лакей кучеру, защелкнувъ дверцы.

И красивыя лошади помчали карету такъ быстро, что догнали и чуть не задавили ваньку, на которомъ плелся Борисъ Астафьевичъ.

Съ послѣднимъ произошла странная перемѣна, когда онъ отъѣхалъ отъ дома Тучинова. Лицо его приняло задумчивое, почти печальное выраженіе.... Вынувъ изъ кармана конвертъ, въ которомъ заключались ассигнаціи, онъ сосчиталъ послѣднія, прикрываясь шинелью, раздѣлилъ ихъ на три пачки, спряталъ каждую въ особый карманъ, и подумавъ нѣсколько минутъ, произнесъ про себя, съ глубокимъ вздохомъ:

— Мало.... мало.... мало!...

Ванька поворотилъ въ Мѣщанскую, и остановился у входа въ Сберегательную Кассу.

Полчаса спустя, Борисъ Астафьевичъ вышелъ оттуда.

— На Васильевскій! сказалъ онъ извощику.

На острову онъ остановился у табачной лавочки, самаго

скромнаго вида. На окнѣ лавочки были выставлены два портрета, мужской и женскій, написанные масляными красками. Лихаревъ болѣе часу пробылъ въ лавочкѣ, и вышелъ оттуда съ веселымъ, радостнымъ лицомъ.

Съ острова онъ поѣхалъ въ Гороховую; остановившись на углу Большой Мѣщанской, разсчитался съ извощикомъ и вошелъ въ трактиръ.

ГЛАВА V.

Таинственное письмо.

Нѣсколько времени спустя, Татьяна Ивановна зашла къ Юліѣ Карловнѣ, понавѣдаться о здоровьѣ.

Она застала жену доктора въ сильномъ волненіи. Глаза Аннеты были красны, заплаканы. Любопытство Татьяны Ивановны было сильно возбуждено; другая, менѣе любопытная женщина, пустилась бы въ разспросы, изъ участія; но старая дѣва притворилась, будто бы ничего не замѣчаетъ, и затѣяла веселый разговоръ, разсчитывая довольно вѣрно, что если у Юліи Карловны есть какое-нибудь горе, то она выскажетъ хоть часть его, чтобы избавиться отъ пустаго разговора и настроить его на состояніе ея души.

Татьяна Ивановна не ошиблась. Вынужденная веселость тягостнѣе слезъ и жалобъ. Четверть часа спустя послѣ прихода гостьи, Юлія Карловна обратилась къ дочери, сидѣвшей за пяльцами.

— Аннета, сказала она ей: поди, сыграй намъ что-нибудь.

Молодая дѣвушка, какъ бы угадавъ мысль матери, ушла въ другую комнату и стала играть тихое адажіо, не препятствовавшее Юліѣ Карловнѣ и гостьѣ продолжать разговоръ, однако жъ столько покрывавшее голоса, что звуки ихъ не могли дойдти до фортепіано.

— Я нарочно выслала Аннету, сказала Юлія Карловна, опустивъ глаза на рукодѣлье, которымъ была занята.

— Зачѣмъ? спросила старая дѣва съ притворнымъ удивленіемъ.

— Я хочу сообщить вамъ весьма непріятное для насъ происшествіе.

— Ахъ, Боже мой! Съ вами случилось несчастіе? вскричала Татьяна Ивановна, нарочно употребивъ послѣднее слово, чтобы заставить хозяйку высказать *всю* истину.

— Нѣтъ, благодаря Бога, не несчастіе, а большая непріятность. Зная вашу привязанность къ нашему дому, я почти считаю долгомъ сообщить вамъ это дѣло, тѣмъ болѣе, что вы, вѣроятно, не откажетесь помочь мнѣ совѣтомъ....

— Говорите, говорите, Юлія Карловна! съ живостію возразила Татьяна Ивановна, любопытство которой было возбуждено до-нельзя: не только совѣтомъ, но даже дѣломъ готова помочь вамъ.... Что же случилось?...

Лицо Юліи Карловны приняло строгое выраженіе; глаза ея сверкнули; молча вынула она изъ рабочаго ящика распечатанное письмо и подала его гостьѣ.

— Что это? спросила послѣдняя, взявъ письмо, но не раскрывая его.

— Читайте.

Старая дѣва съ жадностію раскрыла письмо и стала читать. Каждое слово, сопровождаемое унылыми звуками фортепіано, поражало ее изумленіемъ, страхомъ.

Содержаніе письма было слѣдующее:

«Я люблю васъ. Вы это знаете, потому-что сердце мое высказалось въ тотъ единственный, счастливѣйшій въ жизни моей вечеръ, когда рука ваша покоилась въ моей рукѣ, когда я, не будучи узнанъ, всматривался въ ваши ангельскія черты, вслушивался въ вашъ мелодическій голосъ.... Слова мои возмутили вашу ангельскую невинность; вы удалились отъ меня, не выслушавъ моихъ оправданій, и, вѣроятно, сохранили тягостное, непріятное воспоминаніе о человѣкѣ, дерзнувшемъ возмутить на мгновеніе ясную, свѣтлую жизнь вашу. Можетъ-быть вы даже вовсе забыли его.... Послѣдняя мысль для меня горестнѣе первой. Ради Бога, дочитайте это первое и послѣднее письмо до конца; не пугайтесь, вы видите, что я стараюсь удержать порывы сердца, негодующаго на холодныя слова, которыми я прикрываю ощущенія его. Я не хочу, чтобы вы приняли это письмо, какъ пошлое, дерзкое изъясненіе; я умоляю объ одномъ: сохраните обо мнѣ воспоминаніе, и да защититъ это воспоминаніе ваше сердце.... Оно должно принадлежать мнѣ, потому-что

я первый оцѣнилъ его; оно должно принадлежать мнѣ, какъ владыка принадлежитъ рабу, добровольно покорившемуся и принесшему всю жизнь свою въ даръ этому владыкѣ....

Матеріяльныя, свѣтскія препятствія разлучаютъ насъ теперь, но я преодолѣю ихъ. Это цѣль моей жизни. И когда я достигну этой цѣли, этого блаженства, тогда, только тогда, вы получите отъ меня еще письмо;—оно будетъ предвѣстникомъ моего появленія....

Любовь—счастіе и горе; быть любимымъ—чистое блаженство. Послѣднее вамъ, первое мнѣ.»

Подписи не было.

Письмо выпало изъ рукъ Татьяны Ивановны.

— Анна Ѳедоровна! произнесла она съ изумленіемъ, исполненнымъ болѣе упрека, нежели сожалѣнія.

— Аннета *сама* отдала мнѣ это письмо, съ материнскою гордостью и съ живостью возразила Юлія Карловна, угадавъ подозрѣніе старой дѣвы.

— Сама! повторила послѣдняя почти съ завистью, но тотчасъ же, какъ бы повинуясь другой мысли, прибавила радостно: Стало-быть она не читала?

— Читала, печально отвѣчала мать.

Наступило минутное молчаніе.

Татьяна Ивановна сжала губы и задумалась.

— Вотъ какъ это случилось, сказала хозяйка. Мужъ мой, какъ вамъ извѣстно, уѣзжаетъ съ утра и возвращается только къ обѣду; мнѣ самой нужно было ѣхать сегодня утромъ со двора; Аннета осталась одна дома, и въ это время получила.... дерзское письмо, какъ будто бы безъименный сочинитель его выжидалъ этого случая....

— Гм! произнесла старая дѣва, и быстрымъ, косвеннымъ взглядомъ окинула сверху до низу противоположный домъ.

— Такъ какъ Аннета нерѣдко получаетъ записки отъ своихъ пріятельницъ, продолжала Юлія Карловна: то, не подозрѣвая ничего дурнаго, распечатала письмо и....

— Разумѣется не дочитала? сказала Татьяна Ивановна, продолжая изучать этажи противуположнаго дома.

— Увлеченная ли любопытствомъ, изумленіемъ или смущеніемъ, но Аннета дочитала письмо до конца. Она сама призналась мнѣ въ томъ.

— Гм! Вы правду говорите, это непріятное, чрезвычайно непріятное обстоятельство.... Кто занимаетъ тутъ, напротивъ, бель-этажъ?

— Дѣйствительный статскій совѣтникъ Тучиновъ; онъ занимаетъ и половину нижняго этажа, машинально отвѣчала хозяйка.

— Тучиновъ!... ага!... Да-съ, Юлія Карловна, это обстоятельство тѣмъ непріятнѣе, что можетъ имѣть вредное вліяніе на Анну Ѳедоровну....

— Какое вліяніе? съ гордостію спросила курляндская дворянка. Я такъ воспитала свою дочь....

— Кому вы это говорите! Вы, Юлія Карловна, такая мать, какихъ немного.... Это я скажу передъ цѣлымъ свѣтомъ.... Но вы знаете, дѣвичье сердце легко принимаетъ впечатлѣнія, оно мягко какъ воскъ....

— Чѣмъ оно мягче, тѣмъ легче передѣлать его.

— Точно, Юлія Карловна, коли доищешься до него, а то иногда оно такъ глубоко спрятано....

— Отъ постороннихъ, но не отъ матери. Впрочемъ я напрасно спорю, потому-что въ душѣ почти согласна съ вами.... Не можетъ быть, чтобы это несчастное письмо не произвело на нее впечатлѣнія....

— Я тоже думаю; извините, Юлія Карловна.... а въ третьемъ этажѣ кто живетъ?

— По правую сторону вдова полковника, а по лѣвую архитекторъ.

— Семейный?

— Да.

— А у вдовы дѣти есть?

— Двѣ племянницы.

— Гм!... Я замѣтила по глазамъ ея, что Анна Ѳедоровна плакала?

— Она проплакала до моего возвращенія, и рыдая, бросилась мнѣ на шею, когда отдала мнѣ письмо, отвѣчала Юлія Карловна, прослезившись.

— Это не хорошій знакъ, Юлія Карловна, возразила Татьяна Ивановна, покачавъ головой.

— Почему?

— Если бы она отдала вамъ письмо, смѣясь, такъ это было бы гораздо лучше.... А то значитъ, что слова, просьба.... негодяя, написавшаго это дерзкое письмо, запали въ сердечко ея. Простите мнѣ, Юлія Карловна, что я такъ смѣло излагаю передъ вами свое мнѣніе, но—коли Богъ мнѣ не судилъ жить сердцемъ, за-то я много, много жила умомъ.... а умъ рѣже ошибается, нежели сердце.

Татьяна Ивановна вообще не любила говорить о своемъ

безбрачномъ состояніи, или говорила о немъ съ ядовитой злобой; въ первый, быть-можетъ, разъ въ жизнь свою приняла она видъ жертвы судьбы, вѣроятно потому, что задумала привесть въ исполненіе какую-нибудь идею.

— Говорите, говорите, Татьяна Ивановна, сказала жена доктора: я знаю, что вы искренно любите насъ.... притомъ же умъ хорошъ, а два лучше; а это письмо такъ смутило меня, что я не знаю на что̀ рѣшиться, что̀ предпринять....

— Понимаю, понимаю, Юлія Карловна.... тутъ по-неволѣ растеряешься.... Въ четвертомъ этажѣ тоже, кажется, живутъ люди семейные; я вижу у окна кормилицу и дѣтей....

— Да, отвѣчала жена доктора; потомъ, съ изумленіемъ посмотрѣвъ на Татьяну Ивановну, спросила: Вы не даромъ разспрашиваете меня о жильцахъ противуположнаго дома?...

— Конечно, не даромъ, отвѣчала старая дѣва, улыбаясь. Я уже сказала, что готова служить вамъ не только совѣтомъ, но и дѣломъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что сочинитель этого письма живетъ по сосѣдству съ вами....

— Я тоже думаю.

— Прекрасно; постарайтесь же разузнать хорошенько о сосѣдяхъ, а я ручаюсь, что открою между ними виноватаго.

Юлія Карловна задумалась, потомъ покачала головой и спросила печально:

— Къ чему же это поведетъ?

— Какъ, къ чему! съ притворнымъ жаромъ вскричала Татьяна Ивановна: мы изобличимъ его! Ѳедоръ Ивановичъ пойдетъ къ нему, пожуритъ его.... И если онъ заикнется, такъ мы затѣемъ такую исторію, что....

— Нѣтъ, Татьяна Ивановна, съ живостью возразила Юлія Карловна: этого-то я и не хочу! Лучше молча перенести оскорбленіе, нежели пустить это дѣло въ огласку.

— И то правда, отвѣчала старая дѣва, покачавъ головой: и то правда!

— Я не хочу, съ гордостію продолжала курляндская дворянка: чтобы имя моей дочери было замѣшано въ одной изъ исторій, потѣшающихъ сплетницъ....

— Справедливо, Юлія Карлова; тѣмъ болѣе, что судьба бѣдныхъ женщинъ такова, что имъ ставятъ въ укоръ оскорбленіе, имъ же причиненное, сказала Татьяна Ивановна съ коварнымъ участіемъ.

— Какъ бы ни была низка любовная интрига, прибави-

ла Юлія Карловна съ горечью: свѣтъ всегда почти ставитъ ее въ честь мужчинѣ.

— Точно; и насмѣшки обращаются на бѣдную же женщину.

— О, это низко! вскричала жена доктора, судорожно смявъ записку.

— Никто не повѣритъ, что Анна Ѳедоровна сама отдала вамъ записку....

Юлія Карловна подняла глаза къ небу.

— Скажутъ, продолжала старая дѣва, что вы перехватили ее....

— Моя бѣдная Аннета!

— Люди такъ коварны, Юлія Карловна, продолжала Татьяна Ивановна, умственно расположившая ходъ разговора и безжалостно приближавшаяся къ своей цѣли: люди такъ коварны, что, пожалуй, скажутъ еще, что Анна Ѳедоровна сама подала поводъ....

— Никто не осмѣлится этого сказать! съ негодованіемъ вскричала мать.

— А кто, какой законъ запретитъ?... Ахъ, Юлія Карловна, плохо вы знаете людей! Признаюсь, я не обдумала дѣла, когда совѣтовала вамъ затѣять исторію. Не дай Богъ! Пустить это дѣло въ огласку, значитъ, вмѣсто непріятности, накликать тысячу бѣдъ! Никто не осмѣлится, говорите вы, сказать, что Анна Ѳедоровна сама напросилась на письмо?... А кто зажметъ ротъ клеветѣ? Истина? Да кто спроситъ ее? Кумушки пустятся въ догадки, и такую состряпаютъ исторію, что доброе имя Анны Ѳедоровны навсегда будетъ замарано!... Извините, Юлія Карловна, но я, по искренней къ вамъ дружбѣ, говорю прямо, безъ обиняковъ. Благодарите Бога, Юлія Карловна, до васъ еще не коснулось ядовитое жало клеветы.... между-тѣмъ какъ я,—продолжала старая дѣва, понизивъ голосъ,—уже много, много пострадала отъ нея. Сожгите это письмо, соберите даже пепелъ, чтобы вѣтеръ не разнесъ его, а не то клевета подхватитъ одну пылинку и изъ нея составитъ цѣлую гору! Клевета не придетъ къ вамъ, не спроситъ васъ: правда ли это? Нѣтъ! Клевета живетъ догадками, внушаемыми злобой; она боится истины, потому-что истина убиваетъ ее. Клевета, подобно язвѣ, растетъ шибко, и по мѣрѣ распространенія, дѣйствіе ея становится ядовитѣе, смертельнѣе!..... Бойтесь клеветы, Юлія Карловна, бойтесь ее!.....

Слова старой дѣвы, произнесенныя рѣзкимъ, шипучимъ голосомъ, сжали сердце бѣдной матери.

— Боже мой! произнесла она со слезами отчаянія: какъ часто легкомысленный, необдуманный поступокъ разстроиваетъ спокойствіе цѣлаго семейства!....

— Успокойтесь, Юлія Карловна; если вы намѣрены уничтожить это письмо, то клеветѣ не будетъ поживы.

— Письмо уничтожить не трудно, но какъ уничтожить впечатлѣніе его на сердце Аннеты.

— Это дѣло времени.

— Но если онъ напишетъ другое письмо?

— Правда..... я объ этомъ не подумала.

— Я рѣшительно не знаю что̀ дѣлать!....

Татьяна Ивановна заглянула въ сосѣднюю комнату. Аннеты тамъ уже не было.

— Гдѣ Анна Ѳедоровна? спросила старая дѣва шопотомъ.

— Она, вѣроятно, ушла въ свою комнату.

Татьяна Ивановна придвинула свое кресло къ креслу хозяйки.

— Юлія Карловна. сказала она тихимъ голосомъ: я хотѣла подождать еще годикъ, но такъ какъ къ слову пришлось, то объясню́сь съ вами теперь.

— Что̀ такое? спросила хозяйка, удивленная таинственнымъ видомъ гостьи.

— Который годъ Аннѣ Ѳедоровнѣ? спросила послѣдняя.

— Черезъ два мѣсяца будетъ восемнадцать.

— Счастливые годы!.... Думали ли вы о томъ, Юлія Карловна, что не сегодня, такъ завтра вамъ придется разстаться съ Анной Ѳедоровной?....

— Думала, отвѣчала задумчиво мать: но мнѣ кажется, что это время еще далеко..... Аннета еще ребенокъ, не по лѣтамъ, а по характеру, по понятіямъ.

— Справедливо, Юлія Карловна; но въ ея лѣта понятія быстро развиваются; въ ея лѣта клевета слѣдитъ за малѣйшимъ движеніемъ ея..... совѣтую вамъ подумать, и подумать серьозно о будущности Анны Ѳедоровны. Чтобы погасить искру, заронепную въ сердце ея этимъ письмомъ, я знаю одно надежное средство,—отдайте Анну Ѳедоровну за мужъ!

И старая дѣва устремила проницательный взоръ на жену доктора.

Послѣдняя улыбнулась.

— Легко сказать, отвѣчала она: но не такъ легко исполнить.

— Отчего? съ живостью возразила Татьяна Ивановна; Анна Ѳедоровна очень хороша собою.

— Да, она не дурна.

— Она прекрасно воспитана, образована.....

— Надѣюсь, что она будетъ добрая хозяйка.

— Она кротка, добра.....

— О! за это я могу поручиться.

— У нея..... будетъ хорошее..... приданое, произнесла старая дѣва, пристально смотря въ глаза хозяйкѣ.

— Лишняго не будетъ, спокойно отвѣчала Юлія Карловна: но въ необходимомъ она не будетъ нуждаться.

— Зачѣмъ же дѣло стало? Благословите ее, да и подъ вѣнецъ.

— Вы забываете, возразила Юлія Карловна, улыбаясь: что сперва нужно найдти жениха.

— Послушайте, Юлія Карловна, сказала старая дѣва шопотомъ и нѣсколько взволнованнымъ голосомъ: у меня есть женихъ на примѣтѣ.

Жена доктора съ изумленіемъ посмотрѣла на гостью. Послѣдняя продолжала.

— Я знаю, что матери не очень-то любятъ, чтобы посторонніе мѣшались въ ихъ дѣла, а потому никогда не осмѣлилась бы предложить вамъ жениха, если бы я была въ этомъ случаѣ *вовсе* посторонняя..... Выслушайте меня: вы за большимъ богатствомъ не гонитесь?

— Нѣтъ; но желаю человѣка достаточнаго.

— Прекрасно. При достаткѣ не худо имѣть порядочный, хоть и небольшой чинъ..... такъ? Вамъ нуженъ не вертопрахъ какой-нибудь, а человѣкъ солидный, доброй нравственности, честныхъ правилъ; не мальчишка и не старикъ, а мужчина въ самыхъ прекрасныхъ лѣтахъ, отъ тридцати до тридцати пяти; красота въ мужчинѣ постороннее дѣло, лишь бы не было никакихъ тѣлесныхъ пороковъ..... Обстоятельства, въ которыхъ вы находитесь, такого рода, что надобно поспѣшить свадьбой, а между-тѣмъ вамъ необходимо нужно короче разузнать будущаго мужа вашей дочери;

жениха же, мною предлагаемаго, вы давно знаете, вы удостоиваете его вашей дружбой.....

Юлія Карловна пристально посмотрѣла на Татьяну Ивановну; она почти угадала имя жениха, но ждала подтвержденія. Наконецъ, видя, что старая дѣва молчитъ, она отвѣчала:

— Признаюсь, Татьяна Ивановна, что я, какъ мать, не могу желать Аннетѣ лучшаго жениха; но хоть я и намѣрена направить выборъ своей дочери, однакожъ принуждать ее не буду.

— Я въ этомъ никогда и не сомнѣвалась; но чтобы направить выборъ, надобно пользоваться временемъ: не надобно дать сердцу Анны Ѳедоровны время сдѣлать этотъ выборъ безъ вѣдома матери.....

— Но вы не сказали мнѣ имени вами предлагаемаго жениха?

— Неужели вы не угадали?

— Можетъ-быть, догадываюсь, но не угадала.

— Его зовутъ.....

Старая дѣва не договорила, въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги Ѳедора Ивановича; Татьяна Ивановна скоро схватила со стола письмо и подала его хозяйкѣ, но та не замѣтила этого движенія, и Татьяна Ивановна поспѣшно спрятала письмо въ свой ридикюль.

Поговоривъ еще нѣсколько минутъ съ докторомъ, старая дѣва встала, съ особенною нѣжностію поцѣловала Юлію Карловну въ обѣ щеки и простилась.

Хозяйка проводила гостью; послѣдняя пожала ей руки, еще разъ поцѣловала ее, и шепнула:

— Подумайте хорошенько о нашемъ разговорѣ; а я скажу вамъ еще по секрету, что женихъ, мною предлагаемый, безъ ума отъ Анны Ѳедоровны!.... Вы знаете, братья обыкновенно повѣряютъ сестрамъ свои сердечныя тайны.....

И вызвавъ на лицо самую нѣжную и пріятную улыбку, Татьяна Ивановна въ третій разъ и крѣпче прежняго поцѣловала хозяйку, и удалилась.

— Сладила дѣльцо! шептала она съ торжествомъ, сходя съ лѣстницы.

Юлія Карловна задумчиво вернулась въ гостиную.

Докторъ нетерпѣливо барабанилъ пальцами по ручкѣ кресла. Было четверть перваго, а онъ обыкновенно завтракалъ ровно въ полдень.....

ГЛАВА VI.

Потеря и находка.

Татьяна Ивановна побывала еще въ двухъ трехъ мѣстахъ, и въ исходѣ третьяго часа поспѣшно возвращалась домой.

Въ то самое время, когда она переходила черезъ улицу въ томъ мѣстѣ, гдѣ Гороховая пересѣкаетъ Большую-Мѣщанскую, изъ трактира, находящагося на углу этихъ двухъ улицъ, вышелъ Лихаревъ.

Шинель его была на распашку; шляпа надѣта на бекрень; лицо его было красно и сіяло самодовольствіемъ человѣка, плотно пообѣдавшаго. Выйдя на троттуаръ, Борисъ Астафьевичъ сталъ осматриваться на обѣ стороны, какъ бы не зная куда идти и гдѣ убить время.

Между-тѣмъ Татьяна Ивановна, совершенно углубившись въ размышленія о начатомъ сватовствѣ, не замѣтила, что съ одного конца улицы на нее наѣзжалъ тяжелый возокъ, а съ другой сани.

Громкое *пади*! извощика въ саняхъ заставило ее очнуться.

Она вздрогнула и отскочила назадъ.

— *Брегись*! закричалъ кучеръ возка, и въ то же мгновеніе старая дѣва услышала почти надъ собою храпѣніе лошадей.

Она растерялась, вскрикнула и бросилась назадъ къ троттуару, но въ поспѣшности и со страху уронила ридикюль. Тяжело ударился патріархальный мѣшокъ объ землю; платокъ, связка ключей и нѣсколько мѣдныхъ денегъ выпали изъ него, на потѣху прохожимъ и извощикамъ, толпившимся у колоды.

Все это совершилось въ одно мгновеніе, такъ что Лихаревъ, узнавшій Татьяну Ивановну, подоспѣлъ къ ней только въ то время, когда она добѣжала уже до троттуара.

— Не испугались ли вы, сударыя? спросилъ онъ, приподнявъ шляпу.

— Ахъ, Боже мой! мой ридикюль! вскричала старая дѣва.

Лихаревъ поспѣшно поднялъ мѣшокъ, платокъ, ключи, подобралъ деньги, не обращая ни малѣйшаго вниманія на смѣхъ и шуточки окружавшихъ, и вернулся къ старой дѣвѣ.

Онъ прикидывался въ нее влюбленнымъ, обѣщалъ на ней жениться, выманивалъ у нея деньги взаймы безъ росписокъ, и все говорилъ, что обстоятельства не позволяютъ еще ему сдѣлать ей предложеніе. Все это онъ просилъ ее хранить въ глубокой тайнѣ отъ отца ея и брата.

— Покорно благодарю, Борисъ Астафьевичъ, отвѣчала послѣдняя, когда онъ подалъ ей съ поклономъ ея ридикюль.

— Помилуйте, не за что-съ, съ ужимками возразилъ Лихаревъ; потомъ прибавилъ тихимъ голосомъ: позвольте мнѣ имѣть счастіе проводить васъ.

— Нѣтъ, уйдите, отвѣчала Татьяна Ивановна, скоро осмотрѣвшись: неравно встрѣтятся знакомые.....

— По канавѣ народу мало.....

Зная настойчивость Лихарева и не желая напрасно терять времени, Татьяна Ивановна скоро поворотила къ канавѣ, и пошла по троттуару, вдоль домовъ. Тамъ было еще менѣе народу, нежели близъ перилъ.

Лихаревъ, какъ я уже сказалъ, плотно пообѣдалъ, а потому былъ въ прекрасномъ расположеніи духа и разсыпался въ нѣжностяхъ. Татьяна Ивановна слушала его разсѣянно, и, по временамъ, осматривалась съ безпокойствомъ. Наконецъ, не доходя Демидовскаго-переулка, она такъ убѣдительно стала просить Бориса Астафьевича оставить ее, что онъ согласился, назначивъ однако жъ свиданіе въ тотъ же вечеръ. Чтобы избавиться отъ него, Татьяна Ивановна дала слово, и они разстались.

Старая дѣва пошла далѣе, по направленію къ Средней-Мѣщанской, а Лихаревъ вернулся назадъ.

Возлѣ Каменнаго-моста стоялъ столъ пирожника; хозяинъ сидѣлъ на тумбѣ и разбиралъ по складамъ какое-то письмо.

— Како, онъ—ко; глаголь, добро, азъ—гда; *когда*.... рцы, у—ру; како, азъ—ка; *рука*.... вѣди, азъ—ва; ша, азъ—*ша; ваша*.... покой, онъ—по; како, онъ—ко; иже, люди, азъ—ила; слово, ерь—сь....

Послѣднее слово было такъ длинно, что соединеніе сло-

говъ его нѣсколько затруднило пирожника; въ то самое время, какъ онъ сталъ повторять склады, мимо него прошелъ Борисъ Астафьевичъ.

Пирожникъ машинально поднялъ глаза, и узнавъ Лихарева, поспѣшно сложилъ письмо.

— Баринъ, сказалъ онъ: это письмо тоже вывалилось изъ мѣшка барыни, да вы не замѣтили. Извольте получить.

Лихаревъ небрежно взялъ письмо изъ рукъ пирожника, кивнулъ ему головою и пошелъ далѣе. Машинально прочиталъ онъ нѣсколько словъ, и на лицѣ его выразилось изумленіе; потомъ онъ засмѣялся, поспѣшно развернулъ письмо и сталъ читать со вниманіемъ.

День былъ довольно теплый; обильные пріемы травничка и березовки согрѣвали внутренность Бориса Астафьевича, и онъ шелъ, пустивъ шинель на распашку.

По мѣрѣ того, какъ онъ читалъ, изумленіе его увеличивалось; наконецъ онъ не вытерпѣлъ, перевернулъ письмо, осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ, но—адресса не было; оно, по-видимому, было вложено въ конвертъ.

— Это не къ ней!... Не можетъ быть! произнесъ про-себя Лихаревъ: «ангельскія черты»—хороши должны быть ангелы, если похожи на нее!... «мелодическій голосъ».... какъ же-съ! филармоническое общество!... «ангельскую невинность».... Нѣтъ, это не къ ней!

Онъ продолжалъ читать.

— Ни адреса! ни подписи! сказалъ онъ, дочитавъ и осмотрѣвъ еще разъ письмо со всѣхъ сторонъ. Экая сантиментальная гемеопатія! проворчалъ онъ, складывая письмо; но, можетъ-быть, это письмо выпало и не изъ ридикюля Таничьки? Все-раво, я сберегу его, авось понадобится когда-нибудь написать амурное объясненіе.... Штуки! понимаю теперь.... Татьяна Ивановна подцѣпила гдѣ-нибудь это письмецо, какъ документъ.... Аттанде-съ! Судьба состроила другой маневръ.... Можетъ-быть, моя кралечка хотѣла маленько пожуировать на счетъ репутаціи какой-нибудь бѣдной дѣвушки....

При послѣдней мысли лицо Лихарева приняло серьозное, почти грустное выраженіе.... Богъ знаетъ, куда занесли его мысли.... Онъ прошелъ нѣсколько шаговъ въ задумчивости, потомъ тряхнулъ головою, и ускоривъ шаги, сталъ напѣвать про себя:

Не достанься же, моя пташечка,
Ни мнѣ, никому, ни злодѣю моему....

Между-тѣмъ Татьяна Ивановна дошла до дому; первою заботою ея было припрятать письмо.... Безъ намѣренія спрятала она его въ свой ридикюль, но потомъ тайная, коварная мысль заставила ее оставить это письмо у себя....

— Авось пригодится! подумала она.

Велика была досада ея, когда она замѣтила, что письмо пропало; тщетно выбирала она по одиначкѣ всѣ вещи изъ мѣшка, тщетно отряхала платокъ—письма не было.

— Какая досада! проворчала она, мысленно исчисляя всевозможныя выгоды, которыхъ она лишилась съ потерею этого письма,

Подъ вліяніемъ этихъ мыслей сошла она внизъ къ отцу, но по мѣрѣ приближенія къ комнатѣ послѣднаго, лицо ея прояснялось; все злобное, коварное стиралось.... и когда Татьяна Ивановна вошла въ комнату старика, сухое выраженіе лица ея уступило мѣсто нѣжной заботливости.

Иванъ Прохоровичъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ. Изъ-подлобья и съ эгоистическимъ неудовольствіемъ посмотрѣлъ онъ на дочь.

Она подошла къ нему, поцѣловала костлявую, морщинистую руку и поправила шерстяной колпакъ на головѣ его.

— Здравствуйте, тятенька, сказала она, смотря въ глаза старику.

— Гуляйте.... веселитесь.... возразилъ онъ своимъ дрожащимъ, прерывистымъ голосомъ: бросайте старика.... ладно.... ладно....

— Тятенька, я ходила по дѣламъ....

— Первое дѣло.... дочери.... пещись о родителяхъ....

— Не сердитесь, тятенька; посмотрите, что̀ я вамъ принесла....

И какъ бы утѣшая ребенка, Татьяна Ивановна подала старику десятокъ пятачковъ, которые она собирала.... и копила для него.

Видъ мелкой монеты внезапно разсѣялъ неудовольствіе Ивана Прохоровича. Устрашительная улыбка умножила морщины на лицѣ его, и протянувъ дрожащую руку къ пятачкамъ, онъ спросилъ:

— Это.... это.... это.... кому?

— Вамъ, тятенька.

Старикъ хрипло засмѣялся и съ жадностію схватилъ деньги; съ судорожною силою сжалъ онъ ихъ въ кулакъ, а другою рукою погладилъ по головѣ дочь.

— Таничька моя.... дитятко.... все тебѣ.... все!... *ему* ничего!

Старая дѣва заботливо поправила халатъ отца, пододвинула подъ-ноги его скамеечку, и сѣла къ окну, возлѣ котораго стоялъ рабочій столикъ.

Старикъ же принялся считать и пересчитывать пятачки.

ГЛАВА VII.

Трудъ и отдыхъ.

Захаръ Ивановичъ вернулся изъ должности угрюмый, сердитый.

Директоръ *распекъ* его за какое-то маловажное упущеніе, и выговоръ начальника имѣлъ на Опухтина тѣмъ непріятнѣйшее дѣйствіе, что онъ крѣпко дорожилъ репутаціею безпорочнаго чиновника и точнаго исполнителя высшихъ приказаній. До-сихъ-поръ дурное расположеніе духа директора ограничивалось кабинетными замѣчаніями, но сегодня оно разразилось формальнымъ выговоромъ *при всѣхъ*.

Захаръ Ивановичъ былъ глубоко оскорбленъ, но молча и безъ малѣйшаго возраженія, несовмѣстнаго съ его понятіями о служебной дисциплинѣ, проглотилъ обиду.

Только когда директоръ ушелъ, онъ позволилъ себѣ обратиться къ своему помощнику, и сказалъ ему тихимъ голосомъ:

— Вотъ, Василій Петровичъ, какъ мнѣ *изъ-за васъ* досталось!...

Этимъ ограничилась жалоба оскорбленной души Захара Ивановича.

Выходя изъ должности въ узаконенный часъ, Захаръ Ивановичъ вовсе неожиданно наткнулся на директора, заговорившагося съ однимъ изъ начальниковъ отдѣленій, въ парадныхъ сѣняхъ.

Одна бѣда влечетъ за собою другую, и даже, часто, много другихъ. Захаръ Ивановичъ воображалъ, что директоръ уже за горами, а потому счелъ позволительнымъ выйдти изъ должности. Глубоко почувствовавъ все неприличіе своего преждевременнаго выхода, Опухтинъ хотѣлъ-было вернуться и обождать на верху, когда его превосходительство уѣдетъ, но Тучиновъ уже замѣтилъ его,—и отступленіе могло показаться школьной продѣлкой, нимало не согласовавшейся ни съ характеромъ, ни съ почетнымъ званіемъ Захара Ивановича.

Надобно было идти впередъ.

Придавъ спинѣ надлежащую покатость, лицу приличное выраженіе, Опухтинъ направилъ робкіе шаги къ швейцарской, гдѣ хранилась шуба его.

Сосредоточивъ все свое почтительное вниманіе на особу начальника, и готовясь отвѣсить мимоходомъ низкій поклонъ, Захаръ Ивановичъ забылъ о существованіи коврика, о который самъ же каждый день усердно и тщательно отиралъ сапоги, для того, чтобы *не внести сора въ избу*; правая нога его, почтительно скользившая по плитяному полу, задѣла за край коврика; Захаръ Ивановичъ споткнулся и со всего размаха налетѣлъ на его превосходительство.

— Что вы, что̀ вы, Захаръ Ивановичъ! вскричалъ Тучиновъ, довольно презрительно улыбнувшись.

— Виноватъ, ваше превосходительство.... нечаянно.... не замѣтилъ.... несчастный случай....

Опухтину было очень жаль, что онъ не ударился лбомъ объ полъ или объ уголъ; тогда, можетъ-быть, директоръ пожалѣлъ бы о немъ.

Онъ разсуждалъ довольно вѣрно: упасть и убиться до̀смерти или, по-крайней-мѣрѣ, до̀-крови, называется—*несчастнымъ случаемъ*; споткнуться или упасть безъ вреда называется—*неловкостью*.

Пока Захаръ Ивановичъ разсыпался въ несвязныхъ извиненіяхъ, Тучиновъ небрежно бросилъ ему слѣдующія слова:

— Тише ѣдешь, дальше будешь, Захаръ Ивановичъ! и отвернувшись, продолжалъ разговаривать съ начальникомъ отдѣленія, не отвѣчая даже на поклонъ Опухтина.

Послѣдній робко пробрался въ швейцарскую, и просидѣлъ въ ней до-тѣхъ-поръ, пока карета директора не отъѣхала отъ крыльца.

Захаръ Ивановичъ вышелъ на улицу съ нѣсколько облегченнымъ сердцемъ, повторяя про-себя пословицу: Тише ѣдешь, дальше будешь! точно такъ, какъ меломанъ, по выходѣ изъ оперы, невольно повторяетъ мелодію, наиболѣе понравившуюся ему.

— Его превосходительство изволили пошутить, думалъ Захаръ Ивановичъ: а я ужъ думалъ, что будетъ новое распеканье.... Тише ѣдешь, дальше будешь!... Камень съ души свалился.... Тише ѣдешь.... ай, батюшки!

Послѣднія два слова Захаръ Ивановичъ произнесъ почти вслухъ; лицо его вытянулось, улыбка исчезла....

Новая, горестная мысль блеснула въ умъ бѣднаго Опухтина.

— Тише ѣдешь, дальше будешь, повторилъ онъ про-себя:—Да это не шутка! Это намекъ.... это новый выговоръ. Зачѣмъ-дескать бѣжишь такъ скоро изъ должности? Нечто не видишь, что карета у подъѣзда? А чьи лошади у кареты? Чей кучеръ на козлахъ?... Вотъ тебѣ и тише ѣдешь!... А я поспѣшилъ, да людей насмѣшилъ!... Господи, Господи!...

Вотъ почему Захаръ Ивановичъ вернулся домой угрюмый, сердитый.

Молча отобѣдалъ онъ съ сестрицей. Татьяна Ивановна хотѣла-было уже за обѣдомъ заговорить о затѣваемомъ ею *дѣльцѣ*, но замѣтивъ, что братецъ не въ духѣ, удержалась.

Послѣ обѣда Захаръ Ивановичъ сошелъ въ свой кабинетъ и принялся за чтеніе газетныхъ объявленій.

Татьяна Ивановна вернулась къ дряхлому старику, поиграла съ нимъ въ шашки, напоила его чаемъ, и въ семь часовъ уложила спать.

Старая дѣва никогда не жаловалась на однообразную, тягостную жизнь, которую вела; мелочныя, но постоянныя, безконечныя попеченія объ отцѣ даже не утомляли ее; прикованная къ одру полуживаго старика, впавшаго въ дѣтство, прихотливаго, раздражительнаго и упрямаго, она исполняла свои дочернія обязанности съ рѣдкимъ самоотверженіемъ, и менѣе по чувству строгаго, холоднаго долга, нежели повинуясь голосу сердца....

И, быть-можетъ, въ ту самую минуту, когда нѣжное,

сердечное чувство заставляло ее покоряться эгоистической прихоти старика, быть-можетъ, въ ту самую минуту умъ ея замышлялъ что-либо злобное, коварное противу ближняго....

Странная противоположность, встрѣчаемая ежедневно.

Уложивъ отца спать, Татьяна Ивановна посидѣла еще нѣсколько минутъ у кровати его; потомъ, когда старикъ заснулъ, она осторожно встала, заслонила хорошенько ночникъ, и тихо-тихо вошла въ комнату брата.

Наступила глубокая тишина, прерываемая только тяжелымъ дыханіемъ старика, да трескомъ свѣтильни въ ночникѣ.

Долго длилась эта тишина.

На верху стѣнные часы пробили восемь ударовъ.

Съ послѣднимъ ударомъ старикъ глубоко вздохнулъ и перевернулся.

Лежа на спинѣ, онъ открылъ свои тусклые, полуугасшіе глаза, и неподвижно устремилъ ихъ въ потолокъ. Потомъ губы его зашевелились; онъ, казалось, говорилъ, но ни малѣйшій звукъ не прерывалъ тишины.

Болѣе четверти часа пролежалъ онъ въ этомъ положеніи; потомъ тихо приподнялся и осмотрѣлся.

Ночникъ горѣлъ тускло; по временамъ пламя его вспыхивало, и тогда длинныя тѣни, ложившіяся отъ всѣхъ предметовъ по стѣнамъ, шевелились подобно привидѣніямъ, то растягиваясь, то сокращаясь.

Нѣсколько мгновеній слѣдилъ Иванъ Прохоровичъ за движеніемъ тѣней, потомъ сталъ прислушиваться.

Въ комнатѣ Захара Ивановича слышался тихій говоръ; но онъ не достигалъ до слуха старика.

Бросивъ послѣдній взглядъ на окно, сквозь которое просвѣчивалась синеватая полутѣнь отъ сарая, по краямъ котораго пробѣгалъ серебристый лунный свѣтъ, Иванъ Прохоровичъ медленно спустилъ ноги на полъ.

Легкая дрожь пробѣжала по всему тѣлу его, но онъ не возвращался подъ одѣяло, а напротивъ продолжалъ спускаться на полъ.

Опустившись на колѣни, онъ вцѣпился дрожащими, костлявыми пальцами въ край постели и еще разъ осмотрѣлся. Съ особенною боязнію взоръ его остановился на окнѣ, къ которому Татьяна Ивановна, по экономическому разсчету, не сочла за нужное повѣсить штору, такъ какъ оно выходило на задворокъ, куда никто не заходилъ.

Кровать Ивана Прохоровича примыкала изголовьемъ къ

печкѣ; со стороны кровати, въ уровень съ поломъ, были въ цоколѣ печи двѣ продушины.

Къ одной изъ послѣднихъ протянулъ старикъ руку. Невыразимая боязнь была написана на лицѣ его; рука его такъ сильно дрожала, что онъ долго не могъ попасть въ отверстіе продушины.... Наконецъ онъ коснулся холоднаго изразца, и такъ поспѣшно отдернулъ руку, какъ будто бы обжегся....

Тихо обернулся онъ трясшуюся голову къ образу, висѣвшему у изголовья кровати, и устремивъ на него жалобный, умоляющій взоръ, сотворилъ крестное знаменіе.

Потомъ наклонился подъ кровать, и вперилъ глаза въ продушину, какъ бы желая проникнуть во внутренность ея.... Опершись локтемъ лѣвой руки въ полъ, сталъ онъ протягивать правую къ продушинѣ; почти до локтя исчезла рука въ чорномъ отверзтіи и вдругъ остановилась, какъ бы коснувшись до чего-то....

Иванъ Прохоровичъ вздрогнулъ.... Голова его тихо опустилась, и на лицѣ появилась улыбка мертвеца, подверженнаго дѣйствію гальванизма....

Между-тѣмъ Татьяна Ивановна съ жаромъ разговаривала съ братомъ.

Захаръ Ивановичъ, прочитавъ газету до послѣдней строки, вздремнулъ. Проспавъ часа полтора, онъ проснулся. Было семь часовъ. Стало быть оставалось три часа до времени, въ которое можно было упокоиться надлежащимъ образомъ.

Куда дѣвать эти три часа....

Вотъ вопросъ, который ежедневно задаютъ себѣ въ Петербургѣ нѣсколько тысячъ людей....

Отъ девяти до трехъ или четырехъ часовъ—трудъ; отъ четырехъ по-полудни до девяти утра—отдыхъ. Такимъ милостивымъ распредѣленіемъ времени *человѣкъ трудящійся* себя очевидно не обижаетъ.

Но—увы! двѣ! трети, по-крайней-мѣрѣ, этихъ трудящихся не знаютъ, какъ *убить* половину времени, предоставленнаго отдыху, не по недостатку въ средствахъ, а по многимъ другимъ причинамъ.

Средства есть: общества, клубы, преферансы, билльярды, театры....

Но все это сопряжено съ расходами, превышающими часто приходъ трудящихся....

Театры,—роскошь, которую можно позволить себѣ пять,

шесть разъ, не болѣе, въ году, если не посчастливится подружиться съ фигурантомъ или свести знакомство съ капельдинеромъ.

Карты,—прекрасное средство, которому всею душею предается половина отдыхающихъ *тружениковъ*, но оно такъ завлекательно, что другая половина, болѣе безпорочная, боится не только прослыть, но даже сдѣлаться по страсти картежникомъ.

Бильярдъ, — нужно предварительное образованіе, которое обходится бо́льшею частію дороже университетскаго курса.

Общества,—обществъ или, пожалуй, вечеринокъ, вечеровъ *незванныхъ* у насъ почти нѣтъ; а чѣмъ ограничиваются званые?... Танцами, иногда; картами—всегда. *Бесѣду*, оживленную, веселую, разнообразную и даже поучительную можно встрѣтить въ Петербургѣ только въ нѣкоторыхъ избранныхъ домахъ. Счастливъ тотъ, кто попадаетъ въ одно изъ этихъ немногихъ обществъ.

Повторяю, куда же дѣвать время, предоставленное отдыху?

Читать,—*глаза испортишь*; почитать можно, особенно коли интересная книжка попадется, но коли все читать да читать, такъ и надоѣстъ.

Спать,—хорошее дѣло, даже весьма нравственное дѣло: кто спитъ, тотъ не грѣшитъ; да бока отлежишь.

Гулять,—тоже весьма пріятное дѣло; да сапоги денежекъ сто́ятъ, галоши тожъ.

Списывать стишки,—на это нужна поэтическая потребность сердца. Притомъ же писать, прописавъ цѣлый день—монотонно.

Что́-же, наконецъ, дѣлать?

Есть еще одно средство не убить, а оживить время, удвоить, утроить каждую минуту....

Это средство называется *трудомъ*.

Предлагать для отдыха трудъ, довольно странно, но вотъ въ чемъ дѣло:

Если бы человѣкъ обладалъ познаніемъ добра и зла, въ обширнѣйшемъ значеніи этого слова, то человѣчество было бы совершенно во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ.

Всѣ способности человѣка суть дары Провидѣнія.

Предполагать неравенство способностей значитъ сомнѣваться въ справедливости Провидѣнія, значитъ допустить безумную идею невозможнаго пристрастія.

Не *неравенство*, а *разнообраніе* существуетъ между способностями.

Между ними такое же сходство, какъ между величественнымъ дубомъ и полевымъ цвѣткомъ,—сходство *совершенства*.

Дубъ, будучи срубленъ и употребленъ, какъ строевой матеріялъ, теряетъ свое первобытное величіе; сила и польза остались за нимъ, но и та и другая условны, *несамостоятельны*.

Полевой цвѣтокъ, вплетенный въ волосы молодой дѣвушки, все еще граціозенъ, прелестенъ, но бытіе его сократилось; отлученный отъ того мѣста, на которомъ судила ему быть природа, онъ уже не соотвѣтствуетъ таинственному закону ея, по которому малѣйшая былинка въ мірѣ имѣетъ *свою* цѣль, *свое* назначеніе....

Лишите лугъ всѣхъ цвѣтовъ, и видъ его будетъ унылъ, однообразенъ, неграціозенъ; за-то тѣмъ очаровательнѣе будетъ видъ *одного* цвѣтка, случайно поднявшагося между двумя травками.

Вырубите лѣсъ, и отсутствіе его будетъ имѣть ощутительное вліяніе на окружную почву и даже на климатъ. И чѣмъ значительнѣе была польза, которую человѣкъ извлекалъ изъ этого лѣса, тѣмъ сильнѣе и *нужда*, рождающаяся за отсутствіемъ его, и тѣмъ заботливѣе бережетъ человѣкъ единственное дерево, случайно уцѣлѣвшее.

Таково, быть-можетъ, происхожденіе тѣхъ громадныхъ, *необъемлемыхъ*, въ полномъ смыслѣ этого слова, деревъ, одиноко высящихся посреди пустынной равнины и широко разстилающихъ свои вѣковыя вѣтви.... И усталый путникъ съ наслажденіемъ отдыхаетъ подъ его тѣнію, и любопытные, стекаясь со всѣхъ сторонъ, удивляются величію и силѣ его....

А между-тѣмъ чѣмъ отличило Провидѣніе это дерево! Ничѣмъ.

Только человѣкъ, пощадивъ его, далъ ему возможность достигнуть совершеннаго развитія, и остаться тѣмъ, чѣмъ судила ему быть природа.

Но *приличія свѣта* заглушили въ человѣкѣ нѣкоторымъ образомъ естественныя наклонности и побужденія.

Никому не пришло еще въ голову собрать и написать ихъ. Собраніе ихъ возбудило бы паническій ужасъ или гомерическій смѣхъ въ самыхъ усердныхъ служителяхъ этихъ приличій.

Не смотря на то, каждый повинуется имъ, почти каждый

подчиняетъ имъ свой естественный, законный произволъ, заглушаетъ свои наклонности, покорясь требованіямъ этихъ приличій и—*природное равновѣсіе нарушается.*

Отличный скотоводъ становится жалкимъ философомъ.

Прекрасный философъ—мелкимъ плутомъ-торгашомъ.

Дѣятельный, хитрый торгашъ—безтолковымъ издателемъ журнала.

Умный издатель журнала—безпечнымъ корректоромъ.

Зоркій корректоръ—рецензентомъ съ нелѣпыми направленіями.

Добросовѣстный рецензентъ—плохимъ сапожникомъ.

Сапожникъ-портнымъ.

Портной—булочникомъ....

И такъ далѣе.

Пусть каждый, въ минуту отдохновенія, справится со своими наклонностями, испытаетъ свои способности, и—время отдыха не будетъ ему въ тягость; праздность не увлечетъ его въ грязный омутъ порока, который не есть еще преступленіе, но отъ котораго до послѣдняго—полшага....

Пусть каждый найдетъ въ себѣ особенное расположеніе къ какому-либо занятію, и тогда этотъ новый, добровольный трудъ будетъ не только пріятнѣйшимъ отдохновеніемъ, но легкимъ средствомъ къ умноженію благосостоянія; тогда труженикъ настоящимъ образомъ оцѣнитъ и съ радостію проведетъ день воскресный, день всемирнаго отдохновенія отъ труда вольнаго и невольнаго....

Средство это такъ просто, что выгоды и удовольствія его очевидны; оно такъ естественно, что представилось уже нѣкоторымъ прямымъ, здравымъ умамъ.

Есть чиновники, проводящіе все свободное отъ службы время въ сухихъ компиляціяхъ или утомительныхъ исчисленіяхъ, которыя служатъ иногда драгоцѣнными матеріялами людямъ спеціальнымъ.

Есть чиновники, которые, запершись въ своей скромной квартиркѣ, проводятъ цѣлые часы съ гитарой или чеканомъ въ рукахъ.

Есть чиновники, которые зачитываются за полночь; объ нихъ товарищи говорятъ, что они читаютъ въ журналахъ *все*, то есть не одну легкую словесность; эти люди пользуются репутаціей людей *начитанныхъ*, и къ нимъ прибѣгаютъ товарищи, для разрѣшенія какого-либо ученаго или литературнаго спора.

Кому не извѣстно, что есть чиновники—

Занимающіеся изготовленіемъ конвертовъ,

Раскрашивающіе картинки для дѣтскихъ книжекъ и кондитеровъ.

Гравирующіе на деревѣ, камнѣ и мѣди.

Переплетающіе книги,

Дѣлающіе игрушки,

Папиросы,

Продающіе чиненыя перья.

Я самъ зналъ нѣкогда чиновника, который мастерски точалъ дамскую обувь.

Не правда ли, какъ это забавно? Чиновникъ—башмачникъ!

Не лучше ли засиживаться до полуночи въ трактирахъ. шлифовать мостовыя, придумывать разныя хитрости. Не лучше ли, для покрытія расходовъ на буйныя удовольствія въ которыхъ тупѣетъ умъ и черствѣетъ сердце, не лучше ли прибѣгать къ уловкамъ, продѣлкамъ, не совсѣмъ благовиднымъ? Не лучше ли жаловаться на недостаточность содержанія, вмѣсто того, чтобы употребить свободное время на какое-нибудь честное занятіе и, пожалуй, хоть *ремесло?*.

Многіе, къ сожалѣнію, скажутъ, что *лучше*, потому-что взяться за ремесло человѣку служащему —

Стыдно!...

Вѣчно тѣ же превратныя, искаженныя понятія о добрѣ и злѣ.

Душевно желаю, чтобы эти немногія, не пышныя, но искреннія слова, сказанныя въ защиту нѣкоторыхъ честныхъ тружениковъ, робкихъ и кроткихъ по наружности, но исполненныхъ истинной энергіи въ глубинѣ души; чтобы эти слова проникли въ одно изъ тѣхъ скромныхъ убѣжищъ, гдѣ бѣднякъ скрываетъ занятіе, съ помощію котораго онъ содержитъ честнымъ, благороднымъ образомъ престарѣлую мать, сестеръ, жену или дѣтей...

Я знаю одно изъ подобныхъ убѣжищъ. Конечно, острый юмористъ найдетъ въ немъ много смѣшнаго, каррикатурнаго, но чтобы описать это смѣшное нужно перо Диккенса и, особенно, *сердце* его...

Юморъ англійскаго романиста вызываетъ смѣхъ и слезы; онъ трогаетъ сердце и заставляетъ любить ближняго, не смотря на каррикатурную оболочку его.

Наши юмористы-натуралисты снимаютъ только шероховатую скорлупу съ орѣха, и герои—ихъ существа смѣшныя, невозможныя...

. . . . . .

ГЛАВА VIII.

Ассигнаціи и пятачки.

Захаръ Ивановичъ придумалъ, какъ убить время. Онъ рѣшился идти къ одному изъ своихъ сослуживцевъ, жившихъ по близости, въ той надеждѣ, что авось составится преферансикъ.

Онъ сталъ уже одѣваться, когда Татьяна Ивановна принесла ему чай.

— Останьтесь, братецъ, дома, сказала она ему: мнѣ нужно переговорить съ вами о важномъ дѣлѣ.

Захаръ Ивановичъ, которому было все равно какъ бы ни убить время, повиновался и облекся опять въ халатъ. Уложивъ отца спать, старая дѣва вошла въ комнату брата.

Послѣ довольно продолжительнаго введенія, она, наконецъ, сообщила Захару Ивановичу намѣреніе женить его на хорошенькой дочери доктора.

Опухтину сначала представилось, что сестрица подшучиваетъ надъ нимъ, угадавъ, по своей тонкой проницательности, тайное, скрытое расположеніе его къ Аннетѣ; но, убѣдившись, что сестрица говорила очень серьозно, и узнавъ, что она даже приступила уже къ дѣлу, Захаръ Ивановичъ, съ невольнымъ движеніемъ признательности, схватилъ со стола бумажникъ досталъ изъ него десятирублевую депозитку, и втиснулъ ее въ руку Татьяны Ивановны.

— Вотъ вамъ, сестрица, на новое платье! Закажите съ фалбалами, фестонами и всѣми штуками! Я еще приплачу, коли этого не хватитъ!... Вы, то есть, сестрица, херувимчикъ!... Ну-те, ну-те, разскажите-ка хорошенько, что́ Юлія Карловна вамъ сказала?... Да сядьте на кресло, душечка, вамъ покойнѣе будетъ, а я стулъ возьму... Ну-те, ну-те!

Старая дѣва стала разсказывать; Захаръ Ивановичъ не пропускалъ ни одного слова, и по временамъ, съ выраженіе-

емъ сильнаго удовольствія, потиралъ руки и хлопалъ себя по колѣнамъ.

Разговоръ длился долго.

Татьяна Ивановна сообщила братцу весь свой планъ, давала ему подробныя наставленія, какъ вести себя съ докторомъ, его женою и Аннетою; Захаръ Ивановичъ слушалъ внимательно...

Оба были такъ заняты интереснымъ разговоромъ, что не замѣтили легкаго движенія, послышавшагося въ сосѣдней комнатѣ.

Иванъ Прохоровичъ простоялъ нѣсколько минутъ неподвижно, какъ бы подавленный тяжестью чрезмѣрнаго чувственнаго наслажденія, превышавшаго силы его; потомъ сталъ медленно и съ усиліемъ вынимать руку изъ продушины.

Раздался глухой, невнятный звукъ металла; и старикъ снова вздрогнулъ, и опять сталъ осматриваться.

Осторожно вытащилъ онъ, наконецъ, грязный, запыленный мѣшокъ; еще разъ погрузилась рука его въ чорное отверстіе, и вернулась оттуда съ довольно объемистой пачкой, обвернутой ситцевымъ лоскуткомъ.

Руки старика почти не дрожали и въ глазахъ его былъ необыкновенный блескъ, когда онъ сталъ развязывать пачку и когда, наконецъ, жадному, нетерпѣливому взору его представилась куча плотно-сложенныхъ ассигнацій... Иванъ Прохоровичъ взвѣсилъ ихъ на рукѣ, и сталъ считать; но не дойдя до десятка, перевернулъ пачку и сталъ считать съ другаго конца...

Онъ сбился со счету, и только, какъ бы утѣшая себя, произносилъ шопотомъ:

— Всѣ тутъ... всѣ на лицо... всѣ...—и пальцы его продолжали машинально перебирать ассигнаціи.

Иванъ Прохоровичъ и сынъ его одинаково любили деньги; но послѣдняго увлекъ прогрессъ. Старикъ придерживался того стариннаго правила, что для умноженія состоянія должно копить и копить—средство вѣрное, но медленное. Захаръ Ивановичъ же, напротивъ, твердилъ себѣ, что залежалая копѣйка остается копѣйкой, между-тѣмъ какъ, будучи пущена въ оборотъ, она легко превращается въ рубли—средство быстрое, но невѣрное.

Насмотрѣвшись на ассигнаціи, нащупавшись, Иванъ Прохоровичъ сталъ завязывать пачку; нѣсколько разъ развязывалъ онъ ее, чтобы бросить еще послѣдній взглядъ на

свое сокровище; потомъ трижды перекрестилъ пачку, и съ выраженіемъ сожалѣнія на лицѣ, опустилъ ее обратно въ продушину.

Послѣ высокаго наслажденія, оставалось еще мелкое развлеченіе, прихоть; старикъ сталъ медленно развязывать мѣшокъ... холодъ пола, на которомъ все еще сидѣлъ Иванъ Прохоровичъ раздражалъ грудь его; чтобы заглушить кашель, онъ скрылъ лицо въ перинѣ; судорожно поднималась грудь его, и хриплые, свистящіе звуки нарушали тишину.

Ни Татьяна Ивановна, ни братъ ея не обратили вниманія на заглушаемый кашель.

Наконецъ грудь старика успокоилась; только по временамъ она еще судорожно вздрагивала, издавая щипящіе звуки; онъ развязалъ мѣшокъ, съ наслажденіемъ запустилъ въ него руку, и вынулъ полную горсть мелкой, серебряной монеты; осторожно положилъ онъ эту горсть на постель, и опять запустилъ руку въ мѣшокъ...

Въ это самое время за окномъ, посреди синеватаго полумрака, показалась чорная тѣнь, окаймленная съ лѣвой стороны лучомъ луны, косвенно падавшимъ на задворокъ.

Но старикъ, въ пароксизмѣ своего чувственнаго наслажденія, забылъ прежнія предосторожности; съ жадностью погружалъ онъ руку въ мѣшокъ, и переложилъ уже нѣсколько горстей гривенниковъ и пятачковъ на кровать...

Тѣнь остановилась за окномъ неподвижно, какъ бы желая разгадать странную сцену, происходившую въ комнатѣ.

— Двѣнадцать лѣтъ... копилю!... проговорилъ старикъ про-себя, перекладывая деньги съ кровати обратно въ мѣшокъ, и присоединивъ къ нимъ пятачки, подаренные ему Татьяной Ивановной: двѣнадцать лѣтъ... сколько тутъ?... Не знаю... Нѣтъ, знаю, знаю! продолжалъ онъ съ боязнію; до-послѣдней копѣйки знаю... Захаркѣ ни гроша... все Танькѣ... въ приданое; дай Богъ только... дожить... до свадьбы ея... Танька все прибережетъ... она хозяйка... Захарка какъ разъ-бы... протранжирилъ... онъ по модѣ... одѣвается... буфонится... а я нѐчто затѣмъ... копилъ?...

И рука старика шарила по постелѣ; онъ хотѣлъ удостовѣриться, не осталась ли тамъ еще монета; но привычныя, костлявыя руки его такъ искусно загребали мелкія монеты, что всѣ до одной перешли обратно въ мѣшокъ.

Человѣкъ, стоявшій за окномъ, пораженный изумленіемъ, забылся и почти приложилъ лицо къ стеклу.

Иванъ Прохоровичъ вздохнулъ; потомъ почти съ яро-

стію опустилъ обѣ руки въ мѣшокъ, и сталъ рыться въ серебрѣ, прислушиваясь къ тихому звуку его....

Выраженіе лица дряхлаго старика было устрашительно; ротъ его, съ двумя или тремя уцѣлѣвшими зубами былъ полураскрытъ; глаза непомѣрно вытаращились и зрачки были неподвижны, посреди желтыхъ, тусклыхъ бѣлковъ; ноздри расширялись... Это было выраженіе высшаго наслажденія въ самомъ отвратительномъ видѣ его....

Татьяна Ивановна кончила разговоръ съ братомъ. Она встала и съ шумомъ отодвинула кресло.

Иванъ Прохоровичъ: воображавшій, что всѣ въ домѣ уже спятъ, услышалъ этотъ шумъ, и—внезапный ужасъ выразился на лицѣ его.

Онъ скоро поднялъ голову, и взоръ его обратился на окно.

Незнакомецъ стоялъ на задворкѣ въ прежнемъ положеніи.

Старикъ вдругъ выпрямился, какъ бы взброшенный вверхъ лопнувшею пружиною.... Онъ протянулъ обѣ руки къ окну и страшно разинулъ ротъ, но голосъ не повиновался ему....

За нимъ отворилась дверь.

— Господи! вскричала Татьяна Ивановна, съ ужасомъ отскочивъ назадъ.

Протяжный жалобный вопль вырвался изъ груди старика, руки его опустились, и онъ рухнулся на полъ...

Незнакомецъ между тѣмъ исчезъ.

Дочь и сынъ бросилась къ старику, подняли его и уложили на постель.

Пока Татьяна Ивановна прикрывала отца, и ласками старалась привести его въ чувство, Захаръ Ивановичъ поднялъ съ полу тяжелый мѣшокъ и заглянулъ въ него.

— Глядите-ка, глядите, сестрица! сказалъ онъ.

— Ахъ, Боже мой, оставьте!... возразила Татьяна Ивановна, растерявшись и съ искреннимъ состраданіемъ суетясь около безчувственнаго старика.

— Ужъ не умеръ ли онъ? спросилъ Захаръ Ивановичъ болѣе съ изумленіемъ, нежели участіемъ.

Предположеніе это такъ сильно поразило Татьяну Ивановну, что не переставая суетится, она судорожно, нервически зарыдала; грудь ея поднималась, она всхлипывала, но на глазахъ не было слезинки....

— За докторомъ, братецъ, за докторомъ! вскричала она, наконецъ, бросившись цѣловать холодныя руки старика.

— Я самъ поѣду за Ѳедоромъ Ивановичемъ! поспѣшно сказалъ Опухтинъ.

Татьяна Ивановна утвердительно покивала головой, продолжая болѣзненно и судорожно всхлипывать.

Захаръ Ивановичъ скоро одѣлся и ушелъ, не сказавъ сестрѣ утѣшительнаго слова, не по равнодушію, а потому, что есть люди, вовсе лишенные способности *утѣшать*. Это, бо́льшею частію, люди практическіе, обладающіе необыкновеннымъ присутствіемъ духа въ чужихъ горестяхъ. Подобные люди, принимая иногда живое участіе въ горести друга, оплакивающаго кончину близкой сердцу особы, находятъ случай подшепнуть другу, у котораго мастера заказать гробъ....

Минутъ десять спустя послѣ ухода Захара Ивановича, старикъ очнулся.

Безсмысленно и не припоминая случившагося, онъ осмотрѣлся.

Съ невыразимою нѣжностію цѣловала Татьяна Ивановна согрѣвшуюся руку его.

— Таничка... произнесъ Иванъ Прохоровичъ едва слышнымъ голосомъ.

— Какъ вы себя чувствуете, тятенька?

— Ничего... слабъ немножко... спать хочется....

— Спите, тятинька, спите.

— Таничка...

— Что̀, тятинька?

— Спой мнѣ мою любимую пѣсню.... авось я скорѣе усну... Спой «Среди долины»....

И тихимъ, дребезжащимъ голосомъ запѣла дочь унылую, но мелодическую пѣсню.

Старикъ заснулъ.

Татьяна Ивановна замолчала, приложила руку къ сердцу старика, прислушалась къ дыханію его, вздохнула свободнѣе и перекрестилась, поднявъ глаза къ небу.

Потомъ, не любопытствуя даже заглянуть въ мѣшокъ съ деньгами, она положила его на стулъ, возлѣ постели, что̀бы на утро отецъ ея тотчасъ нашелъ его и безъ помѣхи могъ спрятать туда, гдѣ до-сихъ-поръ мѣшокъ скрывался.

Потомъ она пошла къ окну, но вдругъ остановилась съ испугомъ.

Прежній незнакомецъ опять стоялъ подъ окномъ.

Но Татьяна Ивановна была не пуглива. Смѣло подошла она къ окну, и вдругъ злобное выраженіе сверкнуло въ глазахъ ея....

Оглянувшись, чтобы удостовѣриться, что отецъ ея спалъ, она осторожно, безъ шума отворила форточку.

— Я не могла и не могу выйти къ вамъ: тятенька нездоровъ, сказала она скороговоркой: приходите завтра!....

— Вистъ! отвѣчалъ голосъ на задворкѣ.

Татьяна Ивановна затворила форточку.

Незнакомецъ исчезъ.

ГЛАВА IX.

Дома и въ обществѣ.

Подъѣхавъ къ дому, въ которомъ жилъ докторъ, Захаръ Ивановичъ приказалъ извощику ждать, заплативъ однакожъ за *одинъ конецъ*, чтобы предоставить произволу извощика ждать, и тѣмъ отнять у него всякое право требовать прибавки.

Въ то самое время, когда за нимъ захлопнулись двери съ разноцвѣтными стеклами, изъ-подъ воротъ противуположнаго дома выѣхалъ щегольскій возокъ, запряженый парой красивыхъ, гнѣдыхъ лошадей, и остановился у подъѣзда.

Докторъ былъ дома. Выслушавъ Захара Ивановича, онъ поспѣшно одѣлся, и не медля ни минуты, сошелъ съ нимъ внизъ.

Пока они усаживались въ сани, съ противоположнаго, ярко освѣщеннаго крыльца съ живостію сбѣжалъ лакей. Вслѣдъ за нимъ показалась молодая женщина, въ темнофіолетовой, бархатной мантіи, на мѣху и съ капюшономъ.

Свѣтъ отъ фонаря освѣтилъ блѣдное, почти болѣзненное лицо этой женщины; искры блеснули въ глазахъ....

Подобно привидѣнію мелькнула она.

Лакей захлопнулъ дверцы, вскочилъ на запятки, и лошади умчали возокъ.

— Это, никакъ, жена нашего директора? спросилъ Захаръ Ивановичъ, усѣвшись возлѣ доктора и застегивая полость.

— Да, да, отвѣчалъ докторъ, пожавъ плечами: очень милая и добрая, но чрезвычайно странная женщина!... Представьте себѣ, недѣлю тому, она не хотѣла ступить шагу изъ своей комнаты а теперь бросилась въ другую крайность... каждый день утромъ визиты, вечеромъ театры, концерты, балы... А послѣ жалуется! Повѣрю, противу такихъ крайностей не устоитъ и желѣзная натура...

— Значитъ она того... немножко капризна?

— Порядочно!... Счастлива она, что вышла за такого прекраснаго, благороднаго человѣка... Впрочемъ, не мнѣ хвалить Александра Матвѣевича; вы его должны знать лучше меня.

— Точно, отличный человѣкъ! отвѣчалъ Захаръ Ивановичъ не совсѣмъ искренно только потому, что вспомнилъ объ утреннемъ выговорѣ и о колкой шуткѣ своего начальника.

— Но скажите мнѣ, что̀ случилось съ вашимъ старикомъ спросилъ Ѳедоръ Ивановичъ, по обыкновенію докторовъ, которые, подобно гадальщицамъ, иначе не предсказываютъ будущее, какъ не поразузнавъ хорошенько прошедшее.

Захаръ Ивановичъ сталъ разсказывать что̀ самъ зналъ.

И возокъ и извощичьи сани скрылись въ ночномъ туманѣ, когда новое лицо показалось на парадномъ крыльцѣ дома, въ которомъ жилъ Александръ Матвѣевичъ Тучиновъ.

То былъ мужчина средняго роста, въ старой шинели на истертомъ, енотовомъ мѣху, и въ бархатной шапкѣ. Мѣховой воротникъ шинели былъ поднятъ.

Съ живостію сошелъ этотъ человѣкъ съ крыльца, и не оглядываясь, скорыми шагами отошелъ отъ дома. Выйдя изъ круга, описаннаго свѣтомъ фонарей, онъ остановился въ тѣни и осмотрѣлся.

Шагахъ въ двадцати отъ него, по другую сторону улицы ѣхалъ извощикъ.

Несмотря на то, что послѣдній медленно удалялся, незнакомецъ не кликнулъ его, но ускоривъ шаги, пошелъ за нимъ вслѣдъ.

Догнавъ его, онъ не порядившись вскочилъ въ сани, проговоривъ только:

— Ступай!

Извощикъ остановился, по приказанію сѣдока, въ концѣ назначенной имъ улицы, передъ двухъ-этажнымъ, каменнымъ домомъ, грязной, некрасивой наружности.

Въ подвалахъ, по сторонамъ воротъ, была съ одной стороны мелочная, а съ другой штофная лавочки.

Въ первомъ этажѣ не было ни малѣйшаго свѣта; по бѣлымъ билетамъ, отдѣлявшимся отъ мрака, господствовавшаго за окнами, можно было угадать, что эта квартира отдавалась въ-наемъ.

Во второмъ, послѣднемъ этажѣ, въ нѣсколькихъ окнахъ, сквозь плотно опущенныя шторы, виднѣлся свѣтъ.

Ворота были заперты.

Заплативъ извощику, незнакомецъ вошелъ въ калитку. Подъ воротами отвратительный, ѣдкій запахъ занялъ духъ его; скорыми шагами пошелъ онъ къ крыльцу, находившемуся подъ воротами, и ощупью сталъ взбираться по темной, узкой и крутой лѣстницѣ, придерживаясь сырой стѣны, покрытой непріятною слизью.

Нѣсколько разъ споткнувшись, добрался онъ, наконецъ, до втораго этажа; ощупью отыскалъ дверь, и машинально протянулъ руку къ колокольчику, но вспомнивъ, вѣроятно, объ отсутствіи его, прибѣгнулъ къ средству болѣе простому, то есть, постучался въ дверь кулакомъ.

Онъ ждалъ недолго; ключъ щелкнулъ, дверь отворилась, и на порогѣ показалась дюжая, краснощекая, деревенская баба, со свѣчой въ желѣзномъ подсвѣчникѣ, заплывшемъ саломъ.

Узнавъ, повидимому, поздняго гостя, она пропустила его, заперла опять за нимъ дверь, и не говоря ни слова, вернулась къ себѣ въ кухню.

Пока гость старался прицѣпить свою шубу къ нѣсколькимъ шинелямъ, висѣвшимъ уже на двухъ гвоздяхъ, вколоченныхъ въ перегородку, отдѣлявшую прихожую отъ кухни, дверь изъ комнаты отворилась и въ отверстіи ея показался Борисъ Астафьевичъ Лихаревъ, съ трубкой въ рукахъ.

— Что я сказалъ? вскричалъ онъ, обернувшись назадъ: сердце чуяло!

— Онъ?... произнесли нѣсколько голосовъ въ комнатѣ.

— Разумѣется, онъ!... Душа общества! Вотъ что значитъ симпатія!

И Лихаревъ, крѣпко обнявъ одною рукою и чмокнувъ въ щеку новоприбывшаго, продолжалъ съ жаромъ:

— Бонжуръ, эмабль, шарманъ, бонжуръ! Васъ только не доставало... За дѣло, господа, за дѣло! Зачѣмъ золотое время терять....

Лихаревъ и новоприбывшій вошли въ комнату; послышалось шарканье и шумъ передвигаемыхъ стульевъ.

. . . . . .

Улицы уже пустѣли, когда Ѳедоръ Ивановичъ вернулся домой.

Онъ освидѣтельствовалъ старика, и нашелъ, что онъ сильно взволнованъ, но что впрочемъ никакихъ признаковъ особеннаго разстройства нѣтъ.

Онъ утѣшилъ Татьяну Ивановну, и обѣщался заѣхать утромъ.

Улицы совершенно опустѣли, магазины и лавки были заперты, свѣтъ въ окнахъ угасалъ, а Катерина Васильевна Тучинова все еще не возвращалась домой.

Она была на балу, въ первый разъ послѣ двухъ мѣсяцовъ совершеннаго уединенія.

Неожиданное появленіе ея было подобно театральному эфекту.

Во-первыхъ, она явилась безъ мужа.

Во-вторыхъ, при свѣтѣ люстръ и посреди женщинъ, сіявшихъ болѣе или менѣе природною свѣжестью, болѣзненная синеватая блѣдность ея была устрашительна.

Въ нарядѣ Катерины Васильевны не было ни малѣйшаго проступка противъ вкуса, ни даже противъ моды, а между тѣмъ, по странному случаю, все, до малѣйшихъ подробностей, все въ этомъ нарядѣ было какъ бы придумано для того, чтобы явственнѣе выказать блѣдность и худобу молодой женщины....

Катерина Васильевна какъ бы кокетничала тѣмъ, что̀ другія женщины такъ тщательно скрываютъ.

Она была необыкновенно весела; но веселость ея навѣвала холодъ на окружавшихъ ее, сжимала сердце....

Между тѣмъ, какъ Катерина Васильевна предавалась шумнымъ, свѣтскимъ удовольствіямъ, мужъ ея проводилъ вечеръ въ мирномъ, семейномъ кругу.

Онъ провелъ весь вечеръ съ дѣтьми, и, какъ добрый отецъ семейства, легъ спать почти въ одно время съ ними.

Только часу въ двѣнадцатомъ въ окнахъ кабинета его опять показался свѣтъ.

Можетъ-быть, онъ забылъ прочитать какое-нибудь важное и спѣшное дѣло, и—голосъ долга разбудилъ его.

Можетъ-быть.

Но онъ ни разу не справился о томъ, возвращалась ли жена его.

Катерина Васильевна вернулась во второмъ часу.

Горячія, жгучія слезы согрѣли сердце ея, остывшее въ вынужденной веселости....

Фонари догорали, ранніе труженики столицы начинали уже просыпаться, когда полуразвалившіяся сани ночнаго ваньки остановились въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома Тучинова.

Тотъ самый мужчина, котораго такъ радушно принялъ Лихаревъ въ грязномъ домѣ *** ской улицы, выскочилъ изъ саней.

Боязливо, точно человѣкъ, преслѣдуемый совѣстію, дошелъ онъ до крыльца, тихо отворилъ дверь на тяжеломъ блокѣ, такъ же тихо опустилъ ее, и поворотивъ направо, позвонилъ у квартиры Николая Александровича Тучинова....

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ДОБРО И ЗЛО.

Романъ Н. Фурманна.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

...Пишите романы всякіе—историческіе, сатирическіе, нравоописательные, а главное, разумѣется, хорошіе. Бросьте свои *личные*, *задушевные* порывы къ высокому, муки, восторги, *свои* поэтическія утопіи и философскія грезы обезконечно-великихъ и безконечно-отдаленныхъ предметахъ; изучайте жизнь, изучайте вещи въ ихъ естественномъ, свѣтломъ и мутномъ теченіи, наблюдайте извилистые пути страстей, располагающихъ событіями, олицетворяйте все это въ образахъ простыхъ и непреувеличенныхъ, въ которыхъ бы можно было, какъ въ зеркалѣ, видѣть и обнять сердцемъ существенные вопросы человѣческаго быта и назначенія, — однимъ словомъ, повторяемъ, пишите романы.

А. Никитенко.

(Библ. для Чтенія, іюнь—1846).

ГЛАВА I.

Отсталыя отъ вѣка понятія.

Время, говорятъ, лучшій врачъ душевныхъ страданій. Не всегда.

Есть страданія, подобныя римскому цементу.

Они прививаются къ сердцу, сростаются съ нимъ; чтобы вырвать ихъ изъ груди, нужно вырвать сперва сердце. Страданія эти не проявляются въ сильныхъ порывахъ, не напрашиваются на участіе; слезы ихъ скрыты и жгучи, жалоба горька и безнадежна....

Въ скромномъ, честномъ семействѣ мирно, ясно текла жизнь молодой дѣвушки.

Отсутствіе малѣйшихъ горестей погрузило сердце ея въ тихое, сладостное усыпленіе, изъ котораго пробуждалъ его только голосъ любви къ родителямъ.

Но этотъ голосъ былъ ей знакомъ. Съ малолѣтства привыкла она къ нѣжнымъ звукамъ его. Всѣ радостныя ощущенія молодой дѣвушки сливались съ искреннею, сердечною привязанностію къ двумъ существамъ, на которыхъ она съ дѣтства привыкла смотрѣть, какъ на виновниковъ ея тихаго, безмятежнаго счастія....

Такова была Аннета, дочь Ѳедора Ивановича, до послѣдняго часа 1843 года.

Воспитаніе и счастливое стеченіе обстоятельствъ спасли ее отъ болѣе или менѣе невинныхъ мечтаній объ идеалахъ съ усами или безъ *оныхъ*. Правда, нѣкоторыя изъ подругъ Аннеты заговаривали съ нею о молодыхъ людяхъ, оказывавшихъ имъ особенное предпочтеніе, засматривавшихся на нихъ, встрѣчавшихся съ ними на *променадахъ* или танцовавшихъ почти только съ ними,—но Аннета слушала разсѣянно, невнимательно, и часто прерывала разговоръ въ самомъ интересномъ мѣстѣ какимъ-нибудь страннымъ вопросомъ, не имѣвшимъ рѣшительно никакой связи съ предметомъ разговора. Подруги перестали повѣрять Аннетѣ свои сердечные секреты, и она прослыла въ кругу ихъ *глупенькою*.

Невинность столько же похожа на глупость, какъ истина на грубость.

Есть люди, честные и прямодушные, но рабы свѣтскихъ законовъ, которые, не желая прослыть *грубіянами*, часто уклоняются отъ истины, по тонкому чувству приличія.

Есть юноши, сохранившіе всю свѣжесть дѣтства, которые, стыдясь своей счастливой невинности и не желая прослыть *глупенькими*, разыгрываютъ роль отчаянныхъ донъ-Жуановъ.

И жалко, и смѣшно.

Аннета была не только невинна, но и счастлива; а безмятежное, спокойное счастіе усыпляетъ не только сердце, но и умственныя способности. Посдѣднимъ необходима борьба,—въ ней онѣ испытываютъ свои силы, растутъ, крѣпнутъ.... Повторяю, со всякимъ новымъ ударомъ человѣкъ пріобрѣтаетъ новое познаніе въ наукѣ жизни, а со всякимъ новымъ познаніемъ открывается святѣйшая частица сердца.

Чѣмъ продолжительнѣе счастливое усыпленіе ума и сердца, тѣмъ богаче они силами, могуществомъ, въ-послѣдствіи, когда часъ пробужденія ударитъ. Пробужденіе это подобно расточительности наслѣдниковъ скупца, не прикасавшагося во всю жизнь свою къ несмѣтнымъ сокровищамъ, накопленнымъ имъ....

До самаго Новаго-года Аннета сохранила дѣвственную цѣнность, чистую, свѣтлую простоту ума и сердца. Наканунѣ Новаго-года странныя, невѣдомыя слова впервые поразили слухъ ея,—и она внезапно поняла эти слова, потому-что онѣ относились прямо къ ней.

Уголокъ завѣсы, прикрывавшей сердце ея, поднялся, и оно дрогнуло, неожиданно пораженное лучемъ свѣта....

Это было первое, неясное, неопредѣльное влеченіе сердца, для нея непостижимое.

Аннета тоже лишилась своего блаженства, ибо счастіе ея было внезапно разрушено.

Первое страданіе коснулось сердца ея. Не свѣтское приличіе, не благопристойность заставили ее удалиться, а болѣзненное ощущеніе впервые испуганной дѣвственности.

Ночь на Новый-годъ составила въ жизни молодой дѣвушки эпоху,—эпоху пробужденія двухъ сокровищницъ жизни: ума и сердца.

Съ той поры съ Аннетой произошла видимая перемѣна. Сердце ея было такъ цѣло, воспитаніе и вся прошедшая жизнь такъ приготовили ее къ *постоянству*, что первое впечатлѣніе не могло не имѣть на нее сильнаго вліянія. Прежняя, беззаботная веселость Аннеты исчезла; она стала думать и задумыватся....

Молодая дѣвушка припоминала секреты подругъ, и при первой встрѣчѣ съ послѣдними сама осторожно навела разговоръ на этотъ предметъ. Съ жадностію слушала Аннета болтовню подругъ;—она еще не понимала, но уже догадывалась....

Подруги уходили. Уединившись въ своей комнаткѣ, Аннета припоминала разсказы ихъ, и справлялась съ собственнымъ сердцемъ, требуя отъ него той же беззаботной веселости, тѣхъ же легкихъ, пріятныхъ ощущеній, которыя проявлялись въ разсказахъ подругъ; но—сердце ея судорожно сжималось и отвѣчало жалобой....

Потомъ разсудокъ вооружался негодованіемъ противъ незаслуженнаго страданія, заброшеннаго въ сердце молодой дѣвушки прихотливымъ случаемъ; разсудокъ показывалъ

неосновательность этого страданія, ободрялъ сердце, а оно отвѣчало горькими жгучими слезами....

Это были первыя слезы, скрытыя молодою дѣвушкою отъ матери. Могла-ли она искать утѣшенія, когда сама не знала причины своихъ слезъ?

Аннета грустила безотчетно до того самаго дня, когда получила безъимянное письмо. Тогда только дала она на груди матери волю слезамъ, находившимся на сердцѣ ея. Съ признательностію и изумленіемъ выслушала она слова Юліи Карловны, заключавшія въ одно время и утѣшеніе, и рѣшеніе странныхъ загадочныхъ вопросовъ, собиравшихся въ умѣ молодой дѣвушки съ самаго Новаго-года.

Юлія Карловна, воспитанная въ строгихъ, честныхъ правилахъ нѣмецкаго семейнаго быта, имѣла объ обязанностяхъ женщины понятія самыя простыя, прямыя, иначе, отсталыя отъ вѣка.

Женщина не можетъ быть *равною* мужчинѣ, потому-что она *выше* его. Добровольно отказавшись отъ этого преимущества, она необходимо должна пасть *ниже*, потому-что физическая сила и энергія на сторонѣ мужчины.

Развратныя наклонности и развращенный умъ, подстрекаемые нѣкоторою энергіею, бросили міру первую мысль *эманципаціи* женщины, и мысль эта нашла отголосокъ въ нѣкоторыхъ существахъ,—немногихъ, по счастію,—столько же развращенныхъ, но менѣе смѣлыхъ. И въ чемъ заключается эта эманципація?... Отдѣлите по слоямъ весь обманчивый нарядъ, въ который облекаются требованія ея, и вы доберетесь до слѣдующаго заключенія:

Женщина должна имѣть одинакія права съ мужчиной.

Какія же это права? Развѣ мужчина, господствующій надъ тысячами, не подчиняется сердцемъ женщинѣ?... Развѣ женщина не имѣетъ своего круга дѣйствій?...

Бракъ освящаетъ потребность любви, вложенную въ сердце человѣка самимъ Провидѣніемъ; онъ обуздываетъ страсти, и ведетъ человѣчество дорогою къ идеалу христіанскаго совершенства. Всѣ наши природныя наклонности требуютъ благоразумнаго ограниченія. Уничтожьте законный бракъ или предоставьте расторженіе его произволу человѣка, что̀ станется со священными узами, предписывающими отцу воспитаніе сына, сыну повиновеніе отцу? Что̀ станется съ обществомъ, когда основаніе его рушится?

Конечно, бываютъ случаи, когда спокойствію, счастію одного или даже двухъ лицъ, необходимо расторженіе не-

обдуманнозаключеннаго союза; но это исключеніе, и основывать на немъ общее правило, значитъ жертвовать тысячами въ пользу одного.

Знаменитый графъ Морицъ Саксонскій, въ своемъ сочиненіи: *Мечтанія* — Les Rêvèries — предлагаетъ *пятилѣтній* бракъ, подкрѣпляя свое предложеніе весьма убѣдительными доводами и примѣрами.

Неудивительно: графъ Морицъ—сынъ польскаго короля Августа II и графини Авроры Кёнигсмаркъ. Онъ воспитывался при развращенномъ дворѣ своего отца, жилъ при дворѣ Людовика XV... Послѣ этого должно удивляться не предложенію Морица, а тому, что онъ разомъ не опредѣлилъ своего вѣка, и не требовалъ совершеннаго уничтоженія брака.

Повторяю, и бракъ имѣетъ свою мрачную сторону, свои непріятности, но въ общей массѣ не уступаютъ ли онѣ удовольствіямъ. И не заключается-ли источникъ этихъ непріятностей не въ бракѣ, а въ несовершенствѣ человѣческой натуры? Развѣ бракъ виноватъ въ томъ, что, вступая въ него, люди часто повинуются безразсудному увлеченію или, что̀ еще хуже, корысти?... Нѣтъ, не для удовлетворенія подобныхъ цѣлей существуетъ союзъ, освящаемый благословеніемъ Бога....

Не допуская союза между кровными родными, законы брака имѣютъ въ виду болѣе и болѣе обширное распространіе того родственнаго союза, который составляетъ силу общества и есть идеалъ христіанскаго братства и согласія.

Вѣрность есть первое условіе супружеской жизни. Такъ какъ она основывается на взаимной клятвѣ, и такъ какъ бракъ есть тѣснѣйшій союзъ людей, то измѣна есть грѣхъ величайшій. Замѣчательно, что даже дикари считаютъ право брака священнымъ, и преступленіе противъ него наказываютъ смертію....

Отчего поборники эманципаціи, часто ссылающіеся на дикарей, какъ на людей первобытныхъ, упустили изъ виду этотъ примѣръ брачнаго права?

А воспитаніе дѣтей? Не заключается-ли въ немъ залогъ возможнаго усовершенствованія человѣчества? Не необходимъ-ли для этого воспитанія тѣсный союзъ двухъ существъ, разнообразныя попеченія и заботы которыхъ развиваютъ добро, умѣряютъ зло въ ребенкѣ?

И въ вознагражденіе за трудности воспитанія, Провидѣніе вложило въ сердца родителей любовь, искреннюю, безко-

рыстную къ дѣтямъ; любовь, полную самопожертвованій и постоянно сопровождаемую чувствомъ внутренняго, благороднаго самоудовольствія.... Невинныя игры съ дѣтьми часто служатъ родителямъ самымъ пріятнымъ отдохновеніемъ послѣ трудовъ.

Сынъ Расина разсказываетъ въ своихъ запискахъ:

«Il était de tous nos jeux; je me souviens de processions, dans lesquelles mes soeurs étaient le clergé, j'étais le curé et l'auteur d'Athalie, chantant avec nous, portait la croix».

Въ этихъ простыхъ играхъ Расинъ, по-моему, величественнѣе, нежели посреди придворныхъ, осыпанныхъ золотомъ и ожидающихъ выхода короля въ Луврѣ.

Расинъ же отказался отъ приглашенія къ обѣду знатнаго и могущественнаго министра, по той причинѣ, что жена изжарила ему отличную рыбу, и что онъ далъ слово дѣтямъ отобѣдать съ ними.

Извѣстный профессоръ математики Хáузенъ прервалъ однажды лекцію, услышавъ плачъ своего ребенка; онъ поспѣшно оставилъ своихъ слушателей, но вскорѣ вернулся съ ребенкомъ, и покачивая его на колѣняхъ, преспокойно продолжалъ лекцію....

Вникните въ эти, по-видимому, незначительные примѣры, и вы увидитѐ, что въ нихъ заключается глубокій смыслъ, говорящій въ пользу понятій *отсталыхъ отъ вѣка*....

. . . . . .

— Дитя мое, говорила Юлія Карловна, лаская дочь: я виновата передъ тобою. Не предвидя ни съ которой стороны опасности, я не сочла нужнымъ предупредить тебя, и вотъ отчего письмо это произвело на тебя такое сильное впечатлѣніе. Не предотвративъ удара, я, по-крайней-мѣрѣ, постараюсь вылечить рану, нанесенную имъ твоему невинному, чистому сердцу. Аннета, поговоримъ о твоей будущей жизни....

Скоро и съ изумленіемъ подняла молодая дѣвушка свѣтлый взоръ на мать.... слезы отуманили зрѣніе ея, и печально, стыдливо, опустила она опять глаза.

— Дитя мое, продолжала Юлія Карловна: то время, когда ты оставишь родительскій домъ, приближается.... Тотъ, кому Провидѣніе назначило тебя въ подруги, спутницы жизни, явится. Ты выйдешь за-мужъ. Не плачь, другъ мой, это общая участь женщины. Быть-можетъ, ты сама изберешь себѣ мужа; быть-можетъ, согласишься на нашъ выборъ. Принуждать мы тебя не станемъ; но во всякомъ

случаѣ согласіе должно быть обоюдно: наше—опытное; твое—сердечное....

Аннета съ чувствомъ и нѣмою признательностію поцѣловала руку матери.

— Но замѣть, дитя мое, продолжала послѣдняя: что только прямыя, открытыя дѣйствія могутъ быть вѣрнымъ залогомъ твоего будущаго счастія. Человѣкъ, прибѣгающій къ хитростямъ, недостойнымъ уловкамъ, не питаетъ къ тебѣ должнаго уваженія, ибо считаетъ тебя способною измѣнить твоимъ обязанностямъ въ отношеніи къ намъ.... Берегись, дитя мое! такой человѣкъ можетъ въ-послѣдствіи обратить на тебя же свое собственное преступленіе....

Молодая дѣвушка съ боязнію посмотрѣла на мать.

— Да, сказала Юлія Карловна нѣсколько строгимъ голосомъ: онъ можетъ въ-послѣдствіи упрекнуть тебя въ поведеніи, за которое теперь обѣщаетъ вѣчную признательность и любовь....

— Это ужасно! произнесла Аннета едва слышнымъ голосомъ.

— Ужасно, но справедливо.

Сердце молодой дѣвушки дрогнуло послѣ строгаго, рѣшительнаго приговора матери.

— Человѣкъ этотъ, продолжала Юлія Карловна, холодно указавъ на письмо: не смотря на всѣ свои увѣренія,— не любитъ тебя.

И Юлія Карловна пристально взглянула на дочь.

— Не любитъ? повторила послѣдняя съ ангельскимъ простодушіемъ. Развѣ вы его знаете?

— Нѣтъ, но поведеніе его служитъ тому доказательствомъ.

— Я васъ не понимаю, простосердечно возразила Аннета.

— Онъ любитъ *себя* болѣе, нежели *тебя*, потому-что для удовлетворенія *своей любви*, не боится жертвовать или, по-крайней-мѣрѣ, подвергать опасности *твое доброе имя*.... А что дороже женщинѣ добраго имени? Отъ него зависитъ не только собственное счастіе и спокойствіе ея, но и гордость родителей, любовь мужа, уваженіе дѣтей....

Юлія Карловна поцѣловала дочь, утерла слезы ея, и замолчала, съ намѣреніемъ предоставивъ молодую дѣвушку собственнымъ размышленіямъ.

Нѣсколько минутъ молчала Аннета, опустивъ голову на грудь; нѣсколько минутъ длилась борьба между прежними, странными, безотчетными ощущеніями ея и раз-

судительностію словъ матери.... Наконецъ, послѣдняя одержала верхъ.

Аннета крѣпко пожала руку Юліи Карловны, и отвѣчала тихимъ, спокойнымъ голосомъ:

— Маменька, не скрываю отъ васъ, что сердце мое не совсѣмъ еще освободилось отъ тягостнаго, незнакомаго мнѣ ощущенія, которое завладѣло имъ съ Новаго-года.... не даю вамъ слова, что оно не будетъ имѣть вліянія на рѣшеніе моей будущей судьбы....

Въ это самое время вошла Татьяна Ивановна.

Читатель уже знаетъ, чѣмъ кончился разговоръ старой дѣвы съ матерью Аннеты.

ГЛАВА II.

Передъ обѣдомъ.

Новая перемѣна произошла съ Аннетой, въ-слѣдствіе послѣдняго происшествія.

Оно внезапно развило характеръ молодой дѣвушки, наслѣдовавшей кротость и добродушіе отца, вмѣстѣ съ твердостью и силою воли матери. Наставленія послѣдней и собственныя размышленія Аннеты опредѣлили мѣру силъ ея. Она избрала средину между прежнею, беззаботною веселостью и недавними, безпричинными, такъ-сказать, но горкими слезами.

Знакомые не узнавали Аннеты. Лицо ея приняло нѣсколько задумчивое, серьозное выраженіе, по которому иногда, подобно нѣжному солнечному лучу, скользила кроткая улыбка.

Перемѣна, происшедшая съ Аннетой, была такъ внезапна, что теперь только знакомые ея замѣтили, что она уже *невѣста*, и невѣста очаровательная. Молодые люди, до-сихъ-поръ беззаботно шутившіе съ нею, какъ съ рѣзвымъ невиннымъ ребенкомъ, вдругъ стали чувствовать

нѣкоторую робость, приближаясь къ ней, и смущались, путаясь въ недоговариваемыхъ *комплиментахъ*. Иные изъ нихъ, болѣе смѣлые и предпріимчивые, рѣшались испытать свое могущество надъ молодою дѣвушкою, и вооруживъ глаза непобѣдимымъ, плѣнительнымъ взглядомъ, высказывавшимъ цѣлый романъ влеченій и томленій, обращали ихъ на Аннету; но искуственный, фейерверочный огонь этихъ глазъ блѣднѣлъ и угасалъ передъ взоромъ Аннеты, спокойнымъ, свѣтлымъ и яснымъ, какъ душа ея.....

Предложеніе Татьяны Ивановны поразило сначала жену доктора почти непріятнымъ образомъ, и еслибъ она должна была отвѣтить въ туже минуту, то, безъ всякаго сомнѣнія, отвѣтила бы отказомъ. Между Аннетой и Захаромъ Ивановичемъ было такое огромное, нравственное и физическое разстояніе, что союзъ ихъ казался невозможнымъ. Но когда первое сердечное движеніе успокоилось, разсудокъ вступилъ въ свои права. Послѣ долгаго, спокойнаго размышленія, Юлія Карловна стала смотрѣть на разстояніе, существовавшее между ея дочерью и предлагаемымъ ей женихомъ, уже не какъ на препятствіе, а какъ на обстоятельство въ пользу союза.

Холодная, суровая, курляндская дворянка болѣе всего опасалась непрочности сильныхъ ощущеній: съ Захаромъ Ивановичемъ онѣ были невозможны. Въ теплой, умѣренной сердечной привязанности полагала она залогъ счастливой будущности дочери, а Захаръ Ивановичъ обладалъ всѣми качествами, заслуживающими такую привязаность.

Читатель уже знаетъ репутацію Опухтина, какъ человѣка служащаго, дѣловаго.

Въ частной жизни онъ слылъ человѣкомъ, не получившимъ, правда, блистательнаго воспитанія, но одареннымъ здравымъ природнымъ умомъ, не разсыпавшимся въ обществѣ мелочными, пустыми блесками, но сосредоточивавшимся въ обязанностяхъ службы.

Сужденіе это основывалось на томъ, что Захаръ Ивановичъ игралъ въ карты съ глубокою обдуманностью, и всегда могъ представить горячему партнеру резоны, по которымъ онъ сходилъ такъ, а не иначе.

Обхожденіе Опухтина съ сестрою служило неопровержимымъ доказательствомъ его кротости и доброты. Уваженіе къ престарѣлому отцу, впавшему въ дѣтство, изобличало душу благородную. Что же касается до честно-

сти Захара Ивановича, то даже тотъ, кто *не зналъ* его, не могъ ни на мгновеніе усомниться въ ней. Скромная, порядочная жизнь, не лишенная ни удобствъ, ни даже нѣкоторыхъ удовольствій, доказывала, что Опухтинъ умѣлъ довольствоваться малымъ; а тотъ не можетъ быть безчестенъ, кто умѣетъ довольствоваться малымъ, не отказывая себѣ въ необходимомъ.....

На этихъ данныхъ основывалось сужденіе *свѣта* о Захарѣ Ивановичѣ Опухтинѣ.

Давъ Юліи Карловнѣ время подумать, старая дѣва опять навѣстила ее.

— Подумали-ли вы, Юлія Карловна? спросила она.

— Думаю, отвѣчала жена доктора.

Легкое пожатіе руки и ласковый взглядъ, сопровождавшіе это слово, наполнили сердце Татьяны Ивановны надеждой.

Время проходило; наступилъ Великій-постъ. Захаръ Ивановичъ, вообразившій, что дѣло будетъ улажено передъ масляницей, въ недѣлю многочисленныхъ жертвоприношеній Гименею, начиналъ унывать, не смотря на доводы болѣе терпѣливой сестрицы.

Захаръ Ивановичъ напрасно унывалъ, потому-что въ домѣ доктора первая, труднѣйшая партія была выиграна. Юлія Карловна рѣшилась. Оставалось объясниться съ Ѳедоромъ Ивановичемъ и получить согласіе Аннеты.

На четвертой недѣлѣ поста, докторъ однажды, передъ обѣдомъ, ранѣе обыкновеннаго вернулся домой. Онъ пришелъ съ деньгами, а потому пригласилъ жену въ кабинетъ, чтобы, по обыкновенію, отдать ей отчетъ.

Юлія Карловна рѣшилась воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы объясниться съ мужемъ. Записавъ приходъ и кончивъ разсчеты, она сказала:

— Другъ мой, Господь благословилъ твои труды..... Помнишь-ли, какъ шестнадцать лѣтъ тому назадъ, ты отнесъ первую трудовую тысячу въ банкъ?....

— Помню, помню! весело отвѣчалъ докторъ: мы жили тогда на Васильевскомъ-островѣ, на Среднемъ-проспектѣ, въ деревянномъ домикѣ, на мѣстѣ котораго стоитъ теперь огромный, четырехъ-этажный домъ.... Господи! какъ все измѣняется.....

— Ты помнишь, что мы дали другъ другу слово не трогать этихъ денегъ?

— Какъ же! Мы даже разсчитали, что къ тому време-

ни, когда Анненька сдѣлается невѣстой, тысяча эта удвоится съ процентами на проценты! сказалъ Ѳедоръ Ивановичъ съ добродушнымъ самодовольствіемъ.

Юлія Карловна, перелистывая свою записную книгу, принялась, съ аккуратностью казначея, высчитывать постепенное умноженіе скромнаго капитала придаточными суммами, процентами, процентами на проценты, процентами на проценты процентовъ и такъ далѣе.

Ѳедоръ Ивановичъ, по временамъ, поддакивалъ головою и слушалъ разсѣянно или, лучше сказать, вовсе не слушалъ; не смотря на то на свѣжемъ, добродушномъ лицѣ его была пріятная улыбка; но ее вызвали не сотни и тысячи, высчитываемыя Юліею Карловной, а пріятное звучанье тарелокъ, ложекъ, вилокъ и ножей!....

Въ сосѣдней комнатѣ накрывали на столъ.

— Въ послѣдніе пять лѣтъ, продолжала Юлія Карловна тѣмъ монотоннымъ голосомъ, который какъ бы придуманъ для разговоровъ о деньгахъ: — въ послѣдніе пять лѣтъ ты ежегодно относилъ въ банкъ до десяти тысячъ рублей..... Прошлаго года даже одиннадцать тысячъ и триста семьдесятъ рублей.....

— Гм-гм! произнесъ Ѳедоръ Ивановичъ, пріискивавшій въ эту минуту причину страннаго переворота въ болѣзни одного изъ паціентовъ его.

— Еще четырнадцать тысячъ и нѣсколько сотенъ, и приданое Аннеты округлится: у нея будетъ сто тысячъ рублей.

— Ого!.... Если бъ я началъ съ такими деньгами.....

— Такъ ты промоталъ бы ихъ очень скоро, перебила его жена.

— Ты думаешь? спросилъ докторъ, весело засмѣявшись. Признаться сказать, если бъ не ты, такъ у Анненьки не было бы такого приданаго, прибавилъ онъ, пожавъ руку жены.

Читатель видитъ, что Агафья Степановна не ошиблась, сообщивъ старой дѣвѣ, что у Аннеты будетъ около восьмидесяти тысячъ приданаго. Какъ она узнала объ этомъ?.. Юлія Карловна никому не повѣряла этого; самъ докторъ въ первый разъ узналъ въ точности сумму своего состоянія.....

Отъ кого же узнала Агафья Степановна?

— Говорятъ, батюшка; слухъ носится, отвѣчала бы она, еслибы ее спросили о томъ.

Одно слово, нечаянно сказанное, ловко подхваченное, пополняется догадками, соображеніями, замѣчаніями, растетъ, распространяется, становится общимъ достояніемъ, и приукрашенное, приумноженное въ видѣ *носящагося слуха*, часто возвращается къ тому же, кто первый пустилъ его въ свѣтъ.....

Смотря по степени догадливости или довѣрчивости людей, распространяющихъ слухъ, онъ болѣе или менѣе приближается къ истинѣ.

— Половину этой суммы, продолжала Юлія Карловна: Аннета получитъ когда выйдетъ за̀-мужъ, а другую послѣ нашей смерти.

— Гм-гм! отвѣчалъ докторъ, посмотрѣвъ на часы.

До обѣда оставалось еще четверть часа.

— Вторую половину мы отпишемъ.....

— Ахъ, постой, другъ мой..... Прислалъ Шварцкопфъ ящикъ вина?

Юлія Карловна насупила брови.

— Я удивляюсь, сказала она сухо: что ты прерываешь меня такими пустыми вопросами, когда я говорю тебѣ о будущности дочери.

— Ну, ну, не сердись! Я слушаю.

Ѳедоръ Ивановичъ опустился въ кресла и сложилъ руки на груди.

— Вторую половину, продолжала жена его: мы отпишемъ на дѣтей Аннеты.....

Докторъ засмѣялся.

— На дѣтей! вскричалъ онъ. Боже мой! она сама еще ребенокъ!.... На дѣтей! До этого еще далеко.

Не такъ далеко, какъ ты думаешь.

— Что̀-о-о? спросилъ Ѳедоръ Ивановичъ, и лицо его вытянулось.

— Аннетѣ девятнадцатый годъ. Ей пора за̀-мужъ.

— Ну, и выйдетъ, коли явится добрый, благородный женихъ, отвѣчалъ докторъ, пожавъ плечами.

— Женихъ явился.

Ѳедоръ Ивановичъ поморщился. Разговоръ принималъ слишкомъ серьозный оборотъ, особенно передъ обѣдомъ

— Аннета любитъ кого-нибудь? спросилъ докторъ.

— Нѣтъ, отвѣчала жена его нерѣшительно: но рукѝ ея проситъ человѣкъ, прекрасный во многихъ отношеніяхъ.

— Ага! произнесъ Ѳедоръ Ивановичъ, вздохнувъ свободнѣе: во многихъ отношеніяхъ, говоришь ты? Это не-

достаточно; я бы желалъ, чтобы онъ былъ прекрасный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ.

— Если бы я, двадцать лѣтъ тому назадъ, была бы этого мнѣнія, то по-сію-пору сидѣла бы въ дѣвицахъ, возразила Юлія Карловна съ нѣкоторою колкостію, вызванною отвѣтами мужа, въ которыхъ проявлялось начало оппозиціи.

Докторъ замѣтилъ тучу, предвѣстницу грозы, и опасаясь испортить аппетитъ, придалъ лицу своему ласковое выраженіе, и отвѣчалъ:

— Ты права, другъ мой; совершенства нѣтъ на свѣтѣ. Скажи же мнѣ, кто сватается?

Юлія Карловна помолчала. Ѳедоръ Ивановичъ почти машинально посмотрѣлъ на часы. До обѣда осталось пять минутъ.

— Захаръ Ивановичъ, отвѣчала Юлія Карловна.

Докторъ разинулъ ротъ и вытаращилъ глаза.

— Какой Захаръ Ивановичъ? спросилъ онъ.

— Опухтинъ.

Ѳедоръ Ивановичъ продолжалъ смотрѣть на жену, держа въ лѣвой рукѣ часы и забывая спрятать ихъ въ карманъ.

— Что̀ вы, шутите, Юлія Карловна? спросилъ онъ, наконецъ очень серьозно.

— Вы знаете, что я не охотница до шутокъ, отвѣчала она съ гордостію.

— Опухтинъ! вскричалъ Ѳедоръ Ивановичъ, спрятавъ наконецъ часы въ карманъ: лучше отдайте нашу дочь за отца Опухтина!

— Зачѣмъ же вы принимаете Захара Ивановича, коли имѣете о немъ дурное мнѣніе?

— Какое дурное мнѣніе? Совсѣмъ нѣтъ! вскричалъ докторъ, невольно разгорячаясь: Захаръ Ивановичъ добрый и честный человѣкъ, я люблю, уважаю его, но.... но.... но онъ не женихъ Аннетѣ!

— Отчего, Захаръ Ивановичъ?...

— Оттого, оттого, оттого, что не женихъ! съ сердцемъ вскричалъ Ѳедоръ Ивановичъ.

Дверь отворилась.

— Кушанье подано! доложилъ лакей, и исчезъ.

Эти два слова произвели на доктора необыкновенное впечатлѣніе. Онъ вскричалъ и сталъ прохаживаться скорыми шагами, какъ бы желая сильнымъ движеніемъ возстановить разстроившійся аппетитъ.

— Пойдемте обѣдать, сказала Юлія Карловна спокойнымъ голосомъ: вы послѣ выслушаете меня.

— Ни послѣ, ни теперь, никогда! Я не хочу жертвовать своимъ ребенкомъ!

— Пойдемте обѣдать; супъ простынетъ, возразила Юлія Карловна съ саркастическимъ спокойствіемъ.

Докторъ сердито пожалъ плечами, и пошелъ въ столовую.

У Ѳедора Ивановича была отличная водка, плодъ долгихъ ученыхъ соображеній. Одна рюмка, величиною съ наперстокъ, возстановляла самый разстроенный аппетитъ. Но и водка не помогла. Обѣдъ пропалъ. Ѳедоръ Ивановичъ ѣлъ, но ни одно кушанье не понравилось ему.

Добросовѣстно и усердно исполняя обязанности человѣка и гражданина, Ѳедоръ Ивановичъ дорожилъ земными благами. Онъ пользовался ими, какъ добромъ заслуженнымъ, и, постоянно добрый и кроткій, онъ выходилъ изъ себя, если кто-либо, или что̀-либо препятствовало ему наслаждаться этимъ добромъ.

И когда на столѣ явилось одно изъ любимыхъ блюдъ Ѳедора Ивановича, цыплята съ рисомъ подъ бѣлымъ кисленькимъ соусомъ, имъ овладѣла такая досада, что онъ толкнулъ тарелку на полъ, притворившись, что уронилъ ее нечаянно. Ни въ цыплятахъ, ни въ рисѣ, ни въ соусѣ, бѣдный докторъ не находилъ никакого вкуса и, вмѣстѣ съ тѣмъ, гнѣвъ его возрастàлъ такъ быстро, что, не дождавшись жаркаго, онъ всталъ, бросилъ салфетку, и ушелъ въ кабинетъ.

— Что̀ съ папенькой? съ участіемъ спросила Анета.

— Одинъ изъ выздоравливавшихъ паціентовъ занемогъ пуще прежняго, потому-что не послушался предписаній его, спокойно отвѣчала Юлія Карловна.

— Бѣдный папенька!

ГЛАВА III.

После обѣда.

Ѳедоръ Ивановичъ прохаживался по кабинету, въ сильномъ волненіи.

Аннета вошла къ нему, съ чашкой кофе; тихо поставила она ее на столъ, потомъ подошла къ отцу, обняла его одною рукою, а другою погладила по щекѣ, смотря ему въ глаза съ нѣжнымъ участіемъ и любовію.

— Бѣдный папенька, произнесла она: какъ тебя безпокоятъ!

Докторъ остановился, посмотрѣлъ на дочь, и лицо его прояснилось. Аннета была очаровательна.

Ѳедоръ Ивановичъ поцѣловалъ ее въ лобъ, погладилъ по головѣ, и прижавъ ее къ себѣ, проговорилъ:

— Вздоръ! пустяки! Этому не бывать. Гдѣ можно было молчать, тамъ я молчалъ.... Но въ этомъ случаѣ я докажу, что и у меня есть своя воля.

— Что̀ вы говорите, папенька, спросила молодая дѣвушка, не понимая смысла словъ его.

— Я говорю, что ты еще дитя, ребенокъ!

— Э, папенька! Мнѣ девятнадцатый годъ, возразила Аннета, улыбаясь и кивнувъ головою.

— Девятнадцатый! проворчалъ Ѳедоръ Ивановичъ: а ему, я думаю, ужъ по̀дъ-сорокъ!

— Кому? спросила Аннета съ изумленіемъ.

Въ это самое время Юлія Карловна скорыми шагами приближалась къ кабинету; не доходя до полурастворенной двери, она остановилась. Предполагая, что мужъ ея не замедлитъ заговорить съ Аннетой объ Опухтинѣ, она хотѣла узнать, какое впечатлѣніе произведетъ на молодую дѣвушку это имя. Юлія Карловна сѣла къ окну столовой, откуда могла слышать каждое слово разговора отца съ дочерью.

— Кому подъ-сорокъ? повторила послѣняя, когда отецъ не отвѣчалъ на первый вопросъ ея.

Ѳедоръ Ивановичъ прокашлялся, прошелся по кабинету, и сѣлъ на кушетку.

— Сядь сюда, сказалъ онъ Аннетѣ, указавъ на мѣсто возлѣ себя.

Молодая дѣвушка подвинула къ кушеткѣ круглый столикъ чорнаго дерева и поставила на него чашку кофе; потомъ достала изъ ящика сигару, взяла съ письменнаго стола жестяную коробочку со спичками, и возвратившись къ отцу, граціозно-игривымъ движеніемъ подала ему сигару.

Докторъ съ отеческимъ восторгомъ слѣдилъ за всѣми движеніями молодой дѣвушки. Гнѣвъ его разсѣялся. Улыбаясь, закурилъ онъ сигару, и съ наслажденіемъ отвѣдалъ кофе.

— Я сижу, папенька, сказала Аннета шутливо, послѣ минутнаго молчанія.

Рѣшимость покидала Ѳедора Ивановича; онъ уже не считалъ нужнымъ говорить дочери объ Опухтинѣ.

— Ты хотѣлъ говорить со мною, продолжала она.

— Да, да.... впрочемъ.... лучше въ другой разъ; успѣемъ еще!

Любопытство молодой дѣвушки было возбуждено.

— Зачѣмъ въ другой разъ?... Ты такъ рѣдко бываешь дома.... Говори, папенька,—сказала она, ласкаясь къ отцу: что̀ ты хотѣлъ сказать:

Ѳедоръ Ивановичъ погладилъ подбородокъ, побарабанилъ пальцами по столу, стряхнулъ пепелъ сигары въ песочницу, хлебнулъ кофе, и сдѣлавъ такимъ образомъ все, что̀ можно было сдѣлать, чтобы выиграть время, прокашлялся и принялъ серьозный видъ.

— Другъ мой....

Ѳедоръ Ивановичъ взялъ маленькую, нѣжную ручку дочери, погладилъ ее, потомъ въ разѣянности и по привычкѣ сталъ щупать ей пульсъ.

Аннета засмѣялась.

— Постой, постой.... сказалъ докторъ, удерживая дочь, намѣревавшуюся встать. Скажи мнѣ, Анненька.... скажи мнѣ.... хочешь выйдти за̀-мужъ?

Улыбка исчезла съ лица молодой дѣвушки; она пристально посмотрѣла на отца, и отрицательно покачала головой.

— Отчего не хочешь?...

Аннета опустила глаза, и не отвѣчая, слегка пожала плечами.

— Но.... если кто посватается? продолжалъ докторъ.

Грудь молодой дѣвушки стала высоко подниматься.

— Скажи мнѣ откровенно, не отличила ли ты кого-нибудь между знакомыми намъ молодыми людьми? спросилъ отецъ.

— Никого, спокойно отвѣчала Аннета.

— А между-тѣмъ одинъ изъ нихъ проситъ твоей руки....

Сердце Аннеты невольно сжалось.

— Я безпрекословно выйду за человѣка, котораго вы изберете для меня, отвѣчала она тихимъ голосомъ.

Докторъ съ изумленіемъ взглянулъ на дочь.

— Другъ мой, сказалъ онъ серьозно: чтобы соединить свою судьбу съ человѣкомъ, надобно полюбить его.

— Могу-ли я не полюбить того, кого вы полюбите?... отвѣчала Аннета искренно, непритворно.

— Ага! Я вижу, что Юлія Карловна уже подготовила ее, подумалъ Ѳедоръ Ивановичъ; потомъ, съ состраданіемъ посмотрѣвъ на дочь, онъ произнесъ вслухъ: Дитя! Ты даже не спрашиваешь меня, какъ зовутъ того, кто сватается?

— Я думала, что вы сами назовете его.

— Угадай.

Аннета задумалась; но ни одинъ изъ знакомыхъ не представился уму ея.... Невольно вспомнила она о незнакомцѣ, о безъимянномъ письмѣ....

— Хочешь, я помогу тебѣ! спросилъ Ѳедоръ Ивановичъ послѣ минутнаго молчанія. Я назову тебѣ всѣхъ нашихъ знакомыхъ.

Молодая дѣвушка утвердительно кивнула головой.

— Ненашевъ? спросилъ докторъ.

Аннета скоро подняла голову, но, какъ бы вспомнивъ о чемъ-то улыбнулась и покачала головой.

— Нѣтъ сказала она: онъ женихъ Машеньки Лебедевой.

— Робергъ?

— Нѣтъ онъ слишкомъ молодъ.

— Санинъ?

— Нѣтъ.

— Отчего не онъ? спросилъ докторъ.

— Онъ все танцуетъ съ Надиной, отвѣчала Аннета улыбнувшись.

Ѳедоръ Ивановичъ продолжалъ называть всѣхъ знакомыхъ молодыхъ людей; при иныхъ именахъ молодая дѣвушка съ безпокойствомъ посматривала на отца, но замѣтивъ

на лицѣ его добродушно-лукавую улыбку, смѣло отвѣчала отрицательно.

— Кто же еще? сказалъ наконецъ, Ѳедоръ Ивановичъ, приставивъ палецъ ко лбу и какъ-бы стараясь припомнить: о Робертѣ я уже упоминалъ.... о Непашевѣ тоже.... ага! совсѣмъ забылъ; Захаръ Ивановичъ?

И докторъ пристально и съ боязнію взглянулъ на дочь.

Во время предшествовавшаго разговора сердце Аннеты облегчилось; она почти убѣдилась въ томъ, что отецъ ея только пошутилъ. При имени же Захара Ивановича она весело и громко засмѣялась,

Свинцовая тяжесть спала съ груди Ѳедора Ивановича, и потирая руки, онъ сталъ вторить смѣху дочери.

— Помнишь, продолжалъ, развеселившись Ѳедоръ Ивановичъ: помнишь, какъ онъ былъ хорошъ въ испанскомъ костюмѣ....

Молодая дѣвушка внезапно перестала смѣяться.

— Папенька, сказала она съ раскаяніемъ: мы смѣемся надъ ними, а они такіе добрые....

— Конечно, конечно, но признайся, что онъ явился въ залу довольно забавнымъ образомъ....

Но Аннета уже не смѣялась. Вечеръ, о которомъ напоминалъ ея отецъ, оставилъ въ ней другое, тягостное воспоминаніе.

— Не правда ли, папенька, спросила она тихимъ голосомъ и взявъ руку отца: вы не думаете отдавать меня за-мужъ?... вы только пошутили?

— Разумѣется! отвѣчалъ Ѳедоръ Ивановичъ съ торжествующимъ видомъ. (Онъ вспомнилъ о женѣ.) Разумѣется Я хотѣлъ только попугать тебя! Я пошутилъ....

— Нѣтъ, отецъ твой не шутилъ, произнесла строгимъ голосомъ Юлія Карловна, входя въ кабинетъ.

Она затворила за собою дверь, сѣла въ кресла передъ кушеткой, и серьозно посмотрѣвъ на дочь, повторила:

— Нѣтъ Аннета, отецъ твой не пошутилъ.

Наступило глубокое молчаніе.

Молодая дѣвушка съ невыразимою боязнію смотрѣла на мать.

Ѳедоръ Ивановичъ насупилъ брови, пожалъ плечами, и сказалъ женѣ:

— Если бъ ты слышала нашъ разговоръ, такъ....

— Я все слышала, холодно перебила его Юлія Карловна.

— Стало-быть ты знаешь, что̀, или лучше сказать, чѣмъ отвѣчала мнѣ Аннета, когда я назвалъ....

— Ѳедоръ Ивановичъ, позвольте *мнѣ* теперь сказать два слова, сказала Юлія Карловна съ прежнею холодностью.

— Говорите, но это ни къ чему не поведетъ! нетерпѣливо возразилъ докторъ, бросивъ конецъ сигары въ песочницу и скрестивъ руки на груди.

Юлія Карловна приблизилась къ дочери, взяла руку ея, и смотря на нее съ сердечнымъ участіемъ, сказала:

— Аннета, отецъ твой не шутилъ.... Къ тебѣ сватается Захаръ Ивановичъ.

Теперь молодая дѣвушка не засмѣялась. Онъ видѣла, что мать ея говорила серьозно.

— Другъ мой, продолжала жена доктора: я уже говорила тебѣ, что мы тебя принуждать не станемъ....

— А! вотъ это дѣло! вскричалъ Ѳедоръ Ивановичъ. Отвѣчай же рѣшительно, Аннета: да или нѣтъ?

— Нѣтъ, не отвѣчай еще! съ живостію возразила Юлія Карловна. Лучше подумай. Обстоятельство это такъ важно, что съ перваго слова не можетъ быть рѣшено.... Я не скрою отъ тебя, дитя мое, что, по моему мнѣнію, ты ни съ кѣмъ не будешь такъ счастлива, какъ съ Захаромъ Ивановичемъ... Не перебивайте меня Ѳедоръ Ивановичъ, продолжала Юлія Карловна, замѣтивъ движеніе доктора: не перебивайте меня.... Я надѣюсь, что вы не сомнѣваетесь въ моей привязанности къ Аннетѣ и въ моей материнской заботливости о счастіи ея, а потому позвольте мнѣ объясниться, позвольте мнѣ изложить причины, заставляющія меня желать союза съ Захаромъ Ивановичемъ.... Я очень хорошо знаю, что ни наружность, ни пріемы, ни обращеніе Опухтина не могутъ плѣнить молодой дѣвушки. Но что̀ наружный блескъ, что̀ свѣтскость въ сравненіи съ внутренними, душевными качествами? А Захаръ Ивановичъ прекрасный, добрый, кроткій человѣкъ. Онъ не возбудитъ въ сердцѣ Аннеты пылкихъ, но непостоянныхъ ощущеній; за то онъ заслужитъ тихую, нѣжную привязанность, дружбу.... И спокойствіе, счастіе цѣлой жизни вознаградитъ Аннету за отреченіе отъ сильныхъ, но краткихъ мгновеній этого мнимаго счастія, которое, подобно пламени, часто оставляетъ въ сердцѣ неизлечимыя раны или вовсе выжигаетъ его.... Повѣрь мнѣ, Аннета, чѣмъ медленнѣе, спокойнѣе разовьется въ твоемъ сердцѣ привязанность къ твоему будущему мужу, тѣмъ она будетъ прочнѣе, и тѣмъ ты сама будешь счастливѣе....

Юлія Карловна утерла слезы, выступившія на глазахъ ея, и продолжала взволнованнымъ голосомъ:

— Подумай, Аннета; и если черезъ мѣсяцъ, черезъ два, ты не свыкнешься съ мыслію сдѣлаться женою Опухтина, если, по прошествіи нѣкотораго времени, ты скажешь мнѣ, что не хочешь, не можешь выйдти за Захара Ивановича, тогда я приму отказъ твой безъ малѣйшаго неудовольствія....

Въ каждомъ словѣ Юліи Карловны проявлялась искренняя любовь, но любовь благоразумная, разсудительная, почти холодная. Она имѣла въ виду счастіе дочери, но по-своему понимала это счастіе. Юлія Карловна сама никогда не знала пламенной любви; сердце ея не сохранило ни одного изъ воспоминаній, вызывающихъ улыбку юности на лицо, обрамленное сѣдинами, и потому она такъ спокойно, такъ холодно разсуждала о томъ, что любовь есть излишняя, даже вредная роскошь сердца, безъ которой очень хорошо можно обойдтись....

Но—природа отказывается отъ своихъ правъ только тогда, когда теряетъ сознаніе ихъ.

Идея любви запала въ умъ молодой дѣвушки; потребность любви пробудилась уже въ сердцѣ ея, свѣжемъ, полномъ жизни и дѣвственнаго, чистаго предчувствія духовныхъ наслажденій любви.... Не узнавъ этихъ наслажденій, Аннета не могла имѣть понятія о непостоянствѣ ихъ.

Но пройдти жизнь, не вкусивъ этихъ наслажденій—грустно. Купить спокойствіе отреченіемъ отъ нихъ, значитъ обрѣчь себя на вѣчный мракъ, отказаться отъ солнца, чтобы не видѣть тучь, иногда заслоняющихъ его....

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе послѣ словъ Юліи Карловны.

Ѳедоръ Ивановичъ задумчиво стучалъ пальцами по столу.

Аннета сидѣла возлѣ него, и изъ-подъ длинныхъ, опущенныхъ рѣсницъ ея катились двѣ слезинки по разгорѣвшимся щекамъ.

Наконецъ молодая дѣвушка встала, бросилась въ объятія матери, и опустила лицо на плечо ея.

— Я подумаю, маменька! произнесла она тихимъ, прерывающимся голосомъ.

— Да, да, сказалъ Ѳедоръ Ивановичъ, растроганный до слезъ: мѣсяца черезъ два ты дашь намъ отвѣтъ.... Откажешь на-отрѣзъ, проворчалъ онъ про себя: я буду антидотомъ слишкомъ благоразумныхъ совѣтовъ и наставленій Юліи Карловны!...

ГЛАВА IV.

Чему быть, того не миновать.

Постъ приближался къ концу. Татьяна Ивановна, желая обрадовать братца къ Свѣтлому-Празднику радостнымъ извѣстіемъ, нѣсколько разъ заходила къ доктору, но все не получала никакого отвѣта. Захаръ же Ивановичъ вовсе не показывался въ домѣ доктора, съ тѣхъ поръ, какъ сестра его сосватала.

— Вѣрите-ли, Юлія Карловна, сказала однажды старая дѣва женѣ доктора: братецъ самъ не свой; ходитъ повѣся голову, и такъ тоскуетъ, что на себя сталъ не похожъ.

— О чемъ же онъ тоскуетъ? спросила Юлія Карловна.

— Боится, чтобы отказъ не разстроилъ счастія всей его жизни.

Юлія Карловна не отвѣчала. Она была такъ честна, добросовѣстна, что не хотѣла даже вымолвить слова утѣшенія, чтобы не подать Татьянѣ Ивановнѣ преждевременной надежды.

— Ахъ, милая Юлія Карловна! продолжала старая дѣва: я бы желала, чтобы вы слышали, съ какимъ чувствомъ онъ говоритъ о томъ, какъ будетъ любить и лелѣять Анну Ѳедоровну! Повѣрите-ли, еслибъ я не удержала его, такъ онъ поставилъ бы весь домъ вверхъ дномъ. Полы, говоритъ, надобно перекрасить, обои перемѣнить, новую мебель купить.... Я, говоритъ, хочу встрѣтить Анну Ѳедоровну какъ принцессу!... Не далѣе, какъ на прошлой недѣлѣ, онъ торговалъ коверъ въ пятьсотъ рублей.—Хочу, говоритъ, чтобы ножкамъ Анны Ѳедоровны мягко было.... Вотъ это платье, что на мнѣ, онъ подарилъ мнѣ за мое сватовство.... Такой, право, ребенокъ!

— Скажите ему что черезъ мѣсяцъ, много черезъ полтора, онъ получитъ рѣшительный отвѣтъ.

— Либо да либо нѣтъ!

Жена доктора кивнула головой и отвѣчала:

— Надѣюсь, что каковъ бы ни былъ отвѣтъ, мы останемся въ прежнихъ дружескихъ сношеніяхъ.

Татьяна Ивановна вздохнула и пожала руку хозяйкѣ.

— Повѣрьте, продолжала послѣдняя: что мы искренно любимъ и уважаемъ васъ.... и что касается до меня, то я лучшаго мужа не могу желать Аннетѣ...

Юлія Карловна замолчала; она уже сказаза болѣе, нежели хотѣла.

Не смотря на всю осторожность матери Аннеты, послѣднія слова ея внушили старой дѣвѣ совершенную увѣренность въ успѣхѣ, ибо она знала, что въ семействѣ доктора была одна воля,—воля Юліи Карловны.

— Ну, братецъ, сказала Татьяна Ивановна, вернувшись домой: дѣло, можно сказать, покончено, и дастъ Богъ. къ веснѣ будетъ обрученіе....

— Получили согласіе? радостно вскричалъ Захаръ Ивановичъ, и протянулъ руку къ бумажнику.

— Формальнаго согласія еще не получила, но Юлія Карловна сказала, что лучшаго мужа не можетъ желать своей дочери.

Захаръ Ивановичъ оставилъ бумажникъ въ покоѣ, и вполнѣ раздѣляя мнѣніе Юліи Карловны, ограничилъ изъявленіе своей радости тѣмъ, что съ живостію потеръ руки, хлопнулъ въ ладоши, и вскрикнулъ:

— Поживемъ!

Но чтобы *пожить*, надобно было привести въ порядокъ нѣкоторыя *частныя* дѣла; тутъ протестовать, тамъ переписать заемное письмо, далѣе подать ко взысканію или получить денежки...: и никогда Кнутову, честному фактору Опухтина,. не было столько бѣготни, какъ въ послѣднее время.

Чаще всего заходилъ Кнутовъ къ Николаю Александровичу Тучинову.

По странности, не согласовавшейся съ обыкновенною осторожностію Захара Ивановича, онъ передавалъ Николаю Александровичу много денегъ въ самое короткое время, не требуя никакихъ залоговъ, и довольствуясь одними заемными письмами; но самое странное то, что Опухтинъ нѣсколько разъ самъ предлагалъ молодому человѣку деньги, и всякій разъ получивъ съ него новый документъ, приносилъ

его къ Татьянѣ Ивановнѣ, и указавъ на подпись, говорилъ, мигая лѣвымъ глазомъ:

— Что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ.

Старая дѣва злорадостно кивала головой, и когда братецъ уходилъ, предлагала старому отцу поиграть въ шашки, или безъ приглашенія запѣвала любимую пѣсню его: «*Среди долины ровныя*»...

— Добрая душа... ангельское сердце... все тебѣ.... ему ничего.... говорилъ, старикъ съ любовію и признательностію смотря на дочь.

Въ среду, на Страсной-недѣлѣ, Кнутовъ принесъ Николаю Александровичу деньги по заемному письму, подписанному наканунѣ. Букинистъ былъ еще у Тучинова, когда лакей доложилъ послѣднему, что Катерина Васильевна желаетъ поговорить съ нимъ.

Это чрезвычайно удивило молодаго человѣка.

Сношенія его съ мачихой были всегда холодны, а съ тѣхъ поръ, какъ Катерина Васильевна стала хворать, онъ не видался съ нею по цѣлымъ недѣлямъ. Взаимная мнительность, недовѣрчивость, основанная на предразсудкѣ, болѣе или менѣе справедливомъ, но увѣковѣчившемъ, такъ сказать, если не ненависть, то сильное нерасположеніе между мачихою и дѣтьми отъ перваго брака, постоянно удаляли Николая отъ Катерины Васильевны. Александръ Матвѣевичъ сначала равнодушно, а потомъ съ эгоистическимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на холодность, существовавшую между двумя близкими ему особами, передъ которыми онъ невольно сознавался виноватымъ.... Пока жена и сынъ его былъ разъединены, обвиненія ихъ были не страшны Тучинову, потому-что онъ умѣлъ окружить себя общимъ уваженіемъ, которое зажимало ротъ уединенному обвинителю или обращало вину на него же. Сближеніе же, союзъ обвинителей могъ превратить ихъ въ судей....

Этого страшился Александръ Матвѣевичъ, и когда жена въ первый разъ упрекнула его въ томъ, что онъ не съумѣлъ снискать привязанности своего старшаго сына, опасеніе его возрасло до того, что онъ не устыдился прибѣгнуть ко всевозможнымъ средствамъ для увеличенія нерасположенія между мачихой и пасынкомъ.

Передъ первою онъ раскрылъ всѣ сокровища своей отеческой души, и съ лицемѣрными слезами сожалѣлъ объ упорствѣ и скрытности Николая, исполненной ненавистнаго чувства; выхваляя способноси и познанія его, онъ со-

жалѣлъ о безхарактерности, ничтожествѣ Николая, тратившаго жизнь безъ пользы себѣ и обществу....

И Катерина Васильевна раскаявалась въ своемъ упрекѣ; она прощала мужу холодность къ сыну, потому-что подъ нею скрывалось страданіе родительскаго сердца.

Съ сыномъ Тучиновъ не входилъ въ такія *задушевныя* бесѣды; но когда Николай справлялся о здоровьѣ мачихи, Александръ Матвѣевичъ отвѣчалъ ему съ горькой усмѣшкой, что она немножко устала послѣ ночи, проведенной на балѣ; въ тоже мгновеніе, какъ бы желая разсѣять печальную мысль, онъ обращался къ дѣтямъ, съ нѣжнымъ состраданіемъ цѣловалъ ихъ, и съ выраженіемъ искренней признательности благодарилъ гувернантку за *материнскія* попеченія ея....

И Николай сожалѣлъ объ отцѣ, страданія котораго, вѣроятно, увеличивало пробужденіе совѣсти при воспоминаніи о прошедшемъ.

Что̀, кажется, могло быть вѣрнѣе разсчета Александра Матвѣевича? Но и самыя вѣрнѣйшія, по-видимому, соображенія человѣческаго ума подчиняются предопредѣленію Провидѣнія, и ведутъ часто къ цѣли, совершенно противуположной той, которую имѣлъ въ виду человѣкъ.

Фаталисты говорятъ:

Чему быть того не миновать.

Вѣра смягчила этотъ рѣшительный приговоръ, прибавивъ утѣшительное.

А быть тому, что̀ Богъ дастъ.

Справедливо, но Богъ даетъ *возмездіе*, то есть только то, что̀ человѣкъ заслужилъ употребленіемъ дарованнаго ему *произвола*.

Сближеніе Катерины Васильевны и насыпка ея должно было произойти именно изъ тѣхъ средствъ, которыя Тучиновъ употреблялъ для разъединенія ихъ.

Во время своего болѣзненнаго состоянія, Катерина Васильевна искала уединенія; она хотѣла скрыть свои страданія; естественная и весьма понятная гордость заставляла ее опасаться, чтобы кто-нибудь не открылъ оскорбительнаго для самолюбія ея источника этихъ страданій.... Но чѣмъ болѣе она удалялась отъ свѣта, тѣмъ болѣе населялось уединеніе ея собственными, тягостными и живыми мыслями; уныніе овладѣло ею; ей казалось, что она отвержена цѣлымъ миромъ....

Чтобы избавиться отъ этихъ мыслей, убивающихъ духъ,

чтобы бѣжать отъ самой себя, Катерина Васильевна вернулась къ свѣтскимъ удовольствіямъ; но и посреди шума и увлеченія ихъ, ее не покидала одна тягостная, скучная мысль, и часто, внезапно покинувъ общество, возвращалась она въ свое уединеніе.... Не одного забвенія искала Катерина Васильевна въ свѣтскихъ удовольствіяхъ; предавшись имъ, она прибѣгла къ средству, избитому, изношенному водевилистами: мнимымъ равнодушіемъ надѣялась она воротить любовь мужа, остывшую отъ совершенной увѣренности во взаимности. Только отчаяніе могло заставить бѣдную женщину прибѣгнуть къ этому средству, котораго гнушалась честная, благородная натура ея, и за минутное, лихорадочное увлеченіе она поплачивалась раскаяніемъ и стыдомъ....

Кончилось время празднествъ. Наступилъ Великій постъ.

Катерина Васильевна, бросившаяся изъ одной крайности въ другую, не находя нигдѣ утѣшенія, внезапно обратилась къ религіи. Бѣдная молодая женщина бѣжала отъ горя, страданій, а строгій, *безпристрастный* судъ свѣта, основываясь на наружности, обвинялъ ее въ прихотливости, капризахъ....

Религія доставила Катеринѣ Васильевнѣ временное утѣшеніе; съ помощію ея она уединилась въ самой себѣ, не отлучаясь отъ людей, съ которыми сближало ее религіозное чувство общей любви къ ближнему... Религія же внушила ей мысль сблизиться съ Николаемъ, и примирить его съ отцемъ. Бѣдная Катерина Васильевна ни мало не сомнѣвалась въ искренности мужа, когда онъ, почти со слезами на глазахъ, сожалѣлъ о холодности къ нему сына; слѣдовательно, примиреніемъ надѣялась она заслужить признательность и, быть-можетъ, прежнюю любовь Александра Матвѣевича....

Отправляясь въ церковь, въ Страстную-среду, въ сопровожденіи одной изъ бѣдныхъ старухъ, Катерина Васильевна послала лакея доложить Николаю Александровичу, что желаетъ поговорить съ нимъ.

Отославъ Кнутова, Николай самъ поспѣшно вышелъ на встрѣчу мачихѣ.

Увидѣвъ его, послѣдняя обратилась къ сопровождавшей ее старухѣ.

— Агафья Степановна, сказала она ей: сядьте пока въ карету, я скоро ворочусь.

— Съ Богомъ, Катерина Васильевна, съ Богомъ, отвѣчала Агафья Степановна: не торопитесь, сегодня не холодно.

— Вы позволите мнѣ зайдти къ вамъ, Николай? спросила Катерина Васильевна съ кроткою улыбкой.

— Сожалѣю, отвѣчалъ Николай вѣжливо: что привычка не дала вамъ права входить ко мнѣ безъ доклада и позволенія.

— Что̀ это? Упрекъ? съ пріятнымъ удивленіемъ спросила Катерина Васильевна, входя въ прихожую.

— Не упрекъ, а сожалѣніе.

Николай Александровичъ вышелъ въ прихожую, и минуту спустя, въ сѣни вышелъ букинистъ. Увидѣвъ Агафью Степановну, стоявшую еще на крыльцѣ, онъ поклонился ей.

— Ты откуда? спросила она тихимъ голосомъ и осмотрѣвшись.

Кнутовъ сдѣлалъ гримасу и мигнулъ глазомъ по направленію къ квартирѣ Николая Александровича.

— Что̀? спросила Агафья Степановна, взглядомъ договоривъ свою мысль.

— Вѣстимо, только подавай, а ужъ мы то есть протранжиримъ.

Старуха замигала глазами, и опять осмотрѣлась.

— Будешь у Захара Ивановича сегодня? спросила она.

— Сейчасъ иду къ нему; не знаю застану ли.

— Если застанешь, то скажи что-дескать все ладно.

— Скажу; затѣмъ счастливо оставаться.

Агафья Степановна забилась въ карету, а Кнутовъ, взваливъ мѣшокъ съ книгами на плечо, пошелъ своей дорогой.

ГЛАВА V.

Мачиха и пасынокъ.

Катерина Васильевна вошла въ кабинетъ Николая Александровича.

На ней было чорное шолковое платье, закрывавшее плечи и окаймленное вокругъ шеи кружевнымъ воротникомъ;

длинные, узкіе рукава, оканчивавшіеся кружевными же манжетками, обрисовывали худощавыя, но еще изящныя формы рукъ молодой женщины; чорная, бархатная шляпка была обвита чорнымъ вуалемъ. Чорный цвѣтъ наряда Катерины Васильевны явственнѣе выказывалъ худобу и блѣдность ея.

Николай поставилъ кресла въ камину.

— Какой счастливый случай доставляетъ мнѣ удовольствіе видѣть васъ у себя? спросилъ молодой человѣкъ, когда мачиха его сѣла.

— Счастливый случай?... Удовольствіе?... повторила она, посмотрѣвъ Николаю въ глаза. Что это? Фраза безъ идеи, или идея, случайно облеченная въ свѣтскую форму.

— Это искреннее выраженіе того, что я ощущаю въ эту минуту.

— Правда ли? спросила Катерина Васильевна, улыбаясь. Николай молча поцѣловалъ руку ея.

— Тѣмъ лучше! продолжала она. Стало-быть намъ не такъ трудно будетъ сдѣлаться друзьями, какъ я думала. Садитесь, Николай, я хочу поговорить съ вами.

Молодой человѣкъ сѣлъ, а Катерина Васильевна продолжала:

—Вотъ уже тринадцать лѣтъ, какъ я заступила мѣсто вашей матери.... Вы вздыхаете?... Простите мнѣ, Николай, съ чувствомъ прибавила молодая мачиха: мнѣ не слѣдовало пробуждать въ сердцѣ вашемъ воспоминаній, лишившихъ меня привязанности, отсутствіе которой отравляло лучшія минуты моей жизни....

Николай Александровичъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Катерину Васильевну.

— Вы удивляетесь? спросила она съ грустной улыбкой: вы не вѣрите, что мачиха можетъ дорожить привязанностію пасынка?

Николай Александровичъ не приходилъ въ себя. Каждое слово, выраженіе непритворной кротости, проявлявшейся въ голосѣ и каждомъ взглядѣ Катерины Васильевны, рѣшительно противорѣчили мнѣнію, какое онъ составилъ себѣ о ней, какъ о женщинѣ легкомысленной, прихотливой.

— Правда, продолжала она: мнѣ слѣдовало ступить первый шагъ, чтобы заставить васъ забыть ненавистное имя мачихи....

— О, Катерина Васильевна! произнесъ Николай, невольно приблизивъ свои кресла къ кресламъ молодой женщины

— Но сначала я была такъ молода, неопытна, что не поняла, какая священая обязанность лежала на мнѣ.... потомъ я была такъ счастлива, что пренебрегла этою обязанностью....

— Боже мой! Боже мой!... произнесъ Николай вполголоса, проведя руку по лбу.

— Наконецъ, признаться ли вамъ?.... Я боялась.....

— Боялись?

— Да я боялась, что вы отвергнете позднее изъявленіе привязанности, которую я не переставала питать къ вамъ; что вы упрекнете меня въ томъ, что я заняла мѣсто, принадлежавшее вашей родной матери..... Мнѣ казалось, что мои усилія, усилія женщины, почти чуждой вамъ, будутъ тщетны, коли вы сохранили въ глубинѣ сердца непріязненное чувство даже къ.....

— Говорите, говорите! въ волненіи вскричалъ Николай, когда мачиха его замолчала.

— Къ вашему отцу..... произнесла Катерина Васильевна тихимъ голосомъ: за то, что онъ ввелъ чужую въ семейство, въ которомъ жила еще память вашей матери.....

Слова эти пробудили въ молодомъ человѣкѣ горестное воспоминаніе. Онъ глубоко вздохнулъ, и опустивъ глаза, просидѣлъ нѣсколько мгновеній молча.

Катерина Васильевна смотрѣла на него съ боязненнымъ ожиданіемъ.

— Николай! сказала она нѣжнымъ голосомъ: неужели опасенія мои оправдываются? Неужели вы отвергнете мою искреннюю дружбу только потому, что я ношу ненавистное имя мачихи?.....

Глубоко тронули слова эти Николая. Быстро поднялъ онъ глаза, съ живостію схватилъ руку молодой мачихи и крѣпко прижалъ ее къ губамъ.

Радостная улыбка озарила лицо Катерины Васильевна.

— Боже мой! вскричалъ Николай Александровичъ: я не прихожу въ себя..... я не понимаю..... Ради Бога, повторите, что не ненависть, не равнодушіе удаляли васъ отъ меня; повторите, что для полноты вашего счастія вамъ не доставало моей привязанности.... Вы не повторите, какое тягостное, но вмѣстѣ съ тѣмъ сладостное впечатлѣніе произвольтъ эти слова на мое сердце!

Теперь Катерина Васильевна, въ свою очередь съ изумленіемъ посмотрѣла на молодаго человѣка. Тихо покачавъ

головою и не спуская глазъ съ Николая, сказала она послѣ минутнаго молчанія:

— Я вижу, что мы не понимали другъ друга. Клянусь вамъ, Николай, что въ теченіе тринадцати лѣтъ я всегда питала къ вамъ искреннюю привязанность, изъявленію которой недоставало только сегодняшняго объясненія.

— Господи, Господи! произнесъ молодой человѣкъ съ горестію и закрывъ лицо обѣими руками. Семейное счастіе было у меня подъ рукою, и въ продолженіе тринадцати лѣтъ, я въ кругу семейства велъ жизнь одинокую, жизнь круглаго сироты.....

— Николай, перебила его Катерина Васильевна: первый, почти неожиданный успѣхъ подаетъ мнѣ надежду разсѣять еще одно, болѣе важное недоразумѣніе.... Дайте мнѣ руку. Неправда ли, что мачиха не такъ зла, какъ вамъ казалось?

— О! я виноватъ передъ вами, съ чувствомъ вскричалъ Николай Александровичъ: вы вполнѣ заслуживаете счастіе, которымъ наслаждаетесь.....

Катерина Васильевна съ судорожною живостію зажала ротъ пасынку. Послѣднія слова его поразили сердце ея, подобно обвиненію, подобно грозному приговору.

Движеніе мачихи не ускользнуло отъ вниманія Николая, и сомнѣніе, неясное, неопредѣленное, запало въ умъ его.

— Николай! сказала молодая женщина печально: я рѣшилась, во что бы то ни стало, примирить васъ съ отцомъ...

— Примирить меня съ отцомъ? повторилъ молодой человѣкъ.

— Да! между вами тоже существуетъ недоразумѣніе.... Выслушайте меня: я знаю, что Александръ Матвѣевичъ любитъ васъ всею душою; познакомившись съ вами ближе, прибавила она съ кроткой улыбкой, я убѣдилась въ томъ, что у васъ доброе, благородное сердце..... слѣдовательно вы не можете быть злопамятны, и отецъ вашъ ошибается.....

— А! произнесъ Николай протяжно: онъ говорилъ вамъ.....?

— Онъ говорилъ мнѣ, что, не смотря на всѣ свои старанія, не могъ побѣдить нерасположенія, поселившагося въ вашемъ сердцѣ съ самаго того времени, когда я заступила мѣсто вашей матери.....

— Это говорилъ вамъ батюшка? спросилъ Николай измѣнившимся голосомъ.

— Съ горестію, часто вызывавшею слезы на глаза его.....

Николай Александровичъ поблѣднѣлъ. Онъ самъ устрашился новаго ощущенія, пробудившагося въ сердцѣ его

— Скажите мнѣ..... онъ..... вѣроятно..... поручилъ вамъ быть..... посредницею, между имъ и мною? спросилъ молодой человѣкъ съ такою боязнію, какъ будто бы отъ отвѣта мачихи зависѣла участь одного изъ святѣйшихъ вѣрованій его.

— Я готовлюсь къ причастію, спокойно отвѣчала Катерина Васильевна: и не смѣла приступить къ священному обряду, не примирившись съ тѣмъ, кого считала своимъ врагомъ.

— Но..... батюшка знаетъ, что вы здѣсь?..... Онъ совѣтовалъ вамъ придти сюда?....

— Нѣтъ, я пришла по собственному побужденію..... Мнѣ даже кажется, прибавила молодая женщина съ кроткой улыбкой,—что Александръ Матвѣевичъ считалъ наше примиреніе невозможнымъ.

— Нѣтъ! этого я не ожидалъ!..... вскричалъ Николай Александровичъ, скоро вскочивъ.

Лицо его было блѣдно, глаза сверкали, губы его дрожали; лѣвою рукою онъ судорожно сжималъ спинку кресла.

Катерина Васильевна смотрѣла на него со страхомъ, исполненнымъ сердечнаго сожалѣнія Ей казалось, что ненависть измѣнила черты молодаго человѣка, ненависть ужасная, преступная; ей казалось, что Александръ Матвѣевичъ былъ правъ, обвиняя сына въ скрытной злобѣ, непримиримой враждѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣ искренняго, сердечнаго объясненія ея съ молодымъ человѣкомъ, причина этой вражды сдѣлалась для нея неразрѣшимою загадкою.

— Что съ вами, Николай? спросила мачиха, послѣ короткаго молчанія.

— Ничего, Катерина Васильевна, отвѣчалъ Николай Александровичъ дрожащимъ голосомъ и съ легкой ироніей: я благоговѣю передъ неизмѣримою добротою вашего сердца; я не постигаю какъ, послѣ тяжкихъ обвиненій моего отца, вы могли еще сохранить надежду обратить меня, закоснѣлаго въ злобѣ, на путь истинный.....

— Вы несправедливы, Николай, серьозно возразила Катерина Васильевна: Александръ Матвѣевичъ не обвинялъ васъ; онъ повѣрилъ мнѣ, женѣ своей, тайное горькое сожалѣніе о вашемъ равнодушіи.

— А отчего не повѣрилъ онъ вамъ тайныхъ причинъ

этого..... равнодушія? спросилъ Николай рѣзкимъ голосомъ.

Грустный упрекъ выразился на лицѣ Катерины Васильевны; она хотѣлъ отвѣчать, но Николай не далъ ей вымолвить слова. Онъ схватилъ руку ея, съ чувствомъ прижалъ ее къ губамъ, и вскричалъ:

— Простите мнѣ, я оскорбилъ , огорчилъ васъ!... васъ утѣшительницу, бросившую теплый, солнечный лучъ въ холодную, пасмурную жизнь мою!.... Но клянусь вамъ, что въ душѣ моей нѣтъ и не было того ненавистнаго чувства, которое заставляетъ Александра Матвѣевича плакать и жаловаться..... Я никогда не забывалъ, что Александръ Матвѣевичъ мнѣ отецъ, не смотря на глубокую, неизлечимую рану, которую онъ нанесъ мнѣ!

— Вамъ! вскричала мачиха, всплеснувъ руками: но вы еще такъ молоды!....

— Четырнадцать лѣтъ тому назадъ я былъ еще ребенкомъ! съ горечью возразилъ Николай Александровичъ.

— Четырнадцать лѣтъ! съ ужасомъ повторила мачиха: о, Николай Александровичъ! дѣтскую непріятность вы называете неизлечимой раной!....

— Катерина Васильевна, холодно возразилъ молодой человѣкъ: отнимите у ребенка святыя вѣрованія въ честь и добродѣтель, что̀ останется въ сердцѣ его?

Катерина Васильевна вздрогнула. Глубокая, искренняя горесть, выражавшаяся на лицѣ пасынка, убѣждала ее въ томъ, что прошедшее Александра Матвѣевича скрывало чорную тайну, и сердце ея болѣзненно сжалось..... До этой минуты она вѣрила въ благородство мужа, вѣрила въ чистоту прошедшей жизни его, и на этой вѣрѣ основывала, съ самоотверженіемъ чистой души, обвиненіе противъ себя..... утѣшительное обвиненіе, препятствовавшее укорениться сомнѣнію въ благородствѣ мужа.

— Четырнадцать лѣтъ! повторила она машинально, послѣ краткаго молчанія: и вы не простили?

— Я простилъ, мрачно отвѣчалъ Николай: но *онъ* помнитъ!

Воспоминаніе о собственныхъ страданіяхъ быстро росло въ умѣ молодой женщины; болѣзненнѣе сжималось сердце, и наконецъ, какъ бы подавленная тяжестью этихъ воспоминаній, она зарыдала, закрывъ глаза платкомъ.

— Боже мой!.... и вы тоже! произнесла она съ отчаяніемъ.

— Тоже? повторилъ Николай, съ горестнымъ участіемъ и невольно приблизившись къ мачихѣ. Стало быть....

Дверь изъ прихожей отворилась.

— Николай Александровичъ, доложилъ вошедшій лакей: Александръ Матвѣевичъ просятъ васъ къ себѣ, на верхъ.

— Сейчасъ, отвѣчалъ Николай.

Лакей ушелъ.

— Ради Бога, вскричала Катерина Васильевна, скоро вставъ: ради Бога, умоляю васъ, забудьте прошедшее, примиритесь съ Александромъ Матвѣевичемъ, вѣдь онъ вашъ родной отецъ!.... Именемъ покойной матери вашей умоляю!.... Заглушите въ душѣ вашей всякое недостойное васъ чувство! Слышите-ли, Николай, именемъ вашей покойной матери, память о которой будетъ освящена моею искреннею, душевною привязанностью къ вамъ..... Николай, я уже сказала вамъ, какой важный шагъ предстоитъ мнѣ.... Отъ васъ зависитъ помочь мнѣ приступить къ священному обряду съ облегченнымъ сердцемъ, съ надеждою на лучшую будущность..... Дайте мнѣ слово, Николай, прибавила она. взявъ обѣ руки молодаго человѣка: дайте мнѣ слово, что съ этого дня вы употребите всю вашу нравственную силу, чтобы забыть..... нѣтъ! чтобы изгнать изъ памяти вашего отца тягостное воспоминаніе о прошедшемъ, котораго я не знаю и не хочу знать, для своего и нашего общаго счастія!.... Обѣщайте?....

— Клянусь, отвѣчалъ Николай Александровичъ, съ грустнымъ участіемъ смотря на мачиху, — клянусь любить васъ какъ родную мать, и свято исполнять малѣйшую вашу волю.... Клянусь любить васъ, какъ родную сестру, и неутомимо заботиться о вашемъ счастіи.....

— Вѣрю, вѣрю съ радостнымъ чувствомъ вскричала Катерина Васильевна. Какъ сынъ, вы уже ознаменовали этотъ день повиновеніемъ; какъ братъ, вы содѣлали его однимъ изъ счастливѣйшихъ дней моей жизни!.....

Николай Александровичъ проводилъ молча мачиху до кареты. Вернувшись къ себѣ, онъ опустился въ кресло, и закрылъ лицо руками.

Какъ удивились бы свѣтскіе, проспектные или кандитерскіе пріятели молодаго Тучинова, если-бъ имъ кто-нибудь сказалъ, что онъ цѣлыя десять минутъ проплакалъ, какъ ребенокъ!.....

Вспомнивъ, что его звалъ къ себѣ отецъ, Николай утеръ слезы и всталъ. Небрежно и какъ бы неохотно надѣвъ

шляпу, онъ, по привычкѣ, посмотрѣлся въ зеркало и поправилъ волосы; потомъ подошелъ къ окну, но, взглянувъ вверхъ, тотчасъ же отступилъ назадъ.

Въ окнѣ третьяго этажа противуположнаго дома увидѣлъ онъ худощавое, угловатое лицо женщины, смотрѣвшей внизъ, и прямо на окна его квартиры.

Досада выразилась на лицѣ молодаго человѣка, и съ тягостнымъ, непріятнымъ чувствомъ отправился онъ на верхъ.

ГЛАВА VI.

Два доноса.

Александръ Матвѣевичъ, вѣроятно, дурно спалъ, потому-что вышелъ къ себѣ въ кабинетъ въ весьма дурномъ расположеніи духа.

Мы забыли вамъ сказать, что Тучиновъ, получивъ отъ тетки своей въ наслѣдство большой капиталъ, вздумалъ основать какое-то обширное предпріятіе вмѣстѣ съ нѣсколькими другими капиталистами; для того онъ вышелъ въ отставку, и устроилъ контору учредившейся компаніи, съ большою канцеляріею. По просьбѣ своихъ компаніоновъ, Тучиновъ принялъ на себя званіе директора конторы. Опухтинъ, польстясь на значительное жалованье, также вышелъ въ отставку, и былъ опредѣленъ бухгалтеромъ подъ начальство Александра Матвѣевича.

Объяснивъ нами забытое обстоятельство, продолжаемъ нашъ разсказъ.

Тучиновъ, какъ мы уже сказали, вышелъ утромъ къ себѣ въ кабинетъ въ весьма дурномъ расположеніи духа.

Каммердинеръ подалъ ему на серебряномъ подносѣ нѣсколько писемъ.

Тучиновъ сталъ распечатывать ихъ и читать.

Одно письмо, неуклюжее, на грубой бумагѣ, безъ конвер-

та, запечатанное рыжимъ, бутылочнымъ сургучомъ, и написанное самымъ уродливымъ, по-видимому, поддѣланнымъ почеркомъ, обратило на себя особенное вниманіе Александра Матвѣевича.

— Кто принесъ это письмо? спросилъ онъ, не находя подписи.

— Не могу знать, ваше превосходительство, отвѣчалъ каммердинеръ.

— Такъ узнай сейчасъ! сердито вскричалъ Александръ Матвѣевичъ. Постой, не надобно, прибавилъ онъ, увидѣвъ на адресѣ печать городской почты, и продолжалъ читать.

Вотъ содержаніе этого письма:

«Ваше Превосходительство,

«Милостивѣйшій Государь,

«Александръ Матвеевичъ!

«Говорятъ, что вы покровительствуете Опухтину а онъ «етова не заслужилъ. Онъ такой дурной человѣкъ, какихъ «немного на светѣ! только умеѣтъ хорошо лицѣмѣрить, «такъ что почти никто не знаетъ, какихъ онъ свойствъ. «Онъ такой жидъ, Ваше Превосходительство, что у не«во на кватвръ, есть особой чуланъ, гдѣ всякова товару «точно втабашной лавочке! Однимъ словомъ; онъ пра«ценьщикъ и ростовщикъ! бѣретъ залогъ и два рубли на «рубль. Пасудите сами, хорошо ли такъ поступать. Если «не вѣритѣ; пошлитѣ на кватѣру къ Опухтину чтобы онъ «паказалъ свой чуланъ. Ето пишетъ вамъ чѣловѣкъ паста«ронный, ето сущая правда. Кабы не Страшная, такъ я бы «побожился. Но не вру; какъ чѣстной, благородной чѣло«вѣкъ а Опухтину не спуститѣ; чтобы справедливость была.»

— Отвратительно! проговорилъ Александръ Матвѣевичъ, презрительно бросивъ письмо на столъ. Доносы, интриги, подличанье! Да и Опухтинъ хорошъ, если правда, что онъ беретъ такіе жидовскіе проценты.

Тучиновъ закурилъ гаванскую сигару, просмотрѣлъ газеты, и съ большимъ вниманіемъ сталъ читать афишу, возвѣщавшую о праздничныхъ представленіяхъ, готовившихся на Адмиралтейской площади.

Послѣ этого Александръ Матвѣевичъ приказалъ позвать цырюльника, болѣе получаса ожидавшаго въ передней.

Выбрившись, Александръ Матвѣевичъ вымылся одеколономъ, тщательно пригладилъ волосы передъ зеркаломъ, и пошелъ сказать *bonjour* дѣтямъ.

Дѣтская находилась на концѣ, противуположномъ будуару Катерины Васильевны, и надъ самой квартирой Николая Александровича. Она состояла изъ трехъ комнатъ: двухъ для дѣтей, одной для гувернантки. Изъ комнаты послѣдней, убранной съ роскошью, болѣе яркою, цвѣтистою, нежели изящною, былъ ходъ въ одну изъ двухъ прихожихъ бельэтажа, расположеннаго такимъ образомъ, что, въ случаѣ надобности, онъ могъ быть раздѣленъ на двѣ квартиры. Прихожая, смежная съ комнатой гувернантки, была заставлена шкафами, и изъ нее никто не ходилъ на парадную лѣстницу; даже ключа не было у двери.

Александръ Матвѣевичъ, какъ добрый, заботливый отецъ семейства, каждое утро аккуратно навѣщалъ дѣтей.

При появленіи его, они радостно бросились къ нему на встрѣчу. Онъ поласкалъ ихъ, и не видя гувернантки, спросилъ, гдѣ она.

— Мадмоазель Фаваржѐ сегодня сердита, отвѣчалъ малютка, сынъ Александра Матвѣевича.

— Вы, вѣрно, были лѣнивы или непослушны, сказалъ отецъ, принявъ строгій видъ.

— Нѣтъ, папашенька, мадмоазель Фаваржѐ сердита оттого, что у ней голова болитъ, отвѣчала одна изъ дочерей.

— Зачѣмъ же вы шумите! сказалъ Александръ Матвѣевичъ тихимъ голосомъ, погрозилъ дѣтямъ пальцомъ, и подойдя къ двери въ сосѣднюю комнату, постучался.

— Кто тамъ? по-французски спросила гувернантка за дверью.

— Это я, отвѣчалъ Александръ Матвѣевичъ по-французски же, и смягчая голосъ, прибавилъ: вы нездоровы, мадмоазель?...

— Да, отрывисто отвѣчала Француженка.

— Я пошлю за докторомъ, продолжалъ Тучиновъ.

Отвѣта не было.

— Послать за докторомъ? повторилъ Александръ Матвѣевичъ.

Дверь скоро отворилась.

— Избавьте меня отъ вашихъ шарлатановъ! съ сердцемъ вскричала гувернантка, входя въ дѣтскую и не отвѣчая даже на ласковый поклонъ Тучинова.

Мадмоазель Фаваржѐ была красавица, но—она болѣе по-

ходила на актрису, нежели на гувернантку. На ней было бѣлое, утреннее платье, опоясанное ярко-малиновою шолковою лентою и обшитое дорогими кружевами; нѣсколько измятыя складки платья полуобозначали прекрасныя, роскошныя формы тѣла ея. Свѣжее лицо ея дышало здоровьемъ, хотя она и жаловалась на головную боль.

— Здравствуйте, мадмоазель Фаваржé, повторилъ Александръ Матвѣевичъ.

— Je suis la très humble servante de votre excellence, отвѣчала гувернантка съ нѣсколько насмѣшливою вѣжливостью.

— Вы сегодня разстроены, съ участіемъ сказалъ Тучиновъ: я увѣренъ, что дѣти огорчили васъ....

— Э, Боже мой! нетерпѣливо возразила Француженка: вы вѣчно готовы обвинять бѣдныхъ малютокъ.... Venez, mes pauvres anges,que je vous embrasse!

Дѣти окружили гувернантку, и стали ласкаться къ ней.

Александръ Матвѣевичъ съ умиленіемъ глядѣлъ на эту сцену, и преимущественно на гувернантку.

— Allez jouer, *mes petits choux!* Amusez vous, сказала она дѣтямъ.

— Скажите же мнѣ, что̀ съ вами? спросилъ Александръ Матвѣевичъ съ добродушнымъ, почти боязливымъ участіемъ, обратившись опять къ гувернанткѣ.

— Ничего, отвѣчала она, пожавъ плечами съ такимъ видомъ, какъ будто бы участіе Тучинова чрезвычайно надоѣдало ей.

— Прикажите заложить карету и поѣзжайте гулять съ дѣтьми; свѣжій воздухъ разсѣетъ вашу мигрень....

— Съ тѣхъ поръ, какъ *madame* стала часто посѣщать церковь, она завладѣла каретой, съ дерзкой ироніей возразила Француженка.

— Я прикажу нанять карету, съ живостію сказалъ Тучиновъ.

— Я не привыкла ѣздить въ извощичьихъ каретахъ, отвѣчала гувернантка съ прежнею дерзостію.

— Ахъ, Боже мой, какъ же быть?.... проговорилъ Александръ Матвѣевичъ, съ озабоченнымъ видомъ, потирая лобъ: Очень нужно *ей* брать карету.... до церкви десять минутъ ходьбы.

Дѣти громко смѣялись и рѣзвились; гувернантка прохаживалась взадъ и впередъ. Тучиновъ слѣдилъ за нею влажнымъ взоромъ, исполненнымъ привязанности.

— Если вы въ-самомъ-дѣлѣ страдаете.... сказалъ онъ, когда Француженка проходили мимо него.

— Ваше *въ-самомъ-дѣлѣ* чрезвычайно вѣжливо, votre excellence, перебила она его насмѣшливо.

— Вы дурно платите мнѣ за искреннее, сердечное участіе, сказалъ Александръ Матвѣевичъ тихимъ голосомъ.

— Обратите лучше ваше участіе на *madame*.

— Вы жестоки....

— Ah! vous *m' embtez*!... Alles-vous en!... вспыльчиво, но едва слышнымъ голосомъ произнесла гувернантка, надорвавъ кружевную маншетку.

Гордый, величественный Александръ Матвѣевичъ, полный силы и жизни, молча опустилъ голову.

— Не шумите, дѣти! произнесъ онъ тихимъ голосомъ и— ушелъ.

Добрый, заботливый отецъ семейства исполнилъ свой долгъ, навѣстивъ дѣтей.

Но неласковый пріемъ гувернантки увеличилъ дурное расположеніе духа Тучинова. Насупивъ брови пуще прежняго, возвращался онъ къ себѣ, и въ одной изъ залъ, встрѣтилъ жену.

— Вы на похороны собрались? спросилъ онъ осмотрѣвъ ее съ ногъ до головы.

— Нѣтъ, другъ мой, я говѣю, съ кротостію отвѣчала Катерина Васильевна.

— Ага. Въ какой же церкви?

— Въ нашей приходской, другъ мой.

— А! извините.... такъ какъ вы почти каждый разъ приказываете закладывать карету, то я думалъ, что вы отправляетесь куда-нибудь очень далеко.

— Я буду ходить пѣшкомъ, если вамъ это непріятно....

— Мнѣ все равно, но не знаю, пріятно ли лошадямъ стоять по цѣлымъ часамъ въ упряжи, неделикатно возразилъ Тучиновъ. Впрочемъ, прибавилъ онъ, я не хочу задерживать васъ; до свиданія.

— Постой, Александръ.

— Что̀ вамъ угодно.

— Мнѣ нужно поговорить съ тобою наединѣ....

— Послѣ, послѣ, нетерпѣливо перебилъ ее Александръ Матвѣевичъ: у меня теперь нѣтъ свободной минуты; я спѣшу ѣхать, надобно привести нѣкоторыя дѣла въ порядокъ... Простите мнѣ, прибавилъ онъ, замѣтивъ грустное впечатлѣніе, произведенное его словами на молодую женщину, —

прости мнѣ, Катинька, но ты знаешь, что я рабъ своего долга.... Ужъ когда взялъ разъ на себя званіе директора конторы нашей компаніи, то нельзя употреблять во зло довѣрія моихъ компаніоновъ.

— Идите, идите, Александръ Матвѣевичъ, я не задерживаю васъ.

Александръ Матвѣевичъ поспѣшно удалился, весьма довольный тѣмъ, что такъ легко отдѣлался отъ мнимыхъ сантиметальностей жены; а Катерина Васильевна, не посовѣтовавшись съ мужемъ, повиновалась побужденію собственнаго сердца, и пошла къ пасынку.

— Какой-то господинъ, не сказывающій своей фамиліи, проситъ позволенія видѣть ваше превосходительство, доложилъ каммердинеръ, помогая Тучинову одѣваться.

— Некогда мнѣ! сухо отвѣчалъ Александръ Матвѣевичъ.

Каммердинеръ пошелъ передать просителю отвѣтъ его превосходительства, и вернувшись минуту спустя, сказалъ:

—Онъ говоритъ, что имѣетъ сообщить весьма важное дѣло.

Тучиновъ нетерпѣливо пожалъ плечами, не отвѣчалъ ни слова, и не торопясь, продолжалъ одѣваться.

Полчаса спустя, онъ вышелъ въ прихожую. При входѣ его поднялся со стула терпѣливый проситель.

То былъ мужчина лѣтъ подъ-сорокъ, средняго роста, самой грубой наружности и съ коротко-обстриженными волосами. Сюртукъ его, спускавшійся нѣсколько пониже колѣнъ, былъ застегнутъ до половины груди, оставляя незакрытымъ треугольникъ манишки сомнительной бѣлизны, но украшенной тремя неизбѣжными запонками. Тугой галстухъ, изъ-за пряжки котораго сзади торчала тесёмка манишки, подпиралъ голову просителя, точно стоячій воротникъ.

Увидѣвъ Тучинова, посѣтитель ступилъ шагъ впередъ. Тучиновъ подошелъ къ незнакомцу, и спросилъ отрывисто:

— Что̀ вамъ угодно?

— Я пришелъ къ вашему превосходительству по важному обстоятельству.

— Такъ говорите скорѣе, мнѣ некогда сказалъ Тучиновъ нетерпѣливо.

— Дѣло секретное, ваше превосходительство, по вашему семейству, сказалъ незнакомецъ почти шопотомъ.

Нѣсколько секундъ спустя, незнакомецъ вслѣдъ за Александромъ Матвѣевичемъ вошелъ въ кабинетъ послѣдняго.

— Дѣло, говорите вы, касающееся до моего семейства? спросилъ Тучиновъ.

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Такъ говорите, сказалъ Александръ Матвѣевичъ, не скрывая нѣкотораго безпокойства.

— Ваше превосходительство, отвѣчалъ незнакомецъ монотоннымъ голосомъ и какъ-бы твердя заученный урокъ: сынъ вашъ попалъ въ общество молодыхъ людей самыхъ дурныхъ свойствъ, которые обманываютъ его и вовлекутъ, пожалуй, въ бѣду.

Александръ Матвѣевичъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на говорившаго.

— Мой любезный, этого быть не можетъ! возразилъ Тучиновъ, поднявъ голову. Вы употребляете во зло мое терпѣніе.

— Соблаговолите выслушать меня до конца, спокойно возразилъ незнакомецъ: и вы же, ваше превосходительство, скажете мнѣ спасибо. Я пришелъ избавить васъ отъ большой непріятности.

Александръ Матвѣевичъ молча сѣлъ, и устремилъ глаза на незнакомца.

— Мы... то есть я, продолжалъ послѣдній, открылъ такое дѣло, въ которомъ участвуетъ и сынъ вашъ, и дѣло весьма нехорошее.

И съ этими словами онъ подалъ Тучинову вчетверо сложенный листъ бумаги.

Александръ Матвѣевичъ съ любопытствомъ взглянулъ на бумагу.

— Можетъ-ли быть! вскричалъ онъ внезапно,

— Всесовершенно такъ, ваше превосходительство.

— Мой сынъ!

— Предположительно, ваше превосходительство, если не однофамилецъ.

Тучиновъ уже не сомнѣвался. Онъ вспомнилъ о Лихаревѣ, котораго онъ встрѣтилъ съ сыномъ и который выдавалъ себя за пріятеля Николая. Судорожно смялъ Александръ Матвѣевичъ списокъ.

— Благодарю, сказалъ онъ: вы, точно, оказали мнѣ большую услугу...

— Радъ служить.

— Оставьте мнѣ этотъ списокъ.

— Съ моимъ удовольствіемъ.

— Напишите адресъ...

— Промышляющаго? Извольте, ваше превосходительство.

Незнакомецъ поставилъ шляпу на полъ и подошелъ къ письменному столу.

Пока онъ писалъ, Александръ Матвѣевичъ прохаживался взадъ и впередъ въ сильномъ волненіи.

— Готово ваше превосходительство.

Тучиновъ искоса посмотрѣлъ на него, и доставъ изъ бумажника ассигнацію, подалъ ее ему.

— Не извольте безпокоиться, отвѣчалъ незнакомецъ, поклонившись и спрятавъ ассигнацію за подкладку шляпы. Постарайтесь, ваше превосходительство, уговорить Николая Александровича отстать отъ этихъ людей, а не то можетъ выйти непріятная исторія.

— Я могу поручиться за то, что сынъ мой не будетъ болѣе видѣть такихъ людей.

— Благое дѣло ваше превосходительство: прошу прощенія за безпокойство

Когда незнакомецъ ушелъ, Александръ Матвѣевичъ нѣсколько секундъ продолжалъ еще прохаживаться. Мало-помалу лицо его прояснилось, онъ даже улыбнулся.

— Николай—пьяница, проговорилъ онъ кто бы могъ это угадать? Можно ли было предположить въ этомъ вяломъ существѣ, въ этой рыбѣ, какую-нибудь страсть?... А у него должна быть страсть, коли онъ не гнушается знакомства съ такими людьми, какъ этотъ неслужащій, котораго я у него видѣлъ... Глупецъ! какъ будто бы нельзя провести время, не связываясь со сволочью?.. Надобно поразспросить его.

Александръ Матвѣевичъ позвонилъ.

— Попроси ко мнѣ Николая Алексадровича, если онъ дома, сказалъ онъ каммердинеру.

— А я считалъ его почти ребенкомъ! говорилъ Тучиновъ, продолжая прохаживаться: я думалъ, что всѣ шалости его ограничиваются слоеными пирожками съ вареньемъ, бокаломъ шампанскаго, да лорнетированіемъ кисейныхъ платьицъ кордебалетныхъ танцовщицъ...

— Сейчасъ будутъ-съ, доложилъ каммердинеръ вернувшись.

— Онъ одинъ?

— Никакъ нѣтъ-съ; Катерина Васильевна у нихъ-съ.

— Кто? вскричалъ Тучиновъ такимъ грознымъ голосомъ, что каммердинеръ вздрогнулъ.

— Ея превосходительство, отвѣчалъ онъ.

Александръ Матвѣевичъ неподвижно глядѣлъ на лакея. Онъ не приходилъ въ себя.

— Что̀ она тамъ дѣлаетъ? произнесъ онъ, наконецъ, какъ бы невольно высказавъ свою мысль.

— Онѣ плачутъ-съ, отвѣчалъ каммердинеръ.

— Хорошо, ступай! возразилъ Тучиновъ едва слышнымъ, задыхающимся голосомъ.

Минуту еще простоялъ онъ неподвижно, потомъ въ изнеможеніи опустился на стулъ.

Всѣ старанія, всѣ соображенія его были тщетны!... То, чего онъ наиболѣе страшился, случилось... Мачиха и пасынокъ сблизились, и въ кругу собственнаго семейства его, противу него составляется заговоръ.

Это была единственная мысль, которую могла внушить ему совѣсть.

Кровь съ такою силою бросилась ему голову, что онъ испугался апоплексическаго удара. Физическое страданіе побѣдило на минуту нравственное. Онъ поспѣшно вскочилъ прошелся по комнатѣ, и выпилъ стаканъ воды. Въ это самое время взоръ его упалъ на безъимянную записку, заключавшую гнусный доносъ на Опухтина.

Александръ Матвѣевичъ схватилъ ее съ такою живостію, какъ будто бы собиралъ матеріялы, чтобы на цѣломъ свѣтѣ выместить свою ярость, и не дожидаясь сына, скоро ушелъ со двора

Карета отъѣзжала отъ крыльца, когда онъ сходилъ съ лѣстницы.

Нѣсколько минутъ спустя, Николай Александровичъ пришелъ на верхъ, но уже не засталъ отца.

ГЛАВА VII.

Что̀ значитъ, коли почешется лѣвый глазъ.

У Захара Ивановича съ утра чесался лѣвый глазъ.

Онъ сообщилъ это важное событіе сестрицѣ.

— Передъ смѣхомъ, братецъ отвѣчала она съ пріятной улыбкой.

Полный радостныхъ надеждъ, отправился Опухтинъ въ контору. Желая споспѣшествовать оправданію предсказанія лѣваго глаза, Захаръ Ивановичъ, занимаясь самыми серьозными счетами, улыбался, точно будто бы читалъ самую вольную главу изъ романа Поль-де-Кока; а когда писецъ, подшивавшій дѣла, неосторожно воткнулъ себѣ иголку въ палецъ, Захаръ Ивановичъ засмѣялся такъ добродушно, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ благопристойно-тихо, какъ будто бы кто-нибудь провелъ по ноздрямъ его опушкой пера.

Время шло быстрѣе обыкновеннаго; по движенію, прерывавшему завѣтную конторскую тишину, по улыбкамъ, сіявшимъ на должностныхъ лицахъ, можно было угадать, что наступали дни, означенные въ календарѣ *крестомъ*, то есть дни, въ которые всѣ служащіе въ конторѣ могли нѣсколько погулять и отдохнуть.

Между служащими шли тихіе переговоры. Выходя отъ директора, они перемигивались, составляли групы, и по временамъ, до слуха младшихъ долетали отрывистыя слова:

— *Онъ* взбѣшенъ?

—Вѣрно поспорилъ съ компаніонами.

— Или получилъ непріятныя извѣстія.

Ряды конторскихъ ратниковъ начинали рѣдѣть. Кипы бумагъ и счетныхъ книгъ исчезали въ шкафахъ. Перья успокоивались. Число шинелей, шубъ и пальто въ швейцарской уменьшалось.

И Захаръ Ивановичъ, нарисовавъ на подкладкѣ однимъ почеркомъ гуся, стряхнулъ чернила съ пера, и прижавъ усталый хребетъ къ спинкѣ стула, зѣвнулъ и потянулся съ благопристойностію, не разѣвая слишкомъ рта, и не отдаляя сжатыхъ кулаковъ отъ туловища, а приложивъ ихъ къ плечамъ.

Опухтинъ только что приступилъ ко второму зѣвку, когда къ столу его подошелъ сторожъ.

— Ваше благородіе, сказалъ онъ: пожалуйте къ его превосходительству.

— Что? спросилъ Опухтинъ, проглотивъ зѣвокъ.

— Къ Александру Матвѣевичу пожалуйте.

Захаръ Ивановичъ поспѣшно вскочилъ, почистилъ рукавами фракъ, и направилъ шаги къ двери кабинета, гдѣ за-

нимался Тучиновъ. Онъ сидѣлъ у стола, и перелистывалъ бумаги.

Захаръ Ивановичъ вошелъ, и остановился въ приличномъ разстояніи.

Сторожъ затворилъ за нимъ дверь, и приложилъ глазъ къ дырочкѣ, которая по *какому-то случаю* находилась въ двери.

— Вы изволили *потребовать* меня, ваше превосходительство произнесъ Захаръ Ивановичъ почтительно, но безъ робости.

Тучиновъ не отвѣчалъ, продолжая перелистывать бумаги.

Опухтинъ остановился въ нѣсколько наклонномъ положеніи, точно актеръ, готовящійся пасть ницъ.

Величественное лицо Александра Матвѣевича было гнѣвно, брови нахмурены, пальцы судорожно перевертывали листки; видъ его былъ такъ торжественно-грозенъ, что Захаръ Ивановичъ непремѣнно бы смутился, если бъ, напримѣръ у него почесался не лѣвый, а правый глазъ.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе; наконецъ Тучиновъ поднялъ голову, пристально посмотрѣлъ на Опухтина, и спросилъ строгимъ голосомъ:

— Знаете ли вы, что́ такое честь?

Неожиданный вопросъ поставилъ Захара Ивановича въ затруднительное положеніе; не потому, чтобы онъ предвидѣлъ въ немъ предвѣстника грозы, а потому, что Захаръ Ивановичъ отъ-роду не пускался ни въ какія опредѣленія отвлеченныхъ понятій. Не желая однакожъ прослыть немогузнайкой, онъ рѣшился отвѣчать утвердительно.

— Знаю, ваше превосходительство, отвѣчалъ онъ, междутѣмъ какъ Александръ Матвѣевичъ опять занялся бумагами: честь, ваше превосходительство, это... то есть почтеніе, или какъ бы сказать...

Опять наступило минутное молчаніе.

— Не имѣете ли вы въ виду какого-нибудь мѣста? спросилъ Тучиновъ отрывисто.

У Опухтина подкосились ноги, онъ хотѣлъ отвѣчать, но языкъ не повиновался ему.

— Какого-нибудь мѣста повыгоднѣе, прибавилъ Александръ Матвѣевичъ

— Я... совершенно... доволенъ и... и... счастливъ.. проговорилъ, наконецъ, Опухтинъ, тихимъ голосомъ, какъ будто бы кто-нибудь давилъ ему шею.

— Я спрашиваю васъ, имѣете ли вы въ виду какое-нибудь мѣсто? сухо повторилъ Тучиновъ.

— Не имѣю ваше превосходительство

— Такъ ищите.

Захаръ Ивановичъ стоялъ, какъ пораженный громомъ. Мысли его такъ перепутались, что онъ рѣшительно не могъ придумать никакого возраженія на грозный приговоръ Тучинова.

— Что̀ же вы стойте? спросилъ послѣдній нетерпѣливо: нѐчто вы не слышали, что я вамъ сказалъ?

— Ваше превосходительство, возразилъ, наконецъ Опухтинъ жалобнымъ голосомъ: осмѣлюсь доложить, что я ни тѣломъ, ни душой невиноватъ, и не заслужилъ такого оскорбленія....

— Почтеннѣйшій господинъ Опухтинъ, возразилъ Тучиновъ: изъ состраданія—слышите ли? изъ одного состраданія, я даю вамъ возможность выступить изъ моего вѣдомства безъ стыда, безъ посрамленія. Удовольствуйтесь же тѣмъ, что̀ я вамъ сказалъ, и не напрашивайтесь на истину. Можете идти.

Совѣсть человѣческая странно устроена. Кромѣ нормальнаго своего состоянія она бываетъ еще либо черезъ-чуръ щекотлива, либо сговорчива, либо вовсе равнодушна. Самый замѣчательный изъ этихъ случаевъ второй; въ этомъ случаѣ совѣсть вовсе освобождается отъ вліянія сердца, и подчиняется одному разсудку, по разсудку больному, зараженному превратною, ложною философіею. Сговорчивость совѣсти объяснить не трудно: она есть непремѣнное, неизбѣжное слѣдствіе тѣхъ свѣтскихъ законовъ или, вѣрнѣе, *условій*, которыя создали человѣку *особую* жизнь, то есть особыя понятія о добрѣ и злѣ.

Человѣкъ, какъ созданіе Всевышняго, одинаково совершененъ.

Не Богъ создалъ человѣка злодѣемъ, а жизнь и люди.

Не Богъ отнялъ у человѣка совѣсть, а ложное воспитаніе исказило ее.

Не Богъ создалъ человѣка глупцомъ, а условія свѣта обратили способности его на путь, имъ не предназначенный.

Но одного, ни люди, ни условія свѣта, не заглушатъ въ человѣкѣ, а именно *тайнаго голоса*, этого яснѣйшаго проявленія *души*.... эту истинную совѣсть.

Ярость условной невинности есть борьба развращенной

совѣсти съ неподкупнымъ тайнымъ голосомъ; борьба разсудка съ сердцемъ. Человѣкъ, по *своимъ* понятіямъ, считаетъ себя невиннымъ, а между-тѣмъ противъ его собственнаго, ложнаго убѣжденія возстаютъ двѣ силы: внѣшняя —обвиненіе; внутренняя — тайный голосъ.

Тайнымъ голосомъ я называю ту святую, свѣтлую, вѣчно справедливую частицу духа человѣческаго, сродняющую его съ Божествомъ.

Борьба двухъ силъ, внѣшней и внутренней, съ собственнымъ убѣжденіемъ, проявляется въ человѣкѣ яростью, бѣшенствомъ.

Истинная невинность горда, спокойна.

Назовите честнаго человѣка плутомъ, онъ отвѣтитъ вамъ презрѣніемъ.

Назовите умнаго человѣка глупцомъ, онъ улыбнется.

Но препроводите каждый изъ этихъ эпитетовъ *по принадлежности*, и вы пріобрѣтете непримиримаго врага, который будетъ преслѣдовать васъ съ яростью.

Отчего это?...

Отвѣтъ простой:

Бросьте зажженный факелъ въ воду—онъ погаснетъ.

Забросьте искру въ солому—она разгорится страшнымъ пожаромъ....

Чѣмъ болѣе тайный голосъ нашептывалъ Захару Ивановичу о лихоимствѣ, тѣмъ болѣе онъ разгорячался, на томъ основаніи, что первое, главное дѣйствіе его *одолженій* было добро, оказываемое ближнему.

«Я беру проценты»,—часто говаривалъ Захаръ Ивановичъ Кнутову: «ну, и беру! Такъ что же?»

Тучиновъ пристально взглянулъ на Захара Ивановича, и спросилъ отрывисто:

— Даете вы деньги взаймы?

По тѣлу Опухтина пробѣжали мурашки. Этого вопроса онъ никакъ не ожидалъ. Онъ удивился бъ менѣе, если бъ Тучиновъ обвинилъ его въ душегубствѣ... Неблагодарные должники! вотъ какъ они заплатили Захару Ивановичу за его услужливость *за его-же добро!*... Сердце благодѣтельнаго *ссудителя* закипѣло негодованіемъ, и онъ мысленно поклялся, что впредь никому не дастъ наличной единицы, —если не будетъ обезпеченъ, по-крайней-мѣрѣ, четырьмя документными единицами.

«Кто донесъ?» думалъ онъ. «О! знаю... знаю...»

— Я спрашиваю васъ, даете ли вы деньги взаймы? Что, вы оглохли? повторилъ Александръ Матвѣевичъ.

— Даю, ваше превосходительство, отвѣчалъ Опухтинъ, ободрившись.

— Такъ изготовьте къ Ѳоминой недѣлѣ прошеніе объ увольненіи, сказалъ Тучиновъ.

Захаръ Ивановичъ обѣими руками оттянулъ внизъ застегнутый фракъ, поклонился и вышелъ.

— Зачѣмъ васъ требовалъ Александръ Матвѣевичъ? съ любопытствомъ спрашивали Опухтина товарищи..

— Звалъ къ себѣ разговѣться, угрюмо отвѣчалъ Опухтинъ.

Сослуживцы засмѣялись; одинъ изъ нихъ, отличавшійся особеннымъ остроуміемъ, замѣтилъ.

— То-то вы такую постную физіономію скорчили!

Опухтинъ, не отвѣтивъ ничего, ушелъ домой.

— Вотъ тебѣ и лѣвый глазъ! ворчалъ онъ дорогой: бабьи сказки.... суевѣріе! А кто его знаетъ, можетъ-быть, чесался правый глазъ?... А вотъ постой, Николай Александровичъ, почешутся у тебя оба глаза.... Тьфу! какая напасть.

Катерина Васильевна съ радостною надеждою сѣла за столъ но—надежда ея не сбылась.

Никогда Александръ Матвѣевичъ не былъ такъ холоденъ, такъ суровъ съ сыномъ, какъ въ этотъ день. Онъ неупомянулъ ни разу о свиданіи мачихи съ пасынкомъ, но когда между ними, противъ обыкновенія, завязался дружескій разговоръ, Александръ Матвѣтвичъ, не дообѣдавъ, ушелъ изъ столовой, подъ тѣмъ предлогомъ, что ему нужно поговорить съ докторомъ, о приходѣ котораго доложилъ лакей.

Катерина Васильевна и Николай помѣнялись грустнымъ взглядомъ.

Гувернантка схватила этотъ взглядъ на лету, и коварно улыбнулась....

Полчаса спустя, Николай Александровичъ, возвращаясь къ себѣ и проходя черезъ прихожую слышалъ, какъ Ѳедоръ Ивановичъ, прощаясь съ Александромъ Матвѣевичемъ, говорилъ:

— Извините, ваше превосходительство, что я побезпокоилъ васъ, но.... дѣло касается счастія моей дочери....

Лакей затворилъ за Николаемъ Александровичемъ дверь, и онъ не слышалъ окончанія рѣчи доктора.

ГЛАВА VIII.

Опять незнакомецъ

День былъ ясный, свѣтлый.

Снѣгъ растаялъ; солнце и легкій вѣтеръ осушили мостовыя, и стукъ колесъ экипажей возвѣщалъ о наступленіи весны.

Со всѣхъ концевъ города тянулись длинными вереницами толпы народа, и всѣ по одному направленію, какъ бы притягиваемыя магнитомъ къ одному, общему центру.

Центръ этотъ находился на Адмиралтейской-площади; тамъ стройныя группы сливались въ одну густую массу, шумную, живую, окаймленную тройнымъ или четвернымъ бордюромъ разнородныхъ экипажей. Надъ толпою высился рядъ балагановъ, уродливыхъ, тяжелыхъ, безвкусныхъ шалашей, не встрѣтившихъ еще зодчаго, который рѣшился бы, наконецъ, придать имъ болѣе изящныя формы, не умножая расходовъ.

Къ сожалѣнію, весьма немногіе архитекторы умѣютъ отличать изящество отъ великолѣпія, и оттого послѣднее встрѣчается гораздо-чаще въ зданіяхъ, нежели первое.

Неудивительно: для великолѣпія нужны средства, которыя можно найдти у всякаго нажившагося лабазника; для изящества нужна бездѣлица—вкусъ.

Въ послѣдній день народнаго празднества, часу въ четвертомъ, когда солнце бросало уже красноватые, прощальные лучи на шпицъ адмиралтейской башни, за балаганомъ Легата, отличавшимся своею громадностью, остановилась парная, докторская линейка, въ которой сидѣли мужчина пожилыхъ лѣтъ, въ теплой шинели, и молодая дѣвушка въ шолковомъ капотѣ, бархатной шляпкѣ и съ собольей муфтой.

Послѣ семейнаго разговора, Ѳедоръ Ивановичъ болѣе прежняго сблизился съ дочерью. Замѣтивъ грусть моло-

дой дѣвушки, и опасаясь вліянія Юліи Карловны, онъ старался доставлять Аннетѣ всевозможныя развлеченія. Онъ сталъ посѣщать съ нею концерты и театры. Юлія Карловна оставалась дома. Серьозная, положительная курляндская дворянка питала холодное равнодушіе ко всему, въ чемъ не видала прямой пользы. Литераторовъ, живописцевъ и музыкантовъ называла она лентяями, тунеядцами; актеръ казался ей прокаженнымъ...

Ѳедоръ Ивановичъ помогъ Аннетѣ сойдти съ линейки, и обратившись къ кучеру, сказалъ:

— Абрамъ, стань на-углу Гороховой, чтобы тебѣ видно было, когда мы выйдемъ. Пойдемъ, Анненька, прибавилъ онъ, обратившись къ молодой дѣвушкѣ.

Свободно прошли они къ балагану, лишенному наружной заманчивости, и потому не собиравшему вокругъ себя доброй толпы зѣвакъ.

Въ то же время за изгородкой остановились дрожки, съ которыхъ соскочилъ молодой человѣкъ въ щегольскомъ пальто. Не спуская глазъ съ доктора и дочери его, онъ также вступилъ на площадь, и пройдя за карусель, на которой раздавалось разгульное завываньe рожка, остановился. Замѣтивъ, въ какія мѣста вошелъ Ѳедоръ Ивановичъ, молодой человѣкъ поспѣшно обошелъ балаганъ Легата, и взявъ билетъ, вошелъ съ другой стороны.

Балаганъ былъ уже полонъ.

Началось представленіе. Пьеро дурачился, Арлекинъ прыгалъ, Коломбина жеманилась, публика хохотала, музыканты фальшивили.

Изо ста зрителей, едва ли одинъ имѣлъ ясное понятіе о томъ, что̀ ему показывали; изъ пяти зрителей четверо называли Арлекина *арапомъ*, Пьеро *паярцомъ* или *мельникомъ*.... Только волшебника да чертенковъ всѣ признавали единогласно.

Жаль, что до-сихъ-поръ никому не пришло въ голову давать въ балаганахъ народныя или, пожалуй, простонародныя представленія, въ родѣ *Филатки и Мирошки, Рекрутскаго набора*, и тому подобныхъ. При одномъ названіи этихъ піесъ наши доморощенные, подслѣповатые Прометеи, принимающіе тускло горящіе фонари за небесный огнь, пожимаютъ плечами.

— Филатка и Мирошка! фи, какая вульгарность!

Повѣрьте, господа, что эти *вульгарности* несравненно выше дикой философической галиматьи, водянистыхъ стихо-

сплетеній или французскихъ водевилей, передѣланныхъ на русскіе нравы.

И галиматья, и стихосплетенія, и заморскіе водевили стоятъ на одной чертѣ съ загадочными арлекинадами.

Пестро, хитро, забавно, но—пусто. Оболочка есть, но это оболочка мыльнаго пузыря....

Представленіе продолжалось. Музыка заиграла торжественный маршъ. Дикое мѣстоположеніе превратилось въ великолѣпный храмъ. Бенгальскіе огни пылаютъ; фольга блеститъ. Яркое красное пламя освѣщаетъ небритые подбородки геніевъ, и придаетъ имъ видъ людей, выходящихъ изъ бани. Благодѣтельная фея, разсудивъ, что пора отворить двери новымъ цѣлковымъ, принимаетъ подъ свое покровительство Коломбину и Арлекина.

Картина.

Занавѣсъ опускается. Двери растворяются.

Молодой человѣкъ въ щегольскомъ пальто, занявшій мѣсто съ края, вышелъ одинъ изъ первыхъ, и остановился въ проходѣ, отступивъ нѣсколько въ сторону, возлѣ самаго выхода.

На дворѣ между тѣмъ смерклось.

Медленно выходили зрители, и мало-по-малу толпа рѣдѣла. Наконецъ показались докторъ и дочь его.

Сердце молодаго человѣка дрогнуло; онъ поспѣшно ступилъ шагъ впередъ, но въ то же мгновеніе между имъ и молодою дѣвушкою явилась сѣрая шинель, съ широкими, поднятыми плечами. Въ первую минуту досады молодой человѣкъ чуть не оттолкнулъ сѣрую преграду въ сторону, и въ рукѣ его, опущенной въ карманъ, что-то зашелестило, какъ-будто-бы она судорожно мяла бумагу.

Сѣрая шинель прошла, но новыя лица отдѣляли молодаго человѣка отъ Аннеты.

Она приближалась съ отцомъ къ выходу, до котораго оставалось два-три шага.

Безпокойство выразилось на лицѣ молодаго человѣка; онъ опять ступилъ впередъ... но Ѳедоръ Ивановичъ обернулся, и—молодой человѣкъ опять исчезъ въ тѣни.

— Какая досада! сказалъ докторъ, поднимаясь на цыпочки и осматриваясь: Абрама не видать; куда онъ опять заѣхалъ... Абрамъ!... Абрамъ!....

Но стукъ колесъ, крики кучеровъ, извощиковъ, заглушали голосъ Ѳедора Ивановича.

Онъ начиналъ сердиться.

*

Нѣтъ худа безъ добра.
Все къ лучшему.

Какъ часто человѣкъ, жаловавшійся вчера на непріятность, радуется ей сегодня, и называетъ ее счастіемъ, потому-что она избавила его отъ бѣды.

Но бываютъ случаи, болѣе важные когда отъ человѣка скрываются благодѣтельныя послѣдствія мнимаго зла, и онъ ропщетъ, жалуется...

Такъ и въ философическо-религіозномъ смыслѣ мѣшаются понятія о добрѣ и злѣ.

ГЛАВА IX.

Еще понятіе, отсталое отъ вѣка: Праздность мать порока.

Въ тотъ же день, въ десятомъ часу вечера, остановилась извощичья карета у воротъ знакомаго уже намъ дома, гдѣ часто бывалъ Лихаревъ, по вечерамъ.

Домъ, по обыкновенію, былъ мраченъ; только половина втораго этажа была освѣщена.

Изъ кареты вышелъ мужчина высокаго роста, закутанный въ шинель. Онъ остановился на троттуарѣ, и осмотрѣлся.

Необыкновенный шумъ тяжелаго экипажа вызвалъ за ворота дворника.

— Это домъ Путинова? спросилъ мужчина вышедшій изъ кареты.

— Путинова, отвѣчалъ дворникъ.

— Здѣсь отдается квартира? продолжалъ мужчина, замѣтивъ билеты, приклеенные къ окнамъ перваго этажа.

— Отдается.

— Покажи мнѣ ее.

— Какой теперь *показъ*! возразилъ дворникъ, недовѣрчиво посмотрѣвъ на незнакомца. Кто ночью смотритъ фатеры?

— Я уѣзжаю въ эту ночь, и возвращусь черезъ недѣлю, съ досадой возразилъ незнакомецъ. Если квартира мнѣ понравится, такъ я прямо пріѣду сюда.

— Нѣтъ, баринъ, эта фатера не по васъ; она давно не крашена, и сырость такая, что бѣда! И ходъ нехорошій....

— Бери сейчасъ фонарь! съ сердцемъ вскричалъ незнакомецъ,—или я поѣду къ хозяину!

Дворникъ заворчалъ, но послѣдняя угроза заставила его повиноваться. Онъ спустился въ свой мрачный, сырой, грязный подвалъ, и вернулся съ фонаремъ и ключами.

Не переставая ворчать, направилъ онъ шаги къ узкой, сырой лѣстницѣ.

Незнакомецъ пошелъ за нимъ.

Они дошли до двери пустой квартиры. Дворникъ, поставивъ фонарь на площадку, сталъ прибирать ключъ.

— А выше, тоже пустая квартира? спросилъ мужчина высокаго роста.

— Зачѣмъ пустая? возразилъ дворникъ, продолжая прибирать связку ключей: не пустая, а занятая.

— Кто тамъ живетъ?

Дворникъ не отвѣчалъ, съ упрямствомъ русскаго мужичка силясь воткнуть въ небольшую замочную скважину ключъ съ огромной бородкой.

— Не лезетъ, прахъ его возьми! проворчалъ онъ, принимаясь, наконецъ, за другой ключъ.

— Кто живетъ на-верху? повторилъ незнакомецъ.

— Жилецъ живетъ... вѣстимо!... Лѣшій его знаетъ, куды онъ забился, продолжалъ онъ ворчать на ключи: съ виду долженъ быть этотъ... попробую еще разъ, авось полѣзетъ.

И онъ опять принялся за ключъ съ огромной бородкой.

— Оставь, любезный, сказалъ незнакомецъ, терявшій, по видимому, терпѣніе: я лучше останусь до утра, и зайду завтра... Спасибо, вотъ тебѣ за труды.

Серебряная монета, сопровождавшая послѣднія слова, внезапно разсѣяла дурное расположеніе духа дворника, и въ то же время, когда онъ правою рукою принималъ монету, лѣвая почтительно сняла съ головы его шапку.

— Благодаримъ покорно, *ваше высокоблагородіе*, сказалъ дворникъ: повремените еще маленько, я сбѣгаю внизъ за другими ключами....

— Нѣтъ, я зайду завтра утромъ... Кто же живетъ на-верху?

— На верху-то, ваше высокоблагородіе?... Тамъ живетъ господинъ Корюшкинъ.

— Онъ живетъ на-верху, по этой лѣстницѣ? съ живостію спросилъ незнакомецъ.

— Вотъ тутъ сейчасъ... только двѣ лѣсенки подняться. Нечто изволите знать его?

— Мнѣ Корюшкинъ большой пріятель, да не знаю тотъ ли... Иванъ Ивановичъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше высокоблагородіе. Никифоръ Игнатьичъ.

— Можетъ-быть родственникъ... Посвѣти мнѣ на-верхъ... Онъ, я думаю, дома?

— Дома, дома!

— Не спитъ?

— Куды!... У него гости. Пожалуйте, ваше высокоблагородіе.

Минуту спустя, дворникъ стучался кулакомъ въ дверь квартиры втораго этажа.

Служанка встрѣтила поздняго гостя своимъ обычнымъ:

— Кого тамъ чортъ еще несетъ?—и по рекомендаціи дворника впустила незнакомца.

Послѣдній, не снимая шинели, пошелъ прямо къ двери, за которою слышались громкіе голоса.

Въ сосѣдней комнатѣ происходила страшная суматоха.

У *гостепріимнаго* Никифора Игнатьевича Корюшкина, по обыкновенію, собрались пріятели, чтобы *съ пользою* провести время. Въ числѣ этихъ пріятелей находились Борисъ Астафьевичъ Лихаревъ и Николай Александровичъ Тучиновъ.

Послѣдній явился опять въ этомъ обществѣ, послѣ двухнедѣльнаго отсутствія.

Примиреніе съ мачихою имѣло на Николая благодѣтельное вліяніе; оно пробудило въ сердцѣ его болѣе чистыя, благородныя ощущенія, и почти заглушило страсть его къ игрѣ.

Характеръ и причины этой страсти замѣчательны. Съ самаго малолѣтства Николая, сердце его подвергалось разнымъ испытаніямъ. Онѣ притупили, такъ сказать, способность его ощущать.

Во время оно это притупленіе было въ большой модѣ, подъ названіемъ *разочарованія*.

Николай, въ сущности, былъ разочарованъ, что доказывалось уже тѣмъ, что онъ самъ не сознавался въ этомъ разочарованіи. Первыя, дѣтскія ощущенія его были такъ сильны, что оставили въ немъ неизгладимое впечатлѣніе. Еслибъ обстоятельства не пресѣкли нѣжныхъ, сладостныхъ ощущеній его въ самомъ цвѣтѣ ихъ, еслибъ безпрестанныя преграды не раздражали ихъ, то они достигли бъ

полнаго развитія, и, покоряясь закону природы, цвѣтокъ превратился бы въ плодъ,—плодъ даровалъ бы сѣмена.

Но—жизнь Николая развилась иначе. Прошедшее его состояло изъ однихъ цвѣтковъ, сорванныхъ со стебля, сохранившихся въ сердцѣ, сжатомъ горестію, и представлявшихъ въ настоящемъ одни сухіе, безцвѣтные, безароматные, безобразные остовы....

Еслибъ природа даровала Николаю сильное, мощное тѣлосложеніе отца его, то чувственныя наслажденія заглушали бъ въ немъ *платонизмъ;* но онъ былъ одаренъ нѣжною, почти слабою организаціею; духъ преобладалъ въ немъ надъ плотію. Минутное увлеченіе послѣдней оставляло въ немъ омерзѣніе и раскаяніе.

Обстоятельства дѣтства Николая положили основаніе душевной пустотѣ, разочарованію—нравственной болѣзни, доводящей человѣка до самоубійства. Послѣдствія жизни его развили эту болѣзнь.

Николай вступилъ на службу. Ни быстрое повышеніе, ни награды не льстили ему. Онъ оставался равнодушнымъ, потому-что все доставалось ему слишкомъ легко, безъ труда, безъ усилій.

Онъ пренебрегалъ службой, предавался удовольствіямъ, сначала съ жаромъ, но потомъ все холоднѣе и холоднѣе, потому-что ни въ чемъ не встрѣчалъ препятствій.

— Чудакъ! сказалъ однажды Александръ Матвѣевичъ Николаю, когда онъ при отцѣ проигралъ значительную сумму денегъ: ты долженъ былъ держаться червей.

И—чѣмъ легче *жилось* Николаю, тѣмъ тягостнѣе была для него жизнь.

Препятствіе—первая приправа жизненныхъ наслажденій; только тотъ, кто страдалъ, можетъ быть истинно счастливъ.

Николай Александровичъ инстинктивно и желая пополнить душевную пустоту, ища ощущеній, чтобы избавиться отъ тягостнаго томленія, въ которомъ изнывало сердце его, создалъ себѣ искуственную, такъ сказать, жизнь.

Въ одномъ изъ ресторановъ познакомился онъ съ Лихаревымъ, который самъ, какъ казалось, старался сблизиться съ нимъ. Нѣсколько каррикатурная, жесткая, размашистая натура Лихарева понравилась молодому человѣку точно такъ, какъ вкусу, притупленному французскими соусами, нравится иногда добрая тарелка крестьянскихъ щей и ломоть ржанаго хлѣба.

Лихаревъ завлекъ своего новаго пріятеля въ свою *компа-*

нію лихихъ малыхъ, которые любили иногда въ *картишки поиграть*.

Фамильярность Корюшкина, грубые пріемы лихихъ малыхъ произвели сначала на Николая непріятное впечатлѣніе; но мало-по-малу онъ привыкъ къ нимъ. Потомъ разыгралось праздное воображеніе, съ жадностію искавшее занятія, и—Николай сдѣлался игрокомъ, противъ своей воли, и только потому, что въ таинственности, которою сопровождалась игра, въ лицахъ и предметахъ, окружавшихъ ее, онъ нашелъ, по своему мнѣнію, часть рѣзкихъ ощущеній, возмутившихъ, наконецъ, унылую, томительную гладь безцвѣтной жизни его.

Мало того; будучи совершеннолѣтнимъ, онъ могъ вполнѣ располагать имѣніемъ, доставшимся ему въ наслѣдство отъ матери; онъ могъ располагать имъ тѣмъ свободнѣе, что никогда Александръ Матвѣевичъ не требовалъ отъ него отчета въ израсходованіи полученныхъ денегъ. Создавъ же себѣ страсть, Николай старался окружить ее затрудненіями и препятствіями: онъ сталъ занимать деньги съ таинственностію; нравившеюся праздному воображенію его, и добровольно подвергался всѣмъ безпокойствамъ и непріятностямъ бѣдняковъ.

Создавъ себѣ такимъ образомъ заботы и безпокойства, Николай былъ счастливѣе...

Общественыя условія поставили его въ такое положеніе, что онъ *имѣлъ право* быть празднымъ; но инстинктъ его возмущался противъ праздности; она была ему въ тягость.

Чтобы выдти изъ нея, нужно было привести въ дѣйствіе двѣ силы: умъ и сердце.

Умъ Николая находился въ усыпленіи, въ апатіи: воспитаніе не дало ему той первоначальной пищи, которая вѣчно возбуждаетъ въ немъ новыя требованія, и пріучаетъ его къ дѣятельности; общественныя обязанности не требовали отъ него никакихъ усилій.

Грустныя обстоятельства рано пробудили сердце Николая. Не вникая въ тайны сердца, Николай познакомился только съ поверхностными, такъ сказать, ощущеніями его; въ нихъ заключалось для него добро и зло жизни, и пробужденіемъ ихъ, какими-бы то ни было средствами, ограничилась дѣятельность его.

Примиреніе съ мачихой пробудило въ сердцѣ молодаго человѣка болѣе естественныя благородныя ощущенія, и—игра была забыта.

Полторы недѣли Николай Александровичъ не показывался у Корюшкина. Въ воскресенье, вечеромъ, передъ Ѳомининой недѣлей, онъ встрѣтился съ Лихаревымъ.

Николай Александровичъ былъ разстроенъ, взволнованъ. Лихаревъ съ участіемъ освѣдомился о причинѣ его волненія. Николай не отвѣчалъ, но, казалось, обрадовался встрѣчѣ съ Борисомъ Астафьевичемъ, и пригласилъ его съ собой обѣдать, съ тѣмъ однако жъ условіемъ, чтобы Лихаревъ пошелъ съ нимъ въ настоящій русскій трактиръ.

— Люблю! вскричалъ неслужащій дворянинъ: то есть ты, Николинька, душа моя, настоящій патріотъ, а не бонжуръ какой! Пойдемъ я тебѣ покажу трактюшу, гдѣ русскій духъ, гдѣ Русью пахнетъ!... Фрикаделекъ не требуй, за-то солянка—деликатессъ!...

Борисъ Астафьевичъ повелъ Тучинова въ свой любимый трактиръ, на-углу двухъ улицъ.

Русскій духъ отнялъ у Николая послѣдній аппетитъ. Онъ почти ничего не ѣлъ, но за-то тѣмъ чаще прибѣгалъ къ травничку, о которомъ дотолѣ не имѣлъ никакого понятія. Утоленіе жажды крѣпкими напитками возбуждаетъ жажду. Послѣ кислаго лафита, Тучиновъ велѣлъ подать шампанскаго.

Голова Николая кружилась, вкусъ вина былъ ему противенъ, но онъ пилъ и пилъ, какъ бы стараясь запить тайное горе....

Было темно, когда Тучиновъ и Лихаревъ вышли изъ трактира; первый спотыкаясь и придерживаясь стѣны, второй напѣвая громкимъ голосомъ:

Ужъ какъ вѣетъ вѣтерокъ,
Изъ трактира въ погребокъ!

— Куда теперь? Спросилъ Лихаревъ, поддерживая Николая.

— Шампанскаго! проворчалъ послѣдній.

Борисъ Астафьевичъ шепнулъ что́-то на ухо молодому человѣку.

— Ѣдемъ! закричалъ послѣдній, махнувъ рукою: ѣдемъ! Извощикъ, вези насъ....

— Сторонись, моншеръ, дамы идутъ, перебилъ его Лихаревъ, и оба откачнулись въ сторону.

Минуту спустя подъѣхалъ извощикъ..

Полтора часа спустя, неразлучные въ этотъ вечеръ пріятели явились къ Корюшкину.

Лихаревъ былъ красенъ какъ ракъ, но, казалось, протрезвился. Николай былъ растрепанъ; манишка его была измята, шейный платокъ повязанъ съ боку; золотой булавки уже не было.

Тучиновъ былъ блѣденъ; темносиніе глаза его приняли сѣрый, тусклый, болѣзненный цвѣтъ; выраженіе ихъ было бы безсмысленно, если бъ брови надъ ними не были сдвинуты. Походка его была нетверда; онъ задѣвалъ за столы и стулья.

Николай отвѣчалъ отрывисто на радостныя привѣтствія карточныхъ пріятелей.

— Давайте играть!... играть хочу! вскричалъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу такъ, что на немъ запрыгали фишки.

Одинъ изъ игроковъ мигнулъ Корюшкину.

Явились новыя карты. Началась игра.

Тучиновъ проигрывалъ.

— Баста! вскричалъ одинъ изъ игроковъ, выигравъ порядочную сумму: я больше не играю.

— Отчего? угрюмо спросилъ Тучиновъ.

— Разсчитаемся сперва.

— Николай опустилъ руку въ боковой карманъ. Бумажникъ его былъ пустъ; въ кошелькѣ было нѣсколько мелкой монеты.

— Запишите, сказалъ Тучиновъ отрывисто: завтра разсчитаемся. У меня нѣтъ съ собой денегъ.

— Извольте, холодно возразилъ игрокъ: но позвольте вамъ замѣтить, что безъ денегъ за карты не садятся....

— Что̀-о-о? произнесъ протяжно Николай, еще болѣе разгоряченный стаканомъ крѣпкаго пунша.

Игрокъ пожалъ плечами, и не отвѣчалъ.

— Сдавайте, сказалъ ему Тучиновъ повелительно.

— Я больше не играю.

— Сдавайте, говорятъ вамъ! закричалъ Николай.

— Разсчитайтесь сперва.

— Полноте, господа, полноте! вскричалъ Лихаревъ: изъ пустяковъ ссору затѣваете.... Коля, душечка!... Миша, дружокъ!...

— Онъ мнѣ не вѣритъ! закричалъ Николай задыхающимся голосомъ. Я требую, чтобы онъ продолжалъ игру!...

— Полно, Коля!... Миша, сколько ты выигралъ? Говори, я тебѣ сейчасъ отсчитаю денежки.... Да я за Колю душу отдамъ.... Я ему вѣрю, какъ червонцу! Получай, Миша, получай!

Борисъ Астафьевичъ замялъ ссору, обнялъ Николая, при-

несъ ему новый стаканъ пунша, далъ затянуться изъ своей трубки, и игра продолжалась.

Николай Александровичъ молчалъ, пилъ пуншъ и изъ-подлобья глядѣлъ на игрока, котораго Лихаревъ называлъ фамильярно Мишей.

Николай постоянно проигрывалъ; во время ссоры на щекахъ его выступилъ легкій румянецъ, но теперь лицо его поблѣднѣло пуще прежняго. Онъ не спускалъ глазъ со своего выигрывавшаго противника, и по временамъ, рука его судорожно сжимала стаканъ.

Вдругъ Николай вскочилъ. Глаза его сверкали, губы дрожали.

— Стой! закричалъ онъ съ бѣшенствомъ своему противнику: ты плутуешь!...

Миша тоже вскочилъ, и поспѣшно бросивъ и смѣшавъ карты, отвѣчалъ:

— Плутуетъ тотъ, кто играетъ безъ денегъ, *на фу-фу*!

Лихаревъ остановилъ ссору.

— Смирно! не шалить! закричалъ онъ: это геомопатія! Языкомъ болтай, а рукамъ воли не давай!

Николай между-тѣмъ опомнился.

— Оставьте; Борисъ Астафьевичъ, произнесъ онъ слабымъ, дрожащимъ голосомъ. Чувство приличія и уваженія къ самому себѣ пробудилось въ немъ.—Оставьте, Борисъ Астафьевичъ, мы разсчитаемся съ.... съ этимъ господиномъ.

— Николай Александровичъ, произнесъ Корюшкинъ съ натянутымъ достоинствомъ: вы обидѣли не только Михайлу Васильевича, но и меня и всѣхъ моихъ гостей....

— Я готовъ дать вамъ всѣмъ удовлетвореніе, отвѣчалъ Николай гордо.

— Что̀ касается до меня, возразилъ Корюшкинъ, не только не понимая, но даже не угадывая смысла словъ Николая, то я не претендую на васъ.... Мало-ли что̀ человѣкъ въ горячности отпуститъ....

— Не въ моей горячности дѣло, возразилъ Николай, бросивъ на Михайлу Васильевича взглядъ, исполненый ненависти: я васъ обидѣлъ, слѣдовательно извольте выбирать оружіе.

— Чево-съ?... Чево-съ?... произнесъ Корюшкинъ протяжно.

Наступило минутное молчаніе. Вдругъ всѣ присутстствовавшіе, исключая Тучинова и Лихарева, громко захохотали.

— Никифоръ Игнатьичъ! закричалъ Миша: подайте уполовникъ. Мы сразимся!

— Лучше метлу, чтобы соръ изъ избы вымести! замѣтилъ другой гость.

— Пошлите ко мнѣ: у меня есть старое ружье безъ курка!

И за каждымъ предложеніемъ слѣдовалъ громкій хохотъ.

— Мерзавцы! вскричалъ Николай Александровичъ, съ яростію сжавъ спинку стула.

— Что̀-о? Что̀-о? Что̀? послышалось со всѣхъ сторонъ, и всѣ грозно подступили къ молодому человѣку.

Послѣдній стоялъ неподвижно. Онъ протрезвился. За негодованіемъ, бѣшенствомъ, послѣдовало чувство невыразимаго омерзенія.... Стыдъ и раскаяніе овладѣли имъ....

Вдругъ дверь отворилась.

На порогѣ явился мужчина, намѣревавшійся нанять квартиру.

Изъ-за него выглядывало краснощекое лицо стряпухи, которая прежде не показывалась, привыкнувъ, вѣроятно, къ подобнымъ сценамъ.

Корюшкинъ и гости его внезапно отступили отъ Николая Александровича, а онъ остался въ прежнемъ положеніи, не поднявъ даже глазъ.

При видѣ незнакомца, Лихаревъ схватился за усы, поднялъ плечи и скорчилъ гримасу.

— Что̀ вамъ угодно? спросилъ хозяинъ, идя на встрѣчу незнакомцу, остановившемуся на порогѣ.

Незнакомецъ не отвѣчалъ, продолжая осматривать присутствовавшихъ.

— Ага! произнесъ онъ наконецъ, увидѣвъ Лихарева: и вы здѣсь? Стало-быть, я не ошибался...,.

При этихъ словахъ, Николай быстро поднялъ голову.... Сердце его судорожно сжалось.... Ужасъ выразился на лицѣ.

— Точно такъ, отвѣчалъ между-тѣмъ Борисъ Астафьевичъ, распаркиваясь: точно такъ....

Хозяинъ перебилъ его.

— Позвольте узнать, милостивый государь, спросилъ онъ съ сердцемъ: что̀ вамъ....

Корюшкинъ не договорилъ. Спина его внезапно согнулась, ноги подкосились, голосъ замеръ.

Незнакомецъ распахнулъ шинель. Эффектъ этотъ былъ, вѣроятно, придуманъ. На груди его блеснула звѣзда.

Посреди наступившаго молчанія, слышался только голосъ Лихарева, не терявшаго присутствія духа.

— Точно такъ, ваше превосходительство, говорилъ онъ:

мы собираемся иногда въ кругу добрыхъ пріятелей..... всѣ душа въ душу..... Симпатія-съ, хе, хе, хе!

— Играть въ карты? произнесъ холодно отецъ Тучинова.

— Такъ-съ..... пуръ пасѐ ле танъ, какъ говорится; по маленькой..... по самой маленькой..... знаете такъ, чтобы только заинтересовать.....

— А знаете ли, чему подвергаются игроки?....

— Проигрышу, отвѣчалъ Лихаревъ, закинувъ руки на спину

Александръ Матвѣевичъ пристально и грозно взглянулъ на неслужащаго дворянина, но послѣдній смѣло вынесъ этотъ взглядъ, не мигнувъ даже глазомъ; только брови его слегка сдвинулись.

— Ваше превосходительство, произнесъ наконецъ дрожащимъ голосомъ хозяинъ, опуская голову ниже и ниже къ полу: не извольте предполагать чего-либо..... одна забава.....

Прочіе игроки осматривались, какъ бы убраться. Но Тучиновъ стоялъ на самомъ порогѣ, а другаго выхода не было.

Одинъ Михайла Васильевичъ ухитрился, и сгорбившись, ускользнулъ въ спальню хозяина, и забился подъ кровать.

— Николай Александровичъ, произнесъ отецъ его: что же вы не оправдываетесь?....

Молодой человѣкъ выступилъ, наконецъ, впередъ.

— Боже мой! въ какомъ видѣ! вскричалъ Александръ Матвѣевичъ.

— Батюшка, возразилъ Николай тихимъ голосомъ: я довольно униженъ..... собственное презрѣніе тягостнѣе и дѣйствительнѣе строжайшихъ выговоровъ,

— Посмотритесь въ зеркало, сказалъ Александръ Матвѣевичъ, и къ презрѣнію, которое вы очень справедливо питаете къ себѣ, присовокупится омерзѣніе.....

Николай забылъ бы все прошедшее, если бъ въ эту минуту услышалъ отъ отца слово участія.

— Пощадите меня, батюшка! произнесъ онъ умоляющимъ голосомъ.

— По неволѣ, холодно отвѣчалъ Алекеандръ Матвѣевичъ: по неволѣ я долженъ пощадить васъ, чтобы не подвергнуть суду вмѣстѣ съ этими негодяями.....

Николай поднялъ голову.

На Корюшкина и гостей его слово негодяи имѣло теперь совершенно противное первому дѣйствіе; они разомъ поклонились; только Борисъ Астафьевичъ небрежно пожалъ плечами.

— Эти люди,—повторилъ Александръ Матвѣевичъ: называютъ васъ пріятелемъ.... вы съ ними душа въ душу....

— Александръ Матвѣевичъ, сказалъ Николай, позвольте мнѣ уйдти.

Выраженіе голоса молодаго человѣка поразило отца его. Онъ понялъ, что выговоры его были неумѣстны.

— Пойдемте вмѣстѣ, сказалъ онъ, смягчивъ голосъ.

Николай поклонился молча, и оба вышли. Александръ Матвѣевичъ не удостоилъ оставшихся даже взгляда.

Нѣсколько мгновеній длилось молчаніе послѣ выхода отца и сына.

— Чтобы привести опять всю эту аферу въ симметрію, сказалъ наконецъ Лихаревъ: скажу вамъ по секрету, я зналъ, что выйдетъ эта оказія.

— Зналъ! И не предупредилъ?

— Не предупредилъ.

— Отчего?

— Отчего? повторилъ Борисъ Астафьевичъ, и глаза его зверкали, брови насупились. Онъ стукнулъ кулакомъ по столу, щелкнулъ картами, и, внезапно принявъ прежній безпечный видъ, продолжалъ: Оттого, что здорово живешь!...

Александръ Матвѣевичъ и сынъ его молча сошли съ лѣстницы.

Наемная карета стояла у воротъ. Извощикъ дремалъ на козлахъ.

— Подавай! крикнулъ Александръ Матвѣевичъ.

Николай поклонился отцу, готовясь удалиться.

— Останься, я довезу тебя, сказалъ Александръ Матвѣевичъ.

— Позвольте мнѣ дойдти пѣшкомъ.

— Перестань дурачиться, нетерпѣливо вскричалъ Александръ Матвѣевичъ. Ты поѣдешь со мною.

— Я дойду пѣшкомъ.

— Черствая душа! проворчалъ отецъ, отвернулся и сѣлъ въ карету.

Николай Александровичъ дошелъ до Литейной, и поворотилъ налѣво, а не направо.

По Невскому проспекту онъ дошелъ до Аничкова-моста и остановился на немъ.

Вода Фонтанки тихо плескала о гранитные берега.

Николай долго и неподвижно глядѣлъ въ черную пучину. Его тянуло внизъ. Голова его кружилась....

Вдругъ онъ вспомнилъ о трупѣ утопленника, который ему случилось однажды видѣть.

Съ ужасомъ отступилъ онъ отъ перилъ.

Физическое омерзѣніе побѣдило нравственное.

Начинало уже разсвѣтать, когда Николай вернулся домой.

ГЛАВА X.

Ненависть и любовь.

Захаръ Ивановичъ былъ очень разстроенъ.

Онъ разсказалъ сестрицѣ о разговорѣ его съ Тучиновымъ и о бѣдствіи, постигшемъ его.

— Признаюсь, обстоятельство нехорошее.

— Ничево-съ, сестрица! возразилъ Захаръ Ивановичъ: мнѣ, признаться сказать, самому надоѣло служить у Тучинова....

— Неужели? Такъ стало-быть незачѣмъ и стараться поправить дѣло?

— То есть, постараться можно.... Конечно, мнѣ надоѣло служить у Тучинова, но.... знаете, надобно пріискать сперва другое мѣсто, а не такъ, съ бухты-барахты....

— Надобно подумать, братецъ; Богъ милостивъ, авось дѣло поправится.

— Дай-то Богъ, произнесъ Захаръ Ивановичъ искреннѣе прежняго.

Татьяна Ивановна пріуныла, призадумалась.

Между-тѣмъ какъ пальцы ея машинально разбирали по ниточкѣ шелковые лоскутки для крашенія яицъ, умъ ея постоянно преслѣдовалъ одну идею.

Послѣ заутрени въ Свѣтлое-Христово воскресенье, она трижды поцѣловала братца, подарила ему яичко, выкрашенное подъ мраморъ, поздравила его съ праздникомъ, и произнесла торжественно:

— Братецъ, вы останетесь въ конторѣ у Тучинова.

— Нѐчто вамъ приснилось что̀-либо хорошее? спросилъ обрадованный Захаръ Ивановичъ.

— Потолкуемъ, братецъ, когда разговѣемся. Теперь пойдемте къ тятенькѣ.

Они потолковали. Видно средство, придуманное старой

дѣвой, было не совсѣмъ по вкусу Захара Ивановича. Онъ долго почесывалъ затылокъ, но наконецъ согласился. Агафья Степановна была избрана посредницей, и цѣлую недѣлю, эта старуха бѣгала отъ Опухтиныхъ къ Тучиновымъ, и обратно. Наконецъ, въ послѣдній день праздниковъ, дѣло, по-видимому, уладилось. Старая дѣва, Агафья Степановна и Захаръ Ивановичъ отпраздновали этотъ день вмѣстѣ, и на радости, отправились даже къ балаганамъ.

На слѣдующій день Захаръ Ивановичъ, какъ ни въ чемъ не бывало, пошелъ въ свою должность.

Хлопоты по этому нечаянному дѣлу на время отвлекли мысли старой дѣвы отъ сватовства; но когда все пошло по-старому, она рѣшилась дѣйствовать съ бо̀льшимъ противъ прежняго усердіемъ.

Татьяна Ивановна не знала, что никто не помогалъ ей въ этомъ дѣлѣ столько, какъ молодой человѣкъ, сочинитель безъимяннаго письма.

Послѣдній поступокъ его въ балаганѣ возбудилъ въ сердцѣ Аннеты сильное негодованіе. Могла ли она принять тайкомъ письмо отъ незнакомаго молодаго человѣка?... Она не приняла письмо, и, слѣдовательно, заслужила не оскорбленіе, а уваженіе. Онъ сказалъ, что у нея нѣтъ сердца ... Что̀ же такъ громко и часто бьется въ груди ея? Откуда же проистекаетъ то странное чувство, которое заставляетъ ее теперь такъ сильно ненавидѣть молодаго незнакомца?...

Ночь, проведенная почти безъ сна, еще болѣе раздражила ненависть Аннеты; не смотря на то, она сохранила тайну ея въ своемъ сердцѣ.

Это была первая тайна ея отъ матери.

Это было первое ясное проявленіе любви въ сердцѣ Аннеты, потому-что причина ненависти ея заключалась въ невольномъ, тайномъ участіи, которое она доселѣ принимала въ незнакомцѣ. Не смотря на благоразумные совѣты матери, не смотря на собственныя усилія, она не могла заглушить этого участія, а онъ оскорбилъ ее.... Съ презрительною колкостію назвалъ онъ ее: *madame Опухтинъ!*...

— Хорошо же! съ сердцемъ произнесла Аннета: я буду madame Опухтинъ!

Чтобы скорѣе привести въ исполненіе свое грустное мщеніе, молодая дѣвушка рѣшилась тотчасъ объясниться съ матерью; но въ передней послышался голосъ Татьяны Ива-

новны... невыразимый страхъ овладѣлъ Аннетой, и она убѣжала въ свою комнату, откуда вышла только по зову Юліи Карловны.

Борьба противуположныхъ ощущеній, насильственное напряженіе воли чрезвычайно утомляли Аннету; по временамъ мысли ея путались; она сжимала голову обѣими руками.... воспоминаніе о причиненномъ ей оскорбленіи волновало кровь ея.... Только одно могло бы успокоить ее въ эту минуту: возможность сказать молодому незнакомцу, что она его ненавидитъ!...

— Я напишу ему, говорила она: но куда, кому адресовать письмо?... Онъ слѣдитъ за всѣми моими поступками, а я даже не знаю кто онъ!... Онъ слѣдитъ за мною.... такъ пускай же узнаетъ, что предсказаніе его сбылось!

Страсть до того омрачила разсудокъ Аннеты, что будущее не существовало для нея; она жила только настоящимъ, и въ немъ видѣла только мщеніе....

Полчаса спустя послѣ ухода Татьяны Ивановны, докторъ, жена его и дочь собрались въ кабинетѣ, обыкновенномъ мѣстѣ семейныхъ совѣщаній.

Аннета была въ сильномъ волненіи; на лицѣ Юліи Карловны выражалось боязненное безпокойное ожиданіе; Ѳедоръ Ивановичъ былъ совершенно спокоенъ, онъ самодовольно улыбался.

— Простите мнѣ, что я причиняю вамъ столько безпокойства, говорила Аннета; но я не хочу оставлять васъ долѣе въ неизвѣстности на счетъ... на счетъ того, о чемъ вы говорили мнѣ нѣсколько недѣль тому назадъ.... Вы дали мнѣ время подумать, и—я подумала. Сегодня я могу дать вамъ рѣшительный отвѣтъ.

— Не торопись Аннета, сказала Юлія Карловна: подумай лучше еще, подожди....

— Зачѣмъ ждать! вскричалъ Ѳедоръ Ивановичъ: коли тебѣ кажется, что намѣреніе твое твердо, такъ объяснись и— дѣло съ концемъ!

— Вы, Ѳедоръ Ивановичъ, слишкомъ легко судите о важнѣйшемъ шагѣ въ жизни вашей дочери, серьозно сказала Юлія Карловна, которую чрезвычайно безпокоило спокойствіе мужа.

— Юлія Карловна, возразилъ мужъ: до-сихъ-поръ дѣло это не имѣетъ еще той важности, которую ты приписываешь ему; только послѣ отвѣта Аннеты оно получитъ ее.... или вовсе потеряетъ, прибавилъ онъ вполголоса.

Юлія Карловна пожала плечами и обратилась къ Аннетѣ.

— Обними меня, другъ мой, сказала она.

Молодая дѣвушка бросилась въ объятія матери; потомъ, рыдая, опустилась на колѣни, у ногъ ея.

Слезы текли по щекамъ жены доктора; положивъ обѣ руки на голову дочери, она произнесла тихимъ, торжественнымъ голосомъ:

— Да просвѣтитъ Господь твой разумъ! Да благословитъ Господь твое намѣреніе!... Не соглашайся и не отвергай легкомысленно, дитя мое; подумай, что отъ слова, которое ты теперь произнесешь, зависитъ твоя участъ; въ немъ заключается, быть-можетъ, счастіе, быть-можетъ, несчастіе....

— Не упоминай о несчастіи, другъ мой! съ чувствомъ вскричалъ Ѳедоръ Ивановичъ: каковъ бы ни былъ отвѣтъ Аннеты, онъ послужитъ только къ счастію ея; за это ручаюсь я!...

Юлія Карловна съ изумленіемъ посмотрѣла на мужа. Въ первый разъ, съ самаго дня перваго знакомства ихъ добродушное, открытое лицо Ѳедора Ивановича было для нея загадкой.

Нѣсколько секундъ продолжалось молчаніе.

— Говори, Анненька, говори, сказалъ докторъ дочери, продолжавшей плакать, скрывъ лицо на колѣняхъ матери.

— Я... я... отвѣчала Аннета прерывающимся голосомъ.

Кто-то тихо постучался въ дверь.

Ѳедоръ Ивановичъ скоро всталъ, отперъ дверь и вышелъ.

— Письмо отъ Александра Матвѣевича Тучинова, сказалъ постучавшійся лакей.

— Хорошо, хорошо, нетерпѣливо возразилъ Ѳедоръ Ивановичъ, возвратился въ кабинетъ, и опять заперъ за собою дверь, не распечатывая письма.

Аннета была въ объятіяхъ матери. Послѣдняя невольно бросила на мужа торжествующій взглядъ.

— Она согласна! произнесла Юлія Карловна.

— Какой вздоръ! возразилъ Ѳедоръ Ивановичъ, ставъ въ тупикъ.

— Ѳедоръ Ивановичъ!... сказала Юлія Карловна съ выраженіемъ упрека.

Но докторъ не обратилъ вниманія на выраженіе голоса жены; лицо его сдѣлалось серьознымъ, и взявъ руку Аннеты, онъ привлекъ ее къ себѣ.

— Анненька, спросилъ онъ: что̀ ты отвѣчала маменькѣ?

— Я согласна, отвѣчала молодая дѣвушка едва слышнымъ голосомъ.

— Согласна?... Зачѣмъ же ты плачешь?

Аннета отвѣчала слезами.

— Посмотри на меня, продолжалъ докторъ, поднявъ голову дочери: скажи мнѣ, отчего ты плачешь?

— Я удивляюсь вашему вопросу, Ѳедоръ Ивановичъ, сказала Юлія Карловна: неужели вы хотите....

— Другъ мой перебилъ ее съ кротостію мужъ: я тебѣ сказалъ, что обстоятельство это сдѣлается важнымъ послѣ отвѣта Аннеты... Она отвѣчала согласно твоимъ видамъ; къ сожалѣнію, эти виды не согласуются съ моими... Позволь же мнѣ поговорить съ Аннетой. Дитя мое, продолжалъ онъ, обратившись опять къ молодой дѣвушкѣ: утри слезы, успокойся, сядь, и отвѣчай на мои вопросы.

Юлія Карловна вздохнула и подняла глаза къ небу.

Аннета сѣла, тщетно стараясь удержать слезы.

— Скажи мнѣ, дитя мое, продолжалъ Ѳедоръ Ивановичъ съ сердечнымъ участіемъ: убѣждена ли ты въ томъ, что будешь счастлива съ Захаромъ Ивановичемъ?

Молодая дѣвушка не отвѣчала.

Вопросъ отца былъ такъ положителенъ, что она должна была отвѣчать либо отрицательно, либо солгать... Въ сердцѣ Аннеты произошла рѣзкая перемѣна. Ненависть вовсе угасла въ немъ. Безсиліе или невозможность *высказаться* бросаетъ часто жажду мщенія въ души кротчайшія. Едва Аннета произнесла согласіе на бракъ съ Опухтинымъ, какъ жажда мщенія была удовлетворена, страсть угасла,—разсудокъ прозрѣлъ. Онъ заглянулъ въ будущность, — равнодушіе, холодъ, почти отвращеніе!.., Заглянулъ въ сердце,—любовь и безнадежность!...

Ѳедоръ Ивановичъ промолчалъ нѣсколько секундъ, какъ бы дожидаясь отвѣта, потомъ продолжалъ:

— Увѣрена ли ты въ томъ, что не раскаешься въ-послѣдствіи?

Отвѣта не было.

— Чувствуешь ли ты къ Захару Ивановичу что-либо, кромѣ пріязни?....

Аннета не могла скрыть легкаго движенія отвращенія.

Движеніе это не скрылось отъ отца, пристально смотрѣвшаго на молодую дувушку. Онъ покачалъ головой.

— Ты не отвѣчаешь на мои вопросы, продолжалъ онъ: и—не смотря на то,—согласна?

— Согласна, отвѣчала Аннета съ усиліемъ и не поднимая глазъ.

Ѳедоръ Ивановичъ опять покачалъ головой, небрежно ударяя запечатаннымъ письмомъ по поручню кресла.

— Вы слышите? сказала Юлія Карловна.

— Слышу, отрывисто отвѣчалъ докторъ.

— Слѣдовательно, намъ остается благословить...

— Не торопитесь, Юлія Карловна, холодно перебилъ ее мужъ: вамъ недостаетъ еще одного согласія.

— Чьего?

— Моего. Я не согласенъ.

Аннета скоро подняла голову... Лучъ радостной надежды блеснулъ въ глазахъ ея... Съ признательностію посмотрѣла она на отца.

— Ѳедоръ Ивановичъ, вы не благоразумны, сказала Юлія Карловна.

— Я не соглашаюсь на этотъ бракъ, повторилъ рѣшительнѣе прежняго докторъ, встрѣтивъ взглядъ дочери.

Юлія Карловна встала съ досадой. Никогда еще воля мужа ея не проявлялась съ такою твердостію.

— Вы берете на себя великую отвѣтственность, сказала она: но я прекословить вамъ не стану, хотя вы оскорбляете меня въ присутствіи дочери....

— Другъ мой, вскричалъ докторъ, поспѣшно вскочивъ и схвативъ руку жены: я знаю, что ты имѣешь въ виду счастіе Аннеты, но выслушай же меня! Я не хочу отдать свою дочь за ростовщика!....

— Кто ростовщикъ? съ живостію вскричала Юлія Карловна.

— Опухтинъ.

— Это клевета!

— Тучиновъ отказалъ ему отъ мѣста за лихоимство! съ негодованіемъ вскричалъ докторъ.

— Боже мой! произнесла жена его, всплеснувъ руками; на кого послѣ этого положиться!

— На Бога, отвѣчалъ Ѳедоръ Ивановичъ торжественно, и—на себя....

Наступила минута молчанія.

Аннета уже не плакала. Сердцу ея было легко, оно радостно билось въ груди ея.

Ѳедоръ Ивановичъ бросилъ письмо на столъ, прошелся по комнатѣ, посмотрѣлъ на часы, и подошелъ къ женѣ.

— Забудемъ эти тягостныя минуты, сказалъ онъ, по-

цѣловавъ ее,—и покоримся волѣ Всевышняго... Прощай, Анненька, до свиданія... Больные ждутъ меня.

Молодая дѣвушка съ чувствомъ и крѣпко-крѣпко поцѣловала руку отца.

За дверью Ѳедоръ Ивановичъ встрѣтилъ лакея.

— Отъ Александра Матвѣевича Тучинова опять пришелъ человѣкъ; просятъ васъ къ себѣ сказалъ лакей.

— Ахъ, Боже мой, письмо, вскричалъ Ѳедоръ Ивановичъ спохватившись, и вернулся въ кабинетъ.

Юлія Карловна сидѣла задумавшись. Аннета цѣловала руку ея.

Лицо доктора измѣнялось по мѣрѣ того, какъ онъ читалъ письмо. Прочитавъ, онъ судорожно смялъ его, спряталъ въ карманъ, и скорыми шагами пошелъ къ двери.

— Что̀ случилось? спросила Юлія Карловна.

— Ничего отвѣчалъ Ѳедоръ Ивановичъ отрывисто.

Но у двери онъ остановился.

— Это странно, проговорилъ онъ вполголоса; потомъ, полурастворивъ дверь, крикнулъ лакею:—Скажи, что сейчасъ буду!—и вернулся къ Аннетѣ.

— Скажи мнѣ, дитя мое, спросилъ онъ, сожалѣешь ли ты о томъ, что я не принялъ твоего согласія?....

— Нѣтъ, отвѣчала молодая дѣвушка тихимъ голосомъ и опустивъ глаза.

— Непостижимо! проговорилъ Ѳедоръ Ивановичъ, пожавъ плечами; потомъ прибавилъ вслухъ: я долженъ оправдать Опухтина.

Юлія Карловна съ живостію подняла голову. Боязнь выразилась на лицѣ Аннеты.

— Вотъ что̀ мнѣ пишетъ Тучиновъ, продолжалъ докторъ:

«Почтеннѣйшій Ѳедоръ Ивановичъ, новое горе по-«стигло мой домъ. Старшій сынъ мой опасно занемогъ. «Жду васъ съ нетерпѣніемъ отца. Съ вами явится по-«мощь, за вами останется утѣшеніе.

«Еще одно слово: вы справлялись о нравственности «одного изъ моихъ подчиненныхъ, Опухтина. Каюсь въ «опрометчивости. Опухтинъ честный человѣкъ. Грус-«но было обвинять; пріятно оправдать.

«Ради Бога, поспѣшите.

«Уважающій васъ

А. Тучиновъ.»

— Видишь ли, другъ мой, вскричала Юлія Карловна радостно: какъ опасно обвинять человѣка!

— Каюсь, отвѣчалъ Ѳедоръ Ивановичъ съ грустію: и— чтобы вознаградить Захара Ивановича за невольно причиненную обиду... не сопротивляюсь болѣе желанію Аннеты....

Молодая дѣвушка вздрогнула, бросилась на колѣни передъ отцомъ, и простирая къ нему руки, вскричала съ отчаяніемъ:

— О, нѣтъ!... нѣтъ!... нѣтъ!....

Сердце побѣдило гордость.

Ѳедоръ Ивановичъ съ грустнымъ упрекомъ посмотрѣлъ на жену. Юлія Карловна поняла этотъ упрекъ, и какъ бы желая оправдаться, обратилась къ дочери.

— Аннета, я не понимаю тебя!....

— Маменька, простите, простите!

— Кто принуждалъ тебя? спросила мать.

— Простите! рыдая вскричала молодая дѣвушка.

— Зачѣмъ же ты соглашалась?

— Я люблю его, и онъ оскорбилъ меня! съ воплемъ вскричала Аннета.

— Кто? Кто? спросили въ одинъ голосъ отецъ и мать.

Аннета закрыла лицо обѣими руками, стараясь заглушить рыданія....

— Не знаю, произнесла она наконецъ едва слышнымъ голосомъ, и скрыла лицо на колѣняхъ матери....

. . . . . .

— Другъ мой, сказалъ Ѳедоръ Ивановичъ, послѣ короткаго молчанія, утеревъ слезу и пожавъ руку женѣ: обязанности отца семейства священны,—но еще священнѣе обязанности члена общества... Меня ждутъ мои больные.

Онъ скоро пошелъ къ двери.

— Папенька! вскричала Аннета съ горестію: скажите мнѣ одно слово!....

Ѳедоръ Ивановичъ ушелъ не оглянувшись.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ДОБРО И ЗЛО.

Романъ Н. Фурманна.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ *.

ГЛАВА I.

Видоизмѣненія старой дѣвы.

Отгороженное мѣсто, находившееся за дровами, передъ деревяннымъ домомъ, занимаемымъ Опухтиными, украшалось своимъ лѣтнимъ нарядомъ. Тощіе, сквозные кусты покрывались блѣдною, хотя и свѣжею зеленью; дерево съ усѣченнымъ верхомъ пускало изъ своего ствола новые, длинные, слабые сучья, подобные прутьямъ. Неровными клочьями пробивалась буроватая трава на скупой землѣ, согрѣваемой только вечернимъ солнцемъ. Самые левкои и резеда, посаженные въ землю съ горшками, наполненными

* Первыя три части этого замѣчательнаго романа, который, какъ мы увѣрены принесетъ большое удовольствіе нашимъ читателямъ, были напечатаны въ прошломъ году. Различныя обстоятельства позволили нашему постоянному сотруднику, находившемуся во все продолженіе этого времени за границей, только нынче прислать намъ окончаніе этого романа. Читатели наши, не получавшіе *Сына Отечества* въ прошломъ году, познакомятся съ этимъ романомъ въ нынѣшней книгѣ. *Ред.*

болѣе жирною землею, блекли и уныло клонились къ землѣ.

Дорожки были посыпаны свѣжимъ, сырымъ пескомъ, но кухарка, на которую Татьяна Ивановна возложила этотъ трудъ, не сочла нужнымъ выполоть сперва траву, пробивавшуюся на дорожкахъ съ бо́льшею щедростью, нежели на лужкѣ.

Наступилъ іюнь. Солнце, сопровождаемое угрюмыми облаками, не разлучными, завистливыми спутниками своими на петербургскомъ небѣ, клонились къ западу, разгораясь яркимъ пожаромъ въ верхнихъ окнахъ домовъ и играя залотомъ на шпиляхъ и куполахъ.

Подъ единственнымъ деревомъ, на четырехъ-угольной площадкѣ, стоялъ столъ, покрытый синею скатертью. На столѣ, посреди чашекъ и стакановъ, сердито шумѣлъ блестящій самоваръ, старинной пузатой формы и почтенаго объема.

Четыре лица сидѣли за столомъ. Трехъ изъ нихъ — старую дѣву, брата ея и Агафью Степановну, — не трудно было узнать; нѣсколько недѣль времени не произвели въ нихъ ни малѣйшей перемѣны. Наружность же четвертаго, представленнаго вдовой Опухтинымъ въ этотъ самый вечеръ, подъ именемъ родственника, должно описать подробнѣе.

То былъ мужчина лѣтъ подъ-сорокъ, дюжій, широкоплечій съ полнымъ, одутловатымъ лицомъ, колоритнымъ носомъ, жесткими усами, коротко обстриженными волосами и со странными ухватками. Наружность этого знакомаго читателю человѣка осталась таже, но оболочка, въ которой она являлась до-сихъ поръ, вовсе измѣнилась.

Одежда его состояла изъ свѣтло-сѣраго щегольскаго пальто, клѣтчатыхъ панталонъ, жолтыхъ прюнелевыхъ ботинокъ и бѣлой пуховой шляпы; пестрый шейный платокъ съ огромною булавкою, украшенною миніатюрнымъ пейзажемъ, и лорнетъ, оправленный въ черепаху, дополняли нарядъ, совершено новый, въ чемъ можно было удостовѣриться съ перваго взгляда.

Едва ли читатели узнали въ этомъ нарядѣ — Бориса Астафьевича Лихарева.

— Да-съ, говорилъ онъ Опухтину, грызя по временамъ конецъ своей трости, загнутый въ видѣ аркадскаго посошка: да-съ, всякій человѣкъ по своему смотритъ на *жисть*; одного тянетъ къ операмъ, другаго къ плезирамъ..... все это, позвольте вамъ замѣтить, гемеопатія!...

— Позвольте, однакожъ, возразить вамъ.....

— Аттàнде-съ, аттàнде-съ!... гемеопатія, говорю вамъ! Одинъ вопросъ: чтó..... такое..... жисть?

Захаръ Ивановичъ почесалъ носъ, посмотрѣлъ на самоваръ, потомъ опять взглянулъ на Лихарева, и улыбнулся. Опухтинъ, какъ уже извѣстно, не любилъ пускаться въ отвлеченные предметы.

— А! вотъ извольте видѣть! продолжалъ Лихаревъ: вы ужъ и спятились, спасовали..... вы безмолвно соглашаетесь со мною....

— Нѣтъ позвольте....

— Аттàнде-съ, не вамъ ходить. Я спрашиваю васъ: что... такое..... жисть? ну-съ, отвѣтъ самый популярный: жисть дана человѣку для того, чтобы онъ жилъ. Такъ или нѣтъ?...

— Конечно такъ.....

— Нѣтъ, по совѣсти скажите: такъ или нѣтъ?

— Такъ-то такъ, но.....

— Согласны? Больше мнѣ ничего не нужно! Вы согласны, стало-быть — я правъ! Исполненіе своего долга, услужливость ближнимъ. Потѣхи, радости, — вотъ жисть! Все прочее — гутъ-моргенъ! Не такъ ли, сударыня?

Съ послѣдними словами неслужащій дворянинъ, ухмыляясь, обратился къ старой дѣвѣ, которая отвѣчала ему пріятной улыбкой.

— Охъ, ужъ вы мнѣ съ вашими ученостями! вскричала Агафья Степановна: коли пойдетъ дѣло на арихметику или на миханику, такъ Борисъ Астафьевичъ хоть кого заговоритъ!

— Да-съ, это моя пассія! возразилъ Лихаревъ, надувъ щеки: всѣ сочинители говорятъ мнѣ: Возьмись, братецъ, за перо; пиши, сочиняй!... Да нѣтъ, не заманятъ на свой грапасьянсъ..... Я хочу жуировать!

И растегнувъ двѣ пуговицы пальто, онъ досталъ лорнетъ на черной тесемкѣ, и сталъ пытаться вставить его въ глазную впадину.

Захаръ Ивановичъ, между тѣмъ, вперивъ глаза въ землю, придумывалъ приличное возраженіе на доказательства гостя, не вполнѣ убѣдившіе, но озадачившія его.

— Ваши правила очень пріятны, замѣтила старая дѣва, обращавшаяся съ Лихаревымъ такъ, какъ будто бы встрѣчалась съ нимъ въ первый разъ: они очень заманчивы, но не всегда позволительны.

— Отчего-съ?

— Оттого что у каждаго человѣка есть обязанности, которымъ онъ болѣе или менѣе долженъ жертвовать своими наклонностями и даже, часто, своимъ личнымъ благомъ.

— Такъ, такъ! вскричалъ Опухтинъ, поднявъ голову.

Сестрица нашла то приличное возраженіе, которое *вертѣлось у него на языкѣ.*

— Конечно, продолжала Татьяна Ивановна: съ вашими правилами человѣку легко жить на свѣтѣ..... Съ вашими правилами и нѣкоторая дѣвица, о которой мы сейчасъ говорили съ Агафьей Степановной, не заслуживаетъ хулы.....

— Какая дѣвица?

— Тамъ..... не хочу назвать ее, возразила старая дѣва, бросивъ косвенный, ядовитый взглядъ вдовѣ, которая вздохнула и пожала плечами.

— Нечто эта дѣвица.....тово..... ремизъ поставила?

— Какъ вы изволили сказать?

— Я спрашиваю: нечто эта дѣвица..... не такъ сходила?

— Да, да, возразила Татьяна Ивановна, злобно засмѣявшись: она не такъ сходила.

— О комъ это вы говорите? спросилъ братецъ.

— Ты знаешь, отвѣчала сестрица, съ неудовольствіемъ пожавъ плечами.

— А, знаю, знаю! да, нечего сказать, хороша птичка..... Надобно разсказать.....

— Ахъ, оставьте, братецъ!

— Что̀ за бѣда! исторія курьозная, а Борисъ Астафьевичъ свой человѣкъ... Извините, я съ вами безъ церемоній..... но мы такъ давно знакомы съ Агафьей Степановной, что она намъ какъ родная.....

— Сдѣлайте одолженіе, мон-плезиръ! возразилъ неслужащій дворянинъ, кланяясь и размахивая лорнетомъ, который ему не удалось вставить въ глазъ.

— Надобно вамъ разсказать эту исторію..... умора! Сестрица, подлейте *ромашки* Борису Астафьевичу..... Надобно вамъ сказать, государь мой, что Татьяна Ивановна задумала-было меня женить.

— Ага! это не безъ плезиру!

— Такъ-съ, но и не безъ горечи.

— Конечно-съ, коли дама не козырная.

— Пиковая, сударь мой, злая измѣнщица! съ виду голубка, а на дѣлѣ.....

— Галка?

— Всесовершенно такъ. Мы, знаете, ужъ и присватались. Маменька тоже своего роду птица, къ которой мы обратились потому, что она правитъ всѣмъ домомъ.....

— Дурака мужа за носъ водитъ! прибавила старая дѣва.

— Маменька, говорю, сначала попятилась, покобенилась..... знаете, чтобы покрѣпче затянуть узелъ. — Подумаю, говоритъ..... счастіе дочери.... я, дескать, о ней неусыпно, дитя-молъ еще ..... и тамъ, знаете, всякія этакія краснорѣчія.

— Знаемъ! сказать тебѣ сказку про бѣлаго-бычка?.... Ты говоришь скажи, я говорю скажи..... сказать тебѣ, и такъ далѣе..... знакомыя пѣсни!

Захаръ Ивановичъ громко засмѣялся остроумной выходкѣ своего собесѣдника, потомъ продолжалъ:

— Вотъ, знаете, разъ какъ-то..... передъ масляницой

или послѣ, непомню хорошенько; да не въ томъ дѣло..... заходитъ къ нимъ Татьяна Ивановна. Мать и дочь въ слезахъ.... такъ и заливаются!

— Маленькая домашняя симпатія, замѣтилъ Лихаревъ, съ выразительнымъ жестомъ.

— Не могу вамъ сказать, что̀ у нихъ тамъ происходило, но только должно быть, что такъ, какъ вы изволили выразиться. Сестрица принялась ихъ утѣшать, и спрашиваетъ: о чемъ слезы. Мать спохватилась, растерялась, хотѣла спрятать какое-то письмо, да видитъ, что Татьяна Ивановна уже замѣтила.....

— Не только замѣтила, но даже нечаянно заглянула и прочитала первыя слова.

— Письмо-то было амурное! вскричалъ Опухтинъ.

— Ай-да маменька! замѣтилъ Лихаревъ, такимъ тономъ, какъ будто бы вся эта исторія была для него новостью.

— Не маменька, а дочка, возразилъ Захаръ Ивановичъ.

— А! это позволительнѣе..... сказалъ Лихаревъ, и запѣлъ вполголоса:

Красавицѣ въ семнадцать лѣтъ,
Немного нужно для наряда.....

— Это позволительно по вашей системѣ, замѣтила старая дѣва.

— Аттàнде-съ, я сказалъ по-зво-ли-тель-нѣ-е.....

— Знаете ли, продолжалъ Опухтинъ: какимъ бѣсомъ прикинулась маменька?.... Ахъ, говоритъ, какой извергъ осмѣлился нарушить покой моей дочери; только, говоритъ, Анета.....

— Дочку зовутъ Анетой? Филармоническое имя.

— Говоритъ, Анета сама отдала мнѣ письмо; Анета, говоритъ, сказала, что я этого фанфарона знать не знаю, и знать не хочу!... Представьте себѣ, Борисъ Астафьевичъ, что мы съ-дуру уши развѣсили, и всему повѣрили.....

— Хитра барыня! Карты подъ столомъ держала. Ай да докторша!

— Докторша? повторилъ съ изумленіемъ Опухтинъ. А почему вы знаете, что она докторша?

Борисъ Астафьевичъ поймалъ зубами кончикъ уса.

Во всю предшествующую сцену, присутствовавшіе по тайному, невысказанному соглашенію, обманывали Захара Ивановича. Каждый разъигрывалъ свою роль соотвѣтственно своему положенію.

— Развѣ вы слышали эту исторію? спросилъ Опухтинъ.

— Признаться сказать, слышалъ.....

— Вообразите себѣ, сестрица! весь Петербургъ знаетъ!... Татьяна Ивановна коварно улыбнулась.

— Что̀ за бѣда? возразила она. По дѣломъ вору и му̀ка. Пускай всѣ знаютъ; впередъ будетъ вести себя лучше, и поудержится отъ любовныхъ переписокъ.

— Одно мнѣ не совсѣмъ ясно, сказалъ Лихаревъ: неужели докторская дочка въ самомъ дѣлѣ переписывалась съ молодымъ человѣкомъ?

— Разумѣется! вскричали въ одинъ голосъ трое присутствовавшихъ. Это дѣло дознанное, доказанное.

— Экая проказница, подумаешь! Ну-съ, а тотъ..... франтикъ? Извѣстенъ онъ вамъ?

— Хе, хе, хе! видна птица..... началъ-было Опухтинъ, но сердитый взглядъ сестрицы заставилъ его замолчать.

— Нѣтъ, мы его не знаемъ, отвѣчала она презрительно.

— Не знаемъ, повторилъ братецъ, мигнувъ Агафьѣ Степановнѣ.

— Курьозная исторія! Разумѣется, вы послѣ такой дипломатики втораго бостона не объявили?

— Куды! я былъ радешенекъ, что такъ дешево отдѣлался. Посудите, коли она уже въ эти лѣта такими штуками занимается, такъ что̀ далѣе будетъ!

— Вы судите слишкомъ строго, замѣтила старая дѣва съ лицемѣрною снисходительностію: она можетъ исправиться.....

— Держите карманъ!... Тьфу, нехорошо! посудите сами: дурачить благороднаго человѣка вздумала!... Что тамъ ни говори: Опухтинъ не бонтонъ, Захаръ Ивановичъ не ком-

плиментёръ, а на повѣрку выходитъ, что и бонтоны, и комплиментёры кланяются нашему брату..... А отчего? оттого, что я человѣкъ благородный, честь знаю.....

— Довольно, довольно, братецъ; Борисъ Астафьевичъ приметъ насъ, пожалуй, за сплетниковъ. Скажите мнѣ лучше, зачѣмъ директоръ звалъ васъ сегодня утромъ къ себѣ?

— По дѣламъ, сестрица.

— По какимъ?

— Ахъ, какія вы! Всѣхъ дѣлъ разсказывать нельзя.

— Хорошо онъ обошелся съ вами?

— Кто? директоръ?.... И Захаръ Ивановичъ съ самодовольнымъ видомъ вздернулъ голову. Я всегда говорилъ вамъ, что будетъ и на нашей улицѣ праздникъ. Дали сначала мѣсто письмоводителя, потомъ вдругъ въ казначеи произвели.... и теперь ужъ не просто Захаромъ Ивановичемъ, а почтеннѣйшимъ, любезнѣйшимъ, милымъ величаютъ..... Мнѣ теперь только стóитъ захотѣть, и..... Гм! гм! гм!

Опухтинъ прочистилъ голосъ, сдѣлавъ значительную гримасу.

— И? чтò и?.... спросила сестрица.

Лихаревъ съ жаднымъ любопытствомъ ожидалъ отвѣта.

— Такъ, ничего, отвѣчалъ Захаръ Ивановичъ, ѣшь пироги съ грибами, да держи языкъ за зубами.

— Нѐчто, таво?.... спросилъ Борисъ Астафьевичъ наудачу и не спуская глазъ съ говорившаго.

— Не прикажете ли еще стаканчикъ чаю? спросилъ хозяинъ лукаво.

Лихаревъ стиснулъ губы и изъ-подлобья посмотрѣлъ на старую дѣву. Послѣдняя едва замѣтнымъ образомъ кивнула головой.

— Кстати о Тучиновыхъ, сказала Агафья Степановна: Николай Александровичъ, говорятъ, совсѣмъ выздоровѣлъ и уже выходитъ.

— Какъ же, какъ же! возразилъ Опухтинъ улыбаясь.

— Нѐчто вы видѣли его?

— Когда я выходилъ, сынъ гулялъ по саду съ Францу-

жанкой, гувернёркой; она такъ и жалась къ нему!... Хе, хе, хе! Подъ ручку изволила держать.....

— Братецъ! произнесла Татьяна Ивановна съ выраженіемъ упрека и опустивъ глаза.

— Желалъ бы я знать, какимъ зельемъ эти Француженки придаютъ себѣ такую красоту?....

— Да, она говорятъ очень хороша собой, замѣтилъ Лихаревъ.

— Что вы за красоту въ ней нашли? злобно возразила старая дѣва: она похожа на толстую деревенскую бабу; а, по моему, дородность вредитъ красотѣ.

— Же ву-засюръ такъ! прибавилъ Лихаревъ скорчивъ легкую гримасу.

— Скажите, Захаръ Ивановичъ, спросила вдова тѣмъ особеннымъ голосомъ, который какъ бы напрашивается на сплетни: вы *сами* видѣли, что она держала его подъ руку?

— Какъ васъ теперь вижу.

— Она, говорятъ, ухаживала за нимъ во все время его болѣзни?

— Да .... да .... ухаживала.....

— Вечоръ по-о-оздно и-и-изъ лѣсочка..... сталъ напѣвать Борисъ Астафьевичъ.

— Скажите на милость! вскричала вдова, всплеснувъ руками.

— Чего вы испугались? спросилъ Опухтинъ.

— Ахъ, замолчите, братецъ! съ дѣвственнымъ негодованіемъ вскричала Татьяна Ивановна, не будучи однакожъ въ состояніи скрыть злорадостной цинической улыбки: вы забываете, что говорите *при дамахъ*.

— Штъ, ни слова! отвѣчалъ братецъ, зажавъ себѣ ротъ ладонью.

— Ахъ, Боже мой! я совсѣмъ забыла тятиньку..... Впрочемъ позвольте васъ всѣхъ пригласить въ горницу; въ *саду* становится сыро.....

Часъ спустя вдова, въ сопровожденіи старой дѣвы, схо-

дила внизъ въ свою квартиру. Лихаревъ, ушедшій прежде и поджидавшій ихъ, вошелъ вслѣдъ за ними.

—Улажено, милочка Татьяна Ивановна, говорила хозяйка квартиры, опустивъ шторы и доставая спички, чтобы зажечь свѣчу: — все, какъ я вамъ уже докладывала, въ порядкѣ; мы подвели докторшѣ такую мину, что она и жизни не будетъ рада.

— Спасибо, Агафья Степановна; я крѣпко увѣрена, что всему виновата Юлія Карловна. Она хитрила съ нами, водила насъ за носъ..... Мужъ у нее и пикнуть не смѣетъ.

— Не хочу съ вами спорить, моя красавица; позвольте только спросить, какая ей въ томъ прибыль?

— Ахъ, Господи! неужели вы не догадываетесь, что она узнала, *кто* писалъ письмо?

— И вы думаете, что она надѣется навязать ему свою дочь?

— Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

— Гм! дѣло-то, признаться сказать, возможное.....

— Возможное, но которое никогда не сбудется! Повѣрьте моему слову..... *Она* выйдетъ за братца, или останется въ дѣвкахъ!

— Какъ вскричалъ Лихаревъ, безцеремонно закурившій между тѣмъ папироску: стало быть вы не оставляете вашего намѣренія, не смотря на убѣжденіе въ томъ, что она вела нѣжную корреспонденцію?....

— Если бъ всѣ женихи вздумали обращать вниманіе на такія ребячества, такъ вовсе не было бы свадебъ.

— Мнѣ все кажется, что на счетъ переписки со стороны юной дѣвы былъ репонсъ.....

— Вздоръ, вздоръ! съ живостію возразила старая дѣва: я навѣрное знаю, что она отвѣчала ему. Спросите кого хотите!

— Спросить не трудно; но кто распространилъ этотъ слухъ?....

— Неужели я? вскричала съ негодованіемъ Татьяна Ивановна: чувствительно благодарна вамъ! По вашей милости я въ сплетницы попала! Это очень мило, Борисъ Астафьевичъ. Спросите Агафью Степановну, кто не вѣрилъ? кто засту-

пался за Анету, какъ за родную сестру?.... А теперь я же оклеветала ее!... Чувствительнѣйше благодарна вамъ, Борисъ Астафьевичъ!

— Не гнѣвайтесь, монъ-анжъ, я только спросилъ.... Я васъ не обвиняю..... Что̀ мнѣ Анета? Гемеопатія!... между тѣмъ какъ вы, о прелестная Татьяна.....

— Отстаньте, вы забываетесь! произнесла старая дѣва, ударивъ любезника по рукамъ, которыя онъ протянулъ впередъ.

— Виноватъ, заздался! возразилъ Лихаревъ, отдернувъ руки: но позвольте вамъ повторить, что я вполнѣ раздѣляю вашу рецензію на счетъ репутаціи докторской дочки..... Я постигаю вашу дипломатику: вы хотите поставить ее и почтеннѣйшую мамашу ея въ такую по̀зу, что Захаръ Ивановичъ со вторичнымъ предложеніемъ своимъ явится словно Бертранъ къ *Ренбо*..... вы знаете, когда они поютъ въ *Робертѣ*:

Ты.... мой спа-си-и-гитель!
спа-си-и-гитель!
Моой из-ба-ви-и-гитель!
изба-ви-и-гитель!

Славная піеса! Стало быть, когда явится Захаръ Ивановичъ, мамашенька и папашенька скажутъ ему: — О, вы не знаете какъ коварство и любовь, — другая замѣчательная піеса, — какъ коварство и любовь запятнали честь нашей дочери! — Знаю, скажетъ Захаръ Ивановичъ, но знать не хочу! Презираю клевету и—руки, руки прошу! какъ выражается одинъ изъ моихъ добрыхъ пріятелей. — О, какой вы благородный человѣкъ! скажетъ тогда маменька: вотъ вамъ мое—материнское благословеніе!—Еще пріятная піеса:

Семь су, семь су!....

— Вы очень догадливы, замѣтила старая дѣва.

— Ничево-съ! Это самый мизерный изъ моихъ талан-

товъ. — И такъ, по вашему, партія выиграна: но подумали ли вы о томъ, какъ повернуть дѣло, если франтикъ, тронутый сантиментомъ и плачевною участью своей возлюбленной, объявитъ вистъ прежде Захара Ивановича?

— Борисъ Астафьевичъ правъ; я уже сама объ этомъ думала, замѣтила вдова.

— Это невозможно!

— Все на свѣтѣ можно.

Только осторожно!... пропѣлъ очень некстати Борисъ Астафьевичъ, потомъ продолжалъ: Признайтесь лучше откровенно, Татьяна Ивановна, что эта мысль тревожитъ и васъ.

Но не кручиньтесь, вотъ вамъ моя рука: даю вамъ слово, что все устроится по вашему желанію, если.....

— Сколько вамъ нужно? спросила Татьяна Ивановна вполголоса.

— Же-не-ве-па! возразилъ Лихаревъ. Мои кондиціи стремятся къ болѣе возвышенному горизонту..... Агафья Степановна, заткните уши.

— Ну, ну, говорите смѣло.

— Татьяна Ивановна, я человѣкъ весьма любопытный..... мнѣ ужасно хочется узнать секретъ.....

— Какой?

— Тотъ секретъ, о которомъ братецъ вашъ промолчалъ..... Помните онъ сказалъ: Мнѣ стóитъ только захотѣть, и..... Это *и!* больно выразительно.

— Чтò вамъ за прибыль въ этомъ секретѣ?

— Чтò за прибыль?....

Глаза Лихарева сверкнули, брови насупились; но тотчасъ же онъ прибавилъ, принужденно засмѣявшись:

— Никакой прибыли нѣтъ; я уже сказалъ, что я любопытенъ, какъ женщина. Прихоть, капризъ!

Старая дѣва пристально посмотрѣла на Борисъ Астьфьевича, какъ бы желая угадать тайную мысль его; но онъ продолжалъ простодушно улыбаться, и не мигнулъ глазомъ.

— Трудно узнать, сказала она: братецъ скрытенъ.....

— Братецъ-тò, чѣмъ вы ему быть приказываете.

— Извольте, возразила Татьяна Ивановна, засмѣявшись я узнаю; но не забудьте, что долгъ платежемъ красенъ.

— По рукамъ!

Нѣсколько минутъ спустя, Борисъ Астафьевичъ ушелъ.

Старая дѣва просидѣла нѣсколько времени въ задумчивости. Она какъ бы ожидала, чтобы вдова заговорила; но замѣтивъ, что послѣдняя молчала, она наконецъ спросила ее тихимъ голосомъ и не поднимая глазъ:

— Вы не забыли, Агафья Степановна, о чемъ я васъ просила?

— Не забыла, родимая.

— Вы говорили съ нимъ?.....

— Намекала.

— Что же онъ?

— Эхъ, голубушка! только свисни, и онъ твой съ руками и съ ногами.

— Вы думаете, моя милая?

— Чего тутъ думать! Я нарочно не разговорилась съ нимъ, чтобы онъ не догадался, что я подослана. Не сомнѣвайтесь, родненькая, въ его согласіи..... Подумайте лучше о себѣ: будете ли *вы* счастливы съ такимъ вертопрахомъ?.... Не въ обиду будь ему сказано, а у Бориса Астафьевича характеръ черезъ-чуръ разгульный.

— Женится,—перемѣнится, задумчиво отвѣчала Татьяна Ивановна. Впрочемъ вы знаете, что я выйду за него только тогда, когда устрою судьбу братца..... Тогда я останусь одна, круглая сирота.... Мысль о совершенномъ одиночествѣ пугаетъ меня съ нѣкоторыхъ поръ; взглядъ на супруговъ, идущихъ рука объ руку, мнѣ точно острый ножъ въ сердце.....

— Понимаю, моя красавица, понимаю. Но что вы нашли обольстительнаго въ этой сорви-головѣ? Вымолвите только словечко, а ужъ я пріищу вамъ такого муженька, съ которымъ лестно будетъ въ люди показаться.....

— Нѣтъ, нѣтъ..... Хоть стыдно, но признаюсь вамъ, что

въ Борисѣ Астафьевичѣ мнѣ именно нравится легкомысліе, безпечность его.....

— Родимая! Господь съ тобою!

— Не перебивайте: я уже въ такихъ лѣтахъ, — продолжала старая дѣва съ непритворною грустію, — что мнѣ о..... о молодомъ мужѣ..... нельзя и помышлять..... Я могу выдти только за..... за человѣка степеннаго..... Но воля ваша! не хочется еще разставаться съ молодостью!... Борисъ Астафьевичъ нѣсколькими годами старѣе меня, но въ характерѣ, въ обращеніи его сохранилось что-то молодое, юношеское..... Я увѣрена, что онъ можетъ еще любить пламенно..... Только съ нимъ могу я вкусить радости, которыя..... я пережила..... которыхъ не знала.....

Татьяна Ивановна плакала, закрывъ глаза платкомъ.

Женское чувство пробудилось въ сердцѣ ея..... то была послѣдняя борьба уцѣлѣвшихъ искръ этого чувства съ холоднымъ равнодушіемъ, готовившимся вовсе затушить ихъ; то были послѣднія вспышки лампады, въ которой выгорѣло масло.....

ГЛАВА II.

Видоизмѣненія молодой женщины.

Начинало уже разсвѣтать, когда Николай Александровичъ Тучиновъ вернулся домой, послѣ тягостной ночи.

Машинально раздѣвшись и находясь еще подъ физическимъ, такъ-сказать, вліяніемъ крѣпкихъ напитковъ, бросился онъ на постель. Сонъ мгновенно овладѣлъ имъ; но сонъ тяжелый, свинцовый. Два, три часа пролежалъ Николай въ этомъ безпамятствѣ; пульсъ его сильно бился, кровь волновалась; лихорадочно метался онъ на постели; болѣзненные, жалобные стоны раздавались по временамъ въ спальнѣ..... Быстро развивалась болѣзнь, зародышъ которой давно уже таился во внутренности молодаго человѣка.

Къ утру онъ проснулся, или, вѣрнѣе сказать, проснулось только тѣло его; горячка и дикій бредъ оковали духъ.

Лакей съ ужасомъ побѣжалъ сообщить о несчастіи каммердинеру, который немедленно доложилъ барину.

Тучиновъ поспѣшно сошелъ къ сыну. Послѣдній бредилъ о ненависти и любви, о преступленіи и радостной будущности. Лично убѣдившись въ опасности положенія Николая, отецъ его поспѣшно вернулся на-верхъ, чтобы послать за докторомъ.

На лѣстницѣ встрѣтилъ онъ Агафью Степановну.

— Некогда мнѣ теперь, некогда! вскричалъ онъ торопливо при видѣ вдовы, униженно приближавшейся къ нему.

— Ахти! какъ вы, ваше превосходительство, встревожены Ужъ не приключилось ли какое несчастіе?....

— Старшій сынъ мой боленъ! Зайдите завтра, послѣ-завтра, въ другой разъ!

— Помилуй Господи! вскричала Агафья Степановна, ускоряя шаги, чтобы не отстать отъ хозяина. Экая, подумаешь, напасть! Вѣрно простудился голубчикъ!

Пользуясь волненіемъ Тучинова, почтенная салопница шмыгнула вслѣдъ за нимъ въ кабинетъ. Александръ Матвѣевичъ подошелъ къ столу, и поспѣшно схватилъ дрожащею рукою перо.

Вдова кашлянула.

— Чего вы ждете? нетерпѣливо вскричалъ хозяинъ, оглянувшись. Говорятъ вамъ, что мнѣ теперь не до васъ!..... Надобно послать за докторомъ.

— Изволите писать Федору Ивановичу?

— Да, да.

— Батюшка, Александръ Матвѣевичъ, оно и кстати, настойчиво продолжала салопница; мы провѣдали, что вы..... таво...., не совсѣмъ лестно отозвались объ Опухтинѣ..... Захарѣ Ивановичѣ.....

— Сдѣлайте одолженіе, оставьте меня въ покоѣ! Вы видите кажется, какъ я теперь разстроенъ! съ сердцемъ вскричалъ Тучиновъ, отвернувшись отъ вдовы, и сталъ писать.

Но приглашеніе выдти вонъ, было для Агафьи Степановны равносильно приглашенію остаться.

На цыпочкахъ подошла она къ столу, и шепнула надъ самымъ ухомъ Александра Матвѣевича:

— Ваше Превосходительство, будьте милостивы, черкните только въ вашемъ письмецѣ доктору, что Захаръ Ивановичъ, дескать, хорошій человѣкъ. Больше ничего не нужно.

Судорожно, и внутренно проклиная Опухтина и его неотвязчивую заступницу, написалъ Тучиновъ слѣдущія слова, исполненныя благороднаго, возвышеннаго чувства справедливости:

«Вы справлялись о нравственности Опухтина. Ка-
«юсь въ опрометчивости. Опухтинъ честный человѣкъ.
«Грустно было обвинять, пріятно оправдать.

Слово хоть *живитъ*, но само *мертво*. О, дайте слову жизнь, и вы увидите, съ какимъ негодованіемъ возстанетъ оно противъ начертавшаго его.....

Спрашивается теперь, какимъ образомъ начальникъ конторы, строгій блюститель чести и нравственности своихъ подчиненныхъ, измѣнилъ свое мнѣніе объ Опухтинѣ, несмотря на признаніе послѣдняго?.... Какимъ образомъ то, что̀ вчера *было* чернымъ, стало сегодня *казаться* бѣлымъ?....

Послѣдствія откроютъ намъ эту тайну.

Докторъ замѣтилъ въ больномъ всѣ признаки сильной первической горячки.

Болѣзнь развивалась быстро, и черезъ нѣсколько дней достигла до своего пароксизма. Въ самыя трудныя минуты, когда больной не узнавалъ никого изъ приближавшихся къ нему, лицо его прояснялось при приближеніи доктора, и часто, когда послѣдній щупалъ пульсъ больнаго, онъ крѣпко сжималъ руку его и долго не выпускалъ ее.

— Здоровы ли вы, докторъ? спросилъ однажды больной, въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда умъ его прояснялся.

— Слава-Богу, отвѣчалъ Ѳедоръ Ивановичъ, улыбаясь тому, что больной справлялся о здоровьи доктора: слава-

Богу, а вы какъ себя чувствуете сегодня?

— Легче, гораздо легче.... Вы женаты, Ѳедоръ Ивановичъ?

— Давно, Николай Александровичъ; лѣтъ девятнадцать, я думаю, будетъ, какъ я женатъ. Пожалуйте пульсъ..... Вы аккуратно принимали вчера лекарство?

— Аккуратно..... А! вы женаты.....

—Да-съ, да-съ, женатъ..... Голова больше не болитъ?

— Нѣтъ, только вотъ тутъ, въ верхней части, все еще чувствую какую-то тяжесть.....

— Это ничего, ничего.....

— Есть у васъ дѣти, Ѳедоръ Ивановичъ?

— Какъ же, есть..... Есть..... Покажите-ка языкъ. — О, лучше, гораздо лучше....

— Много?

— Что̀ много?

— Много у васъ дѣтей?

— А!.. Нѣтъ, одна только дочь. Я вамъ сейчасъ пропишу другое лекарство.

Николай промолчалъ нѣсколько минутъ; потомъ, когда докторъ сталъ писать рецептъ, больной съ усиліемъ спросилъ его:

— Простите мнѣ, докторъ, мое любопытство.... мою болтовню..... Но вы оказали мнѣ такую услугу, что я принимаю искреннее, сердечное участіе во всѣхъ близкихъ вамъ особахъ..... Скажите мнѣ, дочь ваша за̀-мужемъ?....

— Нѣтъ, отвѣчалъ докторъ, насупивъ брови: нѣтъ, не за̀мужемъ.

Улыбка радости выступила на лицѣ Николая.

— Но..... можетъ-быть, она..... невѣста? спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Нѣтъ..... нѣтъ..... отвѣчалъ докторъ, и лицо его приняло болѣе серьозное, печальное выраженіе.

Больной опустилъ голову на подушки, и глубокій вздохъ вырвался изъ облегченной груди его.

— Ѳедоръ Ивановичъ, сказалъ онъ, прощаясь съ докторомъ; кланяйтесь отъ меня вашей супругѣ и..... вашей до-

чери..... слышите?.... Да смотрите, прибавилъ онъ слабымъ голосомъ: не отдавайте ее за-мужъ до моего выздоровленія..... Я хочу танцовать на ея свадьбѣ.....

Докторъ ушелъ. Въ сосѣдней комнатѣ встрѣтилъ онъ Катерину Васильевну.

— Какъ нашъ больной? спросила она.

— Сегодня ему легче, гораздо легче; я замѣтилъ въ немъ одинъ изъ первыхъ признаковъ выздоровленія: почти ребяческую склонность къ болтовнѣ, къ разговорчивости, къ распрашиванію.... Я почти навѣрное могу объявить вамъ, что Николай Александровичъ внѣ опасности. ... Будущее въ волѣ Господней. А вы, какъ чувствуете себя теперь?

— Благодарю, Ѳедоръ Ивановичъ; я тоже чувствую себя, гораздо лучше..... Но повторяю за вами: будущее въ волѣ Господней.....

Катерина Васильевна простилась съ докторомъ, и вошла въ комнату больнаго.

Нѣсколько минутъ спустя, въ ту же комнату вошла мадмоазель Фаварже, гувернантка младшихъ дѣтей Тучинова.

Въ обращеніи Катерины Васильевны съ мужемъ произошла нѣкоторая перемѣна. Невольно стали она припоминать поступки, слѣдить за поведеніемъ его, и въ первый разъ со времени замужства ея, ее поразила главная черта всѣхъ дѣйствій его, черта, проявлявшаяся даже во взглядѣ его; она замѣтила, что въ этомъ взглядѣ выражались, соотвѣтственно обстоятельствамъ, и гордость и благородство, и нѣжность и ласка, и негодованіе и снисходительность оскорбленной невинности..... но не было ни одного выраженія самостоятельнаго; каждое уподоблялось сценической декламаціи, увлекающей слушателя, оставляющей даже въ немъ глубокія впечатлѣнія, но не заставляющей его однакоже забывать, что слышанное и видѣнное имъ не только не истина, но что декламаторъ повторяетъ даже слова, не имъ созданныя, не изъ его души вырывающіяся.

Короче, Катерина Васильевна замѣтила во всѣхъ дѣйствіяхъ мужа примѣненіе свѣтской маски, не только въ мелочныхъ, пустыхъ, словомъ *свѣтскихъ* обстоятельствахъ, но даже въ дѣлахъ важныхъ, серьозныхъ.

Александръ Матвѣевичъ вовсе не умѣлъ *быть*; онъ только *казался* съ утра до вечера.

Завѣса спала съ глазъ молодой женщины. Гордость ея возмутилась.

Не во гнѣвъ будь сказано прекрасному полу, который не хочетъ быть имъ (т. е. прекраснымъ), сама природа вложила въ сердце женщины *покорность*. Любовь женщины большею частію основана именно на той зависимости, въ которой она находится отъ существа, болѣе могущественнаго, болѣе развитаго. Отнимите у жены вѣру въ превосходство мужа, и любовь ея угаснетъ..... Она теряетъ покровителя, защитника, совѣтника.....

Любовь Катерины Васильевны къ мужу не угасла; но, повторяю, гордость ея возмутилась. Ей казалось, что мужъ, самъ не лишенный недостатковъ, не имѣлъ права судить ее такъ строго. Заглушивъ голосъ любви, страсти, рѣшилась она обращаться съ мужемъ съ тѣмъ холоднымъ спокойствіемъ, которое въ свѣтѣ считается однимъ изъ главныхъ признаковъ супружескаго счастія. Борьба ея съ сердцемъ была не продолжительна. Замѣтивъ, что перемѣна обращеніе ея возбуждала въ мужѣ не сожалѣніе, а, напротивъ, удовольствіе, признательность, она еще болѣе утвердилась въ своемъ намѣреніи вовсе заглушить голосъ сердца, и не измѣняя обязанностямъ супруги и матери, искать удовольствій и развлеченій внѣ тѣснаго семейнаго круга, въ которомъ она доселѣ искала ихъ.

Сближеніе съ пасынкомъ не имѣло для нее тѣхъ благодѣтельныхъ послѣдствій, которыхъ она желала и надѣялась. Она встрѣчалась съ нимъ рѣдко. Обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ находился молодой человѣкъ, удаляли его отъ родительскаго дома. Жизнь, которую онъ велъ, и которой онъ самъ внутренно стыдился, заставляла его

опускать глаза передъ мачихою..... Чувствуя и сознавая, что поведеніе его не соотвѣтствовало мнѣнію, которое имѣла о немъ молодая женщина, онъ избѣгалъ встрѣчи съ нею.

Катерина Васильевна долго не знала, чему приписать выраженіе грусти, болѣе и болѣе запечатлѣвавшееся на лицѣ пасынка; физическое утомленіе приписывала она нравственному; отпечатокъ безпорядочной жизни казался ей отпечаткомъ скрытныхъ, душевныхъ страданій.

Внезапно въ умѣ ея блеснула мысль, что, быть-можетъ, Николай — влюбленъ. Привязанность ея къ пасынку возрасла, потому-что ничто не возбуждаетъ столько участія женщины, какъ страданія сердца. Она рѣшилась разспросить Николая, вывѣдать тайну и — собственное сердце ея ожило, разцвѣло надеждою быть посредницею въ первой, быть можетъ, любви, свѣтлой и ясной, какъ день Божій, свѣжей и душистой, какъ весенній цвѣтокъ..... любви, о которой сердце ея сохранило еще нѣжное, но грустное воспоминаніе.....

Неожиданная болѣзнь Николая помѣшала ей привести задуманное въ исполненіе. Она отложила свое намѣреніе до выздоровленія пасынка, надѣясь ускорить это выздоровленіе нѣжными словами участія, бесѣдами о той, которую сердце молодаго человѣка избрало.

Это обстоятельство имѣло благодѣтельное вліяніе на здоровье Катерины Васильевны. Предположеніе ея мало-по-малу обратилось въ увѣренность; мысль, быть посредницею между молодыми любовниками, наполнила жизнь ея, и доставила сердцу ту пищу, которой оно жаждало.

Въ первые дни болѣзни пасынка она почти забыла о мужѣ, который самъ мало старался напоминать о себѣ. Цѣлые дни просиживала она у постели Николая; съ боязнію и страхомъ слѣдила за развитіемъ болѣзни, и была счастлива, когда молодой человѣкъ, приходя въ себя, съ признательностію обращалъ на нее тусклый взоръ, или протягивалъ къ ней исхудавшую, костлявую руку.

Тучиновъ, сначала довольно равнодушно смотрѣлъ на ма-

теринскія попеченія ея о немъ; но когда больному стало легче, отцомъ его опять овладѣло безпокойство и мнительность, неразлучныя съ неискренностію и какъ бы самимъ Провидѣніемъ присоединенныя къ послѣдней, въ видѣ постояннаго наказанія.... Зла, проистекающаго изъ источника зла.

Александръ Матвѣевичъ рѣшился наблюдать за женою и сыномъ. Не будучи слишкомъ разборчивъ въ средствахъ достиженія своихъ цѣлей, онъ прибѣгнулъ къ посредничеству гувернантки, и поручилъ ей навѣщать почаще больнаго; но вѣрный своимъ правиламъ — никогда не высказываться, онъ прибавилъ:

— Старайтесь навѣщать его въ одно время съ Катериною Васильевною. Такимъ образомъ вы заслужите признательность и Николая, и жены моей. Это необходимо, mademoiselle; я хочу, чтобы впередъ въ моемъ семействѣ господствовало совершенное согласіе.....

Гувернантка поняла тайную мысль Тучинова; быть-можетъ, она истолковала ее по-своему; съ радостію поспѣшила она исполнить порученіе, и въ тотъ же день сошла къ больному.

Вовсе неожиданное появленіе ея поразило молодую женщину. Не будучи нимало приготовлена къ этой встрѣчѣ, она потеряла на мгновеніе присутствіе духа, и противъ воли отвѣчала ласково на легкій, нѣсколько небрежный поклонъ Француженки; но тотчасъ же въ сердцѣ ея пробудилась прежняя непріязнь; кивнувъ пасынку головою, она молча опустилась въ кресло, и устремила вопросительный взглядъ на вошедшую, какъ бы требуя, чтобы она объявила, зачѣмъ пришла. Самъ больной съ изумленіемъ взглянулъ на мадмозель Фаваржѐ.

Отношенія ея къ Николаю были до сихъ поръ холодны, къ мачихѣ непріязненны, а потому пріемъ этотъ нѣсколько смутилъ Француженку. Принужденно улыбаясь подошла она къ постели.

— Простите мнѣ, monsieur Nicolas, заговорила она по-

французски: что я вошла къ вамъ безъ доклада, но въ прихожей никого не было; зная, что madame la générale здѣсь, я рѣшилась войдти.....

Больной произнесъ нѣсколько словъ въ замѣшательствѣ; гувернантка, оправившись отъ минутнаго смущенія, продолжали съ французскою многорѣчивостью, надутою и нестрою какъ мыльный пузырь:

— Ah, mon Dieu! Еслибъ вы знали, какъ ваша болѣзнь огорчила *нашихъ* малютокъ; они безпрестанно справляются о васъ, просятся къ вамъ, и еслибы я не опасалась обезпокоить васъ, то давно бы привела ихъ сюда.... Неприлично говорить о себѣ, однакоже я не могу не выразить вамъ, какъ ужасно страдала въ первые дни, когда вы находились въ величайшей опасности; первыя три или четыре ночи я не могла сомкнуть глазъ, стараясь заслушить рыданія, чтобы не разбудить и не пѐпугать бѣдныхъ малютокъ..... Ah, monsieur Nicolas, que de chagrin vous nous avez fait!... Батюшка вашъ, son excellence, несмотря на возвышенную твердость своего характера, вовсе растерялся и, croyez-moi, я нѣсколько разъ замѣчала, что онъ въ тайнѣ проливалъ горячія слезы!

Катерина Васильевна сдѣлала легкое движеніе плечами, и едва замѣтная улыбка презрѣнія выступила на лицѣ ея.

— Но теперь вамъ лучше, n'est-ce pas? Oh, dites-le moi, dites-le moi, de grâce!

Николай былъ счастливъ; послѣ болѣзни грудь его, казалось, облегчилась отъ тягостнаго бремени. Онъ не хотѣлъ, не могъ сомнѣваться въ искренности изъявляемаго ему участія. Съ улыбкою признательности протянулъ онъ руку гувернанткѣ и произнесъ:

— Благодарю васъ сердечно, какъ за участіе, такъ и за посѣщеніе..... Да, мнѣ лучше; съ чувствомъ невыразимаго блаженства возвращаюсь я къ жизни, встрѣчаемый привязанностью..... любовію особъ, близкихъ моему сердцу!

— О, какое счастіе! Vous nous serez rendu! Скоро наступятъ прекрасные весенніе дни; они ускорятъ ваше выздоровленіе, и вы вполнѣ, съ возстановленными силами,

насладитесь тою сердечною привязанностью, которую заслуживаете по возвышенности вашихъ чувствъ, по благородству.....

Пышныя фразы Француженки раздражали Катерину Васильевну; она долго крѣпилась, но не выдержала.

— Pardon, mademoiselle, сказала она сухо, почти съ отвращеніемъ: больному нуженъ покой.

— Ничего, ничего съ живостію возразилъ Николай: мадмоазель Фаваржѐ нимало не безпокоитъ меня.

— Я уйду, сказала гувернантка, съ притворною покорностію поклонившись молодой женщинѣ: я оставлю васъ однихъ, madame la générale.....

Тучинова съ гордою небрежностію отвернулась.

— Простите мнѣ мою нескромность, продолжала Француженка, обратившись къ Николаю: но — nous autres Français, мы живемъ сердцемъ, и слишкомъ часто необдуманно повинуемся его влеченію.... Je m'en vais, madame la générale, je m'en vais, — прибавила она, замѣтивъ нетерпѣливое движеніе Катерины Васильевны. — Выздоравливайте скорѣе, monsieur Nicolas..... Прощайте.....

— Еще разъ благодарю васъ за участіе, сказалъ больной, протянувъ къ Француженкѣ руку, и желая ласковымъ обращеніемъ смягчить сухость мачихи. — Я надѣюсь, что вы не откажетесь навѣщать иногда бѣднаго страдальца.....

— Если позволите.....

— Прошу.

Мадмоазель Фаваржѐ ушла, бросивъ на молодую женщину косвенный, торжествующій взглядъ.

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе, когда она ушла.

Съ грустнымъ изумленіемъ смотрѣла Катерина Васильевна на пасынка. Лицо его прояснилось; по уходѣ гувернантки, онъ задумался; улыбка счастія, какъ бы отраженіе тайной, задушевной мысли, долго не сходила съ лица его.

Наконецъ онъ медленно обратилъ голову къ мачихѣ.

— О чемъ вы задумались? спросилъ онъ тихимъ голосомъ.

— Ни о чемъ..... Я молчу, чтобы дать вамъ время отдохнуть послѣ утомительной, несносной болтовни.....

— Милая maman, продолжалъ Николай ласкательнымъ голосомъ и взявъ руку мачихи, — вы обошлись жестоко съ бѣдною мадмоазель Фаваржѐ.....

— Вы думаете?

— Участіе ко мнѣ привело ее сюда.... Вы не повѣрите, какое пріятное впечатлѣніе произвело на меня ея посѣщеніе....

— Довольно, довольно, перебила его мачиха съ нѣкоторою досадою: докторъ запретилъ вамъ много говорить.... отдохните.

— Ахъ, милая maman! еслибы вы знали, какъ я счастливъ!

— Я уйду, если вы не замолчите, произнесла Катерина Васильевна, съ возраставшею досадою.

Въ умѣ ея мелькнула странная, тягостная, разочаровательная мысль.

Несмотря на облегченіе, чувствуемое Николаемъ, въ два послѣдніе дня, онъ былъ задумчивъ, грустенъ; только послѣ разговора съ докторомъ, печаль его разсѣялась; но Катерина Васильевна не слыхала этого разговора, не знала, что онъ былъ единственной причиной благодѣтельной перемѣны, происшедшей съ больнымъ.... Невольно приписала она эту перемѣну посѣщенію гувернантки.... Слова, произнесенныя больнымъ послѣ ея ухода, еще болѣе увеличили подозрѣніе молодой женщины.

— Господи! думала она съ грустію: неужели это разгадка тайны, сулившей мнѣ столько истинныхъ, сердечныхъ наслажденій? Неужели, вмѣсто того, чтобы быть посредницею между юною, чистою любовію, мнѣ придется быть свидѣтельницею интриги, въ которую хитрая, быть можетъ, развращенная авантюрьерка завлекла молодаго человѣка, неопытнаго, быть можетъ, безхарактернаго?... Неужели Николай любитъ Француженку?

Чѣмъ болѣе думала молодая женщина, тѣмъ вѣроятнѣе ка-

залось ей это предположеніе, и тѣмъ грустнѣе становилась она.

Замѣтивъ, что появленіе ея всегда производило непріятное впечатлѣніе на Катерину Васильевну, гувернантка стала навѣщать больнаго каждый день. Сначала она освѣдомлялась только о здоровьи, потомъ стала оказывать маленькія услуги: подавала лекарство, опускала или поднимала шторы, поправляла подушки.

Попеченія женщины, особенно молодой и прекрасной собою, всегда пріятны мужчинѣ; — но Николаю они были необходимы: онъ взросъ на женскихъ попеченіяхъ, которыя развили въ немъ въ сильной степени ту тонкую, изящную, такъ-сказать, чувственность, которая довольствуется присутствіемъ женщины, шорохомъ платья, легкимъ прикосновеніемъ къ бархатистой рукѣ; ту чувственность, на которой основана любовь платоническая. Николай тѣмъ нетерпѣливѣе ожидалъ прихода гувернантки, и тѣмъ радостнѣе встрѣчалъ ее, что посѣщенія мачихи становились рѣже и рѣже; она часто заходила только освѣдомиться о состояніи его и тотчасъ же удалялась.

Женщины, бо́льшею частію, прозорливѣе мужчинъ; но часто онѣ употребляютъ во зло свою прозорливость. Будучи ослѣплены страстію, онѣ на двухъ-трехъ данныхъ основываютъ цѣлое зданіе предположеній, совершенно противныхъ истинѣ.... Ничто не въ силахъ увѣрить ихъ въ ложности этихъ предположеній; даже за опроверженіемъ ихъ самыми убѣдительнѣйшими доказательствами, въ умѣ женщины остается сомнѣніе.... Но еще глубже укореняются подобныя догадки въ сердцѣ, затронутомъ горестію....

Горесть имѣетъ странное свойство: она находитъ жестокое наслажденіе въ увеличеніи своихъ страданій и въ присвоеніи страданій небывалыхъ.

Катерина Васильевна, уже разочаровывавшаяся на счетъ мужа, стала разочаровываться и на счетъ пасынка. Какъ бы желая оправдать страданія, овладѣвавшія ею въ уединеніи, она старалась увеличить мѣру ихъ. Вмѣсто того, чтобы исполнить свое намѣреніе и откровеннымъ объясненіемъ съ па-

сынкомъ узнать истину, и, быть-можетъ, отвратить, зло, она предпочла принять подозрѣнія свои за дѣйствительность, и сердце ея отклонилось отъ Николая, такъ точно, какъ на основаніи подозрѣній же она отклонялось отъ мужа.

Она употребила всѣ средства, которыхъ только не гнушалась благородная душа ея, чтобы воротить любовь мужа, но тщетно. По чрезмѣрной кротости своей, она была неспособна мстить; но охотно приняла бы мщеніе, независимое отъ ея воли. Такое мщеніе представилось ей въ любви ненавистной Француженки къ Николаю. Съ эгоистическимъ чувствомъ помышляла она о томъ, какой глубокій ударъ эта любовь, — эта интрига, какъ она говорила, нанесетъ Александру Матвѣевичу....

— О! тогда онъ раскается, онъ вернется ко мнѣ, но....

Она умолкла; но рѣчь, начатую угрозой, сердце договаривало прощеніемъ.

ГЛАВА III.

Любовь Француженки.

Благодаря умнымъ попеченіямъ Ѳедора Ивановича, здоровье Николая поправлялось съ каждымъ днемъ. По странной прихоти онъ не переставалъ, однако-жъ, просить доктора навѣщать его по два, по три раза въ день. Докторъ, живя по близости, охотно исполнялъ желаніе молодаго человѣка, котораго онъ душевно полюбилъ.

Часто, держа руку доктора въ своихъ и долго не выпуская ее, Николай произносилъ съ чувствомъ:

— Какъ много я вамъ обязанъ, добрый Ѳедоръ Ивановичъ!...

Съ первыми весенними днями больной сталъ ходить по комнатѣ. Опорою его во время этихъ прогулокъ служила бо́льшею частію гувернантка, которая чаще прежняго на-

вѣщала Николая, но по странному перевороту въ умѣ или сердцѣ ея, уже не въ тѣ минуты, когда у него бывала мачиха; напротивъ, она уже избѣгала встрѣчи съ нею. Задумчивость замѣнила прежнее безпечное, дерзкое выраженіе лица ея. Часто просиживала она по получасамъ у постели больнаго, не говоря ни слова или разсѣянно отвѣчая на вопросы его; иногда она поспѣшно вставала съ кресла, и бросивъ Николаю отрывистое Adieu: уходила. Еще разительнѣе была перемѣна въ обращеніи съ Тучиновымъ и его женою. Болѣе и болѣе удаляясь отъ перваго, старалась она покорною вѣжливостью сблизиться съ послѣднею. Бѣдная Катерина Васильевна торжествовала: ненавистная соперница, разрушившая семейное счастіе ея, преклоняла теперь голову передъ нею, сознавая собственную слабость....

По странной прихоти случая, одна половина, такъ-сказать, предположеній Катерины Васильевны осуществилась. Безпрестанныя, близкія сношенія, съ молодымъ человѣкомъ, невозможныя при другихъ обстоятельствахъ, но извиняемыя болѣзнію его, имѣли вліяніе на сердце Француженки.... Она объясняла себѣ по своему радость, съ которою онъ встрѣчалъ ее; сожалѣніе, выражавшееся на лицѣ его, когда она уходила. И ей, также какъ и Катеринѣ Васильевнѣ, показалось, что причины грусти, обыкновенно выражавшейся на лицѣ молодаго человѣка, когда онъ появлялся въ кругу семейства, заключались въ тайной любви, которую онъ не хотѣлъ, не смѣлъ обнаружить....

Мадмоазель Фаваржѐ полюбила Николая, вслѣдствіе того, что ей показалось, что онъ любитъ ее.

Свѣтскія отношенія часто ложны, именно потому, что основаны на предположеніяхъ, догадкахъ.

. . . . . .

Май приближался къ концу.

Петербургскіе жители, подобно узникамъ, вырвавшимся изъ душныхъ темницъ, куда заключала ихъ сѣверная зима, переселялись на дачи, — въ загородныя клѣтки, плохо защищенныя отъ прихотей южной зимы или, пожалуй, сѣвернаго лѣта.

Однажды утромъ докторъ, уходя отъ Николая, увѣдомилъ его, что зайдетъ только черезъ день.

— Отчего? спросилъ выздоравливавшій съ безпокойствомъ. У васъ много больныхъ?

— О, нѣтъ, благодаря Бога; вы знаете: ласточки на дворъ, лихорадки со двора....

— Отчего же вы не будете завтра?

— Во-первыхъ оттого, что вы теперь можете обойтись и безъ меня; вамъ теперь нуженъ поваръ, а не докторъ; здоровая пища, а не микстуры....

— А во-вторыхъ отчего?

— Я переѣзжаю сегодня съ семействомъ на дачу.

— На дачу!... Но если мнѣ сдѣлается хуже.... если....

Докторъ улыбнулся и отрицательно покачалъ головою.

— Однако сегодня у меня нѣтъ большаго аппетита.... и голова не со всѣмъ свободна....

— Это не важно.... но во всякомъ случаѣ совѣтую вамъ выѣзжать, пользоваться хорошею погодою....

— А гдѣ вы живете на дачѣ?

— На парголовской дорогѣ, не доѣзжая Поклонной-горы.

— Правда ваша, докторъ, я самъ чувствую, что мнѣ теперь необходимы чистый воздухъ, прогулки, движеніе.... Я послѣдую вашему совѣту....

— Помните, что во всемъ нужна мѣра. Берегите себя, не обременяйте желудка, не утомляйтесь, не занимайтесь серьознымъ, напрягающимъ вниманіе.... Словомъ, старайтесь вести самую веселую, беззаботную жизнь.

— Безпрекословное повиновеніе доктору первая обязанность выздоравливающаго, сказалъ Николай, улыбаясь.

Докторъ ушелъ. Больной, жаловавшійся на недостатокъ апетита, позавтракалъ въ полдень такъ, какъ завтракаютъ только выздоравливающіе.

Передъ обѣдомъ сошелъ къ нему Александръ Матвѣевичъ.

— Батюшка, сказалъ Николай: я хочу отправиться на дачу.

— Не рано ли, другъ мой?

— По мнѣнію доктора мнѣ теперь необходимъ чистый воздухъ для совершеннаго возстановленія моего здоровья.

— Хорошо; я завтра утромъ отправлю нарочнаго, чтобы все приготовили къ нашему пріѣзду.... Или нѣтъ, ты можешь переѣхать одинъ, сказалъ Тучиновъ, — Катерина Васильевна и дѣти переберутся позже.... въ началѣ или исходѣ іюня....

— Куда?

— Разумѣется на нашу дачу, въ Царское село.... Впрочемъ тебя одного отпустить нельзя.... какъ быть?... Я самъ радъ бы отправиться съ вами, но многочисленныя занятія удерживаютъ меня въ Петербургѣ.

— Въ такомъ случаѣ лучше нанять другую дачу, поближе къ городу.

— Другую?... повторилъ Тучиновъ, видимо обрадовавшись этому предложенію.

— Я долженъ признаться вамъ, что одна мысль о дачѣ, въ которой мы живемъ уже столько лѣтъ, наводитъ на меня уныніе.

— Но лишніе расходы.... Согласится ли Катерина Васильевна?

— Я берусь упросить ее.

— Попытайся; я даю тебѣ полномочіе; но если нанимать въ окрестностяхъ, такъ чѣмъ ближе къ городу, тѣмъ лучше.

Николаю Александровичу не трудно было уговорить мачиху; на другой же день, пользуясь прекрасною погодою, онъ поѣхалъ съ нею пріискивать дачу.

— Куда поѣдемъ? спросила Катерина Васильевна.

— Право не знаю.

— На Карповку? Это близко.

— Вы думаете?

— Посмотримъ.

— Извольте.

На Карповкѣ всѣ дачи были отданы; на многія уже переѣхали лѣтніе жильцы.

— Поѣдемте на Каменный, сказалъ Николай.

— Не люблю Каменнаго острова; это тотъ же городъ.

— Въ Новую-деревню?

— Пожалуй.

Миновали Каменный. Въ Новой-деревнѣ было нѣсколько незанятыхъ дачъ; но однѣ не нравились Катеринѣ Васильевнѣ, другія пасынку ея. Дачи, которыя не нравились первой, казались прекрасными второму; но онъ отказывался отъ нихъ изъ уваженія къ мачихѣ.

Катерина Васильевна нѣсколько разъ замѣчала молодому человѣку, что удивляется странности его вкуса. Николай молча улыбался.

Ни въ Новой, ни въ Старой-деревнѣ не оказалось приличной дачи.

— Куда теперь? спросилъ Николай.

— Черная-рѣчка въ двухъ шагахъ; посмотримъ, не найдемъ ли тамъ.

На Черной-рѣчкѣ нашли дачу, соотвѣтствовавшую всѣмъ требованіямъ. Пасынокъ отъ всей души вторилъ радостнымъ восклицаніямъ мачихи. Они пошли еще разъ осмотрѣть садъ.

— Посмотрите, сколько тѣни! Посмотрите, съ какимъ вкусомъ расположены куртинки! воскликнула Катерина Васильевна.

— Прелестно!... прел..... кхъ!

— Я велю поставить здѣсь скамью.

— Непрем.... кхъ! кхъ!

— Надъ верхнимъ балкономъ нужно будетъ устроить маркизу....

— Чудесно буд.... кхъ! кхъ! кхъ!

Николай страшно закашлялся.

— Что̀ съ вами, Николай?

— Не знаю.... что̀-то давитъ.... грудь.... кхъ!

— Закройтесь хорошенько; застегните пальто....

— Кхъ!... ничего.... не безпок.... кхъ!... Это, я думаю, отъ сырости.... кхъ! кхъ!

— Здѣсь въ-самомъ-дѣлѣ немножко сыро.

— Да, сыровато.

— Стало-быть здѣшній воздухъ вамъ вреденъ.

— Я то же.... кхъ!... думаю; но.... кхъ!... это ничего.

— Какъ ничего! Нѣтъ, нѣтъ; вы здѣсь не только не поправитесь, но, чего добраго, еще болѣе разстроите ваше здоровье.... Ахъ, какъ жаль! произнесла Катерина Васильевна, бросивъ прощальный взглядъ на предметы, столько нравившіеся ей.

Николай хотѣлъ возражать, но такъ закашлялся, что мачиха поспѣшно вернулась съ нимъ къ коляскѣ.

— Поѣдемте домой, сказала молодая женщина: вы устали.... Завтра мы обратимъ наши поиски въ другую сторону.

— Правда ваша, сказалъ Николай, поѣдемте домой: но чтобы не возвращаться по той же дорогѣ, мы можемъ проѣхать отсюда къ Лѣсному-Институту.

— Не довольно ли будетъ на первый разъ?

— О, нѣтъ! кашель мой унялся.

Изъ дорогъ, ведущихъ отъ Черной-рѣчки на Выборгскую дорогу, Николай избралъ немощеную, примыкающую къ самой заставѣ.

— Тяжело, сударь, будетъ лошадямъ, замѣтилъ кучеръ.

— Ничего, поѣзжай потише; тряска утомила меня.

Выѣхали къ заставѣ.

— Ахъ, какъ здѣсь дышется легко! вскричалъ молодой человѣкъ. Не замѣчаете ли вы, Катерина Васильевна, что здѣсь воздухъ гораздо чище?

— Нѣтъ, не замѣчаю, отвѣчала мачиха, улыбаясь.

— Странно, возразилъ Николай, мнѣ кажется, что здѣсь совершенно иной климатъ. Если вы не устали, такъ мы можемъ доѣхать до Поклонной-горы, а оттуда поворотить къ дачамъ за Лѣснымъ.

— Измучаемъ, сударь, лошадей, замѣтилъ опять кучеръ.

— И вамъ пора домой, прибавила мачиха.

— Напротивъ, милая maman; вы не повѣрите, какое благодѣтельное впечатлѣніе производитъ на меня чистый воздухъ.... Я оживаю.... Впрочемъ, чтобы не утомлять бѣд-

ныхъ лошадей, мы можемъ поворотить къ Лѣсному, не доѣзжая до Земледѣльческаго Училища.

Поѣхали.

Николай съ напряженнымъ волненіемъ смотрѣлъ по сторонамъ, на ворота дачъ, ища на нихъ безграмотныхъ объявленій объ отдачѣ въ наемъ.

— Стой! вскричалъ онъ вдругъ.

— Зачѣмъ? спросила мачиха.

— Дача!... дача отдается.

— Неужели вы хотите, чтобы мы наняли здѣсь?

— А отчего же нѣтъ?

— Здѣсь ужасно скучно.

— Помилуйте!... Лѣсной, Кушелевка, Строгоновскій садъ, Земледѣльческое Училище, Коломяги, Парголово, все близко!... Городъ въ двухъ шагахъ.... А воздухъ? Швейцарія, настоящая Швейцарія! Гора, лѣсъ, озеро.... Это рай!

— Э, Боже мой! какъ вы воспламенились, возразила Катерина Васильевна, засмѣявшись: вашъ восторгъ побѣдилъ мое сопротивленіе, пойдемте, посмотримъ.

Дача была весьма посредственная, неудобная, тѣсная. Несмотря на чрезмѣрную снисходительность Николая ко всѣмъ неудобствамъ ея, у него, однакожъ, не достало духа серьозно опровергать слишкомъ справедливыя замѣчанія мачихи; но за-то онъ уговорилъ ее пройтись съ нимъ нѣсколько шаговъ пѣшкомъ, чтобы дать отдохнуть лошадямъ.

Радостно забилось сердце молодаго человѣка при видѣ билета, прибитаго къ воротамъ большой, красивой дачи.

Они осмотрѣли ее. Домъ былъ просторный, окруженный обширнымъ и красиво расположеннымъ садомъ; но все было запущено, въ безпорядкѣ; дорожки поросли травою; тамъ и сямъ пробивался уединенный цвѣтокъ; въ комнатахъ пахло сыростью, мѣстами обои были разорваны.

— Не извольте сумлѣваться, говорилъ дворникъ-сторожъ: черезъ два-три дня все будетъ въ наилучшемъ видѣ. Дача, осмѣлюсь доложить, графская.

Николай былъ того же мнѣнія; Катерина Васильевна не могла не уступить убѣдительнымъ просьбамъ его.

Дача была нанята.

— Ѳедоръ Ивановичъ, говорилъ Николай, на другой день доктору: дня черезъ три и мы переѣдемъ на дачу.

— А!... въ Царское село?

— Нѣтъ, отвѣчалъ выздоравливавшій, небрежно: батюшка до того занятъ, что не можетъ ѣздить такъ далеко, а потому онъ рѣшился нанять дачу поближе къ городу.

— Гдѣ?

— За Выборгской заставой.

— Неужели вскричалъ докторъ: стало быть мы опять будемъ сосѣдями?

— Какимъ образомъ? спросилъ молодой человѣкъ, съ притворнымъ удивленіемъ: ахъ, да! вы, кажется, говорили мнѣ, что живете въ Парголовѣ?

— Не въ Парголовѣ, а на Парголовской или Выборгской дорогѣ.

— Тѣмъ лучше, возразилъ Николай, пожавъ руку доктора: такимъ образомъ вы по неволѣ будете навѣщать меня почаще.

— Хе, хе, хе! А аппетитъ каковъ теперь?

— Чудесный, Ѳедоръ Ивановичъ!... Я сейчасъ готовъ съѣсть цѣлый ростбифъ.

— Нельзя, нельзя еще!... Первый кусокъ ростбифа вы можете съѣсть только въ обществѣ двухъ непремѣнныхъ и необходимыхъ собесѣдниковъ; во-первыхъ — бутылки отличнѣйшаго лафита....

— Я не прочь!

— А во-вторыхъ — доктора.

— Ѳедоръ Ивановичъ! рцы слово твердо.

Нѣсколько дней спустя Николай рѣзвился въ саду дачи какъ ребенокъ, со своими сестрами и маленькимъ братомъ.

Онъ какъ бы переродился послѣ болѣзни. Быстрота, съ которою онъ выздоравливалъ, предвѣщала въ немъ такое же мощное развитіе силъ, какимъ отличался отецъ его. Прежнія странности, прихоти, припадки необъяснимой грусти и разочарованія имѣли, казалось, главнымъ источникомъ

физическое разстройство; они были слѣдствіемъ зародыша болѣзни, таившейся въ молодомъ человѣкѣ.

Весело и радостно глядѣлъ онъ теперь на жизнь; тысячи благихъ намѣреній толпились въ умѣ его, въ которомъ вовсе изгладилось воспоминаніе о грустномъ прошедшемъ.

Вслѣдствіе такого расположенія и обхожденіе его съ Француженкою, воспитательницею младшихъ дѣтей, было непринужденно, пріязненно; тѣмъ болѣе, что теперь онъ чаще прежняго бывалъ съ нею, гуляя по саду или проводя время въ веселыхъ бесѣдахъ.

Но чѣмъ веселѣе былъ Николай, тѣмъ задумчивѣе, грустнѣе становилась мадмоазель Фаваржѐ. Предположеніе, что молодой человѣкъ любитъ ее, возбудило въ ней сперва состраданіе, потомъ — готовность отвѣчать на любовь его. Она хотѣлъ утѣшить бѣдняжку, не осмѣлившагося объясниться и любившаго ее втайнѣ....

Сначала Француженка смотрѣла на эту любовь, какъ на минутное развлеченіе, игрушку; но вскорѣ роли перемѣнились.

По мѣрѣ выздоровленія Николая, мадмоазель Фаваржѐ болѣе и болѣе задумывалась. Она замѣчала, что въ обхожденіи его съ нею не было тѣхъ сердечныхъ оттѣнковъ, по которымъ легко познается тайная любовь. Онъ охотно встрѣчался съ нею, но не искалъ случаевъ быть съ нею наединѣ; когда его рука касалась ея руки, онъ оставался спокоенъ; слова, въ которыхъ ей казался намекъ любви, Николай спокойно повторялъ передъ посторонними.... Тысячи подобныхъ мелочныхъ, но многозначительныхъ обстоятельствъ внушили наконецъ гувернанткѣ мысль, что предположеніе ея могло быть ошибочно.

Досада овладѣла ею. Она стала удаляться отъ молодаго человѣка, избѣгать встрѣчи съ нимъ, обходиться съ нимъ холодно, сухо.

Николай замѣтилъ эту перемѣну, и освѣдомился о причинѣ ея.

Не получивъ отвѣта, онъ въ тотъ же день, за обѣдомъ, обратился къ мачихѣ, съ просьбой примирить его съ мадмо-

азель Фаваржѐ, разсердившейся на него Богъ вѣсть за что̀.

Француженка вспыхнула отъ гнѣва. Послѣ обѣда она заперлась въ своей комнатѣ, и долго плакала.

На слѣдующій день она встрѣтила Николая въ саду. Она, повидимому, искала этой встрѣчи.

— Вы еще сердитесь? спросилъ онъ.

Съ грустію посмотрѣла она ему въ глаза, и произнесла тихимъ голосомъ:

— Зачѣмъ вы терзаете меня?

— Я!...

— Неужели я заслужила это искреннею привязанностью, которую всячески стараюсь доказать вамъ?...

— Ради Бога, простите мнѣ, если я чѣмъ-нибудь обидѣлъ или огорчилъ васъ, вскричалъ Николай, схвативъ руку гувернантки: я даже готовъ просить у васъ прощенія за мою прежнюю холодность, за равнодушіе....

Мадмоазель Фаваржѐ скоро отдернула руку. Слезы навернулись на глазахъ ея.

— Что̀ съ вами? вскричалъ молодой человѣкъ.

— Вы ужасно жестоки....

— Не понимаю, возразилъ Николай, пожавъ плечами.

— О! какъ я несчастна! вскричала Француженка и поспѣшно удалилась.

Николай съ удивленіемъ смотрѣлъ ей вслѣдъ.

Кто-то тихо коснулся плеча его. Онъ оглянулся; за нимъ стояла мачиха.

— Я слышала вашъ разговоръ, сказала она.

— Объясните же мнѣ, пожалуйста, что̀ это значитъ?...

— Вы не понимаете? спросила Катерина Васильевна съ кроткой улыбкой.

Онъ отрицательно покачалъ головою.

— Дайте мнѣ руку; я виновата передъ вами.

— Вы?... Новая загадка.

— Пойдемте, мнѣ надобно поговорить съ вами.

ГЛАВА IV.

Сюрпризъ.

Возвратимся къ семейству Ѳедора Ивановича Беккера.

Загадочныя слова Анеты произвели тягостное впечатлѣніе на отца ея; по уходѣ его, Юлія Карловна, одна понявшая восклицаніе дочери, просидѣла нѣсколько минутъ въ горестномъ молчаніи.

Анета горько плакала.

Мать ея, почти забывшая о безъименномъ письмѣ, и никакъ непредполагавшая, что оно произвело такое сильное впечатлѣніе на сердце молодой дѣвушки, тщетно придумывала средства изгладить это впечатлѣніе. Она сознавалась съ грустію, что никакія человѣческія соображенія не въ силахъ отклонить предопредѣленій судьбы, и что самыя благоразумнѣйшія представленія не могутъ остановить влеченій сердца....

Юлія Карловна не могла сердиться на дочь; но тѣмъ сильнѣе было негодованіе ея на незнакомца, который, быть можетъ, изъ одной прихоти, для шутки, разрушилъ спокойствіе невинной дѣвушки.

Когда докторъ вернулся домой, жена разсказала ему все дѣло. Кроткій, добродушный Ѳедоръ Ивановичъ вспыхнулъ.

— Я врагъ огласки, вскричалъ онъ съ сердцемъ: но этого поступка такъ не оставлю! Я подамъ на него жалобу, потащу его въ судъ, я...

— Кого? хладнокровно спросила жена.

— Его? того, кто.... Какая досада! мы его не знаемъ.

— И, вѣроятно, никогда не узнаемъ.

— Какъ же быть?...

Послѣ продолжительнаго совѣщанія, супруги рѣшились предоставить рѣшеніе этого дѣла волѣ Господней, не упо-

минать болѣе о немъ дочери, и обходиться съ нею, какъ будто бы между ними ничего не происходило.

Несмотря на это благоразумное намѣреніе, въ сношеніяхъ Анеты съ родителями не было уже прежней непринужденности. Молодой дѣвушкѣ казалось, что она лишилась неограниченной довѣренности матери, скрывъ отъ нея чувствованія, въ которыхъ сама, до дня объясненія съ родителями, не отдавала себѣ яснаго отчета. Считая себя виновною передъ отцомъ, она не смѣла обходиться съ нимъ съ прежнею откровенностью, не смѣла ласкаться къ нему....

Анета болѣе прежняго уединилась, такъ-сказать, въ самой себѣ. Предостереженія матери не поколебали вѣры ея въ искренность увѣреній незнакомца. Любя истинно, глубоко, не увлекаемая пламенными порывами, она со спокойною твердостью рѣшилась ждать той минуты, о которой онъ упоминалъ въ своемъ письмѣ; до того времени она вознамѣрилась сберечь для него во всей чистотѣ свое сердце, любовь, вызванную его любовью. Молодая дѣвушка находила нѣжное утѣшеніе въ этой рѣшимости.

Татьяна Ивановна не замедлила явиться за отвѣтомъ. Докторша объявила ей отказъ дочери, стараясь смягчить его замѣчаніями на счетъ молодости, неопытности Анеты, которую устрашала мысль покинуть родительскій домъ.

Старая дѣва злобно сжала губы.

— Бѣдный братецъ! произнесла она: нечего дѣлать! повременимъ еще; авось Анна Ѳедоровна одумается.

Честная Нѣмка не хотѣла оставить Опухтинымъ тщетной надежды, а потому отвѣчала, что дочь ея рѣшительно отказалась выдти за Захара Ивановича.

— Видно Богу неугодно, сухо возразила Татьяна Ивановна; заговорила о другомъ, и нѣсколько минутъ спустя простилась съ докторшей, затаивъ въ сердцѣ злобу, но не оставляя еще намѣренія женить братца на Анетѣ, и какими бы то ни было средствами достигнуть своей цѣли.

Съ-тѣхъ-поръ, однакожъ, ни она, ни братъ ея не показывались въ домѣ доктора, гдѣ мало-по-малу тягостныя впеча-

тлѣнія изгладились, и по-прежнему наступила семейная тишина.

Ѳедоръ Ивановичъ находилъ тайное утѣшеніе въ устраненіи Опухтина, которому онъ, не смотря на оправданіе начальника, уже не довѣрялъ. Добрые люди, замѣтивъ отсутствіе Захара Ивановича въ домѣ доктора, и предполагая между ними разрывъ, не замедлили подшепнуть доктору о продѣлкахъ почтеннаго *ссудителя*. Ѳедоръ Ивановичъ старался сначала опровергать эти объясненія, основываясь на оправданіи Тучинова.

Одна Юлія Карловна, не легко предававшаяся горести, но и не скоро забывавшая ее и постоянно слѣдившая за всѣмъ, не могла совершенно успокоиться. Нѣкоторыя обстоятельства, ускользавшія отъ вниманія ея мужа, рѣдко бывавшаго дома, и отъ дочери, вполнѣ углубившейся въ себя и искавшей уединенія, поражали докторшу. Она замѣтила, что съ нѣкотораго времени подруги Анеты стали рѣже посѣщать ее, а маменьки и тётеньки обходились съ нею сухо, и старались не оставлять дочерей или племянницъ наединѣ съ нею. Часто повторявшееся «дома нѣтъ» встрѣчало докторшу въ передней самыхъ короткихъ знакомыхъ, когда она заходила къ нимъ съ дочерью. Она узнала *стороной*, что въ нѣкоторыхъ семействахъ были вечеринки, а между тѣмъ, не смотря на короткія дружественныя сношенія ея съ этими семействами, ни она, ни Анета не получали приглашеній....

Обстоятельства эти, сопровождаемыя еще разными намеками и другими мелкими, неуловимыми для посторонняго признаками, крайне безпокоили Юлію Карловну. По временамъ сердце ея сжималось, какъ-будто бы ей грозило несчастіе.... Будучи строгою судьею свѣтскихъ недостатковъ, она сама страшилась суда свѣта. Иногда ей казалось, что семейная тайна ея, тайна безъименнаго письма, сдѣлалась гласною, и яркая краска стыда выступала на щекахъ ея....

— Богъ знаетъ, думала она, судорожно сжимая грудь, въ которой сердце замирало отъ боязни: Богъ знаетъ, къ какимъ толкамъ письмо это подало поводъ!... Что такое доброе имя молодой дѣвушки? Драгоцѣнная игрушка, кото-

рую первый встрѣчный можетъ разбить въ дребезги.... Можетъ ли быть дѣвушка чище, невиннѣе Анеты, а между тѣмъ.... О, Боже мой! я умру съ горя, если опасенія мои оправдаются!...

Желая избавиться отъ мученій, не дававшихъ ей покоя, докторша рѣшилась удалиться на-время отъ знакомыхъ, и уговорила мужа переѣхать на дачу ранѣе обыкновеннаго, а именно въ послѣднихъ числахъ мая. Отдаляясь отъ знакомыхъ, Юлія Карловна сохранила однакожъ надежду, что они не забудутъ ее, и что опасенія, созданныя, быть-можетъ, ея воображеніемъ, разсѣются сами собою; — но она ошибалась. Первыя двѣ недѣли она провела на дачѣ въ совершенномъ уединеніи; только по воскресеньямъ собиралось нѣсколько мужчинъ, пріятелей доктора. Безпокойство Юліи Карловны возрасло до лихорадочнаго, болѣзненнаго состоянія. Въ первый, быть-можетъ, разъ со дня замужства, стала она поручать закупку провизіи кухаркѣ, потому-что сама не рѣшалась ѣхать въ городъ; ей казалось, что тамъ всѣ будутъ указывать на нее пальцами, что одно появленіе ея возмутитъ, взволнуетъ весь городъ.... Она перестала даже выходить на дорогу, потому-что каждое движеніе, каждый взглядъ, каждую улыбку прохожихъ и проѣзжихъ принимала на свой счетъ....

Положеніе ея сдѣлалось невыносимымъ.

Тучиновъ и жена доктора равно дорожили мнѣніемъ свѣта, хотя различными способами старались обращать это мнѣніе въ свою пользу.

Но во всякомъ злѣ заключается начало наказанія его.

Люди, слишкомъ строгіе къ недостаткамъ ближнихъ, обыкновенно преувеличиваютъ важность свѣтскаго мнѣнія, и въ этомъ случаѣ оно столько же страшно истинной, какъ и лицемѣрной добродѣтели....

Въ первой половинѣ іюня, въ теплый вечеръ, докторъ и жена его сидѣли за чаемъ въ столовой, въ отворенныя окна и двери которой легкій вечерній вѣтерокъ наносилъ благоуханія.

Анета поливала цвѣты въ саду.

Ѳедоръ Ивановичъ былъ необыкновенно веселъ.

— Солнце заходитъ безъ тучъ, сказалъ онъ: завтра будетъ хорошая погода.

— Я думаю, отвѣчала докторша разсѣянно.

— Славная будетъ погода!

Докторъ потеръ руки, лукаво улыбаясь, всталъ, прошелся по комнатѣ, насвистывая забавное нѣмецкое «ахъ, ду мейнъ либеръ аугустхенъ!» и наконецъ, остановившись у отворенной двери, съ любовію сталъ слѣдить за граціозными движеніями молодой дѣвушки.

— Твои розы цвѣтутъ прекрасно, сказалъ онъ.

— Не всѣ еще, папашенька.

— Завтра расцвѣтетъ самый прекрасный изъ нихъ.

— Отчего завтра?

Ѳедоръ Ивановичъ не отвѣчалъ, сталъ насвистывать громче прежняго, и отвернулся.

— Завтра будетъ славный день, сказалъ онъ опять, остановившись передъ женою.

Она не отвѣчала.

— Юлія Карловна, какъ ты думаешь: будетъ завтра хорошій день или нѣтъ?

— Не знаю.... я думаю....

— А я знаю.

— Такъ зачѣмъ же ты спрашиваешь?

— Зачѣмъ, зачѣмъ! повторилъ докторъ, пожавъ плечами: какая ты забывчивая!

Докторша съ удивленіемъ посмотрѣла на мужа.

— Вспомнила? продолжалъ онъ.

Безпокойство выразилось на лицѣ докторши.

— Слушай, Юлія Карловна: ровно восьмнадцать лѣтъ тому, насъ было двое—ты, да я. Ты страдала въ этотъ день тѣлесно, я нравственно.... Но Господь сжалился надъ нами. Страданія миновались, осталась одна радость, увеличенная третьимъ существомъ, ставшимъ между нами и закрѣпившимъ союзъ сердечной привязанности.... Вспомнила те-

перь?... Черезъ нѣсколько часовъ Анненькѣ минетъ восьмнадцать лѣтъ!

— Другъ мой, возразила жена, потупивъ глаза: я не забыла этого дня, а молчала только потому, что сама хотѣла обрадовать тебя завтра, воображая....

Громкій смѣхъ Ѳедора Ивановича прервалъ слова ея.

— Я вижу, сказалъ онъ: что мы играли въ прятки, какъ дѣти, изъ которыхъ ни одно не хочетъ искать.... Но такъ какъ я помѣшалъ твоему сюрпризу; то скажи мнѣ, помнитъ ли этотъ день Анета?

— Не думаю; она, по-крайней-мѣрѣ, не говорила мнѣ ни слова.

— Гм! Тѣмъ лучше. Ты, вѣроятно, приготовила ей подарокъ?

— Нѣсколько туалетныхъ бездѣлушекъ, новое платье.... ты увидишь завтра. А ты?...

— Я?... тоже нѣсколько бездѣлушекъ.... Мнѣ хочется отпраздновать этотъ день просто, между нами, въ семейномъ кругу, небрежно отвѣчалъ Ѳедоръ Ивановичъ.

Безпокойство, выражавшееся на лицѣ докторши, вовсе исчезло при послѣднихъ словахъ.

— О, да! произнесла она торопливо и полуумоляющимъ голосомъ: одни, одни!... Притомъ же теперь поздно разсылать приглашенія.

— Конечно поздно! Какія теперь приглашенія! — и докторъ поспѣшно отвернулся, чтобы скрыть лукавую улыбку.

Появленіе Анеты дало другое направленіе разговору.

— Какъ она обрадуется завтра! говорилъ про себя Ѳедоръ Ивановичъ, ложась спать:—не смотря на готовность ея провести завтрашній день просто, она была не совсѣмъ довольна моимъ распоряженіемъ.... Я замѣтилъ по лицу ея.... Посмѣемся, завтра, посмѣемся...

И добрый докторъ заснулъ, мечтая о радостяхъ будущаго дня.

Едва поднялось солнце надъ горизонтомъ, какъ Ѳедоръ Ивановичъ былъ уже на ногахъ. Жена и дочь его еще спали.

Въ гостинной слышался глухой топотъ осторожныхъ шаговъ и тихій говоръ. Носильщики, подъ командою настройщика, устанавливали новый, прекрасный рояль.

Передъ домомъ трое садовниковъ очищали куртинки, и украшали ихъ новыми цвѣтами.

Ѳедоръ Ивановичъ, радостно потирая руки, безпрестанно бѣгалъ изъ гостинной въ садъ, изъ сада въ гостинную.

Наконецъ все устроилось. Положивъ на рояль еще нѣсколько подарковъ, добрый отецъ снова осмотрѣлъ всѣ приготовленія къ сюрпризу. Онъ радовался, какъ ребенокъ.

— Пришелъ поваръ? спросилъ онъ, встрѣтивъ лакея.

— Пришелъ, сударь.

— Ага! Что̀ онъ дѣлаетъ?

— Выбираетъ, сударь, провизію, да разные пашкеты изъ корзинъ.

— Дѣло, дѣло! Скажи ему, чтобы онъ отличился.... на славу!... Не забудь ему напомнить, что сорокъ приборовъ.... Слышишь, сорокъ?

— Слушаю-съ.

Полчаса спустя, Ѳедоръ Ивановичъ увидѣлъ Анету, выпорхнувшую въ садъ, въ утреннемъ платьѣ.

— Э, папашенька! какъ рано встали! вскричала она.

Отецъ сталъ медленно приближаться, держа одну руку за спиною. Подойдя къ дочери, онъ выставилъ эту руку впередъ, и подалъ букетъ.

— Что̀ это? спросила Анета, остановившись съ изумленіемъ. Въ то же мгновеніе замѣтила она вновь насаженные цвѣты. — Ахъ, смотрите, папа, сколько цвѣтовъ распустилось въ одну ночь!...

— Я тебѣ говорилъ вчера! отвѣчалъ отецъ, съ улыбкой нѣжной, семейной радости.

— О нѣтъ, не можетъ быть! продолжала молодая дѣвушка, осматриваясь: это новые цвѣты.

— Аннинька, неужели ты забыла, что сегодня день твоего рожденія?...

— Можетъ ли быть!

— Да, тебѣ сегодня восьмнадцать лѣтъ!

— Боже мой! вскричала Анета, бросившись на шею отцу: мы живемъ въ такомъ мирномъ уединеніи, что я не знаю ни дней, ни чиселъ!... Сердце мое такъ счастливо въ этомъ уединеніи, что не ищетъ, не желаетъ другаго счастія!...

— Надѣюсь, что моя памятливость не нарушаетъ этого счастія?...

— О, милый, добрый папенька!

На крыльцо вышла Юлія Карловна. Молодая дѣвушка, вырвавшись изъ объятій отца, съ радостнымъ восклицаніемъ бросилась на встрѣчу матери.

Отецъ, мать и дочь провели нѣсколько прекраснѣйшихъ минутъ въ жизни; минутъ, которыми такъ богата мирная, счастливая *семейная* жизнь. Слезы сердечной признательности навернулись на глазахъ Анеты, когда дошло дѣло до подарковъ; не послѣдніе были ей дороги, но любовь дателей....

— Это еще не все, говорилъ Ѳедоръ Ивановичъ, смѣясь сквозь слезы, блестѣвшія на глазахъ: это еще не все! Аннинька, благодари маменьку за хлопоты, которыя она, изъ любви къ тебѣ, не откажется принять на себя.

— Какія хлопоты? спросила докторша, улыбаясь и не предполагая худа.

— Другъ мой, мы съ Анетой просимъ тебя позаботиться, чтобы намъ приготовили порядочный обѣдъ.

— Я сейчасъ распоряжусь, отвѣчала Юлія Карловна, улыбаясь тому, что даже въ эту минута мужа не покидала его матеріяльная слабость.

— Не безпокойся, дружокъ, я уже распорядился.... Тебѣ остается только принять на себя главное начальство надъ кулинарною арміею, которую ведетъ уже поваръ....

— Поваръ!

— Да, да, возразилъ докторъ съ комическою скромностію: я нанялъ повара.

— Но зачѣмъ, зачѣмъ? съ боязнію вскричала жена.

— Чтобы приличнымъ образомъ принять и угостить добрыхъ пріятелей.

— Ты пригласилъ?...

— Обѣдъ заказанъ на сорокъ человѣкъ!

И Ѳедоръ Ивановичъ всталъ въ позицію, ожидая, что жена и дочь бросятся къ нему на шею. Но Юлія Карловна, уничтоженная, такъ сказать, словами мужа, опустила руки и произнесла задыхающимся голосомъ:

— Ѳедоръ Ивановичъ!...

— Да, сорокъ человѣкъ! повторилъ онъ съ торжествующимъ видомъ: каковъ сюрпризъ! За обѣдомъ будетъ музыка: двѣ скрипки, флейта, кларнетъ, віолончель, контрбасъ... Послѣ обѣда танцы: вальсы, кадрили, польки! Пускай молодежъ веселится! Танцы до третьяго, пятаго часу, до утра, до вечера слѣдующаго дня, коли на то пойдетъ!... Что̀ скажешь, Анета?

Молодая дѣвушка радостно обняла отца.

Юлія Карловна стояла неподвижно; щеки ея поблѣднѣли сердце болѣзненно сжалось....

Но мужъ, ослѣпленный радостію, счастіемъ, не замѣчалъ разстроеннаго вида ея.

— Что̀? спросилъ онъ: каково я распорядился?

— Какъ нельзя лучше, отвѣчала жена, скрѣпя сердце и принужденно̀ улыбнувшись.

— А ты и не благодаришь меня?

Докторша молча пожала ему руку.

ГЛАВА V.

Солнце, — тучи, — гроза.

Все было готово къ принятію гостей.

Юлія Карловна одѣвалась. Тягостное чувство, овладѣвшее ею, когда, мужъ объявилъ ей о приглашеніи гостей, мало-по-малу разсѣялось въ хозяйственныхъ хлопотахъ. Разсудокъ одержалъ верхъ надъ химерическими опасеніями. Какое-то необъяснимое чувство, походившее на стыдъ, сжимало

сердце ея при мысли о первой встрѣчѣ съ знакомыми, съ которыми она прекратила сношенія безъ явнаго разрыва и какъ бы по обоюдному, хотя и не высказанному соглашенію; но сознаніе собственнаго достоинства побѣдило и это чувство; докторша стала почти съ радостію думать о возобновленіи необходимыхъ свѣтскихъ связей и о случаѣ избавиться отъ горестныхъ, невыносимыхъ страданій, терзавшихъ ее въ послѣднее время.... Такъ какъ она сама никакъ бы не рѣшилась пригласить гостей, то была признательна мужу, что онъ распорядился не посовѣтовавшись съ нею.

Съ облегченнымъ сердцемъ вошла Юлія Карловна въ сопровожденіи дочери въ гостинную, въ которой собрались уже нѣсколько приглашенныхъ пріятелей доктора.

Анета была очаровательна. На ней было бѣлое кисейное платье, подаренное ей въ этотъ день матерью; свѣжій, душистый цвѣтокъ былъ вплетенъ въ волосы. Нарядъ отличался изящною простотою, но все въ немъ было *кстати*, къ лицу молодой дѣвушкѣ; въ немъ не было ничего лишняго, но вмѣстѣ съ тѣмъ казалось, что отсутствіе малѣйшей бездѣлицы въ этомъ нарядѣ могло нарушить грацію, гармонію общаго.

Это отличительный признакъ женщинъ, которая одарены изящнымъ вкусомъ и одѣваются сами, а не по рецепту модистокъ.

— Другъ мой, сказалъ Ѳедоръ Ивановичъ, когда жена его поздоровалась съ гостями: ни Лебедевы, ни Горевы, ни Вельдены не могутъ быть у насъ.... Лебедевъ самъ будетъ, но жена его нездорова, а потому и дочери не могутъ быть....

— Не.... могутъ.... быть?... повторила Юлія Карловна едва слышнымъ голосомъ.

— Вельдены куда-то отозваны, а Горевы пускаются въ какія-то непонятныя, темныя объясненія.... Впрочемъ прочитай сама; вотъ письма.

— Мнѣ кажется, что вѣжливость требовала отказаться, по-крайней-мѣрѣ, наканунѣ, замѣтилъ одинъ изъ гостей, старикъ почтенной наружности.

— Нѣтъ, возразилъ докторъ добродушно: это моя вина: я только вчера разослалъ приглашенія.

Дрожащими руками взяла Юлія Карловна одно письмо. Спокойствіе, мало-по-малу утвердившееся въ душѣ ея съ утра, внезапно покинуло ее. Прежнія опасенія опять овладѣли умомъ, опасенія, порожденныя мнительностію, не были уже основаны на однѣхъ догадкахъ, а на неопровержимыхъ доказательствахъ, находившихся въ рукахъ, передъ глазами бѣдной матери.... Невыразимое чувство боязни сдавило грудь ея.... боязни, овладѣвающей утопающимъ въ ту минуту, когда онъ теряетъ послѣднюю надежду спастись....

Потерявъ присутствіе духа, по неожиданности новаго удара, поразившаго ее, Юлія Карловна безмолвно и какъ бы забывъ о присутствовавшихъ, глядѣла на письмо, не будучи въ состояніи разобрать слова.... Кровь съ такою силою бросилась ей въ голову, что письмо казалось ей написаннымъ кровію.... Чѣмъ болѣе силилась докторша скрыть свое смущеніе, и притвориться спокойною, равнодушною, тѣмъ болѣе увеличивалось ея волненіе. Наконецъ, не выдержавъ, она поспѣшно встала и удалилась.

Страданія естественныя, природныя, проистекающія прямо изъ сердца, облагораживаютъ, возвышаютъ душу и возносятъ ее къ престолу Всевышняго.

Страданія искусственныя, мелочныя, проистекающія изъ свѣтскихъ условій, унижаютъ человѣка даже въ собственныхъ глазахъ его....

Юлія Карловна страдала невыразимо. Она удалилась въ свою комнату съ отчаяннымъ намѣреніемъ сказаться больною и не выходить къ гостямъ. Опустившись въ кресло, закрыла она лицо обѣими руками. Нѣсколько минутъ просидѣла она въ этомъ положеніи; безсильное негодованіе волновало кровь ея.... Докторша доживала половину пятаго десятка лѣтъ, и до-сихъ-поръ не только обвиненіе, но даже ни малѣйшее подозрѣніе не помрачали ея жизни; она гордилась своимъ добрымъ именемъ и перенесла, такъ сказать, эту гордость на дочь, какъ вдругъ прихоть и злоба однимъ уда-

ромъ раззорили святое сокровище, которое она берегла такъ заботливо въ теченіе столькихъ лѣтъ....

Общественные законы принимаютъ въ соображеніе прошедшее; судъ свѣтскихъ условій основывается на одномъ настоящемъ; изъ прошедшаго онъ извлекаетъ только обстоятельства, могущія служить подтвержденіемъ настоящему проступку.

Слезы облегчили бы грудь докторши; но она не могла плакать....

Одно могло бы утѣшить ее: прямое обвиненіе, противу котораго она могла бы высказать все свое негодованіе, оправдаться.... Но свѣтъ никогда не зоветъ виновнаго къ отвѣту; онъ осуждаетъ заочно, казнитъ нравственно.

Веселый и громкій говоръ въ саду вывелъ докторшу изъ горестныхъ размышленій. Она подошла къ окну.

По дорожкамъ прогуливались гости, — нигдѣ не видно было ни одной гостьи, ни одной женщины.... Судорожно смяла Юлія Карловна край приподнятой ею шторы; глаза ея сверкнули гнѣвомъ; гордо, величественно выпрямился станъ ея.

— Онѣ сговорились! произнесла она задыхающимся голосомъ: невинность и красота Анеты возбудили зависть матушекъ... онѣ рѣшились запятнать честное имя Анеты... Быть-можетъ имъ и удастся.... Да будетъ воля Господня!... Но не удастся злобѣ и коварству насладиться зрѣлищемъ моего унынія, отчаянія! Я не склоню головы предъ ядовитой клеветою, а смѣло и съ презрѣніемъ пойду ей навстрѣчу!...

Она подошла къ зеркалу и около минуты простояла передъ нимъ неподвижно, смотря себѣ въ глаза, въ которыхъ выражалась рѣшимость отчаянія. Мало-по-малу черты ея сглаживались, такъ сказать, и принимали болѣе спокойное выраженіе; потомъ на лицѣ ея появилась улыбка, дикая, странная.... Щеки ея горѣли....

Нѣсколько минутъ спустя, Юлія Карловна вышла изъ спальни, гордо поднявъ голову; выраженіе лица ея было спокойно, весело; лихорадочный румянецъ, выступившій на

щекахъ, увеличивалъ выраженіе беззаботнаго счастія, проявлявшагося во всей особѣ ея.

Она встрѣчала однихъ мужчинъ и привѣтствовала всѣхъ ласково, непринужденно.

Въ столовой, гдѣ накрывали на столъ, суетился хозяинъ. Онъ былъ озабоченъ, разстроенъ; безпрестанно считалъ приборы, и посматривалъ на часы.

— Посуди, Юлія Карловна, какая бѣда! вскричалъ онъ при входѣ жены: я получилъ еще два отказа.... Рѣшительно не понимаю, что̀ это значитъ? Не обидѣлись ли они, что я такъ поздно разослалъ приглашенія?... Досадно, ужасно досадно! Я уже велѣлъ снять четырнадцать приборовъ.

— Ѳедоръ Ивановичъ, торопливо доложилъ лакей: музыка пришла! Прикажете вести ее на балконъ?

— Постой, постой! Вели музыкантамъ подождать на дворѣ; помѣсти ихъ на балконѣ только тогда, когда мы сядемъ обѣдать.

Слуга ушелъ.

— Скоро половина шестаго, продолжалъ докторъ, взглянувъ на часы: а гости еще не собрались.

— Ѳедоръ Ивановичъ, доложилъ опять лакей: поваръ спрашиваетъ, нельзя ли подавать?... Пропадетъ, говоритъ, весь обѣдъ; онъ готовилъ ровно къ пяти часамъ.

— Знаю, знаю!... Ты считалъ гостей? спросилъ докторъ вовсе растерявшись.

— Считалъ, сударь.

— Сколько.

— Все тѣ же, сударь, одиннадцать персонъ.

— Никто не пріѣзжалъ?

— Никто, сударь.

— О, досада, досада! Скажи повару, чтобы онъ подождалъ еще нѣсколько минутъ,—четверть, полчаса....

— Зачѣмъ ждать? сказала Юлія Карловна, которая во время предшествовавшаго разговора приказала укоротить столъ и убрать еще нѣсколько приборовъ.

— Четверть часочка еще.... еще.... Степанъ, ты поставилъ новую закуску?

— Поставилъ, сударь, да гости и вторую препорцію съѣли.

— Ждать запоздавшихъ долѣе назначеннаго часа значитъ обижать пришедшихъ во-время, сказала хозяйка спокойнымъ голосомъ. Степанъ, подавай супъ.

— Постой, постой! произнесъ бѣдный хозяинъ жалобнымъ голосомъ: подождемъ еще немножко, дружечикъ; посуди сама, вмѣсто сорока человѣкъ, за столомъ будетъ всего одиннадцать,—четырнадцать съ нами!...

— Одинъ вѣрный другъ лучше трехъ невѣрныхъ.

— Такъ, такъ! но замѣть, другъ мой, что до-сихъ-поръ нѣтъ ни одной дамы.... Что станется съ танцами?

— Степанъ, подавай супъ, повторила Юлія Карловна рѣшительно.

— Не въ добрый часъ вздумалъ я пригласить гостей! вскричалъ Ѳедоръ Ивановичъ почти съ отчаяніемъ.

— Чу! сказалъ лакей: экипажъ подъѣхалъ!

— Гдѣ, гдѣ! вскричалъ хозяинъ въ попыхахъ: подавай супъ, да только не слишкомъ торопись.... Остальные гости сейчасъ съѣдутся....

Юлія Карловна остановила мужа.

— Остальные гости не будутъ, сказала она, понизивъ голосъ.

— Не будутъ?... повторилъ докторъ, вытаращивъ глаза. Что это значитъ?

— Это значитъ, что тайна отъ жены никогда не ведетъ къ добру.... Не пугайся! сказала Юлія Карловна, принужденно засмѣявшись: я тебѣ послѣ объясню все дѣло; не безпокойся, это бездѣлица, не заслуживающая вниманія. Пойдемъ къ гостямъ.

Несмотря на притворное спокойствіе жены, бѣдный хозяинъ опечалился. Не предполагая ничего обиднаго для своего семейства въ неявленіи приглашенныхъ, онъ однакожъ не могъ побѣдить непріятнаго чувства сожалѣнія о томъ, что радушное гостепріимство его было такъ дурно вознаграждено.

— Ради Бога, другъ мой, произнесла хозяйка, замѣтивъ неудовольствіе, выразившееся на лицѣ мужа: не печалься; чѣмъ тѣснѣе кругъ друзей, тѣмъ онъ искреннѣе, сердечнѣе....

Ѳедоръ Ивановичъ молча покачалъ головой.

Въ саду между-тѣмъ, около Анеты составился кругъ молодыхъ людей. Они весело шутили и смѣялись.

Старики и вообще люди степенные, солидные, посматривали на часы, и ворчали. Они проголодались.

Когда докторъ и жена его вышли на крыльцо, у воротъ дачи стояла извощичья линейка. Высокіе кусты сирени скрывали отъ хозяевъ вновь пріѣхавшихъ гостей, но имъ показалось, что за кустами бѣлѣлось женское платье.

Радостно дрогнули сердца супруговъ, и все вниманіе ихъ устремилось на калитку.

Она заскрипѣла, и въ садъ вошли мужчина и женщина.

Крѣпко сжала докторша руку мужа.

— Ты пригласилъ и ихъ? произнесла она шопотомъ и скороговоркой.

— Изъ вѣжливости; я никакъ не ожидалъ, что они будутъ.

Между-тѣмъ Татьяна Ивановна, нарядившаяся, по обыкновенію своему, точно пятнадцатилѣтняя дѣвочка, приближалась, ступая на цыпочкахъ и жеманно улыбаясь.

Захаръ Ивановичъ, нѣсколько сконфуженный, слѣдовалъ за нею, осматриваясь изъ-подлобья и снявъ шляпу еще за калиткой.

При видѣ Опухтиныхъ, Анета покраснѣла, и съ замѣшательствомъ опустивъ глаза, подала руку старой дѣвѣ, приступившей къ ней какъ ни въ чемъ не бывало, и разсыпавшейся въ поздравленіяхъ и доброжеланіяхъ.

— Кушанье подано! громогласно доложилъ лакей.

Слова эти оживили гостей. Хозяева поздоровались съ Опухтиными, и при звукахъ музыки, всѣ отправились въ столовую.

Тамъ наступила минута страннаго молчанія. Всѣ гости

осматривались съ удивленіемъ, не замѣчая ни одной дамы, кромѣ старой дѣвы. Замѣшательство выразилось на лицахъ мужчинъ, до которыхъ дошелъ, быть-можетъ, слухъ о клеветѣ, распространенной на счетъ Анеты.

Прежняя радушная веселость хозяина разсѣялась; угрюмо усаживалъ онъ гостей. Хозяйка поблѣднѣла. Сама Анета была смущена.

Одна Татьяна Иванова осматривалась съ коварно-любезной улыбкой.

Общее замѣшательство отяготѣло надъ всѣми собесѣдниками. Гости замѣчали смущеніе хозяевъ, и никто не рѣшался прервать молчанія.

А на балконѣ гремѣла музыка.... а за заборомъ толпились зѣваки, завидовавшіе счастію пировавшихъ....

Обѣдъ тянулся долго. Гости ѣли съ аппетитомъ; но самыя вкуснѣйшія блюда проходили мимо хозяевъ, даже мимо Ѳедора Ивановича. Нѣкоторые гости, изъ состраданія къ хозяевамъ, вступили въ частные разговоры, но невольно говорили тихо. Молодые люди, приглашенные на танцы, шутили между собою на счетъ старой дѣвы, единственной представительницы прекраснаго пола между приглашенными.

Хозяйка страдала невыразимо; ей казалось, что теперь слезы облегчили бы грудь ея, но она не смѣла плакать.... Съ ужасомъ осматривала она, по временамъ, всѣхъ гостей, и въ умѣ каждаго угадывала одну мысль.... мысль оскорбительную для ея семейства!... Изнемогая подъ нравственною пыткою, бѣдная женщина опускалась иногда къ спинкѣ стула.... Слабость распространялась по всему тѣлу ея.... она чувствовала приближеніе обморока.... Но страшась малодушнаго обнаруженія своихъ тайныхъ страданій, она съ усиліемъ собирала покидавшія ее силы, и съ лихорадочною живостью вступала въ разговоръ съ сосѣдями....

А на балконѣ громче и громче гремѣла музыка.

Отчего посреди пріятелей, такъ дружно похваливавшихъ

хлѣбъ-соль доктора, ни одинъ не увѣдомилъ его о клеветѣ, распространенной на счетъ Анеты?...

Если они вѣрили этой клеветѣ, то, значитъ, мысленно оскорбляли семейство Беккера, и не должны бы были принять приглашенія, подобно тѣмъ маменькамъ, которыя боялись *окомпрометировать* своихъ дочекъ знакомствомъ съ Анетой. Маменьки эти поступили, во всѣхъ отношеніяхъ, честнѣе тѣхъ пріятелей, которые, вѣря клеветѣ, явились, однакожъ, на званный обѣдъ.

Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что между гостями были люди болѣе благородные, убѣжденные въ невинности молодой дѣвушки и презиравшіе клевету. Отчего же никто изъ нихъ не увѣдомилъ Ѳедора Ивановича о злобныхъ сплетняхъ? Отчего никто изъ нихъ не представилъ хозяевамъ единственнаго способа оправдаться, опровергнуть ложное обвиненіе?

Оттого, что подобное объясненіе—дѣло чрезвычайно *деликатное*.

Деликатность—слово заморское, подъ которымъ подразумѣвается тонкое чувство приличія.

Слѣдовательно, объявить Ѳедору Ивановичу, что злоба старается запятнать честь его дочери, было бы *неделикатно*, неприлично. Оставить человѣка подъ гнетомъ обвиненія, которое не будучи опровергнуто, со-временемъ, можетъ быть включено въ число фактовъ,—это гораздо приличнѣе.

Свѣтскія условія до того обезобразили взаимныя обязанности людей, что уничтожили между ними всякую искренность.—Тотъ умѣетъ жить въ свѣтѣ, кто умѣетъ постоянно притворяться. Человѣкъ актеръ, цѣлую жизнь разыгрывающій роли, поручаемыя ему, соотвѣтственно его положенію и качествамъ, всемірнымъ поставщикомъ общественныхъ піесъ—*свѣтомъ*....

. . . . . .

Мало-по-малу, упоенный благоуханіями, разносившимися надъ вкусными блюдами, увлеченный примѣромъ и аппе-

титомъ гостей, Ѳедоръ Ивановичъ повеселѣлъ. Голодъ разогналъ непріятное впечатлѣніе.... Только глубокое горе могло бы побѣдить въ докторѣ матеріализмъ; мелочныя же непріятности должны были покоряться ему.

Во второй половинѣ обѣда хозяинъ принялся догонять гостей. Удовлетворивъ не только требованія, но даже прихоти желудка, Ѳедоръ Ивановичъ сдѣлался разговорчивѣе; шампанское согнало послѣднюю тучку со свѣжаго лица его; послѣ перваго тоста за здоровье Анны Ѳедоровны, онъ сталъ шутить и смѣяться.

Но гости, искоса поглядывавшіе на хозяйку и замѣчавшіе страданіе, выражавшееся на лицѣ ея, принужденно вторили смѣху хозяина.

Послѣ втораго тоста, когда музыканты играли тушъ, Татьяна Ивановна, обратившись къ хозяйкѣ, произнесла громкимъ голосомъ:

— Какъ жаль, Юлія Карловна, что вы не пригласили дамъ; мы могли бы составить кадриль послѣ обѣда.

Хозяйка вздрогнула. На блѣдныхъ щекахъ ея образовались красныя пятна.

— Я никого не приглашала, отвѣчала она сухо; но тотчасъ же прибавила болѣе ласково: я была нездорова.... Ѳедоръ Ивановичъ распорядился безъ меня.

— А я приглашалъ, да не пришли, простодушно сказалъ докторъ.

— Не пришли! повторила старая дѣва съ оскорбительнымъ изумленіемъ.

— Была бы честь приложена, а отъ убытку Богъ избавитъ, сказалъ одинъ изъ гостей.

— За здравіе всѣхъ присутствующихъ! вскричалъ хозяинъ вставъ.

Музыка загремѣла.

Татьяна Ивановна достигла своей цѣли. Нѣсколько словъ, съ намѣреніемъ произнесенныхъ ею, растравили заживавшую рану, и между гостями наступило прежнее тягостное молчаніе.

Силы хозяйки истощились. Она встала. Гости послѣдовали ея примѣру.

Комнаты были ярко освѣщены; но какъ бы избѣгая свѣта, гости вышли въ садъ, разбрелись по алеямъ, и двѣ, три минуты спустя звуки музыки разносились по совершенно опустѣвшимъ покоямъ.

Юлія Карловна, съ трудомъ передвигая ноги, шла къ своей спальнѣ. Мужъ догналъ ее.

— Что́ съ тобою, другъ мой? спросилъ онъ заботливо.

— Мнѣ дурно.... Я нездорова.... извини меня передъ гостями....

— Но что̀ съ тобою сдѣлалось?

— Ничего.... пройдетъ....

Послѣднія слова докторша произнесла едва слышнымъ голосомъ.... Зрѣніе ея помрачилось, голова закружилась.... Чувствуя приближеніе обморока, она поспѣшно ступила нѣсколько шаговъ, и войдя въ спальню, въ изнеможеніи опустилась на диванъ.

Мужъ послѣдовалъ за нею.

— Непостижимо.... непонятно.... твердилъ онъ про-себя, щупая пульсъ изнемогавшей. Жаръ.... сильное волненіе въ крови.... Покажи мнѣ языкъ?

— Мнѣ дурно.... произнесла Юлія Карловна, опустивъ голову на грудь.

Докторъ досталъ съ тоалета одеколонъ, и сталъ тереть женѣ виски. Она пришла въ себя.

— Благодарю, мнѣ легче.... ступай къ гостямъ.... извини меня передъ ними.... Я не могу болѣе выдти.... мнѣ нуженъ покой....

— Разумѣется! Прилягъ; я велю приготовить тебѣ успокоительный напитокъ.

Ѳедоръ Ивановичъ позвонилъ.

— Попроси сюда Анну Ѳедоровну, сказалъ онъ вошедшей служанкѣ.

— Да, да, позови ее, скорѣе, скорѣе! вскричала докторша съ живостію матери, спѣшащей вырвать свое любимое дѣтище изъ когтей дикаго, хищнаго звѣря.

Порывъ сердца облегчилъ страданія бѣдной женщины. Горячія слезы выкатились изъ глазъ ея.

Съ грустнымъ изумленіемъ глядѣлъ на нее мужъ. Онъ начиналъ догадываться, что она скрывала отъ него какое-то горе.

Громко вскрикнувъ, протянула Юлія Карловна руки къ вошедшей дочери. Не произнеся ни слова, бросилась Анета въ объятія матери и зарыдала.... И въ ея сердцѣ накопились безотчетныя слезы, и ея грудь сжимало необъяснимо горестное чувство.

— Боже мой! Какой день, какой день! проговорилъ докторъ, и поспѣшно вышелъ изъ спальни, вспомнивъ о гостяхъ.

Невольно остановился онъ посреди ярко освѣщенной залы. Въ ней не было ни души.

На дворѣ затрещалъ песокъ подъ колесами экипажей.

— Еще гости! произнесъ хозяинъ: вотъ бѣда, если теперь начнутъ съѣзжаться! прибавилъ онъ, выходя въ садъ.

Тамъ было темно, тихо.

Передъ домомъ не было ни души.

Ѳедоръ Ивановичъ прошелъ далѣе. Та-же тишина.

Онъ ускорилъ шаги, и съ невыразимымъ безпокойствомъ обошелъ весь садъ, всѣ аллеи, и нигдѣ не встрѣтилъ живаго существа, нигдѣ не услышалъ человѣческаго голоса. Тяжелыя облака сгущали вечернія сумерки; усиливавшійся вѣтеръ покачивалъ вѣтви деревъ и шелестилъ листьями....

На балконѣ подгулявшіе музыканты съ усердіемъ наигрывали мазурку.

Почти бѣгомъ возвращался хозяинъ въ комнаты, надѣясь тамъ встрѣтить кого-либо изъ гостей.

— Ѳедоръ Ивановичъ, произнесъ за нимъ чей-то голосъ, когда онъ подходилъ къ дому.

Онъ оглянулся. За нимъ стояли Опухтины.

— Мы васъ ищемъ, Ѳедоръ Ивановичъ, сказала сестрица.

— Благодаримъ за угощеніе, сказалъ братецъ.

— Развѣ вы ужъ хотите ѣхать? машинально спросилъ хозяинъ.

— Пора, Ѳедоръ Ивановичъ, пора; мы и такъ послѣдніе остались, отвѣчала старая дѣва.

Докторъ остолбенѣлъ. Машинально кивалъ онъ головою въ отвѣтъ на кисло-сладкія любезности Татьяны Ивановны; машинально проводилъ онъ Опухтиныхъ до калитки, у которой простоялъ нѣсколько минутъ по отъѣздѣ ихъ; потомъ медленно вернулся домой.

— Уѣхали! произнесъ онъ, остановившись на средней ступени крыльца, и стараясь привести въ порядокъ мысли. Уѣхали!

— Прикажете гасить? спросилъ лакей, явившійся на порогъ растворенной двери.

— Что?

— Прикажете гасить?

— Гасить? разсѣянно повторилъ хозяинъ.

— Свѣчи, да лампы, сударь, прикажете гасить?

— Ага!... Свѣчи, да лампы? Да, да, гаси.

Лакей принялся за дѣло, а докторъ удалился въ свой кабинетъ. Нѣсколько минутъ просидѣлъ онъ, углубившись въ размышленія....

А музыка по-прежнему гремѣла на балконѣ.

Ѳедоръ Ивановичъ ничего не слышалъ. Всѣ происшествія этого дня были для него загадками, которыя умъ его тщетно силился разгадать....

Дверь тихо отворилась. Въ комнату вошла горничная.

— Барыня приказала просить васъ отпустить музыкантовъ, такъ какъ гости разъѣхались.

— Какихъ музыкантовъ?

Едва докторъ произнесъ эти слова, какъ звуки музыки поразили слухъ его.

— Да, да! скажи имъ, чтобы они ушли.... Постой, отдай имъ деньги.... Да скажи Степану, что я самъ раздѣнусь.

Нѣсколько минутъ спустя, музыка умолкла, огни угасли. Во всемъ домѣ наступила глубокая тишина....

ГЛАВА VI.

Цѣль старой дѣвы.

Вслѣдствіе искаженія простѣйшихъ отношеній между людьми, зло часто исполняетъ обязанности, по праву принадлежащія добру, и часто врагъ оказываетъ услугу, которая другу кажется непріятностью, оскорбленіемъ.

Само-собою разумѣется, что имѣя основаніемъ недоброжелательство, или будучи оказана небезкорыстно, услуга эта становится оскорбленіемъ.

Такимъ образомъ и докторъ долженъ былъ получить разгадку страннаго, обиднаго поведенія гостей не отъ искренняго друга, а отъ людей, ради личныхъ выгодъ не побоявшихся разстроить его семейное счастіе, запятнать честное имя дочери.

Читатели поняли, что клевету на счетъ послѣдней распустила старая дѣва, съ помощію Агафьи Степановны; даже Лихаревъ послужилъ ей въ этомъ случаѣ, разсказывая встрѣчному и поперечному, и съ прикрасами, *скандалёзную* исторію, и нимало не совѣстясь называть по имени дѣйствующихъ лицъ этой исторіи, лицъ, которыхъ онъ зналъ только по имени. Не совѣсть заставляла Бориса Астафьевича изъявлять въ присутствіи старой дѣвы сомнѣнія на счетъ дѣйствительности этой исторіи, а прихоть, желаніе подразнить Татьяну Ивановну. Въ оправданіе его должно сказать, что еслибъ дѣло касалось людей, хоть нѣсколько знакомыхъ ему, то едва ли бы онъ согласился сдѣлаться участникомъ старой дѣвы въ распространеніи клеветы, придуманной ею съ цѣлію извлечь изъ нея пользу для себя или, лучше сказать, для братца, о счастіи котораго она пеклась такъ усердно; но какое было Лихареву дѣло до людей *постороннихъ*, съ которыми онъ не имѣлъ ничего общаго и съ которыми, вѣроятно, судьба никогда не сведетъ его?...

Легкомысліе часто равносильно злобѣ.

Наименѣе виновный въ коварномъ замыслѣ былъ Захаръ Ивановичъ; онъ принялъ клевету за истину; несмотря на то, даже негодованіе его на поведеніе молодой дѣвушки было искусственное, возбужденное почтенной сестрицой. Въ первый разъ, когда она разсказала ему хитро-сплетенную исторію, онъ засмѣялся, покачалъ головою, и замѣтилъ очень простодушно:

— Эка шалунья! Постарайтесь, сестрица, поскорѣе устроить нашу сватьбу, а не то она, пожалуй, напроказитъ!...

Татьяна Ивановна выжидала послѣдствій придуманныхъ ею козней, когда получила неожиданное приглашеніе доктора. Первою мыслію ея было отказаться, но подумавъ, она разсудила иначе.

Захаръ Ивановичъ, однакожъ, ни за что не хотѣлъ ѣхать.

— Братецъ, сказала она, если вы хотите, чтобы веревочка пригодилась и на другой разъ, такъ не разрѣзывайте ее, а вооружитесь терпѣніемъ и развяжите узелъ.

Это хозяйственно-экономическое замѣчаніе убѣдило Опухтина.

Торжествуя возвращалась Татьяна Ивановна домой съ печальнаго обѣда.

— Какъ вамъ понравилась сегодня Анна Ѳедоровна? спросила она дорогой.

— Славная дѣвочка! отвѣчалъ Захаръ Ивановичъ, пробудившись отъ усыпленія, въ которое ввергали его шампанское и легкое покачиванье линейки.

— Надобно отдать ей справедливость, она очень не дурна.... Притомъ же на лицѣ ея выражается такая невинность, такая скромность, какъ будто бы....

— Правду говорятъ, что въ тихомъ омутѣ....

— А что, братецъ, перебила его старая дѣва: если она и въ самомъ дѣлѣ невинна?

— Дудки! Знаемъ мы....

— Вы ничего не знаете! съ досадой возразила сестрица. Ну, что̀ вы знаете?

— Знаю, что она пишетъ амурныя письма.

— Видѣли вы эти письма?

— Не видалъ; но вы сами....

— Я сама повторяла чужія слова. Ну, положимъ даже, что она писала....

Захаръ Ивановичъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на сестру.

— А если хорошенько подумать, такъ мнѣ кажется, что Анна Ѳедоровна невинна. Коварные люди оболгали ее, а мы въ простотѣ душевной уши развѣсили....

— Чортъ возьми! проговорилъ Опухтинъ: не знаю отчего, а мнѣ все казалось, что дѣло должно быть такъ; и еслибы не вы, еслибъ не ваши слова, такъ....

— У васъ добрая душа, братецъ!

— У меня?

— Да, да, у васъ; вы нарочно скрываете вашу доброту, но не скроете ее отъ меня.

Захаръ Ивановичъ прослезился. Онъ чувствовалъ въ эту минуту почти то же, что̀ чувствуетъ тотъ, кому впервые отдаютъ должную справедливость.

— Что̀ это вы хвалите меня, сестрица! возразилъ онъ застѣнчиво: мнѣ, право, конфузно.... Что̀ за доброта? Правда, я не способенъ обидѣть и кошки....

— Чѣмъ болѣе я думаю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ томъ, что Анну Ѳедоровну оклеветали.

— Ей, ей, оклеветали!

— Съ какимъ жаромъ вы ее защищаете! Сердечко-то, небось, все еще лежитъ къ ней?

Захаръ Ивановичъ глупо засмѣялся.

— Полно секретничать, признавайтесь откровенно.

— Есть маленько.

— Вы еще любите ее?

— Что̀ ты будешь дѣлать, сестрица! Сердце не свой братъ! Съ нимъ совладать трудно.

— И вы согласились бы жениться на ней?

— Хоть сейчасъ подъ вѣнецъ!

— Добрая душа! Хотите я устрою сватьбу?

Опухтинъ пересталъ смѣяться и вздохнулъ.

— Нѣтъ, оставьте, сестрица; эта партія проиграна.

— Она выиграна! Только нечего терять времени, надо ковать желѣзо пока оно горячо. Говорите же, хотите?

— Какъ не хотѣть!

Линейка остановилась.

Татьяна Ивановна нѣсколько минутъ бесѣдовала съ братцомъ; потомъ они сѣли писать.....

Докторша проплакала цѣлую ночь. Ѳедоръ Ивановичъ проснулся на разсвѣтѣ въ креслѣ.

Семейство собралось за чаемъ. Всѣ были печальны; никто не заговаривалъ о прошедшемъ днѣ, только общее горе сближало ихъ; взаимною привязанностью старались они ограничить свой семейный кругъ, и уединиться, отдалиться отъ свѣта.....

Не имѣя опасно больныхъ, докторъ рѣшился провести этотъ день со своимъ семействомъ. Жена и дочь обрадовались этому намѣренію.

Въ страданіяхъ человѣкъ обыкновенно ищетъ, если и не утѣшителя, то товарища, и сердце обращается съ удвоенною нѣжностью къ тѣмъ лицамъ, въ привязанности которыхъ оно увѣрено,

Послѣ чая все семейство помѣстилось на балконѣ.

Всѣ молчали, но каждый радовался присутствію другаго. Докторъ перебиралъ газеты; жена его и дочь занимались женскими рукодѣльями.

Часу въ одиннадцатомъ утра лакей принесъ письмо. Ѳедоръ Ивановичъ взглянулъ на адресъ, и удивленіе выразилось на лицѣ его. Онъ надломилъ уже печать, но какъ бы удерживаемый тайнымъ, необъяснимымъ предчувствіемъ, остановился и положилъ письмо на столъ.

— Отъ кого? спросила докторша.

— Не знаю, отвѣчалъ мужъ съ притворнымъ равнодушіемъ.

— Зачѣмъ же ты не распечатываешь?

— Сейчасъ; дай дочитать статью.

Ѳедоръ Ивановичъ узналъ почеркъ Опухтина, и не ожидая добра отъ этого письма, старался собраться съ духомъ. Одно имя Опухтина напомнило ему всѣ непріятности вчерашняго дня. Наконецъ онъ отложилъ газету и распечаталъ письмо.

Юлія Карловна искоса смотрѣла на мужа. Она замѣтила, что брови его насупились, глаза быстро пробѣгали по строкамъ, и вдругъ кровь съ силою бросилась въ лицо..... Судорожно смялъ онъ письмо, и ударилъ кулакомъ по столу.

— Что̀ случилось? спросила жена, страшась новаго несчастія.

— Ничего, отрывисто отвѣчалъ Ѳедоръ Ивановичъ, и расправивъ письмо, дочиталъ его до конца.

Съ неимовѣрнымъ усиліемъ скрылъ онъ негодованіе, кипѣвшее въ груди его, медленно сложилъ письмо, и спряталъ въ карманъ. Содержаніе письма до того разстроило доктора, что онъ не зналъ, на что̀ рѣшиться, что̀ предпринять..... Чтобы привести нѣсколько въ порядокъ мысли, онъ развернулъ газету, и устремивъ неподвижный взоръ на слова и буквы, пестрѣвшія передъ его глазами, погрузился въ размышленія. Но чѣмъ болѣе думалъ онъ, тѣмъ сильнѣе кипѣла кровь его, тѣмъ болѣе путались мысли, и заглушаемый гнѣвъ просился наружу..... Онъ бросилъ газету, всталъ, и закинувъ руки на спину, сталъ прохаживаться по балкону въ сильномъ волненіи.....

Анета съ безпокойствомъ посмотрѣла на мать.

Послѣдняя положила работу, и обратившись къ мужу съ видомъ совершенной покорности, спросила:

— Ты получилъ непріятныя извѣстія, другъ мой?

— Сдѣлай одолженіе оставь меня въ покоѣ! съ сердцемъ вскричалъ онъ: что̀ ты пристала ко мнѣ?.... Непріятныя извѣстія!... Какія непріятныя извѣстія? Кто тебѣ сказалъ? Съ чего ты взяла? Что̀ за несносное любопытство!...

— Не сердись, другъ мой, не сердись, съ кротостію воз-

разила докторша, пораженная страннымъ, необыкновеннымъ видомъ мужа.

Но кротость ея еще болѣе раздражила послѣдняго. Ему нужно было хорошенько покричать, погорячиться, чтобы облегчить грудь; ему нужно было выместить на комъ-бы то ни было свое бѣшенство, а потому онъ продолжалъ съ большею горячностію:

— Не сердись! легко сказать..... Ты думаешь, что битому стòитъ только сказать, чтобы онъ не кричалъ, и боль уймется..... Я нарочно остался дома, чтобы отдохнуть..... Хорошъ отдыхъ!... Это инквизиція, Юлія Карловна, настоящая инквизиція!... Отчего ты не читаешь!... Да чтò ты читаешь?... Чтò ты прочиталъ?.... Я не смѣю ни ступить, ни пошевельнуться..... Это невыносимо!

Никогда еще Ѳедоръ Ивановичъ не размахивалъ такъ отчаянно руками; никогда еще голосъ его не раздавался такъ громко въ домѣ.

Жена и дочь смотрѣли на него съ боязнію.

Онъ ушелъ, съ силою захлопнувъ за собою дверь. Войдя въ кабинетъ, онъ крѣпко сжалъ голову обѣими руками. Протяжный вздохъ, подобный воплю, вырвался изъ груди его; потомъ, судорожно сжавъ кулаки, онъ осмотрѣлся съ яростью, какъ бы ища къ чему бы *придраться*.

Кабинетъ не былъ еще убранъ; на стульяхъ лежала одежда; мебель была покрыта пылью.

— Степанъ! крикнулъ докторъ такъ громко, что голосъ его разнесся по всему дому.

Прошло добрыхъ двѣ минуты, пока Степану, находившемуся на задворкѣ, передали, что его спрашиваетъ баринъ. Въ эти двѣ минуты гнѣвъ послѣдняго постоянно возрасталъ.

— Гдѣ ты таскаешься? вскричалъ онъ, когда Степанъ вошелъ въ кабинетъ.

— Я выколачивалъ, сударь, пыль изъ коврика.....

— Пыль выколачивалъ, а это чтò?.... Ѳедоръ Ивановичъ указалъ на мебель, стоявшую въ безпорядкѣ: — Это чтò!...

и онъ мазнулъ пальцемъ по пыли, покрывавшей бюро: — Это что̀?.... и онъ швырнулъ на полъ фракъ, лежавшій на стулѣ.

— Сейчасъ уберу-съ, возразилъ лакей, поднимая фракъ.

— Сейчасъ?.... А долго ли будетъ это продолжаться?.... Порядокъ это, что̀ ли?.... Такъ-то ты свое дѣло исполняешь?.... У воротъ зѣвать, вотъ твое дѣло!.... Двѣнадцатый часъ, а ничего еще не убрано!...

— Я, сударь, не зналъ.....

— Ты ничего не знаешь! Ты лентяй, слышишь? лентяй! Гляди, на что̀ это похоже?.... Кабинетъ мой похожъ на чуланъ, на кладовую..... Я хочу сѣсть писать..... Какъ бы не такъ!.... Твоей милости не заблагоразсудилось убрать!... А я жди!.... Не могъ ты убрать платья, не могъ стереть пыли, не могъ поставить мебели по мѣстамъ?.... А?.... не могъ?....

Ѳедоръ Ивановичъ въ бѣшенствѣ своемъ заикался и безпрестанно повторялъ одно и то же. Лакей остолбенѣлъ, и вытаращивъ глаза, безсмысленно глядѣлъ на барина, съ которымъ *такая аказія* случилась въ первый разъ.

— Что̀ ты стоишь? Что разинулъ ротъ? Экая глупая рожа!...

— Напрасно изволите сердиться.....

— А!... Я сержусь напрасно!... Это что̀?.... Это что̀?....

И докторъ сталъ суетливо бросаться отъ одного предмета къ другому, толкая стулья, проводя пальцемъ по пыли и разбрасывая одежду.

Для посторонняго зрителя сцена эта могла бы показаться въ высшей степени комическою; но въ человѣкѣ, знавшемъ кроткій, добродушный, сносчивый характеръ Ѳедора Ивановича, она возбудила бы глубокое состраданіе.

Люди кроткаго характера, будучи выведены изъ себя, теряютъ бо̀льшею частію всякое достоинство въ выраженіи своего гнѣва; не имѣя дикихъ, свирѣпыхъ инстинктовъ, въ припадкѣ ярости они становятся мелочными, карикатурными.

— Я давно терплю, но будетъ съ меня..... продолжалъ докторъ пыхтя.

— Что́ же вы, сударь, терпите? возразилъ лакей, выведенный наконецъ изъ терпѣнія.

— Что̀?.... Что̀?.... терплю?.... А! ты грубить вздумалъ! Вонъ, вонъ, чтобы духу твоего не было въ моемъ домѣ!... Слышишь? Я выгоняю тебя!....

— Уйду, сударь, коли прикажете.

— Молчи, негодяй!

— Напрасно изволите, сударь, сердиться; пожалуйте мнѣ лучше мой пашпортъ.....

— Ты разбойникъ!

— Что̀ это вы, сударь! Господь съ вами!

— Молчи, молчи! закричалъ Ѳедоръ Ивановичъ, затопавъ ногами; пѣна выступила на губахъ его; выставивъ впередъ кулаки, онъ прибавилъ:

— Я напишу на твоемъ паспортѣ, что ты воръ!...

Докторъ самъ не зналъ, что̀ говорилъ; въ бѣшенствѣ своемъ онъ пріискивалъ только наиболѣе оскорбительныя слова, не заботясь о томъ, основательны онѣ или нѣтъ. Степанъ перенесъ бы терпѣливо побои, потому-что былъ преданъ своему доброму барину, но послѣднее слово оскорбило его до глубины души.

— Воръ! повторилъ онъ: воръ! Нѣтъ, сударь, этого я отъ васъ не заслужилъ!

— Пошелъ вонъ! произнесъ хриплымъ голосомъ баринъ: — пошелъ вонъ! или я дамъ тебѣ пощечину!...

Кресло, находившееся по близости Ѳедора Ивановича, съ трескомъ полетѣло въ сторону.

Появленіе хозяйки прекратило эту непріятную сцену. По знаку ея лакей ушелъ.

Докторъ бѣгалъ взадъ и впередъ, задыхаясь и утирая губы платкомъ.

— Душно, душно! произнесъ онъ, опустившись на диванъ: воды! дайте мнѣ воды!... Откройте окно!... Юлія

Карловна, дайте мнѣ стклянoчку, которая стоитъ на этажеркѣ..... скорѣе..... скорѣе.....

Юлія Карловна поспѣшно исполнила всѣ приказанія мужа.

Онъ легъ на диванъ, закрылъ глаза, и тяжело дыша пролежалъ нѣсколько минутъ неподвижно, вдыхая эфиръ, заключавшійся въ стклянкѣ.

Болѣе получаса длилось молчаніе.

— Гдѣ Анета? спросилъ докторъ, отдохнувъ.

— Она осталась на балконѣ.

— Слышно было..... на балконѣ..... какъ я кричалъ?

— Не думаю, отвѣчала докторша, угадавъ чувство мужа и желая успокоить его.

— Тѣмъ лучше, проговорилъ онъ про-себя. Послѣ короткаго молчанія, онъ прибавилъ: уговори Степана, чтобы онъ остался.

— Онъ не уйдетъ.

— Мнѣ кажется, что я ужасно оскорбилъ его..... Не помню, что я ему сказалъ.....

— Не думай объ этомъ; однимъ ласковымъ словомъ ты загладишь обиду.....

— Ты думаешь! Вели же сейчасъ позвать Степана.....

— Послѣ, другъ мой, послѣ; теперь неловко..... Твое собственное достоинство требуетъ, чтобы Степанъ остался въ томъ мнѣніи, что провинился.....

Опять наступило молчаніе.

— Объясни мнѣ, ради Бога, спросила наконецъ Юлія Карловна: что съ тобою сдѣлалось? Я никогда еще не видала тебя въ такомъ состояніи.....

Докторъ закрылъ лицо обѣими руками.

— Ѳедоръ Ивановичъ, не пугай меня!... Неужели насъ постигло несчастіе!...

— Да, да..... но въ незаслуженномъ несчастіи заключается то утѣшеніе, что оно ниспослано Господомъ не какъ наказаніе, а какъ испытаніе.....

— Объяснись, не мучь!

Докторъ хотѣлъ говорить, но не находилъ словъ; наконецъ, доставъ изъ боковаго кармана письмо, онъ подалъ его женѣ.

— Вотъ объясненіе.

Юлія Карловна съ живостію схватила письмо.

— Отъ Опухтиныхъ! вскричала она, дрожащими руками расправляя измятую бумагу.

— Читай.

Вотъ что̀ писала Татьяна Ивановна:

« Милостивѣйшій Государь,

« Ѳедоръ Ивановичъ!

« Милостивѣйшая Государыня,

« Юлія Карловна!

« Покорнѣйше благодаря Васъ за Ваше ласковое « гостепріимство и радушную хлѣбсоль спѣшу освѣ- « домится о состояньи Вашего драгоцѣннаго здоровья. « Ахъ, почтеннѣйшая Юлія Карловна мы ушли вчера « не засвидѣтельствовавъ Вамъ нашего почтенья но « такъ какъ между гостями разнесся слухъ, что вы « очень нездоровы, то и мы съ братомъ Захаромъ Ива- « новичемъ не осмѣлились побеспокоить васъ. Надеем- « ся, что Вамъ тѣперь лѣгче хотя признатся сказать « въ Вашемъ положеніи не можетъ быть лѣгко. Что за « злоба, что за коварство! Сердце поѣтъ, какъ поду- « маешь. Люди которымъ вы дѣлали добро которыхъ « вы всѣгда ласково принимали въ Вашемъ гостѣпріим- « номъ домѣ повѣрили коварной клѣветѣ, и даже не « посовестилисъ оскорбить Васъ, потому что только « съ этимъ намѣрѣніемъ они не пришли къ Вамъ въ « гости. Ахъ, любезная Юлія Карловна, естлибы Вы « знали, какъ они чернятъ Вашу невинную голубку, « бѣдную Анну Федоровну и какія вещи выдумываютъ

« про нее, что будто бы она писала кому-то любовныя
« письма и всякіе другіе низосьти, о которыхъ стыдно
« даже разсказывать. Я пишу это Вамъ не для того
« чтобы огорчить Васъ но чтобы Вы впрѣдь знали,
« на кого положится, отвѣчайтѣ презрѣніемъ на мѣр-
« скія сплетни и будьтѣ увѣрѣны что всѣ благородныя
« люди знаютъ Васъ и Анну Федоровну и что дажѣ
« тѣ которые клѣвещутъ на нее знаютъ что это ложъ.
« Всѣму причиной зависть. Что касается до меня и до
« Захара Ивановича то мы не пѣрѣставали и не пѣ-
« рѣстанемъ по мерѣ силъ и возможности защищать
« добродѣтель Вашей дочери. Въ доказательство нашего
« непоколебимейшаго уваженія прилагаю при семъ
« письмо братца. Примитѣ или откажитѣ, это въ Вашей
« волѣ, а мы исполнили долгъ истинной дружбы и
« доказали, что пусть люди говорятъ что хотятъ, мы
« же вѣчьно останемся къ Вамъ тѣже.

« Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною прѣдан-
ностью имѣю честь быть

« Милостивый Государь и
« Милостивая Государыня

« Ваша покорная слуга,

« *Т. Опухтина.*

Въ это письмо была вложена записка слѣдующаго содер-
жанія:

« Милостивѣйшій Государь!
« Ѳедоръ Ивановичъ!

« Свидѣтельствую Вамъ мое нижайшѣе почтеніе и
« прошу засвидѣтельствовать оноежъ Вашей Супругѣ и
« Дочери, къ которой сердечная привязанность моя не
« нарушится во вѣки!! Преисполненный таковаго чув-
« ства до глубины душѣвной, я на зло всѣму міру и
« въ презрѣніи ко всѣмъ клѣветникамъ вновь прошу

« очаровательной руки многоуважаемой мною Анны
« Федоровны и въ замѣнъ преклоняю къ стопамъ ее
« мое сердцѣ.

« Не осудитѣ недостатокъ моего краснорѣчія и при-
« митѣ увѣреніе въ глубокомъ высокопочитаніи и от-
« личной преданности, съ которыми въ пріятной на-
« деждѣ благосклоннаго отвѣта,

« Честь имѣю остатся,

« Милостивѣйшій Государь!

« Вашъ всѣпокорнѣйшій слуга

« *Захаръ Опухтинъ.*

Докторша опустила руки на колѣни.

Нѣсколько секундъ просидѣла она молча, неподвижно; потомъ горячія слезы покатились по щекамъ ея.....

Однѣ и тѣ же причины произвели дѣйствія, противуположныя не только между собою, но и въ отношеніи къ характерамъ.....

Кроткій, добродушный Оедоръ Ивановичъ вышелъ изъ себя; гордая, раздражительная Юлія Карловна заплакала, какъ слабый, беззащитный ребенокъ.

Мужъ не мѣшалъ ей плакать; онъ почти завидовалъ ея слезамъ.

— Бѣдное дитя! произнесъ онъ послѣ продолжительнаго молчанія.

— Я дамъ ей прочитать письмо.

— Зачѣмъ огорчать ее?

— Это урокъ на будущее время.

— Урокъ незаслуженный и горькій!

— Кому досталось наука жизни безъ горечи?.....

Промолчавъ еще съ минуту, докторша продолжала:

— Мы непремѣнно должны выдти изъ тягостнаго положенія.

— Да, но какъ?

— Я знаю только одно средство.

— Отдать Анету за Опухтина?

Юлія Карловна подумала; потомъ отвѣчала рѣшительно:

— Нѣтъ.

— Уѣхать изъ Петербурга?

— Да.

— Ты рѣшилась?

— Твердо.

— И я. Да будетъ воля Божія!....

ГЛАВА VII.

Другой Лихаревъ.

Однажды утромъ Николай Александровичъ проснулся ранѣе обыкновеннаго.

Солнечный свѣтъ, проникая сквозь опущенныя шторы спальни молодаго человѣка, придавалъ всѣмъ предметамъ радостный, праздничный видъ. Передъ окнами раздавалось громкое, веселое щебетанье птицъ, привѣтствовавшихъ наступленіе яснаго лѣтняго дня.

Николай поспѣшно одѣлся, и вышелъ въ садъ.

Во всемъ домѣ господствовала глубокая тишина; только на задворкѣ слышался стукъ топора дворника, коловшаго дрова.

Съ дѣтскою радостію вступилъ Николай на чистенько подметенныя дорожки, на пескѣ которыхъ онъ первый, въ этотъ день, оставлялъ слѣды. Утро было прелестное. Солнце разогнало уже ночную сырость, но въ воздухѣ сохранилась еще пріятная свѣжесть; отъ цвѣтовъ распространялись благоуханія, на травѣ искрились чудные бриллiанты росы.....

Грудь молодаго человѣка расширялась, чтобы умѣстить высокое блаженство, переполнявшее сердце его. Николай находился подъ вліяніемъ того могущественаго, природнаго

ощущенія, которое владѣетъ выздоровѣвшимъ до возвращенія его къ житейскимъ заботамъ, къ свѣтской суетѣ ....

Богъ вѣсть, какой кругъ описали мысли молодаго человѣка, пока, наконецъ, остановились на Ѳедорѣ Ивановичѣ. Хотя Николай совершенно выздоровѣлъ, и нечего было опасаться возвращенія болѣзни, онъ, однакожъ, не могъ обойтись безъ доктора, визита котораго всегда ожидалъ съ нетерпѣніемъ. Въ послѣдніе три дня онъ не показывался. Не зная, чему приписать это обстоятельство, Николай нѣсколько разъ намѣревался идти на дачу, нанимаемую докторомъ; но всякій разъ, когда молодой человѣкъ приближался къ ней, имъ овладѣвала непобѣдимая робость, и ускоривъ шаги, онъ возвращался домой.

— Что̀ сдѣлалось съ Ѳедоромъ Ивановичемъ? думалъ онъ, приближаясь къ калиткѣ: — не занемогъ ли онъ самъ?.... Непремѣнно узнаю сегодня же..... Мнѣ стыдно, что я колебался до-сихъ-поръ..... Это не только невѣжливо, но даже неблагодарно.

Онъ вышелъ на большую дорогу, осмотрѣлся, и пошелъ далѣе, по направленію къ Поклонной-горѣ.

Медленно тянулись по дорогѣ телеги и чухонскія таратайки, нагруженныя разными съѣстными припасами. Хозяева телегъ, давъ волю лошадямъ, крѣпко спали, подложивъ подъ голову, что̀ попало подъ руку.

Николай дошелъ до Земледѣльческаго Училища, на благословенныхъ, роскошныхъ поляхъ котораго дѣятельная жизнь была въ полномъ развитіи.....

Вдругъ онъ остановился въ нерѣшимости; робость снова сжала сердце его..... Преодолѣвъ минутную слабость, онъ пошелъ впередъ, то ускоряя, то умѣряя шаги. У воротъ одной дачи дворникъ сметалъ съ мостика соръ въ канаву. Николай хотѣлъ о чемъ-то спросить дворника, но голосъ не повиновался ему, и онъ прошелъ мимо. Упрекая себя въ малодушіи, онъ вернулся, но дворника уже не было. Сирени и акаціи скрывали нижній этажъ дачи. Въ верхнемъ окна были отворены, но шторы опущены. Молодой человѣкъ

прошелъ нѣсколько шаговъ, не спуская глазъ съ дома, и остановился на одномъ мѣстѣ, откуда видѣнъ былъ нижній этажъ. Почти въ то же мгновеніе на крыльцѣ мелькнуло бѣлое платье; сердце Николая дрогнуло, и онъ поспѣшно удалился.

Въ тѣни сосновой рощи, у подошвы Поклонной-горы, стояли простыя скамьи, единственные слѣды гостинницы, находившейся прежде по другую сторону дороги.

Николай сѣлъ на скамью и задумался.

Вдругъ вдали послышалось шумное пѣніе; громче и громче оглашался сосновый лѣсъ дикими возгласами, сопровождавшими разгульное пѣніе.....

На горѣ, на поворотѣ дороги, показалась телега; настоящая парголовская телега, окрашенная въ синій цвѣтъ и испещренная варяжскими узорами; на куляхъ, набитыхъ сѣномъ и прикрытыхъ полинялымъ чапракомъ, умѣстились, вопреки всѣмъ правиламъ вмѣстительности и равновѣсія, пять человѣкъ, не считая возницы, молодаго парня, припрыгивавшаго на дощечкѣ, положенной поперегъ телеги.

Всѣ пятеро были молоды; старшему казалось лѣтъ девятнадцать, не болѣе. Всѣ они вторили пѣнію одного, спустившагося на дно телеги, между ногами товарищей; крики, вырывавшіеся изъ груди, переполненной юношеской жизнію, и бросаемые на вѣтеръ, безпрестанно прерывали пѣніе.

Лихая тройка съ быстротою стрѣлы мчалась съ горы, оставляя за собою облака пыли.

— Глядите, глядите! крикнулъ одинъ изъ молодыхъ людей, увидѣвъ Николая: — вонъ сидитъ сантиментальность!

— Симпатія и гомеопатія! какъ говоритъ твой дядя, прибавилъ другой.

— Эй, мусью! бонжуръ! съ ребяческою рѣзвостью крикнулъ опять первый, обратившись въ сторону, гдѣ сидѣлъ Тучиновъ.

— Команъ-ву-порте-ву!

— Уррра! крикнули всѣ въ одинъ голосъ, махая фуражками.

Николай, постигавшій теперь эти выходки избытка молодой жизни, съ улыбкой глядѣлъ вслѣдъ телегѣ, быстро промчавшейся мимо него и исчезавшей въ облакѣ пыли.

Вдругъ раздался страшный крикъ. Тучиновъ скоро вскочилъ.

Сквозь улегавшую пыль увидѣлъ онъ, въ недальнемъ растояніи, опрокинутую телегу. Лошади, испуганныя крикомъ и не чувствуя за собою тяжести, мчались быстрѣе прежняго, таща за собою одну переломившуюся переднюю ось.

Страшась несчастія, Николай Александровичъ побѣжалъ къ телегѣ.

Молодые люди были выброшены такъ, какъ сидѣли, — кучею. Опомнившись отъ удара, они, съ присутствіемъ духа безпечной молодости, начинали уже шевелиться, стараясь высвободить изъ-подъ товарищей кто голову, кто руку, кто ногу.

— Вялинъ, заплати за янтарь..... Ты разбилъ его своей башкой! ворчалъ одинъ изъ молодыхъ людей, вытаскивая изъ-подъ товарища трубку.

— Пашелъ ты со своимъ янтаремъ!... Заплати ты мнѣ за шишку на лбу.....

— Ладно, ладно! Попроси впередъ затянуться!....

— Гдѣ моя правая нога?

— Да ну! вставай же!

— Иванъ! гдѣ Иванъ?

— За лошадьми убѣжалъ.

— Ухъ, какъ насъ тряхнуло!....

— А всему Вялинъ виноватъ; онъ продавилъ дно.....

— Да ну! вставай же, Лихаревъ!....

Улыбаясь глядѣлъ Тучиновъ на эту сцену; но вдругъ безпокойство выразилось на его лицѣ; взоръ его остановился на одномъ изъ молодыхъ людей, лежавшемъ неподвижно, лицомъ къ землѣ. Николай наклонился къ нему и замѣтилъ кровь на мостовой.....

— Ахъ, Боже мой! вскричалъ онъ: смотрите, господа, одинъ изъ вашихъ товарищей раненъ!

— То-то онъ и не встаетъ, ни на мой крикъ, ни на мои толчки.....

— Онъ ударился головой о камень! съ безпокойствомъ продолжалъ Николай, ближе осмотрѣвъ раненнаго: помогите мнѣ поднять его..... привести въ чувство..... Рана его, можетъ-быть, опасна.....

Каждый изъ молодыхъ людей ушибся, но въ эту минуту всѣ забыли о себѣ, и невольно повинуясь Николаю, стали помогать ему. Они подняли товарища, котораго звали Лихаревымъ, отнесли его въ сторону и осторожно положили на траву. Тучиновъ старался остановить кровь, струившуюся по лицу юноши, которому казалось не болѣе пятнадцати лѣтъ. Одинъ изъ товарищей сбѣгалъ за водою, другіе суетились, не зная что̀ дѣлать.

— Надобно съѣздить за докторомъ, сказалъ одинъ изъ нихъ.

Свѣтлая, почти радостная мысль блеснула въ умѣ Николая.

— Останьтесь здѣсь! вскричалъ онъ съ живостію: примачивайте ему виски холодною водою, да старайтесь остановить кровь..... Я сейчасъ приведу доктора!

Минуту спустя, вбѣжалъ онъ на дворъ дачи Беккера.

— Дома Ѳедоръ Ивановичъ? спросилъ онъ встрѣтившагося ему лакея.

— Дома-съ; они недавно встали.

— Доложи же ему скорѣе, что мнѣ необходимо нужно видѣться съ нимъ.

Тучиновъ вошелъ въ домъ вслѣдъ за лакеемъ, и остановился въ залѣ. Въ сосѣдней комнатѣ раздавались звуки рояля. Громко билось сердце молодаго человѣка. Сильное желаніе взглянуть на дочь доктора влекло его впередъ, но непреодолимая робость приковывала его къ мѣсту.....

Не угадывая близости посторонняго, чужаго человѣка, Анета играла съ чувствомъ, и каждый звукъ мелодическаго инструмента отзывался въ сердцѣ Тучинова.

— Николай Александровичъ! произнесъ за нимъ хозяинъ. Милости просимъ!... Какъ вы поживаете?.... Впрочемъ о здоровьи васъ нечего спрашивать; оно написано у васъ на лицѣ..... Свѣжій цвѣтъ, румянецъ на щекахъ, взоръ свѣтлый, полный жизни.....

— Все это благодаря вамъ.....

Едва Николай произнесъ эти слова, какъ Анета стала играть тише.

— Нѣтъ, возразилъ докторъ: благодаря волѣ Господа и неиспорченной натурѣ.... Садитесь Николай Александровичъ.... Надѣюсь, что у васъ дома всѣ здоровы?

— Слава Богу, разсѣянно отвѣчалъ Тучиновъ, находясь подъ вліяніемъ музыки, постепенно утихавшей. Ахъ, Боже мой! какъ я разсѣянъ, продолжалъ онъ, скоро вставъ: я совсѣмъ забылъ, зачѣмъ пришелъ. Въ двухъ шагахъ отъ вашей дачи лежитъ безъ памяти молодой человѣкъ.... Онъ упалъ изъ телеги....

— Пойдемте, пойдемте скорѣе! съ живостію перебилъ его докторъ.

Анета перестала играть. Когда отецъ ея и Тучиновъ вышли въ садъ, она подбѣжала къ окну. Въ тоже мгновеніе Николай оглянулся, и какъ бы по магнетическому влеченію глаза его обратились на окно, у котораго стояла молодая дѣвушка....

Нѣсколько минутъ спустя, товарищи раненнаго внесли его въ домъ доктора и осторожно уложили на турецкомъ диванѣ въ маленькой пріемной, находившейся возлѣ кабинета. Ѳедоръ Ивановичъ немедленно пустилъ молодому человѣку кровь, и онъ очнулся, осмотрѣлся съ удивленіемъ. Глаза его остановились на Тучиновѣ....

Приходя въ себя, онъ ощутилъ боль въ головѣ и хотѣлъ поднести къ ней руку, но одинъ изъ товарищей остановилъ его.

— Не тронь, сказалъ онъ шопотомъ: разбередишь!

— Экъ мы шлёпнулись! произнесъ раненный слабымъ голосомъ.

— Да, съ чувствомъ, съ экспрессіей! Пирамидальная труппа, по всѣмъ правиламъ искусства.... Больно тебѣ еще?

— Не мнѣ, а головѣ больно, отвѣчалъ раненный улыбнувшись. А вы всѣ цѣлы?

— Цѣлёшеньки.

— Чтó ты врешь! а янтарь мой?....

— Господа, сказалъ хозяинъ, приготовившій между-тѣмъ повязку и приказавшій принести льду: оставьте теперь вашего товарища въ покоѣ... ему нуженъ отдыхъ. Изъ васъ, кажется, никто не раненъ?

— Янтарь мой разбили.... проворчалъ сквозь зубы одинъ изъ молодыхъ людей.

— У вашего товарища есть, вѣроятно, родственники, продолжалъ Ѳедоръ Ивановичъ: потрудитесь же увѣдомить ихъ; только не стращайте; я надѣюсь, что дурныхъ послѣдствій не будетъ.... Во всякомъ случаѣ раненный останется у меня до-тѣхъ-поръ, пока я не увѣрюсь, что нѣтъ никакой опасности.

— Позвольте и мнѣ остаться, сказалъ одинъ изъ молодыхъ людей: я вамъ мѣшать не буду.... Только Лихареву веселѣе будетъ.

Докторъ охотно согласился. Трое другихъ молодыхъ людей простились съ раненнымъ и вышли.

— Славный малый докторъ! сказалъ одинъ.

— Добрѣйшая душа!

— Стой! крикнулъ третій. Вернемся назадъ.

— Зачѣмъ?

— Слушай только! Идея.... геніяльная идея!

Ѳедоръ Ивановичъ и Тучиновъ дѣлали холодныя примочки раненному, когда товарищи его вернулись.

— Чтó случилось? спросилъ докторъ съ изумленіемъ.

— Извините, сказалъ тотъ, у котораго блеснула геніяльная идея:—извините, что мы безпокоимъ васъ.... Я получилъ на послѣднемъ экзаменѣ первую серебряную медаль... Стало быть я не суздалецъ какой.... Спросите профессоровъ и товарищей: всѣ скажутъ вамъ, что Вялинъ въ рисункѣ собаку

съѣлъ.... Колоритъ, говорятъ, немножко поджаристый.... Но это не моя вина.... Впрочемъ добьемся и до колорита....

Одинъ изъ товарищей дернулъ говорившаго за полу сюртука.

— Вотъ въ чемъ дѣло: позвольте мнѣ написать вашъ портретъ.... Дàромъ, разумѣется дàромъ! И супругу, и дѣтей, большихъ и малыхъ, всѣхъ напишу.... Семейную картину, въ вандиковскомъ вкусѣ.... Сочно и съ эфектомъ. Затѣмъ прощайте. Завтра привезу холстъ.

Докторъ не успѣлъ отвѣтить, какъ молодые художники уже исчезли.

Нѣсколько минутъ спустя и Тучиновъ простился съ докторомъ.

— Примите мою искреннюю признательность за добро, оказываемое бѣдняку, которому судьба послала меня въ покровители, сказалъ Николай.

— Я самъ долженъ благодарить васъ за то, что вы доставили мнѣ случай быть полезнымъ.

— Ѳедоръ Ивановичъ, сказалъ Тучиновъ, выйдя въ сосѣднюю комнату: вы, кажется, забыли ваше обѣщаніе?

— Какое обѣщаніе?

— Отобѣдать съ нами, когда срокъ моей діэты кончится.

— О нѣтъ, не забылъ; при первомъ случаѣ....

— Зачѣмъ откладывать? Я жду васъ сегодня.

— Сегодня нельзя.... я занятъ.... притомъ же я не знаю еще, что̀ станется съ раненнымъ.... Онъ сильно ударился....

— Если не будетъ худыхъ послѣдствій?

— Не знаю.... право....

— Ѳедоръ Ивановичъ, въ-ущербъ моему здоровью, я до-тѣхъ-поръ останусь на діэтѣ, пока вы не разрѣшите ее лично.

Докторъ засмѣялся, и согласился охотно, вспомнивъ, что у его превосходительства отличный поваръ.

Художники прощались съ Иваномъ, который поймавъ лошадей и кое-какъ поправивъ свою телегу, готовился вернуться домой.

Николай догналъ молодыхъ людей и присоединился къ нимъ.

— Тише ѣдешь, дальше будешь, сказалъ онъ имъ улыбаясь.

— Какъ бы не такъ! Если бы мы ѣхали тихо, такъ плелись бы еще по Первому Парголову.

— Да, возразилъ Николай, засмѣявшись: но доѣхали бы до города....

— Доѣдемъ и на своихъ! Закуримъ трубочку, и...

— Да, жди! дамъ я тебѣ трубку! Купи сперва новый янтарь....

— Эка плакса! Куплю, куплю, не плачь.

— Вы обѣщались доктору написать портретъ? спросилъ Тучиновъ Вялина.

— И напишу на славу! Руки горятъ, такъ и хочется приняться за палитру. Семейный портретъ! Доктора самаго въ халатѣ.... Вы не знаете, какой у него халатъ?

— Не знаю.

— Впрочемъ нѣтъ, продолжалъ Вялинъ, вполнѣ углубившись въ композицію своей картины: нѣтъ; халатъ будетъ пестрить, тѣмъ болѣе, что въ картинѣ будетъ женское платье.... шолковое, непремѣнно шолковое, съ отливами, рефлекціями.... Жену посажу; доктора, въ чорномъ фракѣ, облокочу на спинку кресла, малютокъ сгруппирую... —

— Вы встрѣтите маленькое затрудненіе, замѣтилъ Николай улыбаясь.

— Побѣдимъ! Въ этомъ-то и заключается сила искусства.

— Сомнѣваюсь, чтобы ваше искусство могло создать и малютокъ, которыхъ нѣтъ у Ѳедора Ивановича....

— Нѣтъ малютокъ? Эхъ, глупо!

— У него одна только дочь.

— И больше ничего нѣтъ?

— Ничего.

— Большая дочь?

— Лѣтъ восемьнадцати.

— Хорошенькая? спросили всѣ художники въ одинъ голосъ.

— Она очень мила, отвѣчалъ Николай, невольно опустивъ глаза.

— Приволокнемся! сказалъ Вялинъ, съ самонадѣянностью школьника.

Николай насупилъ брови.

— Господинъ Вялинъ, сказалъ онъ, стараясь разогнать непріятное впечатлѣніе: надѣюсь, что вы не откажетесь навѣстить меня.... Я живу на этой дачѣ.... Можетъ-быть, я закажу вамъ копію съ портрета доктора.... Я много обязанъ ему....

— Зачѣмъ копію? Я напишу для васъ особый портретъ одного доктора.

— Нѣтъ, нѣтъ... Я увѣренъ, что вашъ семейный портретъ составитъ прекрасную картину, и напередъ заказываю вамъ копію съ нею.

— Много чести.... Не ударимъ лицомъ въ грязь.

— Счастливый путь, господа. До свиданія.

Николай ушелъ; Вялинъ припрыгнулъ и щелкнулъ пальцами.

— Нѣтъ худа безъ добра! вскричалъ онъ.

— Да, да, возразилъ одинъ изъ товарищей: только добро тебѣ, а худо Лихареву.

— И моему янтарю....

ГЛАВА VIII.

Добро изъ зла.

Въ тотъ же день, около полудня, у дачи Ѳедора Ивановича Беккера, остановилась огромная извощичья карета, запряженная четверкою лошадей, покрытыхъ пѣною.

Дверцы шумно растворились и однимъ прыжкомъ выскочилъ изъ кареты мужчина въ бѣломъ пальто.

— Постойте минуточку, Борисъ Астафьевичъ, пойдемте вмѣстѣ, — послышался голосъ въ каретѣ: дайте мнѣ только справиться....

Но Борисъ Астафьевичъ ничего не слышалъ; гонимый сильнымъ нетерпѣливымъ безпокойствомъ, бѣжалъ онъ по двору къ крыльцу дачи.

Вслѣдъ за неслужащимъ дворяниномъ изъ кареты осторожно вылѣзъ Вялинъ, таща за собою складной мольбертъ, холстъ, ящикъ и весь живописный приборъ. Ворча просебя на неуслужливость и суетливость Лихарева, тяжело нагруженный художникъ поплелся къ дому.

Между тѣмъ въ маленькой пріемной доктора происходила странная сцена.

Борисъ Астафьевичъ, разсѣянно, торопливо поздоровавшись съ хозяиномъ, и не слушая успокоительныхъ объясненій его, почти насильно ворвался въ комнату раненнаго и съ живостію бросился къ нему. Молодой однофамилецъ его радостно улыбнулся и протянулъ руку.

— Саша, душа моя, ты живъ..... вскричалъ Борисъ Астафьевичъ такимъ голосомъ, какъ-будто бы онъ до послѣдней минуты страшился бо̀льшаго несчастія, нежели то, о которомъ ему объявили.

Почти съ отеческою любовію глядѣлъ онъ около минуты на раненнаго, потомъ продолжалъ съ чувствомъ:

— Спасибо тебѣ, Сашенька, спасибо!...

— За что̀, дядинька?

— Какъ, за что̀?... За-то, что ты живъ, душа моя; за-то, что ты не убился до-смерти.... за-то.... за-то.... за-то, что еслибъ ты убился, такъ я не простилъ бы тебѣ этого во вѣки.... я самъ.... кажется, умеръ бы.... съ горемъ.... и для того.... чтобы поскорѣе.... отправиться на тотъ.... на тотъ свѣтъ.... и тамъ намылить тебѣ голову.... Докторъ.... скажите... можно мнѣ поцѣловать его?...

Ѳедоръ Ивановичъ, улыбаясь, кивнулъ головою, а Лиха-

ревъ громко чмокнулъ раненнаго въ щеку, потомъ отвернулся и досталъ носовой платокъ, какъ бы для того, чтобы высморкаться, а въ сущности для того, чтобы тайкомъ отереть крупныя слезы, катившіяся по его щекамъ.

— Это, просто, братецъ, скверно, продолжалъ онъ, стараясь придать голосу выраженіе строгости: не прикажешь ли приставить къ тебѣ няньку? Чего вы гнали сломя голову? Дурачество, вѣтреничество.... Болитъ голова?

— Немножко, дядинька.

— То-то немножко, дядинька! Я, братецъ ты мой, поссорюсь съ тобой.... Что̀ за франтовство гнать на пропалую?.. И вы хороши! говорилъ Борисъ Астафьевичъ, обращаясь къ товарищу своего племянника: вы постарше Саши, должны бы быть и поразсудительнѣе.... Поправить тебѣ подушку? прибавилъ онъ заботливо, замѣтивъ движеніе раненнаго: Осторожнѣе.... не ворочайся.... Тише, говорятъ тебѣ!

— Вы безпокоитесь обо мнѣ, точно будто бы я при смерти, сказалъ молодой человѣкъ улыбаясь: я здоровешенекъ...

— Гм, гм.... произнесъ Лихаревъ, вопросительно смотря на доктора.

— Опасность миновалась, сказалъ послѣдній: я увѣренъ, что не будетъ никакихъ дурныхъ послѣдствій.

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше, возразилъ Борисъ Астафьевичъ, не спуская глазъ съ доктора и какъ бы желая угадать тайную мысль его.

— Черезъ недѣлю и слѣдовъ ушиба не будетъ.

— Дай-то Богъ!... Бѣда съ молодежью! Это такая саранча, что не приведи Господи! Бережливости ни крошки, безпечность такая, какъ-будто бы кромѣ ихъ никого на свѣтѣ нѣтъ.... Вотъ хоть, примѣрно, мой племянничекъ: ну, долго ли убиться до-смерти? Ему все равно; онъ убился и былъ таковъ! А мнѣ-то каково.... Я самъ, сударь мой, воспиталъ его, своими средствами, заботясь о немъ, какъ о родномъ дѣтищѣ.... а онъ.... Ладно, неблагодарный!

Послѣднія слова относились къ молодому человѣку, кото-

рый съ выраженіемъ сердечной признательности наклонился къ дядѣ и цѣловалъ плечо его.

Докторъ съ изумленіемъ глядѣлъ на Бориса Астафьевича, грубое, размашистое обращеніе котораго составляло странную противоположность съ глубокою, сердечною привязанностью къ племяннику, проявлявшеюся менѣе въ словахъ, нежели въ выраженіи голоса и взглядѣ.

Минутное молчаніе, наступившее за послѣдними словами Лихарева, было прервано появленіемъ Вялина.

— Господинъ докторъ! сказалъ онъ, просунувъ голову въ полурастворенную дверь.

— Что̀ тамъ? спросилъ Ѳедоръ Ивановичъ, которому нашествіе художниковъ не давало покоя съ самаго утра.

— Пожалуйте-ка сюда. Укажите мнѣ, гдѣ поставить мольбертъ....

Докторъ засмѣялся и вышелъ къ художнику.

Лихаревъ еще разъ поцѣловалъ племянника.

— Напугалъ же ты меня, негодный! сказалъ онъ, пожимая ему руку. Меня точно кипяткомъ обдало, когда мнѣ пришли сказать, что ты расшибъ себѣ голову!... Не теряя ни минуты, я отправился на извощичій дворъ, велѣлъ заложить карету лихой четверней и примчался сюда, точно *пухъ отъ устъ Эола!*... Вялинъ кричалъ во всю дорогу, что толчки прорвутъ холстъ, что пузыри съ красками полопаются, да мнѣ было не до пузырей!... Катай, валяй! твердилъ я кучеру, и мы прилетѣли точно по желѣзной дорогѣ.... Козырная была ѣзда! Замѣть еще, что карета тяжелая, четырехмѣстная; я нарочно выбралъ самую вальяжную, дормезную, чтобы можно было тебя уложить.... Ѣдешь со мною?

— Разумѣется.

— Важно! *Ѣдемъ, ѣдемъ, путь далекъ!*... Вставай же; поблагодаримъ хозяина.... Какъ будешь благодарить, прибавилъ Лихаревъ вполголоса, такъ сунь ему въ руки эту депозитку за хлопоты.... На, возьми ее.... новенькая, съ иголочки.... Вставай же, да и съ Богомъ....

— Вы хотите ѣхать? спросилъ докторъ, вернувшійся въ эту самую минуту въ комнату.

— А что̀? Развѣ ему нельзя? съ безпокойствомъ спросилъ Лихаревъ, указывая на племянника.

— Подождите лучше до завтра; ему нуженъ еще покой... Я позабочусь о томъ, чтобы нашему гостю не было слишкомъ скучно....

— Какая колоритная физіономія! шепнулъ Вялинъ раненному, не спуская глазъ съ Ѳедора Ивановича и изучая всѣ черты его.

— А! вы думаете, что ему нельзя еще ѣхать? произнесъ Борисъ Астафьевичъ, мнительно: однакожъ вы сами сейчасъ говорили, что нѣтъ никакой опасности?

— Теперь, въ эту минуту — нѣтъ; но Богъ знаетъ, что̀ можетъ случится....

— Что̀.... что̀ случится? сказалъ Борисъ Астафьевичъ дрожащимъ голосомъ.

— Не пугайтесь; я только хотѣлъ сказать, что всѣ мы подъ Богомъ и что самыя глубокомысленнѣйшія соображенія наши ведутъ часто къ цѣли, совершенно противоположной той, къ которой мы стремились.

— Скверно, скверно! докторъ колеситъ; значитъ дѣло не такъ хорошо, какъ онъ говоритъ; допрошу его.... думалъ заботливый дядя. Обратившись опять къ племяннику, онъ спросилъ его съ участіемъ: Какъ ты себя чувствуешь?

— Хорошо.

— Что̀, хорошо! говори, братецъ правду.

— Я готовъ идти въ городъ пѣшкомъ.

— Стъ! не говори такъ громко; это можетъ повредить тебѣ. Не чувствуешь ли ты что̀-нибудь такое.... знаешь.... Не холодно ли, не жарко ли тебѣ?

— Не холодно и не жарко.

— А тамъ какъ? Въ головѣ?... Не тронь повязки!... Головѣ каково?

— Гдѣ ушибся, тамъ больно.

— Больно!... Лежи смирно, душа моя, лежи смирно... не

думай ни о чемъ, чтобы голова спокойна была.... Богъ милостивъ, Сашенька.... Я сейчасъ вернусь, прибавилъ дядя тихимъ голосомъ, наклонившись къ раненому; я отзову доктора въ другую комнату, чтобы отдать ему депозитку.... только для этого, только! Знаешь, при всѣхъ неловко ... Позвольте мнѣ, докторъ, поговорить съ вами съ глазу на глазъ.

Они ушли въ кабинетъ. Ѳедоръ Ивановичъ усадилъ гостя.

— Вы, докторъ, какъ я вижу, благороднѣйшая душа, заговорилъ послѣдній: будьте же со мною откровенны... знаете, безъ всякихъ сантиментальностей; скажите мнѣ на-прямки: почтеннѣйшій Борисъ Астафьевичъ, спасуй — это гемеопатія!

Ѳедоръ Ивановичъ не понялъ ни слова, и выпучивъ глаза, съ удивленіемъ глядѣлъ на своего собесѣдника, который, по своему толкуя молчаніе хозяина, продолжалъ съ возраставшимъ безпокойствомъ:

Не предполагайте во мнѣ ни малѣйшаго малодушія, и скажите безъ обиняковъ: подсиживаетъ моего племянника болѣзнь или нѣтъ?...

— Вашъ племянникъ вовсе не боленъ въ настоящемъ смыслѣ слова....

— Аттандесъ, докторъ! Настоящій смыслъ, — то есть, — сирѣчь, — наипаче, — и таво какъ оно, — все это гомеопатія!... Вы боитесь испугать, огорчить меня.... Бетизъ! Симпатія моя къ Сашѣ неограниченна; я люблю его, какъ мать любитъ свое дѣтище.... Еслибы не Саша, такъ я давно плюнулъ бы на всѣ хлопоты — но для него я живу; я поклялся, что выращу, воспитаю его и пущу въ свѣтъ, не какъ голыша, а съ кругленькимъ капитальцемъ.... Еслибы вы знали, какая у него ангельская душа! Онъ весь въ мать.... Съ виду

онъ ни болѣе, ни менѣе какъ такъ-себѣ, смазливенькая рожица, а внутри, внутри!...

Лихаревъ внезапно замолчалъ. Онъ провелъ рукою по глазамъ, и продолжалъ болѣе спокойнымъ голосомъ:

— Экъ я расходился! Точно выигрывающій новичекъ. Какое вамъ дѣло до моей симпатіи, до Саши и до будущности его! Скажите же мнѣ откровенно, въ какомъ онъ положеніи?

— Благодаря Богу, худыхъ послѣдствій нечего страшиться.

— Не мажьте меня медомъ по губамъ; мнѣ почему-то сдается, что Сашѣ плохо....

— Не безпокойтесь.... повторяю вамъ, что племянникъ вашъ такъ же здоровъ, какъ вы, да я. Черезъ недѣлю заживетъ и рана его.

— Ей Богу?

— Я столько убѣжденъ въ томъ, сколько человѣкъ можетъ быть убѣжденъ въ чемъ-либо, независящемъ отъ его воли.

— Простите мнѣ, докторъ, мою настойчивость....

— Я понимаю и уважаю ее.

— И такъ—никсъ? Ни горячки, ни флюса, ни мигрени, никакого шлема не будетъ?...

— Ничего не будетъ, могу увѣрить васъ.

— Докторъ! вскричалъ Лихаревъ, протянувъ руку: мерси!

— Вы принимаете живое, нѣжное участіе въ молодомъ человѣкѣ, сказалъ Ѳедоръ Ивановичъ.

— Кто? я?... Неудивительно, докторъ. Онъ круглый сирота.... Я носилъ его на рукахъ, водилъ за руку, поставилъ на ноги.... Я самъ, не смѣйтесь! самъ училъ его азбукѣ... Я воспитываю его, даю ему хлѣбъ.... Какъ же мнѣ не любить его? Безъ меня Саша пропалъ бы.... и я безъ него.... Знаете ли, докторъ, что̀ бы я сдѣлалъ, еслибъ мой племянникъ убился до смерти? Я легъ бы, да и умеръ....

Ѳедоръ Ивановичъ съ изумленіемъ слушалъ выраженіе привязанности этого страннаго человѣка, привязанности ди-

кой, но вмѣстѣ съ тѣмъ исполненной глубокой, материнской нѣжности.

— Оставимъ сентименты, докторъ; сердце въ нихъ точно мякишь въ горячемъ молокѣ; такъ и бухнетъ, такъ и бухнетъ.... Позвольте мнѣ поблагодарить васъ за оказанное мнѣ благодѣяніе, и будьте увѣрены, что пока у Лихарева не отнимутся ноги и руки, онъ весь къ вашимъ услугамъ.... Позвольте мнѣ узнать, кому я обязанъ?...

— Вы обязаны только одному человѣку, который доставилъ мнѣ возможность исполнить мой долгъ и быть вамъ пріятнымъ.

— А кто этотъ человѣкъ?

— Николай Александровичъ Тучиновъ.

— Кто, кто?... Какъ вы изволили сказать?

— Николай Александровичъ Тучиновъ былъ свидѣтелемъ случившагося несчастія, и не теряя ни минуты прибѣжалъ за мною....

Лихаревъ стоялъ выпучивъ глаза, и тихо покачивалъ головою.

— Вы знаете Тучинова? спросилъ докторъ.

— Чудно.... странно.... говорилъ Борисъ Астафьевичъ, до того углубленный въ размышленія, что не разслышалъ предшествовавшаго вопроса. Но по какому случаю очутился онъ здѣсь?

— Онъ живетъ по близости; на четвертой дачѣ отсюда, ближе къ заставѣ.

— Вы знакомы съ нимъ?

— Я домашній докторъ отца его.

— Вы!...

Борисъ Астафьевичъ остолбенѣлъ.

— Вы, продолжалъ онъ: вы.... Ѳедоръ Ивановичъ Беккеръ?...

Докторъ утвердительно кивнулъ головою.

— Не может-ъбыть!.. вскричалъ Лихаревъ. То есть нѣтъ, прибавилъ онъ скороговоркой: очень можетъ-быть.... но только.... это такъ странно.... мысли мои такъ перетасованы.... Простите мнѣ, я не знаю, что̀ говорю; у меня на-

стоящая яичница въ головѣ!... Вы, Ѳедоръ Ивановичъ, благороднѣйшая душа.... а я.... видитъ Богъ, я не зналъ.... Ну, да ладно! Перевернемъ все дѣло... пересадимъ, Ѳедоръ Ивановичъ! За тѣмъ счастливо оставаться; пойду посижу еще у Саши. Вѣрьте моему слову, Ѳедоръ Ивановичъ, я открою фальшъ.... Господи, пути Твои неисповѣдимы!...

Съ изумленіемъ смотрѣлъ докторъ вслѣдъ удалявшемуся Лихареву. Лицо это было для него такъ ново, такъ странно, такъ загадочно, что Ѳедору Ивановичу казалось, что онъ имѣетъ дѣло съ помѣшаннымъ.

Борисъ Астафьевичъ въ сильномъ волненіи вернулся къ своему племяннику. Мысли путались въ головѣ его; онъ не зналъ, на что рѣшиться, что предпринять....

Коварныя козни старой дѣвы были извѣстны Лихареву. Онъ самъ, не зная ни Беккера, ни семейства его, съ преступною безпечностью способствовалъ распространенію клеветы на счетъ Анеты; а теперь странный случай свелъ его съ докторомъ....

Чудное стеченіе обстоятельствъ, вслѣдствіе котораго, по волѣ Провидѣнія, докторъ платилъ добромъ, имъ самимъ непризнаваемымъ, за зло, безсознательно оказанное ему Лихаревымъ, глубоко поразило послѣдняго; чувство тягостнаго, безпокойнаго раскаянія овладѣло имъ; искренна была признательность его къ доброму доктору, и тѣмъ сильнѣе желаніе загладить свою вину; но самая сила этого желанія препятствовала ему составить себѣ ясный планъ дѣйствія.

— Такая оказія! думалъ онъ: я радъ бы пробѣжать по всему городу, да прокричать, что Беккеръ честнѣйшая душа, что дочь его невинна передъ цѣлымъ свѣтомъ, какъ барашекъ, напившійся водицы подъ горой, былъ невиненъ передъ волкомъ, да къ чему это поведетъ?... Свяжутъ еще, пожалуй, какъ сумасшедшаго.... Разругать въ пухъ Татьяну Ивановну, тоже большой прибыли не будетъ....

— О чемъ вы задумались, дядинька?

— Что?

— О чемъ вы задумались?

— Кто? я?... Что̀ будетъ, то будетъ, а прежде всего свалю съ плечь обузу, проговорилъ Лихаревъ про-себя, и скорыми шагами вернулся въ кабинетъ хозяина.

Анета была у отца. Увидѣвъ ее, Борисъ Астьфьевичъ оторопѣлъ, сконфузился.

Докторъ поморщился при видѣ вошедшаго; онъ провозился цѣлое утро, и не успѣлъ еще позавтракать.

— Сударыня, честь имѣю рекомендоваться, говорилъ Лихаревъ, расшаркиваясь и приглаживая усы, извините, я можетъ-быть, помѣшалъ вамъ.... не извольте удаляться.... я послѣ переговорю съ Ѳедоромъ Ивановичемъ.... Впрочемъ я не смѣю задерживать васъ.... Мое почтеніе, произнесъ онъ вслѣдъ удалявшейся Анетѣ.

Ѳедоръ Ивановичъ всталъ, надѣясь отдѣлаться поскорѣе отъ гостя, становившагося докучливымъ.

— Позвольте вамъ сказать, докторъ, что вы обладаете сокровищемъ.... Ваша дочь ангелъ красоты, кротости и невинности.... я готовъ объявить это цѣлому міру....

Докторъ слегка насупилъ брови.

— Я говорю вамъ это не на-вѣтеръ, Ѳедоръ Ивановичъ; не безъ намѣренія, а съ тонкимъ намекомъ.... Присядемте; мнѣ нужно поговорить съ вами о весьма серьозномъ дѣлѣ.

Бѣдный хозяинъ вздохнулъ, но сѣлъ.

Борисъ Астафьевичъ прокашлялся, пригладилъ усы. Рѣшительная минута наступила, а онъ не зналъ, какъ приступить къ дѣлу столь деликатному. Замѣтивъ движеніе нетерпѣнія доктора, онъ наконецъ заговорилъ:

— Позвольте мнѣ объясниться съ вами, какъ со старымъ знакомымъ, по просту, безъ разныхъ аттенцій и финтифлюшекъ... Вы видите меня сегодня въ первый разъ, а между тѣмъ я давно уже знаю васъ.... я даже, признаться сказать, вашъ должникъ....

— Должникъ? Какимъ образомъ?

— Какимъ бы то ни было образомъ, но только дѣло въ томъ, что я вашъ должникъ, по векселю, подписанному моею совѣстію.... Позвольте мнѣ не открывать вамъ моей

игры; не спрашивайте, а потрудитесь выслушать. Мнѣ извѣстно, что.... какъ бы вамъ это сказать?... Мнѣ извѣстно, что у васъ есть маленькая.... домашняя интрижка....

Яркая краска выступила на щекахъ доктора.

— Государь мой!... произнесъ онъ, гордо поднявъ голову.

— Виноватъ, простите, я не такъ выразился.... Вы не повѣрите, какъ трудно пріискивать деликатныя, бонтонныя слова въ объясненіяхъ, нѣсколько того... какъ бы вамъ сказать?... скандалёзныхъ....

Ѳедоръ Ивановичъ скоро всталъ.

— Надѣюсь, сказалъ онъ: что вы затѣяли этотъ разговоръ не съ намѣреніемъ оскорбить меня....

Лихаревъ ударилъ себя ладонью по лбу.

— Вотъ что̀ значитъ не имѣть краснорѣчія! вскричалъ онъ.

— Прекратимте этотъ разговоръ....

— Ни-ни! Ни за что̀! Вы выслушаете меня, во что̀-бы то ни стало!

— Вы, если не ошибаюсь, хотѣли говорить о предметѣ, чрезвычайно для меня тягостномъ.... о предметѣ, о которомъ я не хочу говорить даже съ короткими друзьями, не только съ человѣкомъ вовсе посторонним, который — простите мнѣ мою откровенность,—не имѣетъ ни малѣйшаго права мѣшаться въ дѣла семейныя...,

— Кто не имѣетъ права? Я?... Докторъ, душа моя, вы находитесь въ великомъ заблужденіи....

— Еще разъ прошу васъ прекратить этотъ разговоръ, сказалъ докторъ рѣшительно: иначе я приму вашу настойчивость за намѣреніе оскорбить меня.

— Аттàндесъ!... Мнѣ кажется, что вы сами вѣрите мерзкой сплетнѣ?...

Терпѣніе Ѳедора Ивановича лопнуло.

— Мое почтеніе, произнесъ онъ съ сердцемъ: мнѣ некогда....

— Штъ, дудки!... Чтобы заставить больнаго глотать горькія пилюли, вы золотите ихъ; я тоже хотѣлъ позолотить пи-

люлю, которую мы должны проглотить съ вами во что̀бы то ни стало, но золотно мое оказалось мѣдью.... И вмѣсто того, чтобы унять боль, я только растравилъ ее. Оставимте же позолоту, и будемъ говорить прямо. Не распрашивайте меня, а только слушайте: во-первыхъ, я долженъ сказать вамъ, что мнѣ извѣстны всѣ ваши семейныя дѣла. Я знаю, что франтикъ, о которомъ рѣчь еще впереди, осмѣлился писать любовныя записочки вашей дочери....

Докторъ покраснѣлъ и невольно опустилъ глаза.

— Не извольте горевать объ этомъ; нѐчто прохожій виноватъ, коли проѣзжій брызнетъ въ него грязью?.... Я знаю, что ваша дочь, не только не отвѣчала на амурныя цыдулки, но что она отдала ихъ своей маменькѣ, а вашей супругѣ, которой прошу засвидѣтельствовать мое глубочайшее почтеніе. Я знаю, что нѣкая старая дѣвица задумала женить нѣкоего тюленя, брата оной дѣвы, на вашей дочери..... Багатель! Она вздумала привить розанъ къ крапивѣ! Съ пиками выиграть игру въ червяхъ..... Вы натянули ей носъ, за что̀ примите мою всесовершенную признательность. Но аттандесъ! Раздразните кошку, и она цапнетъ, цапнетъ всенепремѣнно!.... Не во гнѣвъ будь сказано старой дѣвѣ, а между ею и кошкою такое же сходство, какъ между кошкою и ею. Пуръ муа сетъ эгаль!

— Я ничего не понимаю....

— Сейчасъ поймете, только не перебивайте! — Ага, говоритъ кошка, вы презираете нами! посмотримъ, кто кого!... Ваша супруга, въ минуту откровенности, повѣрила свою семейную тайну старой дѣвѣ, которая искусно подмазалась къ ней. Кошка рѣшилась воспользоваться этой тайной. Слушайте же теперь въ оба. Не зная ни чести, ни совѣсти, она сочинила самую коварную сплетню на вашу дочь, и съ помощію разныхъ хитростей и людей, за которыхъ я прошу у васъ прощенія, распустила эту клевету по міру. Гуляй, говоритъ! я, молъ, посѣяла крапиву, а пожну малину! Держи карманъ, — что̀ посѣяла, то и пожнешь, только съ барышкомъ.....

— Боже мой! что̀ вы говорите!...

— Правду-матку.

— Но съ какою цѣлію?.... Татьяна Ивановна, которую мы всегда любили и уважали, какъ родную, не могла, вслѣдствіе весьма естественнаго отказа, поступить съ нами такъ безчестно, такъ коварно?....

Неудовольствіе Ѳедора Ивановича превратилось въ величайшее участіе, вниманіе къ рѣчамъ Лихарева. Завѣса мало-по-малу спадала съ глазъ его.....

— А вотъ, сейчасъ увидите, съ какою цѣлію подсиживала васъ дѣвица, выписавшаяся изъ разряда молодыхъ и не служившая никогда въ прелестномъ полку красныхъ дѣвъ.— Замараю, говоритъ, честь докторской дочки; пущу на нее такую хулу, что ей останется только въ монастырь идти; но этого опасаться нечего. Вотъ какъ ни она, ни родители ея не будутъ знать, куда забиться со стыда, тутъ-то мы и подъѣдемъ! Выманимъ всѣхъ козырей, а тамъ и наша масть за козырей пойдетъ!....·

— О, теперь мнѣ все ясно.....

— Еще бы! Вы играете въ преферансъ? Знаете, коли у васъ есть сильная масть, такъ козыряйте.....

— Я хотѣлъ сказать, что не сомнѣваюсь въ справедливости вашихъ словъ на счетъ достойнаго поведенія Татьяны Ивановны.

— А! виноватъ.

— Я получилъ отъ нее и отъ брата ея письма.....

— Знаю, знаю! Все знаю. Ну что̀? Имѣлъ ли я намѣреніе оскорбить васъ? Я завирался, пока вы не развязали мнѣ языка.....

— Благодарю васъ, сказалъ докторъ съ выраженіемъ глубокой грусти: благодарю васъ, хотя вы оказали мнѣ печальную услугу.....

— Нѣтъ, аттàндесъ! это еще не услуга, а такъ, водочка передъ закуской; закуска еще впереди, а настоящая услуга, то есть обѣдъ, явится за закуской. Вотъ въ чемъ дѣло: Татьяна Ивановна заварила кашу, она же и съѣстъ ее. Вы

чѣмъ ушиблись, тѣмъ и вылечитесь. Это, знаете, гемеопатія! Старая дѣва оклеветала вашу дочь, — тре бьенъ! Мы же разскажемъ всему свѣту продѣлку старой дѣвы; я, сударь мой, я, Борисъ Астафьевъ сынъ Лихаревъ, произведу такую дегатировку, что ни малѣйшаго пятнышка не останется на вашемъ честномъ имени, все перейдетъ съ барышемъ на сплетницу..... О! вы меня не знаете! Я сорви-голова, кутила, такой-сякой, но упрямъ! Бѣда, какъ упрямъ! Характеръ это или норовъ, — не знаю..... но главное то, что честь моя съ мозолями.... Горе тому, кто наступитъ на нее. Положись на меня, душа моя, Ѳедоръ Ивановичъ, а я вытащу тебя изъ омута, въ который запихала тебя моя Таничка!.... Въ знакъ моей симпатіи, моей преданности, вотъ тебѣ дружескій поцѣлуй!

И Борисъ Астафьевичъ безъ церемоніи обнялъ доктора и поцѣловалъ его въ три пріема.

— Ваше участіе трогаетъ меня до глубины души, возразилъ Ѳедоръ Ивановичъ: но я считаю недостойнымъ ни себя, ни моей бѣдной Анниньки, оправдываться въ этомъ обстоятельствѣ, постыдномъ не для насъ, а для клеветниковъ.....

— Что̀ же вы хотите дѣлать?

— Молчать и презирать.

Лихаревъ свиснулъ.

— У, какой гранпасьянсъ! Все это очень красиво въ трагедіяхъ и романахъ, но въ жизни, сударь мой, дѣло другое. Повѣрьте мнѣ, я прошелъ огонь и воду, я старый практикъ. Молчаніе ваше примутъ за признаніе; а презрѣніе, сударь мой, хуже всякой брани. Добрые люди примутъ это презрѣніе за безсильную злобу, а злить раздражительнаго — настоящая потѣха! Нѣтъ, Ѳедоръ Ивановичъ, все это поэзія. Отдуйтесь хорошенько, да покажите зубы..... отстанутъ, батюшка! Только собака бросается злѣе, коли ей покажутъ палку; человѣкъ, сударь мой, не собака, а существо болѣе совершенное, облагороженное.....

Не смотря на многословіе Лихарева, не смотря на страданіе, сжимавшее сердце доктора, онъ слушалъ своего собе-

сѣдника съ любопытнымъ вниманіемъ. Въ черствыхъ формахъ рѣчей Бориса Астафьевича дворянина проглядывали по временамъ глубокія мысли человѣка, долго боровшагося съ жизнію и людьми, и вышедшаго изъ этой борьбы съ неповрежденнымъ, переродившимся, быть-можетъ, сердцемъ, но съ циническимъ, холоднымъ презрѣніемъ къ людямъ.....

— Но къ чему это поведетъ? сказалъ Ѳедоръ Ивановичъ грустно.

— А! это другая статья! это поведетъ къ обѣду, то есть къ настоящей услугѣ, которую я вамъ намѣренъ оказать. Дѣло съ Татьяной Ивановной покончено; теперь мы приступимъ къ другому, болѣе важному обстоятельству..... Скажите мнѣ откровенно, Ѳедоръ Ивановичъ, какое впечатлѣніе произвели на вашу милую и всякаго уваженія достойную дочь письма франтика?

Докторъ колебался.

— Говори, Ѳедоръ Ивановичъ, говори, душа! Ты видишь, я съ тобою на распашку! Будь же и ты со мною откровенъ.

Прямодушіе, выражавшееся на лицѣ и въ голосѣ Лихарева, увлекало доктора.

— Признаюсь вамъ, что письмо это разстроило чистое, невинное спокойствіе моей дочери.....

— Ага! значитъ на же-ву-земъ пошло!...

Лихаревъ подумалъ, потомъ продолжалъ:

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше! Онъ тоже поступилъ со мною хорошо; притомъ же онъ добрый малый..... мягокъ маленько, да ничего! окрѣпнетъ.

— Кто, онъ?

— Такъ-себѣ, никто. И такъ, Ѳедоръ Ивановичъ, дѣло рѣшеное, мы отдадимъ твою дочь за мужъ. Я сватъ; говори, хочешь?.... Парочка будетъ славная; она — мон-плезиръ! онъ — се тре-бьенъ и ком-иль-фо!

— Но кто, кто онъ?

— Разумѣется тотъ, кто писалъ письмо.

— Развѣ вы его знаете? вскричалъ докторъ схвативъ руку Лихарева.

— Я? я все знаю.

— Вы знаете! говорите же скорѣе, не мучьте меня; говорите, кто, кто?

— Мон-ами Николинька.

— Ради Бога, не шутите! Въ вашемъ отвѣтѣ заключается, быть-можетъ, счастіе моей дочери.

— Да я же вамъ говорю, Николай Александровичъ Тучиновъ.

Докторъ остолбенѣлъ. Съ минуту простоялъ онъ неподвижно, потомъ пожалъ плечами, и возразилъ:

— Неумѣстная шутка.

— Вы тамъ какъ себѣ знаете, а мы женимъ Колю на вашей дочери. Быть по сему. Кончено дѣло!

— Умоляю васъ, не шутите! Скажите правду.....

— Пароль-донёръ.

Ѳедоръ Ивановичъ опустилъ голову, и закрылъ лицо руками.

—Боже мой! Какое несчастіе! произнесъ онъ послѣ минутнаго размышленія.

— Отчего несчастіе?

— Отецъ Николая Александровича никогда не согласится.....

— Вотъ о чемъ вы безпокоитесь! Дай мнѣ руку, душа моя, Ѳедоръ Ивановичъ, я полюбилъ тебя сердечно, а кого Лихаревъ полюбитъ, за того онъ не только жизнь — душу отдастъ! Если Александръ Матвѣевичъ закапризится, такъ я съ нимъ совладаю! Вѣрь моему слову, и готовь приданое дочери. Прощай, я заговорился. Завтра я опять заѣду, понавѣдаться о Сашѣ и сообщить тебѣ новости..... Сладимъ дѣло, душа Ѳедоръ Ивановичъ, непремѣнно сладимъ!....

ГЛАВА IX.

Отецъ и влюбленный.

Когда Лихаревъ ушелъ, докторъ опустился въ кресло, и сложивъ руки на колѣняхъ, задумался. Рѣчи Бориса Астафьевича были подобны тѣмъ древнимъ памятникамъ первобытнаго зодчества, которые сначала поражаютъ насъ своею странностью, своими оригинальными формами, но потомъ пробуждаютъ въ умѣ нашемъ цѣлый рядъ воспоминаній.....

Лихаревъ *заговорилъ*, такъ-сказать, чувствованія Ѳедора Ивановича; впечатлѣнія, производимыя почти каждымъ словомъ его, были такъ сильны, что имъ нуженъ былъ минутный отдыхъ, просторъ, чтобы сердце могло обнять ихъ и отдать себѣ въ нихъ отчетъ; но одно впечатлѣніе слѣдовало за другимъ, и накопившаяся масса ихъ сдавила сердце смутнымъ, но невыразимо тягостнымъ чувствомъ..... Уму предстояло разобрать это чувство, разсортировать впечатлѣнія.

Долго думалъ докторъ; мысли его приходили въ порядокъ; по временамъ онъ вздыхалъ и тихо покачивалъ головою. Анета два раза приходила звать его къ завтраку; въ первый разъ онъ отвѣчалъ, что сейчасъ будетъ, а во второй крикнулъ съ сердцемъ, чтобы его оставили въ покоѣ.

Тщетно силилось сердце освободиться отъ тягостнаго ощущенія, тщетно сулило оно Ѳедору Ивановичу счастіе въ будущемъ; холодный разсудокъ заглушалъ голосъ сердца. Не столько безпокоила доктора мысль объ отказѣ отца Тучинова, сколько о томъ, что самъ Николай не любитъ или, по-крайней-мѣрѣ, не имѣетъ намѣренія жениться на дочери его. Поступокъ Николая казался ему шалостью, попыткой затѣять интригу съ хорошенькою дѣвочкою; но въ то же время онъ вспоминалъ о томъ, съ какимъ непритворнымъ участіемъ молодой человѣкъ справлялся о семействѣ его, съ

какимъ искреннимъ выраженіемъ привязанности встрѣчалъ онъ самого доктора.

— Онъ раскаявался въ своемъ поступкѣ, возражалъ разсудокъ: и самое это раскаяніе служитъ доказательствомъ того, что онъ никогда не питалъ къ Анетѣ истинной любви.

И чемъ болѣе думалъ Ѳедоръ Ивановичъ, тѣмъ загадочнѣе казалось ему это обстоятельство. Борьба противуположныхъ мыслей утомляла его до-нѐльзя.

— Неизвѣстность хуже злѣйшей дѣйствительности, проговорилъ онъ наконецъ про-себя: смотря въ колодезь, жажды не утолишь.... Вмѣсто того, чтобы ломать по-пустому голову, я объяснюсь съ молодымъ человѣкомъ..... потомъ уѣду изъ Петербурга со всѣмъ семействомъ, безъ опасенія упрекнуть себя въ-послѣдствіи въ несчастіи бѣдной Аннинькн.....

Ѳедоръ Ивановичъ рѣшился приступить къ важному шагу со всевозможною торжественностью, и въ исходѣ третьяго часа явился передъ женою въ черномъ фракѣ, бѣломъ жилетѣ.

— До свиданія, другъ мой, сказалъ онъ: я пойду къ Тучиновымъ.

— Рано еще! замѣтила докторша.

Мужъ посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ.

— Теперь третій часъ, а они обѣдаютъ въ пять.

— А какое мнѣ дѣло до ихъ обѣда?

— Вѣдь ты далъ слово отобѣдать съ ними?

Ѳедоръ Ивановичъ схватился за голову.

— Изъ ума вонъ! вскричалъ онъ: нѣтъ, я не хочу обѣдать съ ними, я вернусь домой.....

— Напрасно, другъ мой.

— Ахъ, что̀ ты знаешь!.... Я не могу обѣдать у Тучиновыхъ..... Потому-что, потому-что..... не могу! Впрочемъ такъ какъ мнѣ нужно видѣть Николая Александровича, то я извинюсь.....

— Онъ не отпуститъ тебя.

*

— Ну-съ?

— Знакомый вамъ человѣкъ.....

— Мнѣ?

— Да-съ. Борисъ..... Борисъ..... Не помню какъ по батюшкѣ..... Лихаревъ.

— Лихаревъ? Повторилъ Николай съ легкимъ выраженіемъ неудовольствія. Да, я встрѣчалъ этого человѣка.....

— Онъ знаетъ васъ очень хорошо.....

— Развѣ онъ говорилъ вамъ....? съ безпокойствомъ спросилъ Николай.

— Онъ сказалъ мнѣ, что..... что.....

Молодой человѣкъ покраснѣлъ.

— Э, Боже мой! вскричалъ онъ съ неудовольствіемъ: какое мнѣ дѣло до этого Лихарева! Оставимте это, Ѳедоръ Ивановичъ, не напоминайте мнѣ о шалостяхъ, въ которыхъ я даже не раскаяваюсь, потому-что время и лучшія намѣренія изгладили даже слѣды ихъ.

Бѣдный докторъ, примѣняя слова Николая къ своимъ мыслямъ, былъ пораженъ безпечностью, небрежностью этого отвѣта. Отеческое чувство и гордость его возмутились.

— Послѣ этого, сказалъ онъ, скоро вставъ и дрожащею рукою схвативъ шляпу, послѣ этого мнѣ остается только пожелать вамъ счастія и хорошаго апетита. Счастливо оставаться.

— Что̀ съ вами? вскричалъ Николай, остановивъ доктора за руку. Я васъ не понимаю....

—А! время изгладило слѣды вашей *шалости*! вскричалъ Ѳедоръ Ивановичъ, разгорячаясь. Гдѣ оно изгладило ихъ? Въ *вашемъ* сердцѣ? Спрашивается еще: есть ли у васъ сердце!.... Сомнѣваюсь, если вы можете называть *шалостью* поведеніе неблагородное, безчестное.....

—Ѳедоръ Ивановичъ, возразилъ молодой человѣкъ серьозно: я люблю и уважаю васъ, однакожъ ни въ какомъ случаѣ не признаю за вами права судить мое поведеніе.

— Какое мнѣ дѣло до того, что вы признаете или нѣтъ! кричалъ докторъ, выведенный изъ себя спокойствіемъ Ни-

колая. Никто не отниметъ у меня права сказать вамъ въ глаза, что.....

— Ради Бога, не кричите! сказалъ Николай, съ сердцемъ захлопнувъ окно.

— Извольте, извольте, я не буду кричать, продолжалъ докторъ шипучимъ голосомъ: но какъ отецъ, глубоко огорченный вами, я имѣю право сказать вамъ, что ваши любовныя письма.....

— Какія любовныя письма? вскричалъ Николай, остолбенѣвъ.

— Письма, которыя вы писали моей дочери!

— Неправда! Это ложь!.....

Восклицаніе Николая было подобно крику преступника, пойманнаго на дѣлѣ.

Но устрашительно было дѣйствіе этихъ словъ на доктора. Онъ остановился, какъ окаменѣлый. Отрицаніе молодаго человѣка внезапно разсѣяло гнѣвъ его; онъ опомнился, и въ одно мгновеніе ему представилось все неприличіе его выходки, основанной на словахъ человѣка, вовсе ему незнакомаго и который самъ могъ ошибиться.

Только теперь Ѳедоръ Ивановичъ подумалъ о томъ, что у него не было никакихъ доказательствъ; только теперь понялъ онъ, что слѣдовало поступить вовсе иначе и не увлекаться слѣпымъ гнѣвомъ..... И ему стало невыразимо стыдно.

Нѣсколько секундъ длилось молчаніе.

Отрицаніе Николая было вспышкой дурнаго, необдуманнаго чувства; но тотчасъ же добро взяло верхъ надъ зломъ.

— Садитесь, Ѳедоръ Ивановичъ, сказалъ онъ ласково: мы не понимали другъ-друга.....

— Да, да, непріятное недоразумѣніе, возразилъ докторъ, не поднимая глазъ. — Простите мнѣ.....

— Не извиняйтесь. Я виноватъ передъ вами. Лихаревъ сказалъ вамъ правду.

— Правду! повторилъ Ѳедоръ Ивановичъ, выпрямившись и скоро поднявъ голову. Стало-быть.....

— Ну-съ?

— Знакомый вамъ человѣкъ.....

— Мнѣ?

— Да-съ. Борисъ..... Борисъ..... Не помню какъ по батюшкѣ..... Лихаревъ.

— Лихаревъ? Повторилъ Николай съ легкимъ выраженіемъ неудовольствія. Да, я встрѣчалъ этого человѣка.....

— Онъ знаетъ васъ очень хорошо.....

— Развѣ онъ говорилъ вамъ....? съ безпокойствомъ спросилъ Николай.

— Онъ сказалъ мнѣ, что..... что.....

Молодой человѣкъ покраснѣлъ.

— Э, Боже мой! вскричалъ онъ съ неудовольствіемъ: какое мнѣ дѣло до этого Лихарева! Оставимте это, Ѳедоръ Ивановичъ, не напоминайте мнѣ о шалостяхъ, въ которыхъ я даже не раскаяваюсь, потому-что время и лучшія намѣренія изгладили даже слѣды ихъ.

Бѣдный докторъ, примѣняя слова Николая къ своимъ мыслямъ, былъ пораженъ безпечностью, небрежностью этого отвѣта. Отеческое чувство и гордость его возмутились.

— Послѣ этого, сказалъ онъ, скоро вставъ и дрожащею рукою схвативъ шляпу, послѣ этого мнѣ остается только пожелать вамъ счастія и хорошаго апетита. Счастливо оставаться.

— Что̀ съ вами? вскричалъ Николай, остановивъ доктора за руку. Я васъ не понимаю....

—А! время изгладило слѣды вашей *шалости*! вскричалъ Ѳедоръ Ивановичъ, разгорячаясь. Гдѣ оно изгладило ихъ? Въ *вашемъ* сердцѣ? Спрашивается еще: есть ли у васъ сердце!.... Сомнѣваюсь, если вы можете называть *шалостью* поведеніе неблагородное, безчестное.....

—Ѳедоръ Ивановичъ, возразилъ молодой человѣкъ серьозно: я люблю и уважаю васъ, однакожъ ни въ какомъ случаѣ не признаю за вами права судить мое поведеніе.

— Какое мнѣ дѣло до того, что вы признаете или нѣтъ! кричалъ докторъ, выведенный изъ себя спокойствіемъ Ни-

колая. Никто не отниметъ у меня права сказать вамъ въ глаза, что.....

— Ради Бога, не кричите! сказалъ Николай, съ сердцемъ захлопнувъ окно.

— Извольте, извольте, я не буду кричать, продолжалъ докторъ шипучимъ голосомъ: но какъ отецъ, глубоко огорченный вами, я имѣю право сказать вамъ, что ваши любовныя письма.....

— Какія любовныя письма? вскричалъ Николай, остолбенѣвъ.

— Письма, которыя вы писали моей дочери!

— Неправда! Это ложь!.....

Восклицаніе Николая было подобно крику преступника, пойманнаго на дѣлѣ.

Но устрашительно было дѣйствіе этихъ словъ на доктора. Онъ остановился, какъ окаменѣлый. Отрицаніе молодаго человѣка внезапно разсѣяло гнѣвъ его; онъ опомнился, и въ одно мгновеніе ему представилось все неприличіе его выходки, основанной на словахъ человѣка, вовсе ему незнакомаго и который самъ могъ ошибиться.

Только теперь Ѳедоръ Ивановичъ подумалъ о томъ, что у него не было никакихъ доказательствъ; только теперь понялъ онъ, что слѣдовало поступить вовсе иначе и не увлекаться слѣпымъ гнѣвомъ..... И ему стало невыразимо стыдно.

Нѣсколько секундъ длилось молчаніе.

Отрицаніе Николая было вспышкой дурнаго, необдуманнаго чувства; но тотчасъ же добро взяло верхъ надъ зломъ.

— Садитесь, Ѳедоръ Ивановичъ, сказалъ онъ ласково: мы не понимали другъ-друга.....

— Да, да, непріятное недоразумѣніе, возразилъ докторъ, не поднимая глазъ. — Простите мнѣ.....

— Не извиняйтесь. Я виноватъ передъ вами. Лихаревъ сказалъ вамъ правду.

— Правду! повторилъ Ѳедоръ Ивановичъ, выпрямившись и скоро поднявъ голову. Стало-быть.....

— Я писалъ вашей дочери.

Докторъ вздохнувъ свободнѣе.

— А!... Это другое дѣло, сказалъ онъ, скрестивъ руки на груди. Вы признаетесь, слѣдовательно, я могу говорить прямо. Выслушайте меня, Николай Александровичъ. Вы, свѣтскій и богатый молодой человѣкъ, встрѣтили однажды на пути вашемъ молодую дѣвушку, чистую и невинную, дочь честныхъ родителей. Пріятная наружность ея понравилась вамъ..... такъ какъ прохожему нравится иногда товаръ, выставленный на окнѣ магазина.....

— Ѳедоръ Ивановичъ, произнесъ Николай умоляющимъ голосомъ.

— Не перебивайте меня, дайте мнѣ высказать, что̀ у меня на-сердцѣ, а потомъ я терпѣливо выслушаю вашъ отвѣтъ.... Такъ точно какъ этотъ прохожій заходитъ въ магазинъ и справляется о цѣнѣ, такъ и вы попытались узнать, есть ли возможность завести интригу съ дочерью вашего доктора..... Э! Боже мой! Что̀ за важность приволокнуться за молодою дѣвушкою? Удастся — хорошо; не удастся — что̀ за бѣда!.... Лучшее средство въ этомъ случаѣ безъимянное письмо. О, Николай Александровичъ, вы еще молоды, вы еще не взвѣсили на вѣсахъ опытности добра и зла, вы не знаете, что отсутствіе подписи замѣняетъ безчестіе!... Да, да, безчестіе! Всякій человѣкъ долженъ гордиться своимъ именемъ, долженъ беречь его, какъ святыню; слово написанное такъ же свято, какъ слово сказанное; не подписать имени подъ написаннымъ словомъ хуже тысячу разъ, нежели отрекаться отъ даннаго слова. Обстоятельства могутъ воспрепятствовать человѣку не исполнить даннаго слова; въ безъименномъ же письмѣ заключается умышленный обманъ.... Въ немъ заключается малодушіе.....

Николай не возражалъ; онъ сидѣлъ неподвижно, опустивъ голову на грудь. Искренняя печаль, выражавшаяся на лицѣ его, тронула доктора.

— Слова мои жестоки, продолжалъ онъ смягчивъ голосъ:

но въ нихъ заключается глубокая истина, и — кто знаетъ? — быть-можетъ, она послужитъ вамъ когда-нибудь въ пользу. Я увѣренъ, Николай Александровичъ, что вы поступили не со злымъ намѣреніемъ, а по легкомыслію, свойственному вашимъ лѣтамъ..... Но какъ бы то ни было, вы разстроили счастіе не только молодой дѣвицы, но цѣлаго семейства.... Чѣмъ невиннѣе дитя, тѣмъ оно довѣрчивѣе..... Молодая дѣвица повѣрила словамъ, заключавшимся въ вашемъ письмѣ, и сердце ея затвердило обманчивыя увѣренія.....

— Клянусь вамъ, Ѳедоръ Ивановичъ.....

— Не прерывайте меня; я еще не кончилъ. Время и благоразумныя совѣты родителей изгладили-бы, вѣроятно, несчастное впечатлѣніе, произведенное вашимъ письмомъ..... Солнце проглянуло бы изъ-за тучъ, на мгновеніе набѣжавшихъ на него..... еслибы..... еслибы злоба и ненависть не воспользовались этимъ обстоятельствомъ. Клевета подхватила прихоть, шалость, брошенную вами на-вѣтеръ, и основала на ней оскорбительное, ядовитое обвиненіе.

— Что̀ вы говорите!.....

— Я говорю, что дочь моя, бѣдное дитя, невинное передъ Богомъ, обезчещена передъ людьми! Ее обвиняютъ въ связи съ вами!....

Ѳедоръ Ивановичъ прижалъ руку ко лбу.

— Клянусь вамъ, произнесъ Николай торжественно: клянусь загладить мой проступокъ. Я женюсь на вашей дочери.

Докторъ пристально смотрѣлъ въ глаза молодому человѣку, какъ бы желая проникнуть до глубины души его.

— Намѣреніе ваше благородно, произнесъ онъ съ разстановкой: но..... согласится ли Анета выдти за васъ?

Николай вздрогнулъ.

— Не стращайте меня, Ѳедоръ Ивановичъ! Вы не знаете, какъ искренно, какъ пламенно я люблю вашу дочь!

— Вы!....

Улыбка невыразимаго блаженства выступила на лицѣ добраго отца; онъ невольно протянулъ впередъ руку.

— Вы хотѣли выслушать меня, Ѳедоръ Ивановичъ; позвольте же мнѣ объясниться. Клянусь вамъ именемъ моей покойной матери, именемъ вашей дочери, что въ поступкѣ моемъ не было ни дурнаго умысла, ни легкомыслія..... Пылкость любви увлекла меня; до болѣзни моей, которою заключится періодъ безразсудной, безпорядочной жизни моей, я не имѣлъ ни одной ясной, положительной идеи на счетъ моей будущности, моихъ дѣйствій..... Я всегда слѣдовалъ первому впечатлѣнію, не справляясь ни съ разсудкомъ, ни съ условіями свѣта. Теперь я переродился..... Съ новыми, облагороженными намѣреніями вступаю я въ жизнь..... Теперь я иду твердыми шагами къ цѣли, около которой кружился прежде безсознательно. Я люблю вашу дочь.....

— Правда ли? спросилъ докторъ, стараясь удержать свою радость.

— Ѳедоръ Ивановичъ, еслибы вы отправились, по моему приглашенію, къ Катеринѣ Васильевнѣ, то она, вѣроятно, повѣрила бы вамъ мою тайну.

— Какъ! Вы открылись Катеринѣ Васильевнѣ? Стало-быть это не вспышка, не минутное увлеченіе?....

— Боже мой! Еслибы вы знали!.... возразилъ Николай, пожавъ плечами и поднявъ глаза къ небу. Скажите мнѣ, милый, добрый Ѳедоръ Ивановичъ, могу ли я надѣяться?....

Лицо доктора прояснилось; онъ хотѣлъ отвѣчать утвердительно, но удержался.

— Не знаю, сказалъ онъ, пожавъ плечами.

— Но вы! Согласитесь ли вы?

Печальная мысль блеснула въ умѣ доктора.

— Согласится ли вашъ батюшка? спросилъ онъ серьозно.

— Катерина Васильевна обѣщалась все устроить, отвѣчалъ Николай, опустивъ глаза.

—Такъ предоставьте же ей узнать и о согласіи Анниньки.

— Но вы, вы?

— Что́ я! Возразилъ Ѳедоръ Ивановичъ добродушно и пожавъ плечами. Мое дѣло благословить.....

. . . . . .

Ѳедоръ Ивановичъ остался обѣдать у Тучиновыхъ.

Онъ долго бесѣдовалъ съ хозяйкою дома.

Вечеромъ Николай Александровичъ проводилъ его до дому.

— Знаете ли, что я играю странную роль, сказалъ Ѳедоръ Ивановичъ дорогой. Вы поручили мнѣ, отцу, передать письмо моей дочери.....

— Не я; Катерина Васильевна говоритъ, что это необходимо.

— Правда, правда.

— Она желаетъ узнать, какое впечатлѣніе произведетъ это письмо на молодую дѣвушку.....

— И я же, отецъ, долженъ увѣдомить васъ о томъ.....

— Не меня, Катерину Васильевну.

— Я же, отецъ, долженъ отдавать вамъ отчетъ.....

— Не мнѣ, Катеринѣ Васильевнѣ.

— И узнать, любитъ ли она васъ!

Николай промолчалъ, и крѣпко пожалъ руку доброму доктору.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

W147

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

THE LIBRARY OF CONGRESS

WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa.
Sept.—Oct. 1987
We're Quality Bound

LIBRARY OF CONGRESS
00025315686